

М. ЩЕРБАТОВ · А. РАДИЩЕВ

О ПОВРЕЖДЕНИИ
НРАВОВ
В РОССИИ
КНЯЗЯ
М. ЩЕРБАТОВА
И
ПУТЕШЕСТВИЕ
А. РАДИЩЕВА

ФАКСИМИЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

**О ПОВРЕЖДЕНИИ
НРАВОВ
В РОССИИ
КНЯЗЯ
М. ЩЕРБАТОВА
И
ПУТЕШЕСТВИЕ
А. РАДИЩЕВА**

ФАКСИМИЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1983

В данном издании факсимильно воспроизводится книга, выпущенная в 1858 г. Вольной русской типографией А.И. Герцена и Н.П. Огарева, содержащая в себе сочинения М.М. Щербатова "О повреждении нравов в России" и А.Н. Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву".

Во вступительной статье и комментариях рассматривается значение этой книги как памятника эпохи первой революционной ситуации в России. Выдвинуты предположения о корреспондентах, сообщивших в Лондон запретные тексты XVIII в. Привлеченный в комментариях материал содержит сведения о знакомстве декабристов, Пушкина и русских революционеров-демократов с идеями Радищева. Научная значимость издания усиливается тем, что в справочной части впервые воспроизводится автограф сочинения Щербатова; это дает возможность сопоставления с герценовской публикацией, которая в ряде мест отличается от подлинника.

Издание подготовлено Группой
по изучению революционной ситуации в России
в середине XIX в.

Под редакцией
академика М.В. НЕЧКИНОЙ,
доктора исторических наук Е.Л. РУДНИЦКОЙ

Вступительная статья и комментарии
Н.Я. ЭЙДЕЛЬМАНА

0505010000-215
О—042(02)-83 37-83-III

© Издательство "Наука",
1983 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга "О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева" продолжает факсимильную публикацию изданий Вольной русской типографии, выпущенных А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в 1850–1860-х годах.

За последние 20 лет советский читатель получил факсимильные воспроизведения (вместе с комментарием и указателем) газеты "Колокол", а также ее продолжения на французском языке и приложений к "Колоколу" (1857–1869), журнал "Полярная звезда" (1855–1869), "Исторические сборники Вольной русской типографии" (1859–1861), сборники "Голоса из России" (1856–1860). Тем самым была завершена факсимильная серия периодических изданий Вольной русской типографии, но далеко не исчерпано все замечательное разнообразие ее "продукции".

Первоочередным объектом для последующих факсимильных публикаций научная группа, занимающаяся проблемами первой революционной ситуации в России, считает несколько отдельных книг, изданных Вольной русской типографией, — формально не объединенных в ту или иную серию, но составляющих несомненное идейно-тематическое единство. Речь идет об издании важных историко-политических документов и воспоминаний XVIII в., которые до середины XIX столетия были недоступны или мало доступны широкому российскому читателю.

Среди авторов этих материалов парадоксально соседствуют люди довольно различных, порой противоположных политических убеждений: революционер Радищев и его враг царица Екатерина II; просветители Е.Р. Дашкова, И.В. Лопухин и консерватор М.М. Щербатов. Каждое из этих изданий, однако, является памятником революционной общественной мысли XIX столетия, одним из средств,

которым революционные демократы Герцен и Огарев преодолевали "заговор молчания" по поводу важных страниц российского прошлого, и тем самым нравственно, исторически, теоретически обогащали освободительную мысль своего и последующего времени.

Факсимильное воспроизведение исторических изданий Вольной русской типографии, посвященных России XVIII в., открывается книгой первого русского революционера А.Н. Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву", вышедшей в 1858 г. вместе с памфлетом М.М. Щербатова "О повреждении нравов в России".

Историческая проблематика занимала ведущее место уже в "Полярной звезде", где впервые были обнародованы материалы о первых русских революционерах, о выдающихся общественных деятелях и мыслителях второй трети XIX в. Герценовское издание "О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева" как бы намечало два основных направления дальнейших исторических публикаций Вольной русской типографии: истоки общественно-исторических традиций, существенных для декабризма и последующих этапов освободительного движения, и рассекречивание документов и материалов русской истории XVIII в.

Авторская рукопись "О повреждении нравов в России" подготовлена к публикации Л.С. Новоселовой-Чурсиной; она же составила именной указатель и приняла участие в комментировании настоящего издания.

ОБ ИЗДАНИИ
ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ
"О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ
КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА
И ПУТЕШЕСТВИЕ А. РАДИЩЕВА
С ПРЕДИСЛОВИЕМ ИСКАНДЕРА"

15 апреля 1858 г. герценовский "Колокол" извещал: "...Печатается: Князь М. Щербатов и А. Радищев (из Екатерининского века). Издание Трюбнера с предисловием Искандера"¹. Через две недели объявление было повторено². Предисловие Герцена сопровождается датой 25 мая 1858 г.³ 15 июля того же года сообщалось о поступлении книги в продажу⁴; в эти же дни о выходе "Щербатова и Радищева" Герцен информирует близких людей⁵, Марию Каспаровну Рейхель он спрашивает 30 июля 1858 г.: «...получили ли вы экземпляр?» "Кн<язь> Щербатов и Радищев"? Если нет, справьтесь у Авенариуса, Трюб<нер> ему писал...» (Герцен, XXVI, 194): через лейпцигского издателя и дрезденского соратника Герцен, очевидно, надеялся передать экземпляры определенному кругу русских читателей.

Таким образом, летом 1858 г. продукция Вольной русской типографии обогатилась новой книгой, изданной, как большинство герценовских изданий, фирмой Трюбнера и оживившей забытые, запретные страницы прошлого. Печаталась же книга — как это обозначено на последней странице — в типографии Зено-Свентославского: этот участник польского национально-освободительного движения основал типографию в Англии, где с начала 1858 г. печатались те издания Трюбнера, права на которые он приобрел у

¹ Колокол, 1858; 15 апреля, л. 13, с. 108.

² Колокол, 1858; 1 мая, л. 14, с. 116.

³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1958, т. 13, с. 277; в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием автора, тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

⁴ Колокол, 1858, 15 июля, л. 19, с. 160.

⁵ Марию Федоровну Корш и Елену Константиновну Станкевич — 22 июля 1858 г. (Герцен, XXVI, 193).

Герцена. Этим объясняется и реклама разных трюбнеровских изданий в конце книги "Щербатов — Радищев" (с. 335—340).

Структура конволюта, объединившего два сочинения, такова: сначала (с. I—XIV) идет "Введение Искандера"; затем — на двух страницах — текст (согласно редакционному примечанию) "Из письма, при котором мы получили рукопись М.М. Щербатова"; с. 1—96 книги заняла работа историка и публициста М.М. Щербатова (1733—1790 гг.) "О повреждении нравов в России". Потом — "Введение Искандера" специально к "Путешествию из Петербурга в Москву" (с. 103—106), текст Радищева (с. 107—331), оглавление и реклама трюбнеровских изданий (с. 333—340).

Судя по тому, что каждая из работ, составлявших конволют, имела отдельный титул, выходные данные, предисловие, вероятно, они распространялись не только вместе, но и отдельными оттисками (как это постоянно делалось со статьями и публикациями "Полярной звезды")⁶; однако подобные оттиски пока не обнаружены.

В.А. Черных, выявивший данные о 690 не проданных к осени 1863 г. экземплярах "Щербатова — Радищева", предложил гипотезу о соотношении между первоначальными тиражами вольных изданий и остатком их на складе Трюбнера. Согласно этим расчетам, наиболее вероятный исходный тираж настоящего издания составлял 1500 экземпляров. Таково же было количество книжек "Полярной звезды" и ряда других вольных публикаций⁷.

Потаенные и запрещенные страницы "Щербатова — Радищева" появились в Вольной русской печати в период нарастания первой революционной ситуации в России, на шестом году существования Вольной русской типографии. Публикации "Щербатова — Радищева" предшествовал ряд других бесцензурных изданий: после нескольких отдельных брошюр и прокламаций 1853—1855 гг. Герцен (с 1856 г. вместе с Огаревым) выпускает "Полярную звезду" (в начале 1858 г. вышла кн. IV); "Колокол", основанный 1 июля 1857 г., выходит сначала раз в месяц, а с февраля 1858 г. — каждые две недели; вышли четыре первые книжки "Голосов из России". Уделяя все больше внимания острейшим вопросам современности — прежде всего освобождению крестьян, Герцен и Огарев в то же время

⁶ Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М., 1966, с. 75—76.

⁷ Черных В.А. К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцена и Огарева. — Археологический ежегодник за 1969 год. М., 1971, с. 123—131.

стремятся и к "раскрепощению прошлого", обогащению мыслящего русского читателя важными историко-литературными материалами XVIII — первой половины XIX в. Анализ публикаций Вольной типографии показывает, что с обострением социально-политической борьбы в конце 1850-х — начале 1860-х годов число документов, посвященных "секретной" истории и литературе XVIII—XIX вв., не только не сокращается, но даже увеличивается⁸.

Постепенно складывалось известное "разделение труда". Если "Колокол", а также "Голоса из России" обращены преимущественно к проблемам современности (хотя и там в 1857—1858 гг. публикуются исторические материалы о декабристах и восстании военных поселян в 1831 г.), то основная тема "Полярной звезды" была как бы задана названием герценовских воспоминаний "Былое и думы": главы этой книги, регулярно печатавшиеся в альманахе, представляли историю, общественную мысль 1820—1850-х годов. Картина, раскрытая Герценом, дополнялась в "Полярной звезде" бесцензурными стихотворениями Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Рыльева и других поэтов, первыми публикациями о движении декабристов, об освободительной борьбе 1830—1840-х годов.

Однако наряду с периодическими изданиями рассекречиванию прошлого посвящались и отдельные сборники, книги: таков был составленный Герценом и Огаревым сборник "14 декабря 1825 и император Николай" (1858 г.); такова была книга "Щербатов и Радищев", вслед за которой Вольная типография опубликовала записки Е.Р. Дашковой, Екатерины II (1859 г.), И.В. Лопухина (1860 г.); в 1859 и 1861 гг. вышли также "Исторические сборники Вольной русской типографии", вобравшие разнообразные документы общественно-политической жизни России XVIII — начала XIX в.

Таким образом, вслед за недавним прошлым — временем декабристов, 1830—1840-ми годами — Вольная печать начинает осваивать более глубокие исторические пласты, документы и материалы XVIII столетия. Если иметь в виду документ (в кн. IV "Полярной звезды"), посвященный смерти царевича Алексея (1718 г.), статью Герцена "Княгиня Екатерина Романовна Дашкова" (из кн. III), а также важные историко-мемуарные свидетельства М.М. Щербатова, то можно говорить, что в вольных изданиях подлежали обнаружению

⁸ Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды", с. 129—131.

материалы, относящиеся ко всему XVIII столетию, от времени Петра I до гибели Павла I.

XVIII век (до 1801 г. включительно) представлен в Вольной русской печати приблизительно 30 материалами, причем о времени Петра I и следующих десятилетиях (до воцарения Екатерины II) их сравнительно немного. Эти самые далекие годы "петербургского периода" еще более или менее возможно было исследовать в России. Главные герценовские публикации о той эпохе неизбежно были так или иначе связаны с тайной историей двора. В этих исторических документах присутствовала отмеченная Герценом особенность: "... постоянно забывалось одно — *Россия и народ*, — о них даже не упоминали. Вот черта, характерная для эпохи" (Герцен, XIII, 386). Наиболее значительными публикациями Герцена и Огарева о периоде до 1762 г. явились записки Екатерины II и Е.Р. Дашковой, а также материалы из архива А.И. Михайловского-Данилевского.

Публикациями сочинений Радищева, Фонвизина, Щербатова вольные издания представляли читателям и первые образцы русской революционной и оппозиционной литературы.

Для конца XVIII в. вольные издания уже затрагивали столь же существенную, сколь и труднодоступную тему народной жизни и борьбы: "Серьезное слово о русском народе, — писал Герцен, — Екатерина услышала [...], когда казак Пугачев во главе армии восставших крестьян стал угрожать Москве" (Герцен, XIII, 386).

Первую половину XIX в., т.е. для Вольной печати недавнее прошлое, представляют более 100 материалов (считая отдельно каждый исторический документ). Народ — "спящее озеро, подснежных течений которого никто не знал", от которого "страшно далеки" даже лучшие люди из дворян, — народ все же появляется не раз в воспоминаниях декабристов, Герцена.

Придворные тайны, эпизоды из истории "верхов" в этот период почти слиты с фактами общественной борьбы. Даже описания важных политических событий, вышедшие из правительственного лагеря, являются в Вольной печати дополнением к документам и воспоминаниям противоположной стороны.

В изданиях Герцена и Огарева напечатано более 50 материалов самих декабристов или им посвященных, а также более 300 вольных стихотворений 1820—1860-х годов.

"Открытие" XVIII и первой половины XIX в. было как бы завещано Герцену и Огареву их предшественниками, боровшимися

в иные времена, в иных условиях против "рабьего молчания"⁹. Вольная печать 1850—1860-х годов была в этом, как и в ряде других отношений, прямой наследницей Радищева, Фонвизина, декабристов, Пушкина.

* * *

Книга А.Н. Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" публиковалась Герценом и Огаревым через 68 лет после выхода и запрета в 1790 г. первого, авторского издания; сочинение М.М. Щербатова "О повреждении нравов в России", написанное в 1786—1787 гг., печаталось впервые 70 с лишним лет спустя.

Книга Радищева и рукописный текст Щербатова, вероятно, пришли в Вольную типографию одновременно. Публикация "Путешествия из Петербурга в Москву", возможно, была как-то связана с П.В. Анненковым. В седьмом дополнительном томе издаваемых им пушкинских сочинений Анненков впервые опубликовал статью "Александр Радищев" (с пушкинскими прибавлениями, относящимися к истории и тексту "Путешествия из Петербурга в Москву"¹⁰). Ознакомившись с этим томом, несомненно попавшим в Лондон вскоре после выхода (цензурное разрешение — 5 июля 1857 г.), Герцен заинтересовался и Радищевым, и пушкинской трактовкой, что отразилось в его вступительной статье к радищевскому "Путешествию".

Герцена и Огарева связывала с Анненковым тесная дружба. В 1857—1858 гг. Анненков регулярно снабжал Вольную печать ценной информацией: выехав в феврале 1858 г. на долгое время за границу¹¹, он затем участвовал в передаче Герцену "страшно интересных" материалов о так называемой "кавелинской истории" и ряда других корреспонденций. С именем Анненкова¹² определенным образом связано и появление в герценовских изданиях прежде не печатав-

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

¹⁰ Сочинения Пушкина/Изд. П.В. Анненкова. СПб., 1857, т. 7, доп., ч. II, с. 50—64.

¹¹ Последнее, третье извещение об отъезде Анненкова см. в "Санкт-Петербургских ведомостях" от 9 февраля 1858 г. (№ 31) (Емельянов Ю.Н. Список лиц, выезжавших за границу в 1857—1861 гг. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970, с. 360).

¹² Об Анненкове и Вольной печати см.: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды", указатель; Он же. "Колокол" и его корреспонденты (июль—октябрь 1858 г.). — В кн.: Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978, с. 41—42.

шихся вольных стихов и пушкинских текстов. Максимальная активность Анненкова — корреспондента Вольной печати относится к весне и лету 1858 г., т.е. как раз ко времени формирования и публикации книги "Щербатов — Радищев".

Важнейшим тайным корреспондентом Герцена выступал не столько сам "первый пушкинист", сколько сын декабриста Евгений Иванович Якушкин и связанный с ним круг издателей и сотрудников журнала "Библиографические записки" (А.Н. Афанасьев, В.И. Касаткин и др.)¹³. Интерес этих литераторов к наследию Пушкина, Радищева, Щербатова имел результатом ряд важных публикаций на страницах "Библиографических записок" и других изданий.

То, что не могли напечатать, посылали в Лондон.

Одним из признаков участия именно этого круга в подготовке конволюта "Щербатов — Радищев" (участия, не противоречащего косвенной роли Анненкова) является любопытнейшее примечание к тексту "О повреждении нравов...". М.М. Щербатов вспоминал о на шумевшем эпизоде, когда А. Шванвич ранил "изменническим образом" Алексея Орлова, но брат пострадавшего Григорий Орлов, сделавшись фаворитом Екатерины II, "не только простил, но и милости сделал". Корреспондент Герцена (или его "информатор") поместил к этому месту сноску, дополняя сообщение Щербатова¹⁴. Ее текст временами буквально совпадает с текстом одного из пушкинских черновиков — подготовленного, но затем изъятого фрагмента секретных "Замечаний о бунте", которые поэт поднес Николаю I в 1835 г.¹⁵ В русской легальной печати впервые этот текст в публикации Е.И. Якушкина появился через год после герценовского издания¹⁶.

Возможное участие прогрессивных публицистов, историков, пушкинистов в создании книги "Щербатов — Радищев" ярко выявляет заинтересованность русской освободительной мысли в подобных изданиях, отражает "связь времен", хорошо понимаемую

¹³ См. подробнее в кн.: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды", гл. 8 и 9.

¹⁴ "О повреждении нравов в России" кн. М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева с предисловием Искандера. Лондон, 1858, с. 80—81.

¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. т. 9, М.; Л., 1940, с. 479—480; аналогично последним строкам (о кронштадтском коменданте и проч.) см. там же, с. 374, 498.

¹⁶ Библиографические записки, 1859, № 6, стб. 181.

Герценом и его корреспондентами (публикация в одном томе трудов Радищева, Щербатова, Пушкина, а также материалов Герцена и его русских корреспондентов).

* * *

Текстологический анализ радищевского "Путешествия" в издании 1858 г. в свое время был проведен Я.Л. Барсковым, сравнившим некоторые места печатного текста 1790 г. с книгой, обнаруженной Вольной русской типографией в 1858 г.¹⁷

Сложнее обстоит дело с книгой Щербатова. Текст, опубликованный в 1858 г., содержит десятки отличий от текста, изданного в 1898 г. и близкого к щербатовскому автографу. Большая часть этих отличий — мелкие разночтения, однако в ряде случаев серьезно затронут смысл повествования. Наряду с неточностями публикация содержит также дополнения и уточнения, вероятно внесенные в текст теми же корреспондентами (Е.И. Якушкин и др.), которые дополнили эпизод с Орловым и Шванвичем.

Подобное количество разночтений говорит, скорее всего, о том, что потребовалось несколько этапов копирования, прежде чем текст попал в Вольную русскую типографию. Поэтому в приложении к настоящему изданию впервые публикуется полный текст "О повреждении нравов в России" М.М. Щербатова по автографу, находящемуся в ЦГАДА.

Идея объединить Щербатова и Радищева в одной книге принадлежит, по всей видимости, самому Герцену, "курировавшему" практически все исторические издания Вольной типографии. Это объединение вполне соответствует мыслям, высказанным Искандером на страницах своих изданий.

Уже в кн. I "Полярной звезды" (в главе "Былого и дум" "Еще раз юная Москва") отмечалось: "Рядом с нашим кругом были наши противники — *nos amis les ennemis*, как говорит Беранже, или лучше *nos ennemis les amis*¹⁸, московские панслависты. То, что у них было истинного, мы не ценили. Это естественно всякой полемике, борьба должна быть односторонна и несправедлива, на взаимных уступках сейчас можно помириться. Для их развития и для

¹⁷ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.; Л., 1935, т. 2. Материалы к изучению, с. 324–325 (далее — "Материалы").

¹⁸ Наши друзья — враги или наши враги — друзья (фр.).

нашего спор был полезен [...] Тем больше имею я право на их мир, что судьба мне предоставила защиту их идеи между басурманами и кажется я не положил похулу на перо"¹⁹.

Позже не раз отмечалось парадоксальное "единство несогласных", западников и славянофилов, в некоторых общих, главнейших оценках. Незадолго до выхода щербатово-радищевского конволюта Герцен, например, писал о славянофиле П.В. Киреевском: "Самобытно и твердо держался он на своей почве, не накупаясь на споры, но и не минуя их. Бояться ему было нечего, он так безвозвратно отдался своему мнению и так спаялся с ним горестным состраданием к современной Руси, что ему было легко. Соглашаться с ним нельзя было, как и с братом его; но понимать его можно было лучше, как всякую беспощадную крайность. В его взгляде (и это я оценил после) была доля тех горьких, подавляющих истин об общественном состоянии Запада, до которых мы дошли после бурь 1848 г."²⁰.

Итак, сопоставление и парадоксальное соединение двух внешне противоположных течений русской мысли — характерная черта герценовского исторического мышления. Еще не зная о трудах Радищева, Щербатова, Герцен задумывался также о предыстории обоих направлений русской мысли. Все это было, однако, в ту пору слишком плохо известно. В 1855 г. Герцен замечал о "славянской партии" в России, что "противудействие это петербургскому терроризму образования никогда не перемежалось", и видел предысторию "Хомякова и его друзей" в разных явлениях российской жизни XVIII—XIX вв. — от стрельцов до солдат, требовавших "смены Баркляя де Толли за его немецкую фамилию"²¹.

Ознакомление с двумя противоположными по ориентации, но полными негодования книгами XVIII в. стимулировало сравнение Радищева и Щербатова, нарочито похожее на те сопоставления, которые делались для идейной полемики 1840—1850-х годов.

Несколько нарушая рамки историзма, но стремясь приблизить к современности прежние идейные споры, Герцен видит в Радищеве прямого предтечу своего направления, а в Щербатове — "предславянофила".

¹⁹ ПЗ на 1855 г. М., 1966, кн. 1, с. 150.

²⁰ ПЗ на 1858 г. М., 1967, кн. 4, с. 141.

²¹ ПЗ на 1855 г. М., 1967, кн. 1, с. 151.

Однако в известном противоречии с этими характеристиками Герцен позже (1860 г.) иначе определит место щербатовской оппозиции в русской общественной мысли: "Московская Русь, казенная в виде стрельцов, запертая в монастырь с Евдокией, задущенная в виде царевича Алексея, исключилась бесследно, и натянутый, старческий ропот кн. Щербатова (который мы предали гласности) замолк без всякого отъезда" (Герцен, XIV, 52).

Трудно согласиться, что просвещеннейший историк М.М. Щербатов, знавший несколько европейских языков и обладавший одной из крупнейших библиотек, принадлежит к "историческому тупику" прямых противников прогресса. Мы склонны сегодня скорее найти в нем начало нового, консервативного течения общественной мысли, нежели завершение старинной оппозиции; более историчной представляется линия от Щербатова к славянофилам, нежели сопоставление со стрельцами, Евдокией, Алексеем.

Оценка, сделанная в предисловии к изданию 1858 г. ближе к глубокому, историческому пониманию Щербатова: однако и тогда, и позже Герцен, между прочим, игнорировал несомненные олигархически-конституционные помыслы историка, подобные другим проектам XVIII в., что затрагивались в разных вольных изданиях²².

В отмеченных противоречиях герценовской мысли, однако, хорошо ощущается острота, живость того столкновения, взаимопроникновения прошлого и настоящего, которое непрерывно наблюдалось в общественной жизни 1850—1860-х годов.

Книга "Щербатов — Радищев" — яркий факт из истории обретения русской освободительной мыслью важных традиций прошлого; это также примечательный момент в истории Вольной русской печати.

Публикация 1858 г. на много лет опередила соответствующие легальные российские издания. Конвюлот Вольной печати в течение почти 30 лет был основным источником ознакомления русского читателя с важным наследством прошлого.

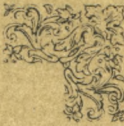

После 1905 г. книга первого русского революционера многократно издавалась, изучалась; она заняла заслуженное место в ряду основных литературно-исторических памятников прошлого.

Значение щербатовского наследства, разумеется, иное; публицистическое сопоставление двух трудов на страницах вольного издания Герцена не означало, конечно, одинаковой или сходной

²² Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, гл. IV и V.

ценности каждой книги для духовного развития русского общества. Однако недооценка, игнорирование разных оттенков идейной борьбы грозили односторонним, искривленным представлением о реальной картине минувшего. История революционной мысли не могла быть осмыслена в должной полноте без изучения либеральной и консервативной традиции. В разное время Герцен и Огарев опубликовали в "Полярной звезде", "Исторических сборниках Вольной русской типографии", "Голосах из России" и других изданиях Вольной печати наряду с памятниками революционной мысли довольно широкий круг материалов, связанных с другими общественно-политическими течениями. Таковы, например, образцы либеральной публицистики (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, Н.А. Мельгунов и др.), широко представленные в первых книжках "Голосов из России"; тогда же впервые были обнародованы разнообразные документы Н.С. Мордвинова, А.П. Ермолова, А.Ф. Войекова, В.Н. Каразина, М.М. Сперанского, И.В. Лопухина, Е.Р. Дашковой, Н.И. Панина, записки Екатерины II. Неоднократно использовались в нужном для издателей Вольной печати смысле и тексты реакционных деятелей, публицистов: таковы отрывки из записки Н.И. Греча, документы Ф.В. Ростопчина, митрополита Филарета и др.

Попадая на страницы Вольных изданий, неревolutionонные материалы приобретали дополнительный смысл, иную социально-политическую окраску от самого факта подобных публикаций; большую роль в этом процессе играл широкий подход Герцена и Огарева к подобным проблемам, определенная группировка "иностраных" материалов, точный редакционно-издательский комментарий, их сопровождающий, наконец, призыв к дальнейшему разностороннему изучению максимально широкого спектра русской общественной мысли. Сам факт существования "конволюта 1858 года" есть своеобразное герценовское завещание насчет необходимости такого изучения.

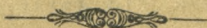
К Н Я З Ъ

М. ЩЕРБАТОВЪ

И

А. РАДИЩЕВЪ

Съ предисловіемъ Искандера.

LONDON,
TRÜBNER & CO., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

АМЕРИКАНСКАЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ АГЕНЦІЯ.

Н. ТРЮБНЕРЪ и **К-нія** извѣщаютъ что особымъ постановленіемъ **Остъ Индской Компаніи**, директоры ея назначили ихъ единственными агентами для продажи всѣхъ ихъ изданій. Съ тѣмъ вмѣстѣ они просятъ обратить вниманіе на каталогъ книгъ изданныхъ по распоряженіямъ Компаніи.

Всякаго рода книги на восточныхъ языкахъ, могутъ быть выписаны черезъ **Г. Трюбнера**.

Сверхъ того Агенція **Трюбнера** и **К-нія** въ постоянномъ сношеніи съ Америкой и предлагаетъ свои услуги для доставки книгъ (старыхъ и новыхъ) журналовъ, картъ, физическихъ снарядовъ. Она равномерно находится въ прямомъ сношеніи съ **Вѣной**, **Берлиномъ**, **Амстердамомъ**, **Лейпцигомъ**, **Копенгагеномъ**, и пр. вслѣдствіе этого она можетъ доставлять книги, карты и пр. въ **Англию**, **Америку** и обратно, по болѣе сходнымъ условіямъ нежели обыкновенно. Заказы могутъ быть дѣлаемы черезъ каждаго книгопродавца въ Соединенныхъ Штатахъ, въ **Англии** и на континентѣ.

Н. ТРЮБНЕРЪ льститъ себя надеждой что онъ уже извѣстенъ русской публикѣ — какъ издатель Сочиненій **ИСКАНДЕРА** и книги “**14 Декабря** и **Императоръ Николай**” онъ доводитъ до ся свѣдѣнія, что онъ готовъ печатать по русски, всякаго рода сочиненія.

Въ Книжной торговлѣ **П. ТРЮБНЕРА**, поступилъ въ продажу, (прилагаемый къ Письмамъ изъ Франціи и Италіи) портретъ

А. ГЕРЦЕНА (Искандера).

Гравированный на стали съ Лондонской фотографіи.

КНЯЗЬ ЩЕРЕБатовъ и А. РАДИЩЕВъ

О ПОВРЕЖДЕНИИ ПРАВОВЪ

ВЪ

РОССІИ

КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА

И

ПУТЕШЕСТВІЕ

А. РАДИЩЕВА

СЪ ПРЕДСЛОВІЕМЪ ИСКАНДЕРА.

LONDON,

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1853.

Послѣ этого спросить меня какъ же управляется эта страна и на чемъ она держится? Управляется она случасмъ и держится на естественномъ равновѣсїи—подобно огромнымъ глыбамъ которыя сплочають собственный вѣсъ.

(Corbeon— французскій посолъ въ своей депешѣ отъ 9 Апрѣля 1778.)

Князь Щербатовъ и А. Радищевъ представляютъ собой два крайнихъ возрѣвїя на Россїю времянъ Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей они какъ Янусъ глядятъ въ противоположныя стороны. Щербатовъ отворачиваясь отъ распутнаго двора сего времени, смотреть въ ту дверь въ которую взошелъ Петръ I и за нею видитъ чинную, чванную Русь московскую,—скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ — кажется недозвольному старику какимъ то утраченнымъ идеаломъ.

А. Радищевъ—смотреть впередъ, на него пахнуло сильнымъ вѣянїемъ послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ

великую весну девяностыхъ годовъ, всё ждали съ бьющимся сердцемъ чего то необычайнаго; святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Еммануиль Кантъ, снявъ шапочку говорилъ удрученный величіемъ событій, при провозглашеніи французской республики: “Нынѣ отпускаеши!...” Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи — слезы, негодование, состраданіе, пронія — родная наша пронія, пронія утѣшительница, мстительница—всё это вылилось въ его превосходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ К. Щербатовъ, разумѣется его идеалы были также высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова—глубоко въ могилѣ; но это наши мечты, мечты Декабристовъ.

Радищевъ не стоитъ Даниломъ въ приѣмной зимняго дворца, онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины—онъ ѣдитъ по большой дорогѣ, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, онъ говоритъ съ ямщиками, дворовыми, съ рекрутами и во всякомъ словѣ его мы находимъ съ ненавистью къ насилью — громкій протестъ противъ крѣпостнаго состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филиантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго

романтизма — устарѣло для насъ. Но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ, и необычайно живъ. И чтобы онъ ни писалъ такъ и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и въ первыхъ стихотворенiяхъ Пушкина и въ Думахъ Рылѣева и въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Что для него были убѣжденiя—это онъ доказалъ возвратясь изъ ссылки. Вызванный самимъ Александромъ I на работу, онъ надѣялся провести нѣсколько своихъ мыслей и пуще всего мысль объ освобожденiи крестьянъ въ законодательство и когда — пятидесятилѣтнiй мечтатель — онъ убѣдился что нечего и думать объ этомъ—тогда онъ принялъ яду и умеръ!

К. Щербатовъ дошелъ до своей славянофильской точки воззрѣнiя, сверхъ частныхъ причинъ, тѣмъ же путемъ которымъ на нашей памяти дошла до нее часть московской молодежи. Раздавленная николаевскимъ гнетомъ, не видя конца ему, не видя выхода — она прокляла петровскiй перiодъ, отрѣклась отъ него, и надѣла, нравственно и въ самомъ дѣлѣ—зипунъ.

Само собою разумѣется что въ этой лести, въ этихъ *gerresailles* есть натяжка. Когда Пуритане съ Щербатовскимъ омерзенiемъ смотрѣли на развратный дворъ Карла II, и качая головой вспоминали времена Протектора,

не надобно забывать что при всей утомительной суровости своей, пуританскіе нравы представляли во всей энергіи многія стороны англо-саксонскаго характера; на эти времена и теперь Англичанинъ обращается съ гордо-стью.

Допетровская русская жизнь не представляет такого прошедшаго, она была похожа на большой сонной прудъ, покрытый тиной; сверху до низу всё дремало въ этомъ затишьи, въ которомъ складывалось, осѣдало государство. Не приходя въ себя, безличныя поколѣнія, смѣнялись какъ листья на деревьѣ, жили тѣсно, связанные тяжелыми, періодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни не завидны. Въ природѣ все неразвитое тихо и покойно. Камень лежитъ себѣ вѣка увальнемъ, вывѣтриваясь по немногу, а птица часу на мѣстѣ не посидить.

А такъ какъ объективной истины, въ этомъ возвращеніи къ жизни, изъ которой мы выросли, нѣтъ и она только взята на зло, чтобъ современники казнились,—то К. Щербатовъ часто впадаетъ въ противурѣчія и просто въ ошибки. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ дѣлать его негодованіе на женщинъ и дѣвицъ, что имъ лучше понравилось выѣзжать и одѣваться, чѣмъ всю жизнь проводить въ тюремномъ заключеніи отцовскаго или мужнива дома.

Тѣмъ больше что К. Щербатовъ, говоря о недостаткахъ и грубости императрицы Анны Иоанновны, прибавляетъ что причиною тому было ея старинное воспитаніе. Мы находимъ далѣе чрезвычайно человѣчественнымъ что невѣстамъ хотѣлось видѣть прежде брака своихъ жениховъ и очень довольны что русской, православный обычай—сватать и соединять пары помимо воли паціентовъ, остался въ употребленіи только на конскихъ заводахъ....

Но чтобъ понять желчевое увлеченіе К. Щербатова, надобно вспомнить что такое были пресловутые екатеринскіе времена въ срединѣ своего разгара. Со всякимъ днемъ пудра и блески, румяна и мишура, Вольтеръ, Наказъ и прочія драпри покрывавшія матушку императрицу — падаютъ больше и больше и сѣдая развратница является въ своемъ дворцѣ “вольнаго обращенія” въ истинномъ видѣ.* Между “фонарикомъ” и эрмитажемъ разыгрывались сцены достойныя Шекспира, Тацита и Баркова. Дворъ—Россія жила тогда дворомъ — былъ постоянно раздѣленъ на партіи, безъ мысли, безъ государственныхъ людей во главѣ, безъ плана. У каждой партіи вмѣсто знамени гвардейской гладіаторъ, котораго сѣдые министры,

* Советуемъ прочесть: *La Cour de la Russie il y a cent ans* — Берлинъ 1857. Книга эта составлена исключительно по письмамъ и депешамъ иностранныхъ пословъ.

сенаторы и полководцы толкают въ опозоренную постель—прикрытую порфирой Мономаха. Потемкинъ, Орловы, Панинъ каждый имѣеть запасъ кандидатовъ, за ними посылаютъ въ случаѣ надобности курьеровъ въ дѣйствующую армію. Особая статсъ-дама испытываетъ ихъ. Удостоеннаго водворяютъ во дворцѣ—(въ комнатахъ предшественника которому даютъ отступной тысячъ пять крестьянъ въ крѣпость)—покрываютъ брилліантами, (пуговицы Ланскаго стоили 80,000 сереб.) звѣздами, лентами—и сама императрица везетъ его показывать въ оперу;—публика, предупрежденная, ломится въ театръ, и три дорого платитъ чтобъ посмотрѣть новаго наложника.

Потемкинъ, этотъ не забавный *blâsé*, избалованный степной баричъ на содержаніи, изъ котораго къ стыду Россіи сдѣлали великаго человѣка—стихами Державина, раболѣпиемъ дворцовой черни и наконецъ семинарской прозой Надеждина—Потемкинъ не любитъ шутить что касается до фаворитовъ, онъ позволяетъ Екатеринѣ брать подставныхъ сколько душѣ угодно, но только изъ его клеветовъ. Старуха въ отчаяніи, не слушается—и Потемкинъ грубитъ съ ней, бранится.

Le balâfré угрюмо живущій въ дальнемъ имѣніи услышалъ это—и снова является передъ женщиной которую посадилъ на престолъ — “Помогите мнѣ — говорить ему

императрица рыдалъ”—Я готовъ, отвѣчаетъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ.—Готовъ, значить на его языкѣ: готовъ задушить Потемкина если в. вел. угодно—такъ какъ задушилъ вашего мужа, такъ какъ сбылъ срукъ княжну Тараканову.—Но первы вѣнчанной куртизаны ослабли, она шепчетъ старому сообщнику:—“Помиритеcь съ нимъ, смягчите его” — Съ сожаленіемъ смотритъ на нее Чесменской, пожимаетъ плечами и идетъ прочь . . . Non, vous n'êtes plus ma Lisette ! . . и оставляетъ уголовный дворецъ, въ которомъ сверхъ плачущей императрицы бродитъ Князь Григорій Орловъ—сошедшій съ ума. Съ воплемъ и дикими рѣчами ходитъ онъ изъ угла въ уголъ по кабинету Екатерины. Она не велитъ его останавливать — она съ оцѣпененіемъ и ужасомъ ходитъ за нимъ, слушаетъ его бредъ, съ ужасомъ видитъ въ его безуміи угрызенія совѣсти, кару за совершенное ими вмѣстѣ преступленіе и задавленная темными мыслями “не можетъ больше записаться дѣлами весь день”—и только успокоивается ночью въ объятіяхъ новаго лейбъ-гвардейскаго глadiatora.

Вотъ міръ, о которомъ наши дѣды и отцы поминали съ умиленіемъ, міръ въ которомъ жилъ Щербатовъ—всякому честному человѣку должна была древняя Русь, показаться чистой и доблестной въ сравненіи съ этимъ безстыднымъ развратомъ, съ этимъ переходомъ Руси допетровской въ

новую Русь — через публичный домъ. Современнику трудно было отдѣлаться отъ всего и широкимъ взглядомъ историка обнять это время; стоять возлѣ вообще мѣшается хорошо видѣть, гармонія цѣлаго пропадаетъ, многое загорожено случайно-близкимъ — мелкое кажется громаднымъ.

Могъ ли думать Князь Щербатовъ когда онъ писалъ свой строгій разборъ дворцоваго разврата что въ одно мгновеніе, все сразу переищится?—Часы пробили двѣнадцать и вмѣсто нелѣпности жирной масляницы — настаетъ противоположная нелѣпность суроваго поста. Дворецъ превращается въ смирительный домъ, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки лѣтять въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учить эспонтономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; народъ по прежнему оттертъ, смятъ, ограбленъ, дикое своеволие наверху, *il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je lui parle*—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и высочайшіе приказы.

И въ тоже время Суворовъ на Альпахъ, подъ Требіей и Нови завязываетъ ту борьбу которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ.

Вотъ это то и отдѣляетъ такъ рѣзко петровскую эпоху

отъ московской что въ ней — какія бы обстоятельства ни были — чувствуется движеніе, чуется возбужденная мощь; можно выбиться изъ силъ, можно погибнуть въ ней, но нѣтъ того удушья, безвѣтнаго, безвыходнаго, утягивающаго безъ вѣсти какими то нѣмыми стихіями: и страданье и счастье и лица и поколѣнья...и всю допетровскую Русь.

Петербургская Россія не имѣетъ той безнадежной осѣдлости; она очевидно не есть достигнутое состояніе, а достиженіе чего то, это рѣпные зубы, которые должны выпасть; она носитъ во всѣхъ начинаніяхъ—характеръ переходнаго, временнаго, имперія строилъ — столько же сколько фасадъ, она не въ самомъ дѣлѣ, не “въ заправду” какъ говорятъ дѣти. Это глиняная форма, которая была можетъ необходима чтобъ остановить, собрать славянскую распущенность—но которая сдѣлала свое дѣло; это хирургическая повязка которую надобно снять какъ только органы будутъ поздоровѣе она уже порвалась въ десяти мѣстахъ и по тѣмъ мышцамъ которые видны, можно судить о томъ на сколько мы выросли и окрѣпли.

Нашему нетерпѣнію мало (и самое это нетерпѣніе свидѣтельствуетъ о томъ же внутреннемъ движеніи,—у насъ самихъ десять разъ опускались руки и мы останавлива-

лись исполненные ужаса и печали передь уродливымъ, капризнымъ сфинксомъ—русскаго развитія.

Всё это понятно, но лишь бы люди не шли вспять—какъ Князь Щербатовъ и не предавались бы полному отчаянію какъ А. Радищевъ.

Медленно идетъ наше развитіе— срывается съ дороги— проводники плохи, давятъ народъ—топчуть нивы—а какъ пріостановишся, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ—а пути то сдѣлано много!

Кто изъ насъ смѣлъ думать— пять лѣтъ тому назадъ, что твердыня крѣпостнаго права поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи—покачнется?

И кто же скажетъ что вслѣдъ за нею не рухнетъ и табель о рангахъ, и потаенный судъ, и произволъ министровъ и управленіе основанное на тѣлесныхъ наказаніяхъ и боящееся гласности?

Что по дорогѣ будутъ не только времена устали, но безумной реакціи — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — для этого достаточно знать главныхъ актеровъ. Да вѣдь исторической путь и не есть прогулка по Невскому!

И—ръ.

Путней.
25 Мая 1858.

О ПОВРЕЖДЕНИИ ПРАВОВЪ

ВЪ РОССІИ.

КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА.

“Нѣтъ кажется надобности доказывать подлинность сочиненія “О поврежденіи правовъ въ Россіи”. Въ немъ заключаются такія подробности придворной жизни, которыя могли быть описаны только современникомъ Екатерины II. Во всемъ разсказѣ виденъ живой человѣкъ, весь проникнутый мыслию, которую онъ старается доказать, человѣкъ, принадлежащій къ XVIII столѣтію, неавидящій Екатерину, перетолковывающій ея поступки, слова и даже мысли, отзывающійся объ ней съ тою раздражительностью, къ которой могъ быть способенъ только современникъ, недовольный императрицею по личнымъ отношеніямъ. Едва ли нужно говорить, что мы нисколько несочувствуемъ направленію Щербатова, признаемъ основную мысль его совершенно ложною и что сочиненіе его имѣетъ въ ла-

шихъ глазахъ одно значеніе—богатаго историческаго матеріала!”

(Изъ письма при которомъ мы получили рукопись М. М. Щербатова. (*))

(*)) Мы держались правописанія намъ присланнаго списка. Точки показываютъ мѣста неразобранныя переписывавшимъ въ оригиналѣ.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, немогу я не удивляться, въ коль краткое время повредились повсюдно нравы въ Россіи. Въ истину могу я сказать, что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего неоставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, — мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполняскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ виѣшностей. Но тогда же съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что Вѣра и Божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впади, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи повсякихъ дѣлахъ нетоль стали стараться, обьясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоим-

ственно продавал правосудіе, получить себѣ прибыль, или, угождая какому вельможѣ стараются проникать, какое есть его хотѣніе ; другіеже незная и не стараясь узнать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія несутъ безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нестъ ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открыто ихъ волѣ противуборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нестъ ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостью отдають воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибиткамъ и многіе училились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Нестъ искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хлодно терпя взаимственныя прелюбодѣнія, или другіе за малое что разрушаютъ, собою церковью заключенный бракъ, и не токмо нестыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нестъ родственническихъ связи, ибо имя родовъ своихъ заничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нестъ дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своея. Нестъ вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточные награжденія. Нестъ любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества ; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать ; но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія

основательныя причины имѣть, которыя въ первыхъ я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ правы часть отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратительности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе правовъ, а однако главнѣе изъ нихъ я почитаю сластолюбіе. Ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего нещадитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единого въ виду, можетъ-ли онъ быть сострадателемъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ Государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностью, каковую бы долженъ подданный къ Самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то есть, чтобы угождать во всемъ Государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія нераждаютъ твердости; ибо можетъ-ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмета и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Іудій Цезарь, толь искусный въ познаніи сердецъ человѣческихъ, яко искуситель въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побѣждать вооруженныхъ противу него враговъ, и побѣж-

денныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное, что къ утверженію своея похищенныя власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши черезъ сіе сластолюбіе, къ нему якобы къ источнику раздаяній болѣе людей привязались. Не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъяслялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться. Отвѣчалъ, что онъ слыхъ въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошь, никогда страшиться причины имѣть неможетъ.

Но сіи люди продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ не радятъ, сіи же роскошь презираютъ и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, вразсужденіи намѣреній его лишитъ вольности римской народъ. Не ошибся онъ въ семь; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали.

И такъ самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложя всѣ суровости, слѣдствія непростѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и неистреблемыя вліянья природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти неслышно, чтобы когда кто супругъ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не только безъ страху но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна; ибо все что общество трудами своими приобрѣтаетъ, то

все равно въ обществѣ дѣлится, и вѣгдѣ я пенашель, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что несть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе, приступаю теперь показывать какими степенями достигнуло оно только повредить сердца моихъ единоземцевъ. — Но дабы говорить о семъ надлежитъ сперва показать состояніе правовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго.—

Не токмо подданные но и самые государи наши жизнь вели весьма простую: дворцы ихъ были необширны, яко свидѣлствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія Государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенць-камера, ибо тутъ приходили и ожидали Государя бояре и другіе сановники; столовая, гораздо меньшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у Государя; и для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена Грановитая Палата. Незнаю я была ли у Государей предспальня; но, кажется, по расположеніи старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня и она была не разная съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царициныхъ, и обыкновенно она была одна, и для малолѣтнихъ дѣтей царскихъ, которыя по два и

по три въ одной комнатѣ жила, когда же возрастали, то давались имъ особливвыя покои; но и оныя состояли не больше изъ трехъ комнатъ, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній неимѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною, рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ пѣты на подобіе арабеска, а если было вѣскольکو орѣховыхъ стульевъ или кресель для царя или царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, по спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я помню самъ съ почервѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я того утвердить и не могу, чтобы Государи кушивали не на серебря; но потому что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушали на оловъ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись только въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, куры индейскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой

муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поенныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее - же великолѣпіе состояло, чтобы кость жареннаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить и тому подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ ни оливковъ, ни другихъ приготовленій для побужденія аппетита, но довольствовались огурцами солеными, сливами и наконецъ за великолѣпіе считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣ мяснаго былъ, Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую, живую рыбу привозить, да къ тому же Государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всемъ довольствовался. И такъ въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обилъства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ рѣкъ и въ ближнихъ рѣчкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ Государевѣ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всемъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ, впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли и въ дань оная была положена, какъ мнѣ самому случалось видѣть въ Ростовѣ грамоты о сей дани. А зимою привозили и изъ далекихъ мѣстъ рыбу, мерзлую и засоленную, которая къ столу Государя употреблялась.

Дессертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, вишныя ягоды, черносливъ и медовыя пастилы состояли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бабы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ

когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще и виноградъ въ патакъ а свѣжаго и понятія неимѣли привозить, ибо оный уже моеи памяти въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, тшачіями Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ не много бы освѣщенія надобно ; но и тутъ нетомко неупотребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи. а освѣщены были комнаты сальными свѣчамп, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись. Напитки состояли : квась, кислы щи, пиво и разные меды. Изъ простова вина сдѣланная водка ; вины—церковное, то есть красное ординарное вино ; ренское, подъ симъ именемъ разумѣлся нетомко рейнвейпъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино ; ромашя, то есть греческія сладкія вина и аликантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскія ; потому что какъ первые оныя, а паче греческіе получались черезъ франковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ, въ разсужденіи кушанья и напитковъ, посмотримъ какіе ихъ были экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣздили всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда Государь въ походѣ занемогетъ, то также сапп употребляли и лѣтомъ, и правда, что въ верховой ѣздѣ государское великое было великолѣпіе, яко видно по

оставшимся конскимъ уборамъ хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена также каменьями были покрыты; подушки бархотныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ каменьевъ, попоны тому же великолѣпнѣю подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ, и съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубыточно было, ибо сдѣланные однажды таковыя уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобъ сидѣть, ни окошекъ, но клали внутри пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченную и тисненную употребить. Каретъ же петокмо не знали по и воображенія о нихъ неимѣли, ибо уже въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ Михайло Ивановичъ Лыковъ, человекъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою карету, съ точеными стеклами, по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась столь завидною и драгоцѣнною вещью, хотя и спова тысячи рублей пестопла, что к. М... (князь Меншиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя подлежало бы ему наследовать послѣ супруги к. Лыкова.

Возвримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣянїяхъ злато, жемчугъ

и камешья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе паблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя стоаь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать недолжно; но были они яко какіе коронныя сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; а если не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ сдѣлапы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и камней изъ роду въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать: небыло никакихъ ни изыскуемыхъ и тѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или - шесть а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особой милости кому съ плеча своего платья пожалуютъ.

Главной же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоценныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли, но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ Государствъ превезенные были; но дань собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія, полотняныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали и сіи были ипогда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна на нихъ употреблялось.

Се есть все что я могъ собрать о родѣ питья, выѣзду, одежды царской а сіе самое и показываетъ кокая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараясь притомъ, изъ почтенія по царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняю отъ сластолюбія, что ниже имѣли

попятія о перемѣнѣ модѣ; по что дѣды нашивали, то и внучата, непочитаясь староманерными носили и употребили. Бывали у бояръ златотканныя, богатыя одѣянія, которыя просто золотами назвали, и не инако надѣвали, когда для какаго торжественнаго случая, повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться, а посему сія одежды имъ на долго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдились и сыновья, покончивъ родителей своихъ тоже платье носить. Однако пестъ никакаго общества, кудабы великолѣпіе и роскошь не вкрадывались,—то, колико, кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе можетъ быть до излишества доведенное; но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояри съ людьми своими хоживали на войну. И оныя обще и воповъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдить по городу, чтобы ему предшествовали человекъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я что и самыя боярыни нетокмо куда вознатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье а въ прочемъ они содержались своимъ искусствомъ, дома носили сѣрые, сермяжные кавтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кавтанъ сыщется, ибо тогда ливреи пезнали; и я самъ запомню, что безъ гостей званныхъ, во всѣхъ домахъ лакен ливрен не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такія кавтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что небыло тогда ни одинаго,

ктобы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самыя родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако пѣзжали какъ токмо званые и могли сидѣть поутру до часу обѣденнаго, а ввечеру до ужина небывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковыя обычаи чинили, что почти всякій, по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами прожить и имѣть все пужное, непростирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и незналъ. А потомуже воспитаніе въ набожіи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но впадало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею, божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ Вѣрѣ утверждался.

Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя попуждали вникнуть въ узаконеніе государства, и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что. Кн. Дмитрій Федоровичъ Щербатовъ, хаживалъ нетокмо по своимъ дѣламъ, но и почужимъ и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину Князь Федору Федоровичу Волконскому, что сей, хотя Кн. Щербатовъ по причинѣ раззоренія дому его, а купно съ убіеніемъ дѣда его Саввы . . . . . Щербатова отъ самозванца Отрѣпьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человекъ, весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ и Кн. Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Царградѣ и Англіи и наконецъ дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и ордена

Св. Александра Невскаго Кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтене къ родамъ умножило еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ;—безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножило связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпринять, а тогдаже и налагало узду кому что недостойное имени своего сдѣлать; ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ щиталъ. А сіе нетомо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ.

Князь Симскій Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ - Скуратову, съ твердостью отрекся, и когда царемъ Иоанномъ Васильевичемъ нужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднью милость себѣ просилъ, чтобы, прежде его, два сына его были умерщвлены, яко, бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего не достойнаго роду своему неучпили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ потѣрпѣть гнѣвъ Царя Иоанна Васильевича и пакопецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгой обычай Царя Иоанна Васильевича, ни казни немогли возбратить, чтобы совокупясь многими родами, непросилъ у сего Государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь и брался быть поручникомъ впредь за поступки того, яко свидѣлствуютъ сіе мпогія, сохраненныя грамоты въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть и дѣдъ мой, Князь Юрій Федоровичъ Щербатовъ неустрашился у раз-

гнѣвленнаго Государя Петра Великаго, по царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что естли неучинено будетъ милосердіе, дабы его самаго въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да неувидать очи его безчестія роду и племени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связъ между родовъ обуздывала страсти юношей, которые петокмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязанности были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ; такъ какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ.

Самые, хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые, въ младости моеи помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобъ ближніе родственники и свойственники сѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе Государи припуждены ипогда бываютъ послѣдовать умопачертанію своего народа, такъ наши Государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, нетокмо снизходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ; и мы находимъ въ родѣ Князей Репниныхъ, что многіе изъ столниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе часто и младымъ людямъ учиненное моглобы подать причину подумать: что оное обращалось въ обиду другимъ, но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ

ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе приобрѣтало почтеніе.

Въ воздаяніе за такое снисхожденіе Государей получали они, что находили въ благородныхъ—вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщусь я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аванасій Нагой бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей Крымскихъ, хотя выбываемъ былъ Ханомъ изъ Крыму, чувствуя нужду его пребыванія въ семь полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того непоѣдитъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья Государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и виппому своему родственнику пощадю живота испросилъ. Прозоровскій, вовремя трудныхъ обстоятельствъ начала Шведскія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя Государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда Государь самъ сожалѣлъ объ истребленіи сихъ вещей, цѣмья, не желая никакого возмездія возвратилъ. — Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ неподписалъ, говоря, что “онъ рожденъ служить своему Государю, а не кровь его судить” и не устранился гнѣву Государева, который нѣсколько времени на него былъ въ гнѣвѣ яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича.—Князь Яковъ Федоровъ Долгоруковъ многія дѣла, Государемъ подписанныя, останавливалъ, далъ ему всегда справедливыя совѣты, и гнѣвъ Государской, за чистое его противуборство воли его на, почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще къ славѣ своего Государя и

къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.—

Возврямъ же теперь какія переменны учинили въ насъ нужная, по, можетъ быть, излишняя переменна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ царствованіе отъ царствованія они часть отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастаю, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинить кучно исторію правленій и пороковъ.—

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщался ввести познанія наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устройство, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ патвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллерія, не меньше онъ прилагалъ намѣренія являющіяся ему грубыя, древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя, русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужичицъ нѣмецкіе кавтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогреч, бострги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подкалковъ, фонтанжами и корсетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужичицъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣянными и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удо-

вольствіе учинило, что должны прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ деревняхъ обычаяхъ людямъ, вольное обхожденіе съ жепскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ женивались. — Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ правахъ незнаемая, пачага чувствительными сердцама овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянїями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшенїяхъ. О коль желаніе быть прїятной дѣйствуетъ надъ чувствами женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборица для волосовъ женскихъ и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за три сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему не повѣрять пыщѣ, но я пакн подтверждаю, что я сіе отъ столь важныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться не должно. Если страсть быть прїятной такое дѣйствіе надъ жепами производила, немогла она неимѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угодными быть, то тщаніе украшенїй ту же роскошь раждала. И уже престаи довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ голунами, съ шитьемъ и съ повдесланами (?) дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кавта-

новъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо, для коронаціи Императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кавтанъ съ серебряннымъ шитьемъ; да сказываютъ еще у него былъ другой кавтанъ дикой съ золотымъ шитьемъ, незнаю, для какаго знатнаго же случая сдѣланной. Прочее было все такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не стапетъ, какъ видно по оставшимся его одеждамъ, которыя хранятся въ кунштъ-камерѣ при Императорской Академіи Наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣлствуютъ его портреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городахъ въ одноколѣ, а въ дальномъ пути въ качалкѣ. Множество служителей и придворныхъ у него не было, но были у него депъщики и даже караулу-окромѣ какъ полковника гвардіи не имѣлъ. Однако при такой собственной особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобы великолѣпіемъ и роскошью подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И такъ мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія азовскаго, генералъ - адмиралъ Лефорть шелъ въ красномъ кавтанѣ съ голубыми по швамъ, и другіе генералы также богатые кавтаны имѣли; ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди изъ перво-саповниковъ двора, или которые благодарными его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались имѣть богатые платья.

Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей въ употребленіи, и хотя нечасто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оныя уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, не терпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски, начались уже цуги, которыхъ до того не знали и приличныя украшенія къ симъ экипажамъ. Служители переодѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему, или поизволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житія, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемыя въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ. То есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голандскую анисовую, которая приказной называлась и вины : ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были къ двору ; да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть ; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для Государя не сдѣлаеть ? Правда сіе не токмо было для него угодно, но напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ ; но и собственное желаніе удовольствія, до того ими незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія ; вина не

только старинныя, о коихъ выше помянуто, но также ермитажъ, венгерское, и другія. Правда, что еще сначала ихъ довольно бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но только во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдился, принести четвертную, запечатанную и наливъ изъ нее по рюмкѣ, опять запечатавъ на погребъ отослать.

Однако хотя Петръ Великій самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему кн. Мешникову, который часто онѣя, какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не только на то время, но и въ нынѣшнее; ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что Государь вида изъ дворца своего торжества въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: “вотъ какъ Данилычъ веселится.” Равно ему подражал, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосаповники Имперіи, также имѣли открытые столы, какъ Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Генералъ - Фельд-маршалъ Графъ Б. П. Шереметевъ, Канцлеръ Графъ Гавриль Ивановичъ Головкинъ, и Бояринъ Тихонъ Пикитичъ Стрешневъ, которому, послѣ оныя оставался первымъ правителемъ Имперіи, во время отсутствія въ чужіе края Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Сямъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже въ многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинныя, то есть, что только произведенія

домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбѣ.

И конечно въ такомъ народѣ, въ которомъ гостепріимство сочилося всегда отличную добродѣтель, не трудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ чтобы оно безубыточно каждому было. Опъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назваченные дни множество собиралось. По симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ ставить, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество ни въ опиваніи и обжираніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить; и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность.

Въ присутствіи Государевомъ, учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житиі роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе дома упадать, и упадающіе ожидать отъ милости Государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось, слышать объ

домъ Князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ его былъ Василя Федоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за Князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса.

Сей Кн. Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ раззорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты непашлибы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ Кн. Одоевскомъ, яко о раззорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе если не въ раззореніе отъ сей переменъ жизни пришли, то по крайней мѣрѣ чувствовали немалую нужду.

Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Фелдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ однако былъ впередъ Государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался яко свидѣтельствуеть сіе самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ раззорѣніе.

Переживившійся такимъ образомъ родъ жизни сначала первосановниковъ Государства, а въ подражаніе имъ и другихъ дворянъ, и расходы: достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и вельможамъ, яко къ источникамъ богатства и награжденій. Страхусь я, чтобы кто

всказалъ, что по крайней мѣрѣ сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ Государю стали привязываться. Пестъ сію привязанность, пестъ благо, ибо она неточно къ особѣ Государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась непривязанность верныхъ подданныхъ, любящихъ Государя и его честь, и соображающихъ все съ пользою Государства; по привязанность рабовъ, наймищиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего Государя.

Грубость правовъ уменьшилась, но оставленнос ею мѣсто лестію и самствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, оболъщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ вельможей возгнѣздились.

Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго Монарха, и сей Государь, строго и справедливо до крайности, старался сколь можно лесть отгонять, яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на асамблее, выхвалялъ свое усердіе къ Государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, Государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему не повелѣваетъ, чтобы онъ хотѣлъ неразбирая случая для него умереть, по требуетъ токмо того, чтобы въ случаѣ пужды или опасности его особы, что неможетъ быть несбеднено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякой часъ, когда угодно будетъ Государю. Остроумный Монархъ ничего неогнѣчавъ, взявъ его руку, палець поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ

боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда и опуствя, сказалъ ему государь, что когда онъ маюй боли обоженія пальца вытерпѣть немогъ, не по нуждѣ, но по волѣ Государя, то какъ онъ могъ щедро обѣщать, съ радостью и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный же мною: доказуетъ, коль любилъ Государь истину. Захарь Давилычъ Мешуковъ, бывшій порутчикомъ во Флотѣ, преждѣ 1718 году, любимый Государемъ, яко первый русской, въ которомъ онъ довольно знанія мореплаванія нашель, и первой, который командовалъ уже Фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ Государемъ въ Кронштадтѣ и выпившия нѣсколько пьянь, сталъ размышлять о лѣтахъ Государя, о оказующемся слабомъ его здоровьѣ и о наслѣдникѣ, какаго оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился Государь возлѣ котораго онъ сидѣлъ о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ него строенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ служившій въ флотѣ и ощущающій его милости,—суть дѣянія рукъ его; то взирая на сіе и примѣчалъ, что здоровье его, Государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, немогъ отъ слезъ удержаться, прилагая при томъ простую рѣчью: “на каво ты насъ оставишь?”—Отвѣтствовалъ Государь: “У меня есть наслѣдникъ”, разумѣя Царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ слѣпо и неосторожно сказалъ: “охъ, вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ”! При Государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдующихъ. Чтожь сдѣлалъ Государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: “дуракъ

сего въ бесѣдѣ неговорять". Но не взирая на такое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, немогъ Государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хвала все сдѣланное имъ и непротивурѣча его изволеніямъ, а иные и угождала страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обмануть и небылъ, однако Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашель въ сопротивленіяхъ своихъ Государю въ Сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя Государемъ, отмѣнилъ, о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи на содержаніе народномъ для дѣланія Ладожскаго канала. Въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ.

Единый самъ Государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши Государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единой Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, Государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ гдѣ состояло сужденіе между царствующаго Государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислявъ онъ все подробно что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы оте-

чества, исчисливъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ; какъ великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ, но продолжая говорилъ: всѣ сии труды, всѣ сии установленія неутверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и имѣнїяхъ, отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ начиналъ многое, но паче всего что онъ сдѣлалъ Уложеніе, которое нынѣ, при перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ; когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконенїями, тогда справедливо можно будетъ сказать, что весьма превзошелъ твоего отца. Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласїемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чегоже ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ Сепатѣ и нигдѣ ивдѣ таковой правды неговорилъ, какъ сей, безсмертія достойный Кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали прїобрѣсти милость Государскую, нежели чиновъ и имѣній; ибо въ самомъ дѣлѣ невидно, чтобы любимецъ его Кн. Меншиковъ, когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичъ Головкицъ, Государственный Канцлеръ отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Горцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента; ни Остерманъ, бывший тогда въ маломъ чинѣ, и написавшій требуемое письмо, несомнѣнность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Муссинъ-Пушкинъ его отъ какаго поступка удержалъ, чтобы Адмиралъ Апраксинъ имѣющій такую повѣренность, что вопреки сказалъ Государю. Но всѣ токмо согласїе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству, для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ Государь и Кн. Я. Ѳ Долгоруковъ противуборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его нелюбилъ за отнятія своей власти, грѣмелъ въ храмахъ Божїихъ

его пансиряками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя пелюбви къ Государю немѣлъ, по былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выпрепный свой голосъ на хвалы Государевы вознесъ.—Достойнъ опъ былъ многихъ похвалъ, но желательнобы было, чтобы она не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича сего непостриженнаго (?) монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже неустыдился быть судьесо Тайной Канцеляріи, бывъ Архипастыремъ Церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуеть его собственное сочиненіе “Правда воли Монаршей,” памятникъ лести и по добобстрастія монашескаго изволенію Государскому.—

Сказать и, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; по были еще и другіе причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удасться прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами лести и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ послали на одной степени ихъ господѣ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинились начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Рода дворянскіе стали раз-

дѣлены по службѣ такъ, что иной однородцовъ своихъ и вѣкъ не увидить.—

То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые ипаче какъ подслугами почтенія немогли приобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однодворцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ ибо въ самомъ дѣлѣ не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо прописывать Богу неприличныя ему дѣянія сіе есть богохулить.

Въ Россіи бороду образомъ Божиимъ почитали, и за грѣхъ считали ее брить, а черезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанныя, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отворотить; указами повелѣлъ брить бороды, и духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойныхъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ Патріарховъ учинилъ позволено есть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче гь морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутинѣ подвержены, повелѣвая самоходно жертвующихъ жизнию своею, таковымъ воздержаніемъ, вовремя приключившихся отъ болезней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда оны сіе учинилъ? когда народъ былъ еще

не просвѣщенъ, и тако отнимая суетвѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствію неискустнаго садовника, который у слабого дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Еслибы оно было корнемъ сильно, то сіе отрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодovitыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ виѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодovitыхъ вѣтвей непроизвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ содѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзанье суетвѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суетвѣрія, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; и нравы за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемая вѣрою, потерявъ сію podporу, въ развратъ стали приходять.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ чловѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, совѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей, пріемниками его престола, — немогу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругой, рожденной Лопухинной, и второй бракъ по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣвною; ибо примѣръ сей нарушенія тайнства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можна его нарушать. Пусть Монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыя однакожь я не вижу, окромѣ склонности ея къ Мопсовымъ, сопротивленія жены его новымъ уста-

повлениемъ. Но подражатели его имѣли-ли государственныя причины подобно дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егузицскій, постригши первую свою жепу и жепясь па другой, рожденной Галовкиной, имѣлъ-ли государственныя причины стараться имѣть себѣ потомство, въ нарушеніи Божественныхъ законовъ. Многіе и другіе сему подражали и петокмо изъ вельможъ, но и изъ малочинныхъ людей, яко Князь Борисъ Сонцевъ - Засѣкинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя, приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсь въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ неприятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, приобрѣла знатныхъ области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовалась Россіяне—изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали общительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренная привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственно своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), вразсужденія нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

Воззримъ теперь колико, при двухъ громкихъ царствованіяхъ Екатерины Первой и Петра Второго, пороки сдѣлали шаговъ, дабы наиболѣе утвердятся въ Россіи.

Женскій полъ обыкновенно болѣе склоненъ къ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что Императрица Екатерина Алексѣевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой; камергеръ у нея былъ Моисъ, котораго излишняя роскошь была первымъ знакомъ, доведшимъ его до поспосной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Федоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастіи его отъ двора были отогнаны. Любила она и тщила украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещено было другимъ жепщинамъ подобныя ей украшенія носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевыя мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и сіе не указомъ не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе единой Императорской фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки ею употребляютъ. А такое тщаніе не показываетъ-ли, что если лѣта зачали убавлять ся красотѣ, то уборами, отличными отъ другихъ, тщила ся оную превозвысить. Незнаю справедливо-ли сіе мнѣніе было, и прилично-ли Государю ежечасно подобно какъ въ маскарадномъ платьи передъ подданными своими быть, якобы недоставало ему другихъ украшеній могущихъ его отличить. По возшествіи ея на престолъ, довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовавшемъ; ибо Петръ Великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскомъ вѣнцемъ, чтобы ее послѣдницею своєю учинить, ниже когда того желалъ; но мѣряя, пеназначая послѣдника,—вельможы, а именно: Ки. Меншиковъ, зная слабость Императрицы; Толстой, боясь мщенія отъ сына Царевича Алексѣя Петровича, законнаго послѣдника, за привезеніе и за смерть отца его,

вопроса Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи, — надѣется-ли онъ на согласіе гвардіи полковъ и получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками се самодержцею провозгласили. Тако возшла сія государыня на все-россійской престолъ: дѣйствіе недостатка основательныхъ законовъ.

И Петръ Великій еще необходѣлъ мертвый а уже неволя его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то есть наслѣдство его престола.

Возшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ правами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ простраствѣ сего названія; вельможи были честолюбивы и жадны; а изъ сего произошло, упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ, изъ которыхъ вскорѣ взялъ верхъ Князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ—а мѣсто ея раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей Императрицы впрочемъ большихъ переизмѣнъ немогло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгоценныхъ уборовъ и винъ весьма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искапіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить.

Какое тогда состояніе было сына Царевича Алексія Петровича, по несчастію отца своего лишеннаго принадле-

жащаго ему паслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его непомыслили, наследникомъ престола не признавали и ниже моленія въ церквахъ о здравіи его было, якобы надлежало о происшедшемъ отъ царскаго корня, — и всё его поступки подозрѣваемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать слова и движенія, опредѣленъ къ нему былъ младый, умный и честолюбивый человекъ, Кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Сей, примѣчая жизнь Императрицы Екатерины Алексѣевны и разсуждая, что неуповательно, чтобы двѣ дщери Петра, Великая Герцогиня Анна и Цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на російской престолъ послѣ матери своей взойти, вмѣсто чтобы подъ видомъ служенія Князю Петру Алексѣевичу, быть его предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность.—Въ единый день, нашедъ его единого, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому имѣетъ и къ его крови, изъяснилъ ему что опъ, по крови, по рожденію и по цолу, почитаетъ его законнымъ наследникомъ російскаго престола, прося да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое положеніе Князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ, со стороны Петра Алексѣевича, сихъ молодыхъ людей соединила.—

Однако Князь Меншиковъ, видя себя правителемъ Государства—и такъ близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ приобрѣсти, зная что никто изъ Россіянъ не потерпитъ, чтобъ имѣя еще многихъ царскаго рода, онъ могъ, происшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ

престоль, — обратилъ мысли свои, естли небыть самому Государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣвичъ, оставленный отъ всѣхъ и непризнанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ, обязаннаго близкимъ родствомъ, Вѣнскаго Двора мысли о семъ узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе Государства до возрасту Императора и дочь свою за онаго выдать. Но бывшимъ переговорамъ съ Графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ и Цесарскій Дворъ прислалъ 70 тысячъ рублей въ подарокъ Господѣ Крамеръ, Камеръ-Фрау Императрицы Екатерины Алексѣвны, дабы она се склонила имеповать по себѣ наслѣдникомъ Князя Петра Алексѣвича.

И тако въ семъ случаѣ Россійскій престоль сталъ покупаться и не близость крови, но избраніе прежде бывшей плѣнницы—внука Петра Великаго и Правнука Царя Алексѣя Михайловича на престоль столь знатной Имперіи возводило.

Вскорѣ по именованіи своемъ Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, Князь Петръ Алексѣвичъ, подъ имепемъ Императора Петра II взошелъ на престоль, по смерти Императрицы Екатерины Алексѣвны.

Сила и могущество Князя Меншикова умножились; Государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя небылъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое доказуетъ колико упалъ духъ благородныхъ. При младенчествѣ Царя Иоанна Васильевича, законной властью утвержденному совѣту для управленія воевремя малолѣтства Государя, боярамъ, выбраннымъ изъ

среды самихъ ихъ, изъ среды знанѣйшихъ родовъ Государства: повиноваться нехотѣли.

И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтнему сыну своему, то, нехотя быть управляемы боярами, сыну Государя своего присягнуть нехотѣли. Во время младенчества самаго Петра Великаго на случай Парышкиныхъ негодовали; а се нынѣ изъ подлости произшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудить посему вѣрность-ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго.

Истина заставила меня сіе сказать, послѣку мнѣ извѣстна—непохвалить поступокъ Кп. Меншикова. Онъ честолюбивъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіе его о воспитаніи и наученіи младаго Государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первосановниковъ Государства, и наконецъ часы для веселія. И можно сказать, что былъ купно Правитель Государства и дядька государевъ. Еще бы похвалыѣ его поступокъ былъ, естлибы онъ неимѣлъ собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, чѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго Государя. Но онъ неимѣлъ толь героической души и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго Государя, что наконецъ противу самой склонности Государя исполнено имъ было.

Посемъ приумножилъ свое стараніе о воспитаніи и наученіи Государя, взявъ его жить въ домъ свой, неотлучно при немъ пребывавъ, и домъ Князя Меншикова учинился дворецъ Государевъ. Во время сіе сдѣлалъ онъ

два дѣла, которыя, присоединенныя къ противусклонности Государевой обрученія ея съ Княжною Меншиковой, приключили наконецъ паденіе сего вельможи. Первое, былъ при Государѣ учитель, родомъ Венгерецъ, по имени Зеннинъ. Сей противень учинился владычествующему Министру и сего онъ втайнѣ отъ Государя удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ Государь, но не оставилъ подозрѣвать отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, песмѣя и вопрошать о немъ, дабы болѣе ему несчастія неприключить. Второе, принесено было отъ купечества вѣсколько тысячъ червонныхъ къ Государю; были благосклонно приняты; но тогда случившаяся тутъ сестра Государева, Принцесса Наталья Алексѣевна сихъ денегъ къ себѣ присла. Государь, который весьма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести, еще тогда какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился Князь Меншиковъ съ иссомыми сими деньгами въ комнату Принцессы, ихъ немедленно возвратилъ и пришелъ въ комнату Государеву, представлялъ ему, что таковой немедленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами показываетъ прѣзрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его поданныхъ. Можетъ быть, представлялъ ему и правила бережливости какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило Государя и сестру его, а подало случай, наединѣ, любимцу его, Кн. Ив. Ал. Долгорукову представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ; и тако сіе оскорбленіе, тѣмъ навящше, что отмститъ за него немогъ, на сердцѣ молодаго Монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствіями, частными сѣздами къ двору, старался Князь Меншиковъ благоустройнымъ образомъ въ праздные часы веселить

своего Государя и зятя. А примѣръ Двора, разливаясь сперва на вельможъ а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они по мѣрѣ достатку своего, а иногда и свыше старались съ обществомъ веселиться и простота нравовъ изчезла.

Наконецъ приходило время падеңію Кн. Мепшикова и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа всячески стараясь утѣшить своего Государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло повезъ его съ совою охотою. Гоньба, травля и прочее что веселитъ въ сей охотѣ, весьма полюбилось младому Государю. Часто Кн. Мепшиковъ отъѣзжалъ въ Мызу свою Орапинъ-баумъ и случилось что одинажды въ небытность его въ Петербургѣ въ пасмурной и холодной день, Государь поѣхалъ на подѣ. По возвращеніи своемъ нашелъ онъ Мепшикова весьма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностью, коковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровъ и отъ опасности потерю онаго лишиться толь великаго союза, ему представлялъ коль перазсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровъ свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненія, но они отъ усердія происходили. Однако младый Государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность, и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ. и К. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, ищущій погибели Мепшикова, дабы самому и родъ свой на ту степень возвысить, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ въ Іюль мѣсяцѣ поѣхалъ Кн. Мепшиковъ въ Мызу свою Орапинъ-баумъ, для освященія созданна имъ Церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и

былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту К. Ив. Алек. Долгорукова, поѣхалъ въ Петергофъ, и окруженъ гвардіей, и повелѣно было Кн. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ неѣздилъ, а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогдаже двору Государеву велено изъ дому Кн. Меншикова выбираться.

Тщетно ниспадавшій сей Министръ просилъ единныя милости, чтобы видѣть Государя и оправданія свои принести; тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невѣста государева, писала къ Великой Княжкѣ Натальѣ Алексѣевнѣ дабы она упросила у Государя своего брата, прошеніе родителю ея. Первое, понеже опасались, чтобы сохраняемая пѣвка Кн. Меншиковымъ власть и сильныя его представленія не тронули сердце Государева, отказано было; а нелюбимыя невѣсты, отъ которой Государь избавиться хотѣлъ, просьбы также дѣйствія не возымѣли, и Князь Меншиковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, назаврѣе былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышный вельможа, примѣръ перемѣны и непостоянства счастья. Изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій и паки въ низость и несчастіе свергнутый.

Почемъ Петръ Второй началъ править самъ государствомъ, если можно назвать правленіемъ правленіе юноши Государя. Кн. Ив. Алек. Долгоруковъ другъ и наперсникъ Государевъ, толь ему любимый, что даже на одной постели съ нимъ сыпалъ, всемогущій учивился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ камеръ - геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи преображенскаго полку гренадерской роты и всѣ родственники его были возвышены, праяя поизволеніямъ ихъ всѣми дѣлами Имперіи; престоли науки Государевы,

мннстры лишь для виду были допускаемы ; все твердое и полезное отгонялось отъ двора, и пользуясь склонностью Государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упражненій мѣсто замѣняла. Однако, что погубило Кн. Меншикова, то неустрашило Долгорукихъ ; они употреблялись стараніе, дабы имъ родственницу свою Княжну Екатерину Алексѣевну, дочь Кн. Алексѣй Григорьевича, сестру Кн. Ивана Алексѣевича, за Государя обручить. И въ семь обрученіи нѣчто странное было ; ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, по во время обрученія Государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ подъ начальствомъ своего капитана, Кн. Нв. Алек. Долгорукова, баталіонъ-каре составляли.

Кн. Нв. Алек. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены молодые люди, неимѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Цѣлство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себя между прочими жену К. П. Е. Т. рождешную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ ; но при частныхъ сѣздахъ у К. Т... съ другими своими молодыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ Генераль-Маіора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что однажды бывъ въ домѣ сего Кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и естлибы Степанъ Васильичъ Лопухинъ, свойственникъ Государевъ по бабкѣ

его Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывший тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ Кн. Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было.

Но любострастіе его одного или многими неудовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало и онъ иногда прїѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе молодые люди, самымъ распутствомъ дружбу его прїобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ.

Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступали изъ скромности и тихожитія, которое отъ древнихъ правовъ онѣ еще сохраняли.

Отецъ его Кн. Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ посредственнаго разума и единственно страстенъ къ охотѣ—для коронаціи Государи всегда бывають въ Москвѣ, то послѣ опытъ и присовѣтывалъ ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербургъ. Прїѣхалъ дворъ въ Москву, но распутство не престало; по мѣсяцу и болѣе отлученіе Государево для ѣзды съ собаками остановило теченіе дѣлъ; сила единого рода учипила, что токмо искатели въ ономъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступали. Желавшіе угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ пиры, со всею знаемою для нихъ роскошью, дѣлали.

Возвримъ теперь, какія были сіи ѣзды Государевы на охоту, и какія были тамъ упражненія. Ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣеть. Ъздилъ Государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ,

и другихъ уѣздахъ, иногда и по мѣсяцу, ежедневно, не-
взирая ни на сырую погоду, ни на холодъ. Ызда съ
собаками была отъ утра до вечера. Окромѣ что охота
Государева, при которой и сокольники находились и всѣ
придворные, которые по неволѣ должны были охотниками
сдѣлаться, со всей Россіи собранныя, знатнѣйшіе охотники
дворные имѣли позволеніе быть при охотѣ Государевой.
То коль сіе должно было составить великую толпу людей
и коликое множество собакъ. Всякій изъ сего себѣ пред-
ставить можетъ пощажены-ли были тогда поля съ хлѣбомъ,
надежда земледѣльца; стада скота хотя и отгонялись, но
не могли-ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться?
а окружающіе Государя вельможи, которые были тогдаже
и охотники, для удовольствія своего, не представляли
младому и незнающему Государю, колико таковыя ѣзды
вредъ земледѣлю паносять. Изябшій возвращался Госу-
дарь ввечеру на квартиру; тутъ встрѣчала его, невѣста его,
Кн. Долгорукова, со множествомъ жепъ и дѣвиць, и балъ
начинался, который иногда довольно поздно въ ночь былъ
продолженъ. Младыя Государевы лѣта отъ распутства его
сохраняли; но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы
современемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ люби-
мецъ его К. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ всѣмъ самъ
пользовался и утружденнаго охотою Государя припуждалъ
по неволѣ представляемыя ему веселья вкушать.

Наконецъ возвратился Государь въ Москву изъ Коло-
менскаго уѣзду; новыя начались веселія, ежедневно ме-
двѣжья травля, сажаніе зайцовъ, кулашныя бои, съ весельями
придворными всѣ часы жизни его занимали; даже какъ
простудяся, занемогъ весною; въ девятый день скончался
и вся надежда Долгорукихъ яко скудельный сосудъ о твердый
камень сокрушилась. Осталось только памяти его царство-

ванія, что неисправленная грубость съ роскошью и распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впали въ роскошь, жены стыдъ, столь украшающій ихъ полъ, стали забывать, а нижніе граждане пріобыкли льстить вельможамъ.

Однако, по смерти Петра II, никаго не было назначенаго къ пріятію російскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвѣсти. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако песмѣли безъ взятія мнѣнія отъ пмнитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣнія были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надо Россією, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго, и оную на престоль возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, Прищесса Анна въ супружествѣ за Герцогомъ Голштинскомъ и Прищесса Елизавета въ дѣвницахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, но какъ уже законными признаны, то рожденіе ихъ не препятствуетъ взойти имъ на російскій престоль. Третіи представляли Принцессу Екатерину, Герцогиню Меклембургскую, старшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича; наконецъ четвертые Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую.

Уже собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежелибы самолюбіе и честолюбіе оное непомрачило, то есть, учинить основательные законы Государству, и власть Государеву Сенатомъ или Парламентомъ ограничить.—Но засѣданіе въ Сенатѣ токмо нѣсколькимъ рядамъ предоставили, тако уменьшая излишнюю власть Монарха, предавали ее множества вельможамъ, со оторченіемъ множества знатныхъ родовъ, и вмѣсто одного толпу Государей сочиняли.— Сіи вельможи пріяли въ разсужденіе разныя

выше предложенныя мѣнья о наслѣдствѣ престола. Были многіе и дальновидѣйшіе, которые желали возвести на-рицу Евдокію Федоровну, на Россійскій престоль, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго Совѣту сопротивляться неможетъ, и черезъ сіе дастъ время утвердиться постановленнымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ самъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный съ нее снять и что она имѣвши множество родни Лопухинныхъ, по коню была привязана, родъ ея усилится и можетъ для счастья своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія.—Дочерей Петра Великаго яко незаконно рожденных отрѣшили. Принцессу Екатерину Іоанновну, Герцогиню Меклембургскую, отрѣшили ради безпокойнаго права ея супруга, и что Россія имѣтъ нужду въ покоѣ, и не мѣшаться въ дѣла сего Герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ думали что толь знатное и печально предложенное наслѣдство Герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ, заставитъ искренно наблюдать полагаемыя ими статьи; а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе Кн. Василій Лукичъ Долгоруковъ, который къ ней особливую склонность имѣлъ и можетъ быть мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступитъ. Всѣ сіи на сіе согласились, и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать на престоль Россійской, если будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предустановляемые законы.

Герцогиня Анна неотрѣклася подписать уменщающія Россійскаго Императора власть статьи, которыя ея возводили изъ Герцогинь Курляндскихъ въ Россійскія Императрицы, и поѣхавъ изъ Митавы, подоѣхавъ до Москвы

за семь верстъ остановилась въ селѣ Всесвицкомъ, принадлежащемъ Царевичу Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи приуготовленія торжественнаго ея вѣществія въ Москву. А тогдаже было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ прїѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія Государынѣ. Долгорукіе знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учипенными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали; и сего ради имѣли великую осторожность, дабы кто какой записки подходя къ рукѣ неподаль; и сего ради всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ Государыни, повелѣвая всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки пазади, неприпимаа руку Монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.—

И подлинно, еще прежде прїѣзда въ Москву Императрицы Анны, извѣстно было Долгорукимъ и другимъ что нѣкоторымъ уменьшеніе власти Монаршей, противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичъ Егузинской, Генераль-Прокуроръ, зять же Кацлера Гаврилы Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера Петра Спиридоновича Сумарокова съ письмомъ, увѣщающимъ Герцогиню Курляндскую неподписывать посланныя къ ней съ Князь Василій Лукичемъ пункты.

Сіе письмо было опымъ Княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердно самъ билъ, о такомомъ писаніи сообщилъ въ Московской вельможъ Совѣтъ, который и намѣрился Павла Ивановича немедленно казнить; по предложенію Князь Григорья Алексѣевича Долгорукова превозмогли, чтобъ такую щастливую перемѣну кровью подданнаго необогрять и онъ впредь до рѣшенія посаженъ былъ подъ жестокою стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и твѣдости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ Россіянь, и тако хотя великая честь ощущала неудовольствіе; но никто ни къ чему смѣлому приступить не дерзалъ.— Однако естли неточно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлись такіе, которые предпріали разрушить сіе установленіе.—**Феофанъ Прокоповичъ**, **Архіепископъ Новгородскій**, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. **Василій Никитичъ Татищевъ**, человекъ разумный и предпріятельный искалъ своего счастія.—**Князь Аптіохъ Дмитріевичъ**, человекъ ученый предпріятельный, по бѣднѣ, по причинѣ права перворожденія брата своего **Дмитрія Дмитріевича**, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся, черезъ умысль свой противу установленія, получить, и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на **Княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской**, дочери и наследницѣ **Князь Алек. Мих. Черкаского**, богатѣйшаго изъ Россійскихъ благородныхъ. Сіи три связанные дружбою, разумомъ и своими видами учили свое расположеніе для разрушенія сѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они впервыхъ открылись въ семъ **Князь Алек. Мих. Черкаскому**, человеку весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненное ими оскорбленіе **Кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому**, его шурина. Сей человекъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда ни въ великихъ чинахъ, не блисталъ, но повсюду являлъ осторожность, невошелъ токмо самъ въ сей умысль, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ **Императрицѣ** сообщить. Сіе опъ исполнилъ черезъ свояченицу свою, **Прасковью Юрьевну Салтыкову**, супругу **Петра Семеновича**; ибо **Салтыковы** нѣсколько въ свойствѣ съ

Императрицею. Сія жепа хитрая и нашла способъ, бывъ при надзираемой Императрицѣ, надинѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація, и Императрица Анна Иоановна, не яко самодержавная, но яко подчиненная пѣкіемъ установленіямъ была коронована. Долгорукіе и ихъ сообщники пѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной Императрицею при коронаціи воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ коронаціи своей пестоль стала наблюдаема, а потому о продолженіи умысла возвратитъ ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоповичъ и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, на смѣхъ множеству недовольныхъ дали ее подписать и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подѣ предводительствомъ Ки. Черкаскаго, представъ на аудіенцію къ Императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко спсходя на желаніе народное, подписанные пункты были припесены, ею самою были разодраны, она самодержавною учинилась, и вскорѣ несчастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельства сіи хотя казались-бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія правовъ, однако если кто прилежно разсмотритъ оныя, то умоначертаніе народное и перемѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ правами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ-же теперь, какъ при правленіи сея Императрицы навѣяще упала твердость въ сердцахъ, и какъ роскошь ланболѣе стала вкореняться; а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во первыхъ, обычаи самой сей Императрицы, второе, обычаи ся любимца Бирона, послѣ бывшаго Герцогомъ Курляндскимъ и его могущество и третіе состо-

чіе двора и какія были сдѣланы при сей Государьнѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы-праву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, кажъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Императрицу Анну. Грубой ея природной обычай несмягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она нещадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала; а можетъ статься еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное, въ порядкѣ, содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе Императорскому сану, но тояко, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства.

Не можно оправдать ее въ любострастіи ибо подлинно, что бывший у нее Гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ся былъ, но наконецъ, при старости

своихъ лѣтъ является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея, Виронъ, возведенный ею въ Герцоги Курляндскіе, при російскимъ дворѣ, имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человѣкъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность къ лошадямъ до смерти сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ одаренный здравымъ разсудкомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, зоръ, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ неприятелямъ. Однако касающее до Россіи, онъ никогда не старался, во время жизни Императрицы Анны, что либо въ ней приобрести, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами російскими, однако зная, что онъ тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ яко свидѣтельствуегъ единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ, сказалъ что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велить, для исправленія мостовъ, положить. Сіе первые правительства присутствующіе, къ которымъ Петръ Великій, толикое почтеніе имѣлъ принуждены были отъ любимца чужестранца востерпѣть безмолственно.—Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянъ.

Правленіе Императрицы Анны было строгое а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ Тайную Канцелярію, и въ стѣнѣ сдѣланныя казармы Петербургской крѣпости недовольны были вмѣстить сихъ несчастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе, бывъ прежде

за тщаніе ихъ ограничить власть Монаршу сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири перевезены и переказнены въ Шлюсбургъ, и бывший и не сосланъ Кн. Сергій Григорьевичъ Долгоруковъ, назначенный уже въ Польское посольство, за то что увѣдано было, что Долгоруковъ Князь Алексій Григорьевъ съ сыномъ и другіе сочинили духовную, которой, якобы при смерти своей Петръ Второй признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ Княжною Екатериною Алексѣвною и оставилъ ее беременну, и сего ради оказывалъ свое желаніе возвести ее на престолъ—духовную сію переписывалъ, но тогда же силою своихъ представленій учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчестующее Княжну Долгорукову, безъ всякія пользы уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпѣлъ; — и учиненъ былъ указъ дабы Долгорукихъ производить. Было говѣніе и на родъ Голицыныхъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ, человекъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку и напрасное его осужденіе довольно видно по самому Манифесту его сосланія; дѣти его Кн. Сергій Дмитр., дабы отдалить его отъ двора, сосланъ былъ въ Казань въ Губернаторы, а Кн. Алексій Дмит. бывший тогда уже Штатскимъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ.

Кн. Петръ Михайл. Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда изъ Камеръ - Геровъ посланъ былъ въ Парымъ въ управители; а наконецъ Артемій Петровичъ Волинскій, Оберъ - Егеръ - мейстеръ, по единой его ссорѣ и неприязни Бироповой, былъ съ принужденіемъ въ воли самой Государыни, мучительными пытками пытанъ, а потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какаго наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей Императрицы

что она прочетши съ прилежностью, запечатавъ, отдала въ Сенатъ, съ подписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправоудное безчеловѣчіе.

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ.

На пышные верхи громъ чаще ударяеть.

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя небыло ни единого вельможи, который-бы отъ злобы Бирона печдалъ себѣ несчастія; но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности, страшилися вельможи подать какую либо причину къ несчастію своему, а небывъ ими защищаемы, страшилися и судьи что неправо сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои изъяснялъ, и осмѣливался самой Государинѣ при докладахъ противурѣчить; ибо она неимѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ покрайней мѣрѣ месть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; ибо просто наслѣду законамъ дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей неоставляли время—что другое предпринимать. Чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать поизволенію Бирона, Герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: Княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Федоровну Юшкову и Мельгариту Федоровну Манахину, которыхъ еще Императрица знала

въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутить и дураковъ и были при ней Кн. Никита Ѳеодоровичъ Волконскій, Балакиревъ и Кн. Михайло Голицынъ, которые иногда и . . . . . шутками ее веселили. Се вѣщій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди, въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ее, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ; по толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и мести мѣста давалъ; однако была нѣкоторые преданные, то есть Графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, припимая отъ него совѣты, и Князь Александръ Борисовичъ Курakinъ, оберъ-Шталмейстеръ угождалъ ему лошадьми, яко умный человекъ льстилъ ему словами и яко веселый веселилъ иногда и Государыню своими шутками, и часто сдѣланныя имъ въ пьянствѣ дерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳеодоровичъ Балкъ шутками своими веселилъ Государыню и льстилъ Герцогу, но ни въ какія дѣла вступенъ небылъ.

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская серебромъ была покровенна; установлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возымѣли. Итальянская опера была выписана, и спектакли начались, такъ какъ оркестра и камерная музыка.

При дворѣ учинились порядочные и многолюдные собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеписанное и показываетъ, какіе шаги, обстоятельства правленія и примѣрами двора, злые нравы учинили. Жестокость правленія отпяла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками но дакальщиками Государевыми — и его любимцевъ, во всѣхъ такихъ дѣлахъ въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить, любовь къ отечеству убавилась и самство и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе введенное у Двора понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить; такъ что самую Императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе, и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Но тщетное приказаніе когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей Герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ роскошъ сей впалъ. Не токмо сей роскошъ видѣнъ былъ на торжественныхъ одѣваніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей; но даже мундиры гвардіи офицеровъ оной ощущали; а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладены петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, Вицъ - Канцлеръ Графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весьма умѣренно жилъ; Гаврила Ивановичъ Головкинъ, Генераль-Адмиралъ Графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ и другіе. Число разныхъ

винъ уже умножилось и прежде незнаемыя : шампанское, бургондское и капское стало привозиться и употребляться на столы.

Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебели стали не иные употребляться, какъ англискія, сдѣланныя изъ краснаго дерева мегатеня ; дома увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія ; стали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обои ; зеркала, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе почувствовали, богатые, позлащенные кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархотомъ, съ золотыми и серебрянными бахрамами ; лучшія и дорогія лошади, богатые тяжелыя и позлащенные и посеребренные шоры, съ кутасами шолковыми, и съ золотомъ или серебромъ, также богатые ливреи стали употребляться. И паче таковой роскошь былъ видѣнъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время сватбы Принцессы Анны Меклембургской, племянницы Императрицы за Принца Аптона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякій роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и помѣръ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюду началъ онъ являться. Вельможи проживаясь привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а нижніе по вельможамъ, для тойже причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умеренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Бо-

жю и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе дѣлать и удовольствоваться своимъ хотѣніемъ. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, если не по склонности, но по крайней мѣрѣ по страху казней исполняемое еще въ довольномъ равновѣсіи вѣкъ свой сохраняло. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи Принцессы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ Имперіи, умирающею Императрицею Анною) Принцесса Елисавета, дщерь Петра Великаго и Императрицы Екатерины взшла на Россійскій престоль.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе ея на всероссійскій престоль гренадерскою ротою преображенскаго полку и многія другія обстоятельства, приступая къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія Государыня изъ женскаго полу въ молодости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ Секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій; чувствовала свою красоту и страстно украшать ее разными украшениями; лѣнива и недокучлива къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣнностью ея

петокмо впутрепїя дѣла Государственныя многія ипогда лѣты безъ подписанїя ея лежали; но даже и вѣшнїя государственныя дѣла, яко трактаты по пѣскольку мѣсяцевъ, за лѣпостью ея подписать имя у нея лежали; роскошна и любострастна, дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она при шествиі своемъ принять всероссійскїй престоль, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщала, что если взойдетъ на прародительскїй престоль, то во все царствованїе свое повелѣнемъ ея никто смертной казни предапъ nebude; однако принявъ престоль, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить: въ чемъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны, и что не почитая ея послѣдницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рожденїе ея, давали сходственные съ пользою тѣхъ государей, предосудительныя ей совѣты, и иныя были осуждены на смерть, приведены къ ешафоту, и хотя освобожденїе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ отличной своимъ разумомъ Генераль - Адмираль Графъ - Остерманъ, который управленїемъ своимъ министерскихъ дѣлъ многія пользы Россїи прїобрѣлъ; таковъ былъ Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, многожды побѣдитель надъ Турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанамъ народа. Сїи и пѣкоторыя другїе были за усердіе ихъ къ Императрицѣ Аннѣ и Принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни-ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россїя 14 лѣтъ въ томъ уже преступленїи была, а окружающїе дворъ, послѣдуя изволенїямъ Императрицы Анны и весьма малое уваженїе къ Принцессѣ Елисаветѣ имѣли; слѣд-

ственно и всё справедливо должны были опасаться ея мщенія; хотя не казни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При восшествіи на престолъ былъ дежурнымъ Генераль - Адъютантомъ Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, человекъ злой и глухой, имѣлъ свѣденіе о намѣреніяхъ Принцессы Елисаветы, и когда вышеименованный дежурный Генераль - Адъютантъ былъ арестованный приведенъ предъ вновь возшедшую Императрицу и палъ предъ ней на колѣни, тогда родственникъ сего Василий Оедоровъ. Салтыковъ ему сказалъ, что вотъ теперь ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера и глядѣть бы не хотѣлъ и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать. Пораженъ такими словами немогъ Графъ Петръ Семеновичъ ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой Государыни, запретившей вратъ Василию Оедоровичу, его ободрило. Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣсть твердости.

Первый бывший не весьма любимымъ при дворѣ Принцессы Анны, Князь Никита Юрьевичъ Трубецкій - вошелъ въ силу.

Человѣкъ умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительной, бывъ пожалованъ въ Генераль Прокуроры, лстя новой Императрицѣ и, можетъ быть, имѣлъ свои собственные виды, представляя о возобновленіи всѣхъ законовъ Петра Великаго. Почитающая память родителя своего Императрица Елисавета на сіе согласилась и всѣ узаконенія Императрицы Анны, которыя были учинены въ противность указамъ Петра Великаго, о кромѣ о правѣ перворожденія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многіе весьма полезныя обрѣтались. Лстя Государю, надлежало лстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичъ Разумовской, послѣ бывший Графомъ. Сей человекъ изъ Черкасъ изъ козаковъ былъ

ко двору Принцессы Елисаветы привезенъ въ пѣвчіе, учинился ея любовникомъ, былъ внутренно человекъ добрый, но недалегаго разсудку, склоненъ какъ и всѣ Черкасы къ пьянству, и такъ сей его страстью старались ему угодать: Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, человекъ такъ - же благодѣтельный и добраго разположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ а потому, хотя и небылъ пьяница, но неотрекался иногда въ излишность сію впадать; и привезенный изъ ссылки Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Кабинетъ Министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ, человекъ умный, чрезъ долгую привычку искусный, въ политическихъ дѣлахъ любитель государственной пользы; но пронырливъ золь и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое, пивъ съ нимъ вмѣстѣ и угождая сей его страсти—сочиншіе партію при дворѣ, противную Кн. Ю. Трубецкому.

Были еще другіе, носящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицыны, по ея матери Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по бабкѣ ея Натальи Кириловнѣ, и оныя, первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; но умѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изъ всѣхъ былъ, но и тотъ былъ недалекъ, Николай Наумовичъ Чеглоковъ, за котораго ближняя свойственница Государынина, Марья Симоновна Гендрикова была выдана; и Михайлао Ларіоновичъ Воронцовъ, женатый на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ Императрицы, послѣ пожалованный графомъ и бывшій канцлеромъ, коего

тихой обычай недозволялъ оказывать его разумъ ; но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности во душѣ его обиталъ яко самыми опытами онъ имѣлъ случай показать. Вторые были Нарышкины, и хотя родъ сей и довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ считала Императрица Александра Львовича Нарышкинца, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ Императрицы взойти на престолъ, и сіи были, окромѣ Михаила Ларионовича Воронцова, князь Гессенъ Готбургскій и его супруга Княгиня Катерина Ивановна, и Василій Федоровичъ Солтыковъ съ его женою.

Признательность Императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностью ей служили и сіи были два брата Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица Императрица была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть ; Скворцовъ, Лялинъ, Возжисскій и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены ; и какъ не одно рожденіе, и по долготнмъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій ; обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный по (не ?) награжденный человекъ за стыдъ почиталъ не дѣлать. Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться ; единые, отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе имѣя токмо рожденіе и службу и не большой достатокъ, съ ними восхотѣли равны

быть, тогда естественно роскошь и сластолюбие сверху вниз стало переходить и разорять нижних; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи стали изыскивать умножить оное въ долгахъ своихъ.

Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ золотканныя одежды облакался, вельможи изыскивали въ одѣяніи—все что есть богатѣе, въ столѣ—все что есть дорогоцѣннѣе, въ питье—все что есть рѣже, въ услугѣ—возобнови древнюю многочисленность служителей, приложили къ опой пышность въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столъ для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились пужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ дорогими мебелями, зеркалами, и другими. Все сіе составляло удовольствіе самымъ хозяевамъ, вкусъ умножился, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почитателемъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду житія и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потшуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ когда послѣ смерти его былъ проданъ Графомъ Орловымъ; палатки, которыя у него становились на его загородномъ дворѣ на каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Федоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кавтаповъ состоялъ, въ походѣ когда онъ командовалъ россійскою арміею противу Прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ тор-

говлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружія и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сперва Камеръ-Геръ, а потомъ Генераль-Аншефъ и Генераль-Адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человекъ, какъ по родителямъ своему Графѣ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, такъ и по супругѣ своей Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной Княжнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ Кн. Ан. Мих. Черкаскаго, человекъ также весьма богатова, человекъ весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ. Одежды его наносили ему тягость отъ золота и серебра и блистаніемъ ослѣпляли очи, экипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣлъ, окромѣ что лучшаго вкуса были наидрагоценнѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не однажды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему Императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, якобы изготовляясь могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ у двора, не смотря на разныя перемѣны, въ разсужденіи его и особы былъ особливо уважаемъ. Графъ Ив. Гр. Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человекъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и праворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подаль. Къ нещастію Россіи, онъ не малое

время путешествовалъ въ чужіе края ; видѣлъ все что сластолюбіе, роскошь, при другихъ европейскихъ дворахъ, наипрiятнѣйшаго имѣютъ ; онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію, и всѣмъ симъ отечество свое снабдать тщился. Одѣянія его были особливаго богатства и вкуса, и ихъ толь много, что онъ одинажды вдругъ 12 кавтановъ выписалъ. Столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланнѣй, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ ; экипажи его блистали златомъ и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ ; вина у него были на столѣ наилучшія и пайдорожайшія ; и подлинно онъ самъ нѣкоторое прiимущество получалъ, яко человекъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, подлѣ государыни, и любимый ею, потомъ учился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову, чрезъ него прежде другихъ тогда весьма въ почтены находящуюся ленту польскую бѣлаго орла получилъ, а симъ же защищеніемъ чрезъ сенатъ за малую пѣну, то есть, неболѣе 90,000 руб. получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣди было, и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разоренье, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и въ такія состоянія людей, которыябы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ея употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичъ Галицкій, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ колико возможно оказывалъ ; богатые одѣянія его и жены его, ливрея, экипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житье привлекло ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, какъ и дѣйствительно онъ какъ отъ долговъ при-

ватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казпѣ разоренный умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренилось, къ разоренію домовъ и къ поврежденію правовъ. Но гдѣ оно наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяясь съ пышностью и сластолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми правами? Сіе было въ особѣ Графа Петра Ив. Шувалова. Имя сего мужа, памятно въ Россіи, не токмо всѣмъ вредомъ, который самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ къ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ и отецъ сего Шувалова Иванъ Максимычъ, въ молодости своей, у брата роднаго моего дѣда Кн. Юрѣя Фед. Щербатова былъ знакомцемъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генераль-маіорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откуда отецъ мой его смѣнилъ, а оттуда былъ употребленъ въ губернаторы или въ Ригу или въ Ревель, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человекъ умной и честной, имѣлъ двухъ сыновей—Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ приличное воспитаніе, опредѣлилъ ихъ на службу ко двору Цесаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе Импер. Анны Ивановны старались наполнять дворъ сей цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства неимѣли, и тако сія достигли изъ пажей, даже до камеръ-юнкеровъ.

Петръ Ив. Шуваловъ былъ человекъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Марфѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщицѣ, исполненной

многими пороками, а однако любимицѣ Императрицыной; онъ пользуясь напаятованіемъ прежней своей службы, когда бывъ при дворѣ ея яко цесаревны, раздѣлялъ ея утѣшенія и милостью Императрицы къ женѣ его, съ самаго начала принятія престола Имп. Елисаветы Петровны отличную сталь имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры и разумомъ своимъ, удобнымъ и къ дѣламъ и къ лести, силу свою умножилъ; пожалованъ былъ въ Генералъ Поручики и присутствовать въ Сенатъ. Тутъ соединяя все что хитрость придворная наитончайшаго имѣеть, т. е. не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при Императрицѣ (и которыя единыя были сидѣльщицы у нея по почамъ, иныя гладили ея ноги,) къ пышному немного знаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ что доходы Государственные немнѣютъ порядочнаго положенія, а Императрица была роскошна и сластолюбива; тогда какъ Сенатъ, немнѣя свѣденія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши Императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, ведезали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тѣснѣями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополию старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосердѣйшей Государынѣ, учредилъ родъ инквизиціи, изыскующей

корчемство, и обогривъ россійскія области кровію пытаныхъ и сѣченныхъ кнутомъ и пустыни Сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человекъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары, безъ разбору, и тѣмъ приумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при умноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ раззореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣшники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, а бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ хотя не вдругъ, по три пятыхъ капиталу своего потеряли; по его предложенію, дѣлана была монета медная по 8 руб. съ пуда, а потомъ передѣлавана по 16 р. съ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину Генераль - Фельдцейхмейстера, и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Ив. Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любовники къ любострастной Императрицѣ, тогда какъ повсюдова въ Европѣ умножали артилерію и Россія, имѣя тысячи пушекъ, моглабы токмо ихъ переливъ, снабдить армию и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обрѣтающееся обратилъ. — Немогиши скрыть свои желанія корыстолюбія силою и властію своею а пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопныя отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатныя заводы и между прочими лучшій въ Государствѣ Гороблагодатскій, и сіе-съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты ты-

сячь руб. былъ оцѣненъ въ 90,000, то онъ неустыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу Сенату, и получилъ его по новой перецѣнкѣ, гдѣ не справедливость и не польза Государская была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 т. руб.; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20 т. душъ, заводъ приносящій послѣ ему до 200 т. руб. и который послѣ взять былъ обратно короною за его долги, за 750 т. р. Откупы, монополіи, мздоимство, торговля, самимъ заведенная и грабительствы государственныхъ имѣній немогли однако его жадность и сластолюбіе удовлетворить; учредилъ банкъ, повидимому, могущій бы полезнымъ быть поддаваемымъ, и онѣй состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по 2 0/0 и черезъ нѣсколько лѣтъ ввести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ взявъ миліонъ, Готъ, взявшій у него на откупъ Олопецкія лѣса и взятыя деньги отдавшій ему. Армяне взявшіе въ монополію Астраханской торгъ, и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему; Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, который толь малѣе взятъ симъ пользовался, что увѣряютъ, якобы въ единое время изъ 20 т., имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его равно какъ и корыстолюбіе предѣловъ не имѣло. Недовольствуясь, что онъ былъ Генераль-Фельд-цехмейстеръ, Генераль-Адъютантъ и Сенаторъ, восхотѣлъ опричную себѣ армію сдѣлать, представленіе его такъ, какъ и все чиненное имъ, было принято, и онъ сочинилъ армію, состоящую изъ 30,000 пѣхоты, раздѣленную въ шесть легіоновъ, или полковъ, каждой по 5 т. чело-вѣкъ, которые ни отъ кого кромѣ его независѣли. Является, что въ Россіи рокъ таковыхъ безнужныхъ затѣй

есть скоро родиться и еще скорѣ упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей Государства, пошла въ походъ противъ Прусскихъ войскъ, много потерѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его начальствомъ фузильерныя полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я забылъ, псчислѣя честолюбивыя затѣи сего чудовища, упомянуть о изобрѣтенныхъ имъ, или лучше сказать съ подражанія старинныхъ, и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались и конхъ копическая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсической канлиберъ, что размѣтисто на близко картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легости ихъ. Опъ выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ изобразилъ, гналъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали, о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко между прочимъ содержалъ подъ арестомъ Князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго по приѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весьма близко, неможетъ быть ипако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ; что отдача назадъ голбицъ можетъ самимъ дѣйствующимъ имъ войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ; что тягость ихъ неудобна ни къ воженію ни къ постановленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто, и наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретныя почитаютъ, и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ, сокрываютъ сеі мнимый секретъ, съ обидою оныхъ, конмъ ввѣрено начальство арміи, а немогутъ они знать ни секрета ни дѣйствія употребляемыхъ въ ней орудій; а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ, что

введенные въ сіе, таннство, якобы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишныя чины получаютъ, и болѣе другихъ ихъ всемошнымъ начальникомъ уважаемы суть.—

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты были однако два по его предположеніямъ, то есть — генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истину должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чувствителенъ бываетъ. Хотя невозможно сказать, что намѣрене генеральнаго межеванія неполезно было Государству и чтобы межевалъ инструкція не содержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній; но многія въ ней находятся и такія которыя несходственно со справедливостью, но подальновидности его ли самаго, или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ польсъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца чловѣкъ выбиралъ порочныхъ людей, для исправленія разныхъ должностей; тѣ не на пользу общественную, но на свои прибитки взирая также порочныхъ людей ободряли, отчего множество тогдаже произошло злоупотребленій; и не пользою обществу сіе межеваніе учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ пажитку опредѣленныхъ, къ грабежу народа. Сочиненіе уложения наилучшій успѣхъ имѣло; ибо были къ сему толь полезному дѣлу Государства опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе Государства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи, а равно ихъ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего оте-

чества. Но Емме чловѣкъ ученый, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупый, напѣтливый на законы чловѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а къ тому же корыстолюбивый; Ешковъ, добрый, неизомщикъ и знающій по крайнѣи мѣрѣ не россійскіе законы чловѣкъ, но ленивый, праздный и не твердый судья; Козловъ, умный а знающій законы чловѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія издомствамъ и воровствамъ. Глѣбовъ, угодникъ Гр. Шувалову, умный по наружности чловѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ Петръ Ивановичъ имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они свое сочиненіе множество пространными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свое дѣла рѣшить, или начавши новыя воспользоваться разореніямъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія Сенатомъ и другихъ Государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію Государыни, и уже готова была сія добросердечная Государыня нечитая подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и неподписавъ, велѣла передѣлывать. Такъ чудеснымъ образомъ, избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ и развратность на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія, хотя были взятки, были неправосудія и былъ развратъ; но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ хотя малое

что давая немогъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его, неправосудіе чинилось съ наглостью, законы стали презираться, и мздоимствы стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, Гр. Шуваловымъ, или его метрессами, или его любимцами Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы не страшася ничего, всякія неправосудія дѣлать и народъ взятками разорять. Самый Сенатъ, трепетавъ его власти, принужденъ былъ хотѣніямъ его повиноваться, и онъ первый, же правосудіе изъ сего вышняго правительства изгналъ. Черезъ исканіе Анны Борисовны Графини Апраксиной, дочери Кн. Бор. Васил. Голицына, при Княгинѣ Алексѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между Князя Голицына и Кн. Елены Васил. Урусовой, въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ Сената приведена была въ разореніе; защищалъ онъ, сообщася съ Гр. Александромъ Борис. Батурлинымъ, Князей Долгорукихъ, по дѣлу и деревняхъ Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго Кн. Якова Фед. Долгорукова, чтобы лишить неправо принадлежащей части Кн. Якова Александровича и сестру его Кн. Марью Алек. Долгорукихъ и тесть мой на сіе голосъ подалъ, то сказано ему было отъ вышеименованаго Батурлина, что если онъ отъ сего дѣла неотступить, они найдутъ способъ толико его обнести у Государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылкой заплатить.

Немогу и упустить, чтобы неупомянуть объ единомъ узаконеніи сего Гр. Петра Ив. Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытку, и разрушающемъ супружественную связь, которая досего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами связующими супруговъ и, сход-

ственно съ Божиимъ закономъ, подчиняющими женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего имѣнія продать и заложить немогла, а мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Гр. П. И. Шувалову нужда была купить одну деревню, непомню у какой Графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а потому и немогущей его согласіе имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его яко все сильнаго мужа въ государствѣ былъ учиненъ указъ, онъ деревню купилъ и симъ подавъ поводъ, по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отосланнымъ разоряться.

Довольно думаю описать я разные, клонящіяся по своимъ собственнымъ прибиткамъ предпріятія Графа Шувалова, наводящія тогда же мнѣ огорченія нетокмо, по самому злу, чинившемуся тогда, но и по подаваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ пайдетъ. Яко и дѣйствительно воспо- слѣдовало. К. В. (1) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со степеніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ закономъ и Сенатомъ, К. П. (2) нетокмо всю армію по военной Коллегіи подъ властью своею имѣть, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ, и нерегулярныя всѣ войска въ опричину себѣ прибавилъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойти Графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходить.

(1) Князь Вяземскій.

(2) Князь Потемкинъ.

Мнѣ должно теперь поминуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому и роскошь свою великолѣпнымъ затѣямъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житѣ. Домъ его убранъ коляко возможно лучше потогдашнему состояцію; столъ его маленькій наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему павеликолѣпнѣйшій; ибо тогда какъ многіе изъ жившихъ вѣкъ вкусу ананасовъ не знали, а объ аланѣ и неслыхивали, онъ ихъ въ обилствѣ имѣлъ и первый изъ частныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вишны употребляемые имъ, не токмо были лучшіе, но недовольствуясь тѣми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блестящъ златомъ, и онъ первый цукъ англійскихъ, тогда весьма дорогихъ, лошадей имѣлъ. Платье его также соотвѣтствовало пышности, золото, серебро, кружевы, шитье на немъ блистали и онъ первый по Графѣ Алексѣе Григ. Разумовскомъ имѣлъ брилліантовые пуговицы, звѣзду, орденъ и еполетъ, съ тою только разностию, что его брилліантовые уборы богатѣе были. Въ удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метрессъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400,000 рублей дохода, но на его роскошь, любострастіе и дары окружающимъ Императрицу доставало, и онъ умеръ имѣя болѣе миліону на себѣ казеннаго долгу.

Примѣры таковыя немогли перозлиться на весь народъ и повсюду роскошь и сластолюбіе умножились. Дамы

стали великолѣпно убираться и стыдились неанглійскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поварь Императрицынъ и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованья получалъ по 800 руб. въ годъ, а уже тогда и private стали давать рублей по 500, окромѣ содержанія.

Лимоны и померанцы немогли быть дороги въ петербургѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больнаго или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогіе и до того незнаемые не токмо въ знатныхъ домахъ вошли въ употребленіе; но даже и нискіе люди ихъ употреблять начали, и за щегольство щитали ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать, даже что многіе подъ тарелки въ званные столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво англійское, до того и совсемъ небывшее въ употребленіи, но введенное въ употребленіе Граф. Анною Карловною Воронцовой, которая его любила, стало не только въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться; но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя большею частью долгу употреблялись сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ и то передъ господами, употребляли вощаныя, но и тѣ изъ желтаго воску, стали вездѣ, да и во множествѣ, употребляться бѣлыя восковыя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ, парчевыя, бархотныя съ золотомъ и серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толкомъ

множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ, почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ, какого придворнаго или шеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно-ли было сему иначе быть, когда самъ Государь прилагалъ все свое тщаніе, къ украшенію своего особы, когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платьевъ послѣ нея осталось.

Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей ненашивали и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.—

Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія, уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, и надлежало имѣть съ заплатою нѣсколькихъ тысячъ рублевъ французскую, и съ точеными стеклами, чтобы шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебряныхъ, да и тѣ большая часть жалованныя государемъ. Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, человекъ ныншней и роскошной, помнится мнѣ, до конца жизни своей, на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуясь имѣть чаши серебряныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебряный.—

При сластолюбивомъ и роскошномъ Государѣ неудивительно, что роскошь имѣла такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожной Государынѣ, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствія были учинены.—Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства по исповѣданіи наша вѣры.

Толь есть истинно, что единый порокъ и единой проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей ; не знаю я обстоятельствъ перваго, страннаго разводу ; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ незнаю, имѣлъ жену Анну Семеновну ; съ ней слюбился Степанъ Ѳеодоровичъ Ушаковъ и она отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили. Потомъ Анна Борисовна Графиня Апраксина, рожденная Княжна Галицына, бывшая же въ супружествіе за Графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради, она оставила своего мужа, который подлинно былъ человѣкъ распутнаго житія ; но знаю, что разводъ сей нецерковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ Нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу, и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужа имѣнія, при живомъ мужѣ ; а именоваться ей по прежнему Княжною Голицыной. И такъ отложя имя мужа своего, приведши его до посаженія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась потому токмо праву, что отецъ ея кн. Борисъ Вас. имѣлъ нѣкоторый случай у двора, а потомъ по разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ Княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы Графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны именовалъ, а послѣ ихъ можно сотнями считать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ пашъ запрещаетъ

Князь Никитъ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрису и дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Также Кн. Ив. Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣнень Шведами имѣлъ любовницу, сказываютъ благородную женщину, въ Стокголмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, а отъ нея имѣлъ сына, котораго именovali Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ, и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи Императрицы Елисаветы, в..... Кн. Вас. Влад. Долгорукова, Рукинъ, на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, нескрывая холодку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, толико сихъ в..... дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицыны, Рапцовы, и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо послучаю, или за деньги до знатныхъ чинъ въ доходятъ, что кажется хотять истребить честь законнаго рожденія и не закрытно содержатъ метрессъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея Императрицы, и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры Анны Петровны, бывшей за Ферпогомъ Голштинскимъ, Петру Ѳедоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, если можетъ оно быть въ человѣкѣ, неимѣющемъ ни разума, ни нравовъ; ибо впрочемъ онъ не токмо имѣлъ

разумъ весьма слабый, но яко и помѣшанный, погруженный во всѣ пороки, въ сластолюбіе, роскошь, пьянство и любо-страстіе. Сей взошедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвой поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія Императрицы Елисаветы, старались наиболѣе его правы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

Сей Государь имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца—Льва Александр. Нарышкина, челоуѣка довольно умнаго, но такова ума, который ни къ какому дѣлу стремленія неимѣеть, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ, и словомъ по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.—

Взошедши сей Государь на всероссійскій престолъ, безъ основательнаго разума и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его Галстипскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сія были столы?—

Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны; тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, продолженія пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой то трактиръ, нежели домъ Государской; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала Прусскому Королю, тогда токмо представшему быть нашимъ непріателемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ, составляли достоинство пріо-

брѣсти любленіе Государеву; и Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, при бывшей пробѣ Россійской и Прусской, взятой въ плѣнь артилеріи, за то что старался доказать и доказалъ, что Россійская артилерія лучше услужена, не получилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ Государь любовницу, дурную и глупую Графиню Елисавету Романовну Воронцову; но ея, взошедъ на престолъ, онъ доволець не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подѣ вожделеніе его были подвергнуты; увѣряють, что Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, тогда бывший Генераль - Прокуроръ и имъ пожалованный купно и въ Генераль-Кригсъ-Комисары, подвелъ падчерицу свою Челмокову, бывшую послѣ въ супружествѣ за Александромъ Ник. Загряскимъ, и уже помянутая мною выше Княгиня Елена Степановна Куракина была привожена къ нему на ночь Львомъ Алексаид. Нарышкинымъ, и я самъ отъ него слышалъ, что безстыдство ея было таково, что когда по ночеваніи ночи, онъ ее отвозилъ домой по утру рано, и хотѣлъ для сохраненія чести ея, а болѣе, чтобы неучинилось извѣстно сіе Граф. Елисаветѣ Романовнѣ, закрывши гардины ѣхать, она напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, что она съ Государемъ ночь переспала.

Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ рассказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, тогда бывший его секретаремъ. Петръ Третій, дабы сокрыть отъ Граф. Елис. Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣеть съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства Государства. Ночь пришла, Государь пошелъ веселиться съ

Княгиню Куракиною, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтраму какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія Государскаго; не зналъ о чемъ пачать писать, а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ, догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія Государю, отъ Графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши написалъ манифестъ о семъ.—По утру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ Государемъ апробованъ и обнародованъ.

Нетокмо Государь угождая своему любострастію, тако благородныхъ жещинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю-ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такія любострастія? съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ. Нѣтъ да сокроются отъ потомства имена ихъ а роды ихъ, да не обезчещутся памятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако довольствуясь описать какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну; ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ гдѣ необходимо должно поминать, именуя таковыхъ по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрытися въ моей фамиліи.

И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошь, и пьянство составляло отличительныя и умоначертанія двора, а оттуда они уже нѣ-

которые разлились и на другія состоянія людей, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангальтъ - Цербская Екатерина Алексѣевна, взшла съ низверженіемъ его, на російскій престолъ. Не рожденная отъ крови нашихъ государей, жена свергнувшая своего мужа возмущеніемъ и вооруженною рукою, въ награду за столь добродѣтельное дѣло корону и скиптръ російской получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Имперіей, если женщина возможетъ поднять сіе иго, и если однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одарена довольною красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предъ - пріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть неутвержденная на твердомъ камени закона Божія, а потому какъ на колеблющихся свѣтскихъ главностяхъ есть основапа, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ - же того ея пороки суть :—любострастна и совсѣмъ вѣрряющаяся своимъ любимцамъ ; исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и вемогущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить ; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, а наконецъ толь перемѣчива, что рѣдко и одицъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ.

Со всѣмъ тѣмъ вошедши на престолъ и неучиня же-

стокова мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досаждали; имѣла при себѣ любимца своего, который и вспомошествовалъ ей взойти на престолъ, человѣка взрослошаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего не учившагося и ведущаго до того развратную молодого человѣка жизнь; но сердца и души доброй.

Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцахъ своемъ нѣкоторые полезныя для государства правила, равно какъ и братья его. Оныя состояли никому немстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому человѣку и мѣсту непрерывное исполненіе ихъ должностей, нельститъ государю, выискивать людей достойныхъ и не производить какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ), послѣ бывшій графомъ и наконецъ княземъ, до смерти своей сохранялъ. Находя, что картонная азартная игра можетъ другихъ привести въ раззорѣніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріатели Графы Никита и Петръ Ивановичи Панны, пикогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ; а напротивъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву Государыни.

Изрубившему измѣническимъ образомъ брата его Алексѣя Григорьевича не только простилъ, но и милости сдѣлалъ (1);

(1) Алексѣй и Федоръ Григорьевичи Орловы славились своей силою въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ, кичился сильнѣе ихъ: это былъ Швавичъ, (отецъ того Шванвича, который присталъ къ Пугачеву и сочинялъ для него нѣмецкіе указы). Онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ порознь — но вдвоемъ Орловы брали надъ нимъ верхъ. Разумѣется они часто сталкивались другъ съ другомъ; — когда случалось что Швавичу попадалъ одинъ изъ Орловыхъ то онъ билъ.

множество льстецовъ, которые тщились обуздать его самолюбіе, никогда успѣху неимѣли, а напротивъ того болѣе грубостію можно было свискать его любовь, нежели лестью, никогда въ управленіи непринявшаго ему мѣста не входилъ, а естлибы и случилось ему за ково попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали, никогда не лестилъ своей Государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многожды самовидцемъ бывалъ: старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, посліку понятіе его могло постигать, но не токмо такихъ, которые по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ни же ближнихъ своихъ любимцевъ, не любилъ инако производить какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія

Орлова, когда попадались оба брата, — то они были Шванвича. Чтобы избѣжать такихъ напрасныхъ дракъ они заключили между собой условіе, по которому одинъ Орловъ долженъ былъ уступать Шванвичу и гдѣ бы ни попался ему повиноваться безпрекословно, двоеже Орловыхъ берутъ верхъ надъ Шванвичемъ и онъ долженъ покоряться имъ также безпрекословно. Шванвичъ встрѣтилъ однажды Федора Орлова въ Трактирѣ и въ силу условія овладѣлъ биліардомъ, виномъ и бывшими съ Орловымъ женщинами. Онъ однакожъ недолго пользовался своей добычей, вскорѣ пришелъ въ трактиръ къ брату Алексѣю Орлову и Шванвичъ долженъ былъ въ свою очередь уступить биліардъ, вино и женщины. Овъятымъ Шванвичъ хотѣлъ было противиться, но Орловы выгнали его изъ трактира. Възбѣшенный этимъ, онъ спрятался за воротами и сталъ ждать своихъ противниковъ. Когда Алексѣй Орловъ вышелъ Шванвичъ разрубилъ ему пашелемъ щеку и ушелъ. Орловъ упалъ; — ударъ нанесенной нетвердой рукой не былъ смертеленъ, — и Орловъ отдѣлался продолжительною болѣзнію и ирамомъ на щекѣ. Это было незадолго до 1762 г. Орловы возвысились и могли бы погубить Шванвича, — но они не захотѣли метить ему; онъ былъ назначенъ Кронштадтскимъ комендантомъ и стараніями Орлова смягченъ былъ приговоръ надъ его сыномъ, судившемся за участіе въ Пугачевскимъ бунтѣ.

мѣста употреблять яко учинилъ съ Всеволодомъ Алексѣвичемъ Всеволожскимъ, котораго въ пушю въ Москвѣ изву съ собою взять и тамъ употребилъ его къ дѣлу; хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его невидно было; а именно домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ, столъ его не равнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; экипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли, и наконецъ, какъ сначала такъ и до конца, никогда ни съ золотомъ, ни съ серебромъ платья не нашивалъ, но всѣ его хорошія качества были затмѣны его любостраіемъ; онъ презрѣлъ что должно ему къ своему Государю и къ двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ разпутства; не было почти ни одной Фрейлины у двора, которая неподвергнута бы была его исканіямъ и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на онія преклониться, и сіе терпимо было Государыней, и наконецъ 13 лѣтнюю двоюродную сестру свою Катерину Николаевну Зиповьеву изнасилничалъ, и хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ порокъ свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе и въ самой женитьбѣ нарушилъ всѣ священныя и гражданскіе законы.

Однако во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и Государыня, подражая простотѣ своего любимца, списходила къ своимъ подданнымъ, небыло многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей и пріятство Государево вмѣсто награжденій служило. — Люди обходами не были обижаемы и самолюбіе Государево истинами любимца украшаемо часто было.

Однако понеже добродѣтели нетоль есть удобны къ подражанію, сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ; но женщины вида его и братій

его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ Третьемъ, долгою привычкою во время случая Орловыхъ, совсѣмъ ее погасили; тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ Государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любовника, подало случай другимъ его мѣсто у любострастныхъ Императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовникъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ нибудь порокомъ за взятые миліоны одолжилъ Россію (о кромѣ Васильчикова, который ни худа ни добра не сдѣлалъ) Зоричъ ввелъ въ обычай не помѣрно великую игру; Потемкинъ властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и можно сказать всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ или преисполняетъ окружающихъ, и тако далъ въ Имперіи. Заводовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянъ; Корсаковъ преумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ неуспѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаваніе чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, не только примѣрами своими, но и самымъ ободреніемъ пороковъ является — желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе; изъ окружающихъ ее Беккой, человѣкъ малаго разума, но довольно пронирливъ, чтобъ ее обмануть; зная ея склонность къ славолюбію, многія учрежденія сдѣлалъ, яко сиропитательные дома, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи Кадетской Сухопутный Корпусъ и Академію Худо-

жествъ, Ссудную и сиротскую казну. поступая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій Фару, на коемъ здаѣи на алебастрѣ имя Птоломея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ на мраморѣ свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы временъ алебастеръ отпадетъ, единое его имя видно было. Такъ и Бецкой, хотя показывалъ видъ, что все для славы Императрициной дѣлаеть, но нетокмо во всѣхъ проэктахъ, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его яко перваго основателя является, но ниже оставилъ Монархипѣ и той власти, чтобъ избрать правителей сихъ мѣсть, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ до паде- нія его кредиту. Дабы закрыть сіе всѣ способы были имъ употреблены: ей льстить, повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ при представленіи въ Кадетскомъ корпусѣ балета Чесменскаго боя, что она сказала мнѣ: *Il me loue tant, qu'enfin il me gêtera.* Щастлива бы была естлибы движенія душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ по нѣсть!

Когда сіе изрѣкла душа ея пышностью и лестью упивалась. Неменьше Иванъ Перфильевичъ Елагинъ употрѣблялъ стараній приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоръ Театру, разныя сочиненія въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвышали ея дѣла, иногда слова возвыщали пришествіе Россійскаго флота въ Мо- рею, иногда бой Чесменскій былъ похваляемъ, иногда войска съ Россією плясали.

Также Кн. А. А. Вяземскій Генер. Прокуроръ, чело- вѣкъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственныя, искуснѣйшій способъ для лщенія употребилъ. Притворился

быть глупымъ, представлялъ совершенное благоустройство Государства подъ властію ея, и говоря, что онъ, бывъ глупъ, все едиными ея наставленіями и бывъ побуждаемъ духомъ ея дѣлаеть, и иногда премудрость ея нетокомо ровнялъ, но и превышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властитель надъ нею. Безбородко ея секретарь, нынѣ уже Графъ, членъ иностранной Коллегіи, Гофмейстеръ, Генераль Почтъ Директоръ и все въ разсужденіи правительства, за правило имѣеть никогда противу ея неговорить, но похваляя исполнять всѣ ея велѣнія и за сіе непомѣрные награжденія получилъ.

Дошедшая до такой степени лести при дворѣ, и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образами лстить. Построить-ли кто домъ, на данныя отъ нея отчасти деньги или на наворованныя, зоветь ее на новоселье гдѣ на люминаціи пишеть: Твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая; или подписываетъ на домъ: щедротами Великія Екатерины, забывая приполнить, по разореніемъ Россіи; или давая праздники ей, дѣлають сады, нечаяныя представленія, декораціи, вездѣ лестъ и подобострастіе изъясляющія.

Къ коликому разврату нравовъ жешскихъ и всей стыдливости — примѣръ ея множества имѣнія любовниковъ, единъ другому часто наследующихъ, а равно почетныхъ и корыстями снабженныхъ, обнародывала черезъ сіе причину ихъ щастія, подавъ другимъ женщинамъ. Видя храмъ сему пороку сооруженный въ сердцѣ Императрицы, едвали за порокъ себѣ считаютъ ей подражать; но паче мною почитаетъ каждая себѣ въ добродѣтель, что еще столько любовниковъ неперемѣнила.

Хотя при позднихъ лѣтахъ ея возрасту, хотя сѣдины

покрываютъ уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челѣ ея, но еще не уменьшается въ ней любострастіе. Уже чувствуетъ она, что тѣхъ пріятностей, каковыя младость имѣеть, любовники въ ней находить не могутъ, и что ни награжденія, ни сила, ни корысть, не можетъ замѣнить въ нихъ того дѣйствія, которое младость можетъ надъ любовникомъ произвести.

Стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенный, отъ простоты своего одѣянія отстала и хотя въ молодости и не любила златотканыхъ одѣяній, хотя осуждала Императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое воинство одѣтъ, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и богатому ихъ украшенію, страсть свою оказывать; а симъ не токмо женамъ но и мущинамъ подала случай къ таковому же роскошу. Я помню, что, вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитой золотомъ красной суконной кафтанъ, у Василья Ильича Бибикова; въ 1769 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Императрица разгнѣвалась на Графа Иванъ Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кафтанѣ въ Царское село пріѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣянія носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы Императрица была прихотлива въ кушаньѣ, но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но бывший ея любовникъ, а оставшійся всемогущимъ ея другомъ Кн. Гр. Алек. Потемкинъ, не токмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность Оберъ-Гофъ Маршала Кн. Ник. Мих. Голицына приго-

товить ему какого-то любимого блюда—повергла его подлему ругательству отъ Потемкина и принудила идти въ отставку, то послѣ сего каждый разсудить; наслѣдники Кн. Голицына Григорій Никитичъ Орловъ и Кн. Фед. Серг. Борятинской неупотребляютъ - ли теперъ все свое тщаніе дабы удовольствовать сего всемогущаго въ Государствѣ обжору и подлинно столъ Государевъ гораздо великолѣпнѣе и лучше нынѣ сталъ; а также дабы угодить сему другу монаршу повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ, (хотя долею оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сія роскоши и желаніе лучшими вещами насытиться распространилась.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мужчины; о сей же съ справедливостію можно увѣрить, что она наипаче въ семь случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея, законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ; къ развѣ я помогу, невзирая на законы сего учинить. Но ненашли никаго, ктобы осмѣлился отвѣтствовать ей, что можетъ яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной. Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе: 1. Возвращеніе Марьи Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ. 2. Дѣло дѣтей Кн. Бориса Вас. Голицына о правдѣ ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, незаконно описанныхъ; Сенатомъ-же сіе незаконіе признано и докладомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратитъ я подпись на докладѣ: быть по сему являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ, но

послѣ изъ компаты было истолковано, что бытъ по сему знаменовало: бытъ въ описи. Акимъ Ив. Апухтинъ докладывалъ ей по Военной Коллегіи объ отставкѣ одного Генералъ - Маіора, получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣвають Генералъ - Маіорамъ давать чины при отставкѣ; получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковыя примѣры видимыя въ самомъ Государѣ непобуждаютъ - ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенищая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневныя знаки представляеть, коль есть заразительнъ примѣръ Государской.—

Такое расположеніе мыслей и паче въ особѣ преданной своимъ любимцамъ, естественно влечеть за собой пристрастіе и неправосудіе; многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому; но довольно ежели я екажу, что не любя Сахарова, яко челоувѣка дурныхъ правовъ (который однако, долгое время бывъ камердинеромъ ея, пользовался ея довѣренностью, хотя не лучше былъ), дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, якобы дурныя правы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ каковомъ случаѣ и развратный челоувѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не правы и расположеніе судятся, но что кому принадлежить исключительно до всего другаго. И дѣло Вахмейстера о беззаконно описанныхъ у дѣда его Лифляндскихъ имѣнійхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы Генералу Брауну, за которыхъ и остаться. Графъ Романъ Ларионовичъ Воронцовъ, во все время своей жизни признанный мздоимцемъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники

въ Владиміръ и не преставаъ обыкновенныя свои мздоимства производить ; несокрыты оныя были отъ Государя, который токмо двознаменующимъ знакомъ, присылкою большаго кошелька его укорилъ. Но какъ онъ уже умеръ и разореніе народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторской поступокъ ; хотя и 7 лѣтъ разореніе народное продолжалось, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковыя примѣры, часто случающіеся, не подаютъ - ли поданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользы своихъ подражать ? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясный примѣръ, что тщетно будетъ стараться начертить вѣрный кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга вѣрно не сойдется ; и слова Св. Писанія ясно же означающія должность носильниковъ : учителю, исправься самъ.

Можно - ли подумать, чтобы Государь, чинящій великія раздаянія, Государь, къ коему стекаются большей частью, сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ ? Однако сіе есть ; ибо инако я немогу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычая чины за деньги продавать ; а сему есть множество примѣровъ : развратный правами и корыстолюбивый откупщикъ Лукинъ, давъ 8 тысячъ двору, изъ наворованныхъ денегъ и подаря его въ народное училище, чинъ капитанскій получилъ ; и Прокофій Демидовъ, привоженный подъ вислицу за пашквили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битье въ домъ своемъ секретаря Юстиць-Коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоучрежденному правленію, за то, что съ обидою дѣтей своихъ давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генераль-маіорскій получилъ, а за даніе 5 тысячъ въ пользу народ-

ныхъ школъ, учинено ему всенародно объявленное черезъ газеты благодареніе, якобы Государь не могъ полезныхъ учрежденій завести безъ приниманія денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли ему искупиться развратные нравы. Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всё продажи, должности недостойнѣйшимъ стали даваться и кто болѣе за нихъ заплатить, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе восмѣщать.

Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получали, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ, не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ комиссаріатской суммы, чины штатскіе получилъ; Фалѣевъ, въ подрядахъ съ Государемъ взимая вездѣ тройную цѣну не токмо самъ штатскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штабъ - офицеры и въ офицеры произвелъ.

Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и зловравные награждены, развратность ободрена, и все подъ очами и знаніемъ Государя; то можно-ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе сей Самодержицы означено дѣянiями, относящимися къ ея славолюбію. Множество учиненныхъ его заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ несутъ, какъ токмо знаки ея славолюбія, ибо естлибы дѣйствительно имѣли пользу государственную въ виду, то учиня заведенія, прилагали бы старанія и о успѣхѣ ихъ, недовольствуясь заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ,

вѣчно будетъ почитаться, о успѣхѣ не радили, и видя злоупотребленія ихъ не пресѣкали.

Свидѣтельствуешь сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьяго монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадетскаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и по нынѣ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ ни ученыхъ ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежеля сердце, нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачатыя войны еще сіе свидѣлствуютъ; по пристрастію возвели на Польской престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противъ вольностей Польскихъ прибавить самовластія; взяли въ защищеніе десидентовъ, и вмѣсто, чтобы стараться сихъ, утѣсненныхъ за законъ, въ Россію къ единовѣрнымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію,—черезъ сіе подали причину къ Турецкой войнѣ, счастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе Россіи стоющей; нежеля какая прежде бывшая война, послали флотъ въ Грецію, который божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу а тѣмъ усилили Австрійскій и Бранденбургской дома и потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшою, приобрѣли или лучше сказать похитили Крымъ, страну по разности своего климата служащую границею Россіанамъ. Составили учрежденія, которыя вестыдятся законами называть, и содѣланныя намѣстничества наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго, ко вреду общества, къ умноженію

ябедъ и разоренія народнаго, да и за тѣми надзиранія неимѣють, исправляютъ-ли точно, по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городскими названныя, которые болѣе лишеніе нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлають отягощеніе народу. Такое необузданное славолюбіе также побуждаетъ стремиться къ созиданію нечислѣннаго числа и повсюду великихъ зданій, земледѣльцы многою работою стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы, доходы государственные едва ли достаютъ на такія строенія, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и частныя подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ, чрезъ многія вѣка пребывающія зданія, ими свое сохранить, безумно кипулись въ такія строенія и украшенія ихъ.

Единые отъ избытка, для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіи домовъ, огородовыхъ бесѣдахъ многія тысячи полагають; другой изъ пышности, а третій наконецъ, послѣдуя вредному примѣру, тоже сверхъ достатку своего дѣлаеть и чтобы неотстать отъ другихъ, а всѣ обще находя себѣ спокойствіе и удовольствіе, мало по малу, въ разореніе сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство и часто недостатокъ своихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охудительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что всѣ коль ни есть черны мои повѣствія; но они суть непристрастны и единая истина и развратъ, въ которой внали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонеть, принудило

меня оныя на бумагу преложить; и тако подовольному описанію нравовъ сея Императрицы, довольно можно расположеніе души и сердца ея видѣть. Дружба чистая никогда не вселялась въ сердцѣ ея и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любовника своего. Не имѣетъ она материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и объ всѣхъ за правило себѣ имѣетъ ласкать безмѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ по пословицѣ своей, выжатой лимонъ кидать. Примѣры сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, спомоществующій ей, когда она была Великою Княгинею, во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее несчастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился и послѣ смерти его она его бранила; Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, спомоществующій взойти ей на престолъ, при старости отнятія всѣхъ должностей своихъ видѣлъ и, можетъ быть, сіе кончину его приключило; Николай Ивановичъ Черепинъ, служившій ей совсѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, толико наконецъ отъ нее гнанъ былъ, что безвременно животь свой окончилъ; Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ, ибо хотя и извѣстна была еще по утру его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла и давъ время своему веселію, отходя спросила любовника своего Ланскаго, каковъ Кн. Александръ Михайловичъ, и получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показываетъ koliko фальшивое имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея лю-

бимица и другъ, наконецъ была отъ двора отогнана и съ печали умерла. По сему да судить каждый, могутъ-ли частныя чувствованія дружбы возгнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется что уже не настоще пужды сказывать: имѣеть - ли она вѣру къ закону Божію; ибо еслибъ сіе имѣла, то-бы самый законъ Божій могъ исправить ея сердцѣ и направитъ стопы ея на путь истины. Но несть, упоенна безразмысленнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но оное многажды въ бесѣдахъ ея открываются; а дѣянія иначе доказуютъ, многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея велѣнію были переведены, яко: Кандидъ, Принцесса вавилонская и прочія, и Белизеръ Мармонтелевъ, неполагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея велѣніямъ былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была; и терпѣніе, или лучше сказать, позволеніе противныхъ закону браковъ, яко Князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ, и Генерала Баура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуютъ. И тако можно сказать, что въ царствованіе ея, и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.—

Таковыми степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я упомянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было. А до сего дойдити инако не можетъ, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть Государа искренно

привязаннаго къ закону Божію, строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя умѣреннаго въ пышности царскаго престола, награждающаго добродѣтели и ненавидящаго пороки, показующаго примѣръ трудолюбія и снискожденія на совѣты умныхъ людей, тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства, мягкосерда и постоянна въ дружбѣ, показующаго собой примѣръ своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе, щедра безъ расточительности для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ всякаго пристрастія, умѣющаго раздѣлить труды; что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ и что Государю на себя взять, и наконецъ могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать осповательныя права Государству, и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять.—

Тогда изгнавшая добродѣтель, оставя пустыни, утвердить средь градовъ и при самомъ дворѣ престоль свой, правосудіе не покривить свои вѣски ни для мзды ни для сильнаго, мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся, любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностью житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностью. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ и кто упадаетъ, по имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель будутъ почитать ихъ, яко компасомъ, могущимъ довести ихъ и до чиновъ и до достатка.

Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ съ приличною ревностью званію ихъ; купцы перестанутъ стараться быть офицерами и дворянами, каждый сократится въ свое состояніе, и торговля, уменьшеніемъ ввоза сластолюбіе по-

буждающихъ чужеземныхъ товаровъ, а отвозомъ россійскихъ произведеній, процвѣтеть; искусства и ремесла умножатся, дабы впутри Россіи содѣлать пужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

А. РАДЫЦЕВА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

А. РАДИЦЕВА.

“Чудище обло, озорно, огромно сто
звѣно и лалѣ”.

(Телемахида, Томъ II, Кн. XVIII стр. 514.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1790.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

Въ VII томѣ сочиненій А. Пушкина помѣщена его статья о А. Радищевѣ. Статья не дѣлающая особенной чести поэту. Онъ или перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ—или въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ — и тогда лучше было бы ее не печатать. Изъ нея беремъ мы нѣкоторые подробности объ авторѣ “Путешествія изъ Петербурга въ Москву.”

Александръ Радищевъ родился около 1750. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ, потомъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Его другъ Ушаковъ, служившій секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, оставилъ службу и отправился въ Лейпцигъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми посланными Екатериной II—для окончанія своего образованія. “Грамень, странствующій агентъ Француз-

своей философии, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою “о разумѣ” и привезъ Гельвецію извѣстiе лестное для его тщеславiя и радостное для всей братiи”. Ушаковъ, имѣвшiй большое влiянiе на Радищева умеръ на 21 году. Осужденный врачомъ на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей, А. М. Кутузова.—Радищевъ тому воспротивился; но съ тѣхъ поръ самоубiйство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышлений.

“Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ службу, не преставав между тѣмъ заниматься словесностью. Онъ женился. Состоянiе его было для него достаточно, графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ, государыня его знала лично и опредѣлила его въ собственную канцелярiю. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.”

Радищевъ былъ мартинистъ—поклонникъ возникавшей революцiи и философи энциклопедистовъ. Энергическiй и смѣлый—онъ одинъ поднялъ голосъ протеста, и среди лести и раболѣпiя, которыми окружали богоподобную Фелицу—“спокойно пустилъ въ продажу свое Путешествiе

изъ Петербурга въ Москву”; напечатать ее тайно въ своей типографіи, говорить Пушкинъ.*

Книга Радищева дошла до Государыни, Екатерина сильно была поражена. “Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому, онъ хуже Пугачева, онъ хвалитъ Франклина.”** Пушкинъ находить это замѣчаніе глубокознаменательнымъ — намъ оно кажется чрезвычайно глупымъ. Радищева отдали подъ судъ, потомъ сослали. Сенатъ осудилъ его на смерть (по какому закону — не знаемъ). Екатерина велѣла преступника лишить чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослать въ Сибирь.

До воцаренія Павла, Радищевъ жилъ въ Илимскѣ. Павелъ возвратилъ его изъ ссылки, Императоръ Александръ I опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему “изложить свое мнѣніе касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій”. Радищевъ “увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ вспомнилъ старину и въ проэктѣ пред-

* Въ Сенатскомъ приговорѣ сказано было: перепечатать послѣ цензуры нѣсколько листовъ.

** 26 Іюня говорила (Государыня) о книгѣ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву: “Тутъ разбѣганіе заразы французской. Авторъ Мартинистъ”.

7 Іюля: “Примѣчанія (писанныя ею самой) на книгу Радищева послать Шишковскому”. Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина и себя такимъ же представляеть. Говорили съ жаромъ и чувствительностью.

(Изъ записокъ Храповицкаго.)

ставленномъ начальству предаѣя прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З. (*) удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ “Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири”?—Пришедши домой, огорченный Радищевъ вспомнилъ о другѣ своей молодости и отравился”!

Не ужасно ли всё это!

Какъ же можетъ память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!

И—ръ.

(*) Завадовскаго?—Мы слѣдовали тексту Пушкина, рѣчь идетъ о прозвѣтъ освобожденія крестьянъ. Пора было бы составить полную біографію А. Радищева—мы съ радостью напечатаемъ ее.

А. М. К. (*) ЛЮБЕЗНѢЙШЕМУ ДРУГУ!

Чтобы разумъ и сердце произвестъ ни захотѣли, тебѣ оно, о сочувственникъ мой! посвящено да будетъ; хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно, — и ты мой другъ. Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Уже ли, вѣщаль я самъ себѣ, Природа только скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашель угѣшителя, въ немъ самомъ: „отыми завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, и блаженъ будещи”. Сей гласъ Природы разда-

(*) А. М. Кутузову?

вался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но естли, говорилъ я самъ себѣ, найду я кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорчитъ неудачное изображеніе мыслей, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ: не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда? — Почто, почто искать мнѣ далеко кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь, и имя твое да озаритъ сіе начало!

Сочинитель.

ВЫЪЗДЪ

Отъживавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Я, цыкъ, по обыкновенію своему, поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время, съ тѣмъ, кто вужень намъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно; — но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ, не улыбаяся: любовь или дружба стрегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произноси прости; но вспомни о возвращеніи твоёмъ, — и да исчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицомъ солнца. Блаженъ возрыдавшій, надѣйся на утѣшителя! Блаженъ живущій иногда въ будущемъ! Блаженъ живущій въ мечтаніи! Существо его усугубляется; веселія множатся, и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зеркалахъ воображенія. — Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика, наскучивъ мои уши, призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горестъ разлуки моей, преслѣдуя за мною въ смерти подобное мое состояніе, представила меня воображенію моему уединенна. Я узрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю приятность и пестроту

здѣльности; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ оставленъ среди природы пустынный! — Вострепеталъ - Нещастный! возопилъ я, гдѣ ты? Гдѣ дѣвалось все, что тебя прельщало? Гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Не ужели веселости, тобою вкушенныя, были сонъ и мечта? — По щастію моему случившаяся на дорогѣ рывтина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнявъ голову, вижу, на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое? спрашивалъ я у извозчика моего. — Почтовый дворъ. — Да гдѣ мы? — Въ Софін — и между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

СОФІЯ.

Повсюду молчаніе. Погруженный въ размышленіе, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшій меня извозчикъ извлекъ меня изъ задумчивости. Баринъ, батюшка, на вѣдку! — Сборъ сей, хотя незаконный, но охотно его всякой платить, дабы не ѣхать по указу. 20 коп. послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ, что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, Генеральской можегъ быть исключая, будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей съ крестомъ.

Почтоваго Комисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. — Кого чортъ давить? Что за ма-

неръ выѣзжать изъ города ночью! — Лошадей нѣтъ; очень еще рано; войди пожалуй въ трактиръ, выпей чаю или успи. Сказавъ сіе, Комисарь поворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. — Что дѣлать? Потрясъ я Комисара опять за плечи. — Что за пропасть? Я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей; — и обернувъ голову одбѣломъ, Комисарь отъ меня отворотился. — Естли лошади все въ разговѣ, размышляя я, то несправедливо, что я Комисару мѣшаю спать. А естли лошади въ конюшнѣ... Я воспамѣрился узнать, правду ли Комисарь говорилъ; вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню и нашелъ въ оной лошадей до 20-ти; хотя правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня дотацили бы до слѣдующаго ста-на. Изъ конюшни возвратился я опять къ Комисару, потрясъ его гораздо покрѣпче; мнѣ казалось, что я имѣлъ къ тому право, нашедъ, что Комисарь солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ: и не продравъ еще глазъ, спрашивалъ, кто пріѣхалъ? Не.... Но опомнившись, увиди меня, сказалъ мнѣ: видно, молодецъ, ты обыкъ такъ обходиться съ прежними ямщиками. Ихъ бывали палками; но нынѣ не прежняя пора. — Со глѣвомъ Г. Комисарь легъ спать въ постелю. Мнѣ его также хотѣлось попотчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они приличались въ обманѣ; по щедрость моя, давъ на водку городскому извозчику, побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей; и въ самое то время, когда я памѣрился сдѣлать преступленіе на спипѣ Комисарской, зазвѣпѣлъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрымъ гражданиномъ. И такъ 20 коп. избавили миролюбиваго отъ слѣдствія, дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ; и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса Рускихъ народныхъ пѣсень, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсень суть тону мягкаго. На семь музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ немъ найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на Рускаго, найдешь его задумчивымъ. Естли захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, естли захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Естли что либо случится не по немъ, то скоро начинается споръ или битву. Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову, и возвращающійся обгаренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить, доселѣ гадательное въ Исторіи Россійской.

Извощикъ мой поеть. Третій былъ часъ по полуночи; какъ прежде колокольчикъ, такъ его теперь пѣсня произвела опять во мнѣ сонъ. — О природа! обвинь чело-вѣка въ пелены скорьби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. Уснуть, и все скончалось! — Несносно пробужденіе несчастному. О, сколь смерть для него пріятна! А естли она конецъ скорьби.... Отче всеблагій! не ужели отвратишь взоры Свои отъ скончающаго бѣдственное житіе свое мужественно? Тебѣ, источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда естество трепещеть, содрагается. Се гласъ Отчій, взывающій къ Себѣ Свое чадо! Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю: на землѣ она стала уже бесполезна.

ТОСНА.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковую почитали ее всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ Государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимою. Обезпокоенъ дурною погодою, я, вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашель я проѣзжающаго, которой, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго Комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ таковъ? узналъ я, что то былъ стараго покроя стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которыя онъ тогда разбиралъ. Я не медля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бесѣда. “Милостивый Государь! я, низжайшій вашъ слуга, былъ Регистраторомъ при Розрядномъ Архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу: посильными моими трудами я собралъ родословную, на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ, и докажу княжеское или благородное ихъ происхождение за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю верѣдкаго въ Княжеское достоинство, показавъ отъ Владиміра Мономаха или отъ самаго Рюрика его происхождение. Милостивый Государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское

Дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплати за него столько, сколько ни за какой товар не платять. Но съ дозволенія вашего Высокородія, Благородія или Высокблагородія, не вѣдаю, какъ честь ваша, они не знаютъ, что имъ нужно. Извѣстно вамъ, сколько блаженныя памяти благовѣрный Царь Феодоръ Алексѣевичъ Россійское Дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многіе честные Княжескіе и Царскіе роды паровѣ съ Новгородскимъ Дворянствомъ. Но Благовѣрный Государь Императоръ Пётръ великій совѣмъ привелъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и граждаскую всѣмъ къ приобрѣтенію дворянскаго титула, и древнее Дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ всемилоствѣйше царствующая наша Мать утвердила прежніе указы высочайшимъ о Дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ Степенныхъ нашихъ встревожило : ибо древніе роды поставлены въ Дворянской книгѣ ниже всѣхъ ; но слухъ носится, что въ дополненіе скорѣ издастъ будетъ указъ, — и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титуло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть пѣкоторую отличность. Но сей причинѣ, Милостивѣйшій Государь ! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу ; но всякъ имѣть своихъ злодѣевъ. — Въ Москвѣ завернулъ я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя потраченную бумагу и чернилы ; но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія”. — Сказавъ сіе, поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись пря-

мо, стоялъ предо мною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понималъ его мысль, вынулъ....изъ кошелька и далъ ему, совѣтовалъ, чтобъ, прїѣхавъ въ Петербургъ, продалъ онъ бумагу свою на вѣсь разнощикамъ для обвертки; ибо мнѣмос Маркизство скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древней породы.

ЛЮБАНН.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ, думаю, равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ перѣдко бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телегахъ лѣтомъ. Бревешками вымощенная дорога замучила мой бока. Я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляясь душею отъ земли, казалось мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. Но утраченія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы: перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу; сегодня праздникъ. Пашущій крестьянинъ конечно принадлежитъ помѣщику, которой оброку съ него не беретъ. Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ; цѣва конечно не господская. Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію. — “Богъ въ помощь”! сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не оставиваясь докончивалъ зачатую борозду. “Богъ въ помощь”! повторилъ я. — “Спасибо, баринъ”! говорилъ мнѣ пахарь,

отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — “Ты конечно раскольникъ, что пашешь по воскреснымъ”. — “Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ ояъ, показывая мнѣ сложенные три перста; Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велить, когда есть силы и семья”. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенье не спускаешь, да еще и въ самой жаръ? — Въ недѣлѣ-то, баринъ, 6 дней; а мы 6 разъ въ недѣлю ходимъ на барщину, да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы, да по ягоды. Дай Богъ, крестясь, чтобъ подъ вечеръ сегодня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они тогоже у Господа молятъ. — У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ, и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первичьному-то десять лѣтъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь? — Не одни праздники, и ночь паша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умрешь. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ; а какъ ета устанетъ, возьмусь за другую; дѣло-то и споро. — Такъ ли ты работаешь на господина своего? — Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было также работать: у него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ самъ ты счетъ знаешь. Да хоть растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. Толи житье нашему брату, коли гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика! Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, на аренду; а мы называемъ это отда-

вать головой. Голый насмннкъ дереть съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ; зимою не пускаетъ въ извозъ, для того что онъ подушный платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу! На другаго прикащика хотя можно пожаловаться; а на наемника кому? — Другъ мой! ты ошибаешься: мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? правда . . . но не бось, баринъ, не захочешь въ мою кожу”. — Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху, началъ новую борозду и со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбуждалъ во мнѣ множество мыслей. Первое, представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнивалъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими: тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ захочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится тогда только извѣстенъ Правительству, его охраняющему, когда нарушитъ союзъ общественный, когда становится злодѣй. Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. Страшисъ помѣщикъ жестокосердный! на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе!—Углубленный въ сихъ размышленіяхъ, обратилъ я печаянно взоръ мой на моего слугу, который сидя на кибиткѣ передомною, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мракъ, который, протекая кровь мою и прогоняя жаръ къ вершинамъ, пудилъ его распространиться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешься на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина

своего напивѣ; а самъ не тоже ли или еще хуже того дѣлаешь! Какое преступленіе сдѣлать бѣдный твой Петрушка, что ты воспрещаешь ему пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, спомъ?—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ; нѣкогда я его не сѣку ни плетью, ни батожемъ. О умѣренный человѣкъ! и ты думаешь, что кусокъ хлѣба и лоскутъ сукна даютъ тебѣ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ; ты тѣмъ только и хвастаешь, что нечасто подѣлкаешь его въ вертепѣн его. Вѣдаешь ли, что въ первенствепномъ уложеніи въ сердцахъ каждаго написано? Естъли я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. Вспомни тотъ день, какъ Петрушка былъ пьянъ и не посмѣлъ тебя одѣтъ; вспомни объ его пощечинахъ. О естылибъ онъ тогда, хотя пьяный, опомнился, и отвѣчалъ бы тебѣ соразмѣрно твоему вопросу! — А кто далъ тебѣ власть надъ нимъ?—Закопъ! Закопъ!—И ты смѣешь поносить сіе священное имя! Несчастный!.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ такомъ положеніи почтовыхъ клячи дотащили меня до слѣдующаго стапа.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч..... Я оставилъ его въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ выѣхать оттуда такъ скоро. Особливое проществіе по-

будило человѣка нраву крутого, какой былъ у моего пріятеля, удалиться изъ Петербурга; и вотъ что разсказалъ онъ мнѣ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ провелъ я праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштатъ и на Сестербекъ, гдѣ, сказывали мнѣ въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны, въ Кронштатѣ прожилъ я два дня съ великимъ удовольствіемъ, насыщаясь зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одеждѣ крѣпости Кронштатской и строеній, стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть планъ новаго Кронштата, и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемого строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончилъ весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая, и благорастворенный воздухъ вливалъ въ чувства особливую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился употребить въ пользу благость Природы, и насладиться еще хотя разъ въ жизни великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ не удавалось еще видѣть. Я нанялъ морскую 12 - ти весельную шлюпку и отправился на Сестербеки.

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ весель единозвучностію своею возбудилъ во мнѣ дремоту, и токмо зрѣніе едва воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ конца весель. Стихотворческое воображеніе пересѣяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амофонта. Внезапу острый свистъ возникаю-

шаго вдали вѣтра разогналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ представились сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремилась ихъ намъ на голову и устрашала паденіемъ. Зерцаловидная поверхность воды начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу, взиралъ на величественную природу и, не въ чванство скажу, что другихъ устрашало, то меня веселило. Я восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ: ахъ! какъ хорошо! Но вѣтръ усиливался постепенно и понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ совсѣмъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на влажные хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, отнималъ у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носились на удачу; тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа казалась намъ въ сей часъ завистливою, и негодовала на нее теперь за то, что распростирала ужасное свое величество, сверкая въ молніи и поражая слухъ громовымъ трескомъ. Но надежда, преслѣдуя человѣка до крайности, укрѣпляла насъ и мы, елико возможно было, ободряли другъ друга.

Носимые волнами, внезапно судно наше остановилось неподвижно. Всѣ наши силы, совокупно употребленныя не были въ состояніи сдвинуть его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Стараясь свести судно наше съ мѣли, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ совсѣмъ утихъ. Небо помалу очистилось отъ зат-

мѣвавшихъ синею его облаковъ; но восходящая заря, вмѣсто того чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась; но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было возможности избавить ее оттуда невредимо. Вообрази, мой другъ, положеніе наше! Все, что ни скажу, слабо будетъ въ сравненіи съ моимъ чувствомъ. Да естлибъ и могъ я достаточно описать каждое души моей движеніе; то слабо еще было бы сіе описаніе для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія тогда въ душѣ моей раждались и тѣснились. Судно наше стояло на срединѣ каменной гряды, замыкающей заливъ, до Сестербеки простирающейся. Мы находились отъ берега на полторы версты. Вода начала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинать и отверзается вѣчность; тогда низпадаютъ всѣ степси, мѣбніемъ между человѣковъ воздвигнутыя. Человѣкъ становится тогда просто человѣкъ. Такъ видя приближающуюся кончину, забыли мы всѣ, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ, отливая воду, какъ кому споручно было. Но какал была въ томъ польза? Сколько воды союзными нашими силами было изчерпано, столько во мгновеніе паки наполнилось. Къ крайнему сердце нашихъ сокрушенію ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое подало бы намъ отраду, явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляясь отъ насъ и избѣгая равной съ нами участи. Наконецъ правитель нашего судна, болѣе другихъ къ опасностямъ морскимъ обыкшій, взиравшій, но неволѣ можетъ быть, на смерть хладнокровно въ разныхъ сраженіяхъ въ прошедшую Ту-

репкую войну въ Архипелагѣ, рѣшилъ или насъ спасти, спасаясь самъ или погибнуть въ семь благомъ намѣреніи; ибо, стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышелъ изъ судна и перебираясь съ камня на камень, направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень, переходя воду, гдѣ она была мелка и переплывая, гдѣ глубже стапавилось. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ увидѣли, что силы его начали ослабѣвать: ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаясь часто и отдыхая на кампѣ. Намъ казалось, что онъ находился иногда въ размышленіи и перѣшimotoсти о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, естли увидить онъ его изнемогающаго въ достиженіи берега, или достигнуть онаго, естли первому того не удастся. Взоры наши стремились въ слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о сохраненіи ихъ была величѣмѣрна. Наконецъ послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прехожденіи безъ чуда морскія пучины своими стопами остановился на кампѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ потеряли мы изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, закланшыя, такъ сказать, ужасомъ, начали являться при исчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалась, и трудъ нашъ, возрастая въ отливаніи оной, утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ пальцы и проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкой души и чувствованій, долго могущій ощущать тягость удручи-

гельныя неволы, рыдалъ, орошая слезами скамью на которой распростерть ницъ лежалъ. Иной, вспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ какъ окаменѣлый, помышляя не о своей, но объ ихъ гибели : ибо они питались его трудами. Каково было положеніе души моея, другъ мой, самъ отгадывай ; ибо ты меня довольно знаешь. Скажу тебѣ только то, что я прилѣжно молился Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію ; ибо судно наше болѣе половины водой натекло, и мы всѣ стояли въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы вытти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу ; по пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ нѣсколько уже часовъ и скрытіе другаго изъ виду представляли намъ опасность перехода болѣе можетъ быть, нежели какова она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близъ противоположеннаго берега въ разстояніи, какого точно опредѣлить не могу, два черныя пятна на водѣ, которыя казалось, двигались. Зримое нами иѣчто черное и движущееся мало по малу увеличивалось ; наконецъ приближаясь представило ясно взорамъ нашимъ два малыя судна, прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находились среди отчаянія, во сто разъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной хранищѣ, свѣту совѣмъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучъ денный влетѣвъ стремительно вереду мрака, разгоняетъ оный, распростираясь по всей хранищѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ. Такъ увидѣвъ два судна, лучъ надежды къ спасенію протекъ наши души. Отчаяніе прекратилось въ восторгъ, горестъ въ восклицаніе ; и опасно было, чтобъ радостныя тѣлодвиженія и плески не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели будемъ мы изторгнуты изъ опасности. Но надежда житія, возвращаясь въ сердца, возбуждала паки мысли о различіи состоянія, въ опасности

уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣкоторомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбацкія лодки, къ намъ приближающіяся ; и при достиженіи ихъ до насъ въ одной изъ нихъ увидѣли нашего спасителя, которой, прошедъ каменною грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для извлеченія насъ изъ явной гибели. Мы, не мѣшкаявъ нисколько, вышли изъ нашего судна и поплыли въ приѣхавшихъ суднахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, которой находился на ономъ около семи часовъ. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше, стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и совсѣмъ развалилось. Плывучи къ берегу среди радости и восторга, Павелъ (такъ звали спасаго насъ спутника) разсказалъ намъ слѣдующее.

Оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ я по камнямъ къ берегу. Желаніе спасти васъ дало мнѣ чрезвычайныя силы ; но сажень за сто до берега, стали онѣ ослабѣвать, и я началъ отчаяваться о спасеніи вашей и своей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камнѣ, всталъ съ новою бодростію и не отдыхая болѣе, доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ растянулся я на травѣ, и отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ Сестербеку, что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но вспоминая о васъ, добѣжалъ до мѣста. Казалось, что Небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе : ибо я не нашель ни вдоль берега, ни въ самомъ Сестербекѣ никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, думалъ я, что нигдѣ не лзя лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ, въ передней нашель я

тамошней команды сержанта, рассказал ему коротко, за чѣмъ пришелъ и ваше положеніе и просилъ его, чтобъ онъ разбудилъ Г....., которой тогда еще почивалъ. Сержантъ сказалъ мнѣ: другъ мой, я не смѣю.....—Какъ ты не смѣешь? Когда дватцать человѣкъ тонуть, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ. Но ты, бездѣльникъ, лжешь, я самъ пойду. Сержантъ взявъ меня за плечо, не очень учтиво вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи начальника къ его подчиненнымъ, побѣжалъ я къ караульнѣ, которая была версты съ двѣ разстояніемъ отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ, ѣздя по заливу, собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ; я и не ошибся въ своей надеждѣ; нашель сіи двѣ небольшія лодки; и радость моя теперь несказанна, вы всѣ спасены. Естълибъ вы утонули, то и я бросился бы за вами въ воду. Говоря сіе, Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на Небо. . . . . Отче всесильный! возопилъ я: Тебѣ угодно, да живемъ; Ты водилъ насъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя. . . . Се слабое, мой другъ, изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу; я видѣлъ то мгновеніе, когда я существовать перестану. Но что я буду?—не знаю. Страшная неизвѣстность! Часъ бѣтъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувство, мысль, все исчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ, на краю гроба: не почувствуешь ли корчащій мразь, ліющійся въ твоихъ жилахъ и заременно жизнь пресѣкающій? О мой другъ!..... Но я удалился отъ моего повѣствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце.

Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашемъ вѣкѣ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ великаго Государя совершилось такое безчеловѣчіе! Я вспомнилъ о заключенныхъ Англичанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Набаба (*), и вздохнулъ изъ глубины души. — Между тѣмъ дошли мы до Сестербека. Я думалъ, что начальникъ, проснувшись, накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. По поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что не могъ умѣрить словъ монахъ. Увидѣвъ его, сказалъ: Государь мой, извѣстили ли васъ, что за пѣсколько часовъ передъ симъ двадцать человѣкъ находились въ опасности потерять жизнь свою на водѣ и требовали вашей помощи? — Онъ отвѣчалъ мнѣ съ наивеличайшею холодностію, куря табакъ: Миѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. — Ты велѣлъ бы будить себя молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди

(*) Англичаше привлекъ въ свое покровительство упешаго къ намъ въ Калькуту Бенгальскаго чиновника, подвергшаго себя казни своимъ злодѣйствомъ. Справедливо раздраженный Набабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу и оный взялъ. Англическихъ военнопленныхъ велѣлъ свергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталось ихъ только 23 человѣка. Сии несчастные сулили стражѣ великія деньги, да возвѣстятъ Владѣльцу объ ихъ положеніи. Воплъ ихъ и стenanіе возвѣщали о томъ народу, о нихъ сожалѣющему; но никто не хотѣлъ сказать о томъ Властителю. Починаетъ онъ, отвѣтствовали умирающимъ Англичанамъ, и ни одинъ человѣкъ въ Бенгалѣ не думалъ, что для спасенія жизни 150-ти несчастныхъ должно прервать сонъ мучителя на мгновеніе. — Но чтожь такое мучитель? Или паче, что такое народъ, обыкшій къ виду мучительства? Благословеніе или боязнь тягчить его согбенна? Естли боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время пощн или въ часы дѣяній. Естли благоговѣніе, то можно ли побудить человѣка почитать содѣзателей его бѣдствій? — Чудо, возможное одному суевѣрію! Чему болѣе удивиться, звѣрству ли спящаго Набаба, или подлости, не смѣющей разбудить его? → Рейналь, Исторія объ Индіяхъ. Т. II.

тонуть и требуютъ отъ тебя помощи.—Отгадай, мой другъ, какой былъ его отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ сказалъ мнѣ : не моя то должность.—Я вышелъ изъ терпѣнія.—А развѣ должность твоя людей убивать, скарденный человѣкъ ! и ты носишь знаки отличія ; и ты пачальствуешь надъ другими ! — Не могъ окончить моей рѣчи, плюнулъ ему почти въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Дѣлалъ сто расположеній, какъ отмстить сему звѣрскому пачальнику, не за себя, но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминаніемъ многихъ примѣровъ, что мщеніе мое будетъ безплодно, что я же могу прослыть бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ ; — смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, которой принялъ насъ съ великою радостью, согрѣлъ, накормилъ и далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлые сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день, нашедъ большую шляпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ рассказывалъ я о семъ тому и другому. Всѣ участвовали въ моей опасности, всѣ хулили жестокосердіе начальника ; но никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Естлибъ мы потонули, то онъ былъ бы нашимъ убійцею. Но въ должности ему не предписано спасать васъ,—сказалъ нѣкто .... Теперь прошусь я съ городомъ навѣки. Не вѣду никогда въ сіе жилище тигровъ. Единное ихъ веселіе грызть другъ друга ; отрада ихъ томить слабаго до издыханія, и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городъ? Нѣтъ, мой другъ, говорилъ повѣствователь, вскочивъ со стула : заѣду туда, куда люди не ходятъ ; гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ ; гдѣ и имя его неизвѣстно. — Прости ” . . . Сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

Я скакалъ вслѣдъ за моимъ пріателемъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался уговорить его чтобъ возвратился въ Петербургъ; старался доказать ему, что малыя и частныя неуройства въ обществѣ не разрушаютъ его связи, подобно какъ дробинка, падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ сказалъ мнѣ на отрѣзъ: когда бы малая дробинка пошла на дно, то конечно не сдѣлалось бы бури на Финскомъ заливѣ, а я пошелъ бы жить съ тюенями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я занесъ уже ногу, чтобъ сѣсть въ кибитку, какъ вдругъ пошелъ дождь. Бѣда не велика, думалъ я, закроюсь цѣновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролетѣла, то какъ будто окупили меня въ пролубь. Небо, не спросясь у меня, разверзло облако, и дождь лилъ ведромъ. Съ погодою не сладишь; по слову вицѣ: тише ѣдешь, даль будешь — вылезъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ ложился уже спать, и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться; снялъ съ себя мокрое платье и что было по сухе положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была не пуховая, долго пѣжиться не позволила. Проснувшись, услышалъ я шопоть. Я могъ различить два голоса, которые между собою разговаривали. — Ну, мужъ, расскажитка, говорилъ женскій голосъ. — Слушай, меня. Жилъ, былъ. . . — И подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая отъ

сва; повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова, или Соловей разбойникъ? — Да кто тебя толкаетъ въ шею; вѣрь, коли хочешь. Но то правда, что въ старину тѣлесныя силы были въ уваженіи, и что силачи употребляли оныя во зло, напимѣръ Полканъ; а о Соловьѣ разбойникѣ читай, мать моя, истолкователей Рускихъ древностей. Они скажутъ тебѣ, что онъ соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. Не перебивай же моей рѣчи. — И такъ жилъ-былъ гдѣ-то Государевъ Намѣстникъ. Въ молодости своей таскался онъ по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и то, когда бывалъ въ Петербургѣ.

Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда много у него стало денегъ своихъ, много и казенныхъ въ продолженіи; тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. И спать и видить, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ Правленіе посылаетъ приказъ, чтобъ наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго имѣетъ онъ отправить въ Петербургъ съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами: но какъ ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, со всѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчирахъ явился предъ Его высокопревосходительство. — “Поспѣшай, мой другъ, вѣщааетъ ему униженный орденами, поспѣшай, возми сей пакетъ и отдай его въ большой морской. — Кому прикажете? — Прочти адресъ. — Его... Его — Не такъ читаешь. — Государю моему, Гос...—Врешь: Господину Корзинкину, поч-

тенному лавошнику въ С. Петербургѣ въ большой морской.— Знаю, ваше высокопревосходительство. — Ступай же, мой другъ ; и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли ; а я скажу тебѣ не одно спасибо”. — И ну ну, по всѣмъ по тремъ вплоть до Питера къ Корзинкину прямо на дворъ. — Добро пожаловать. Куды какой Его высокопревосходительство затейникъ : изъ-за 1000 верстѣ шлетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы, теперъ лишь съ биржи. Скажи, не меньше 150-ти бочка ; уступить не лзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостью сочтемся. . . . Бочку взвалили въ кибитку ; поворота оглобли, курьеръ уже опять скачетъ, успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тидь, тинь.... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, караульный Офицеръ бѣжить уже къ Намѣстнику (то ли дѣло, какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышанъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шастъ курьеръ въ двери. Привезъ, ваше высокопревосходительство. — Очень кстати. (Оборотась къ предстоящимъ) Право человекъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза въ годъ ѣздить въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ, упомянуть не могу. Секретаря! — Пиши представленіе: за многочисленные его въ посылкахъ труды и за точное оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ. — Въ расходной книгѣ у Казначей написано : по предложенію Его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному въ С. Петербургъ, съ наинужайшими доставленіями прогонныхъ денегъ въ оба пути за три лошади изъ экстраординарной суммы.... (Казначейская книга пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ). — По представленію

Г-на Генерала...и проч. приказали быть сержанту Н. Н. Прапорщикомъ.

Вотъ жена, говорилъ мужскій голосъ, какъ добиваются въ чины; а мнѣ что прибыли, что служу безпорочно? Не подамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно награждать за добро порядочную службу. Но царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ - то нашъ Г. Казначей: уже другой разъ по его представленію отсылаютъ меня въ Уголовную Палату; когда бы я былъ съ нимъ за одно, то бы не житье, а масленица. — И, полно, Клементьичъ, пустяки - то молоть. Знаешь ли, за что онъ тебя не любитъ? За то, что ты промѣнь берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. — Потихе, Кузминшна потихе; неравно кто подслушаетъ. — Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною ночевалъ Присяжный съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ повозку мою запрягали лошадей, приѣхала еще кибитка, тройкою запряженная, изъ нее вышелъ человѣкъ, закутанный въ большую епанчу; шляпа съ распущенными полями, глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть лице его. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; и какъ многіе извозчики, окруживъ его, съ нимъ торговались, то онъ, не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: Запрягай поскорѣе, я дамъ по 4 ко. на версту. Ямщикъ побѣждалъ за лошадьми. Другіе видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженьяхъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и не снимая шляпы, сказалъ: Милостивый Государь! снабдите чѣмъ ни есть несчастнаго человѣка. — Сіе удивило меня чрезвычайно, и я не могъ вытѣр-

пѣть, чтобъ не сказать ему, что я удивляюсь прозвѣмъ его о вспоможеніи, когда не хотѣлъ онъ торговаться о прогонахъ и давалъ противъ другихъ вдвое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу ничего не встрѣчалось вамъ попережнаго. — Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я, не медля нимало, вынулъ изъ кошелька.... Не осудите, сказалъ я, болѣе теперь служить вамъ не могу; но естли доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое присемъ было то, чтобъ сдѣлать его чисто сердечнымъ; я и не ошибся. — Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что свѣтское обращеніе и свисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ сердце ваше. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему на моей. Между тѣмъ лошади были впряжены, и я исполнилъ его желаніе . . . . и мы ѣдемъ.

Ахъ! Государь мой, не могу представить себѣ, что я несчастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ, я былъ веселъ, въ удовольствіи; не чувствовалъ недостатка, былъ любимъ или такъ казалось: ибо домъ мой всякой день былъ полонъ людьми, заслужившими уже знаки почестей; столь мой былъ всегда, какъ великолѣпное вѣское торжество. По естли тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалась истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ получилъ я наконецъ въ жену ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, представляла намъ все въ ясномъ видѣ. Мы не зрѣли облачнаго дня; мы достигли вершины нашего блаженства. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Судьба опредѣлила, да рушится все сіе блаженство въ одно мгновеніе. У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшихся насыщали на мой щегъ праздный свой

голодь. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, которой внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобъ говоренное слышно было женѣ моей и многимъ другимъ. Не ужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ Уголовной Палатѣ уже рѣшено?

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобъ человѣкъ неслужащій и въ положеніи, мною описанномъ, могъ подвергнутъ себя уголовному суду. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда дѣло мое, прошедъ нижніе Суды, достигло до вышняго. Вотъ въ чемъ оно состояло. — Я былъ записанъ въ купечествѣ; пушкая капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, которой, попавшись лично въ преступленіе, отъ откупу былъ отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался на немъ по видимому большій начеть. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ, и начеть положено взыскать съ меня. Сдѣлавъ выправки, сколько могъ, я нашель, что начету на мнѣ или совсѣмъ не было, или былъ очень малый; и для того просилъ, чтобъ сдѣлали расчетъ со мною, ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто должнаго по моему прошенію удовлетворенія велѣно vedoимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе; но къ сему присовокупили и другое. Въ то время, какъ сдѣлался я въ откупу порукою, имѣнія за мной никакого не было; но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ Гражданскую Палату. Странная вещь, запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ и дѣлалъ другія приобрѣтенія. Въ тоже самое время случай допустилъ меня перейти изъ купческаго званія въ дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу, нашель

я случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ той же самой Палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди, которыхъ удовольствіе помрачалось блаженствомъ моей жизни. Стряпчій казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я, избѣгая платежа казенной недоимки, продалъ домъ, обманувъ Гражданскую Палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно говорилъ я, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи; тщетно говорилъ я, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сею продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто; продажа дому уничтожена; меня осудили за ложной мой поступокъ лишить чиновъ . . . И требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, здѣшняго хозяина въ судъ, чтобъ посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Повѣствуя сіе послѣднее, рассказывающій возвысилъ голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня, вскричала:—Нѣтъ, мой другъ, и я съ тобою..... Болѣе выговорить не могла. Всѣ члены ея ослабѣли и она упала безъ чувствъ въ мои объятія. Я поднялъ ее со стула, вынесъ въ спальню, и не знаю, какъ обѣдъ кончился. Пришедъ черезъ нѣсколько времени въ себя, она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сіе несчастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцемъ; и всѣ способы, бабки и доктора, для пособія призванные, были тщетны и не могли воспретить, чтобъ жена моя не родила

чрезъ сутки. Движеніе души ея рожденіемъ младенца не токмо не успокоилось, но усилившись гораздо, причинило ей горячку..... Почто распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ умерла. Видя ея страданія, можете повѣрить, что я не оставлялъ ее ни на минуту. Въ горести позабылъ совершенно дѣло мое и осужденіе. За день до кончины моей возлюбленной недозрѣлый плодъ нашей горячности также умеръ. Болѣзнь матери его занимала меня такъ много, что потеря сія была тогда для меня не велика. Вообрази, говорилъ повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда увидѣлъ я, что возлюбленная моя разставалась со мной навсегда!—Павсегда! вскричалъ онъ, дикимъ голосомъ.—Но зачѣмъ я бѣгу? Пусть посадятъ меня въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай мучать меня, пускай лишаютъ жизни! О варвары! о тигры! змѣи лютые! грызите мое сердце, пускайте въ него томный вашъ ядъ..... Извините мое изступленіе; я думаю, что я скоро лишусь ума. Когда воображу ту минуту, какъ любезная моя со мною разставалась: то забываю все и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ такомъ жестокомъ отчаяніи лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ искренныхъ моихъ друзей. Тебя пришли взять подъ стражу, команда па дворѣ. Бѣги отсель; кибитка у заднихъ воротъ готова. Ступай въ Москву или куда хочешь, и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить судьбу твою. Я не внималъ его рѣчамъ; но онъ, усилясь надо мною, взялъ меня съ помощію людей, вынесъ и положилъ въ кибитку. Вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ онъ мнѣ кошелекъ, въ которомъ было только 50 р., и пошелъ въ мой кабинетъ, чтобъ найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но нашедъ уже офицера

въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать сказать мнѣ чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ везли меня первую станцію; слуга пріятеля моего рассказалъ все происшедшее, простился со мною, и я теперъ ѣду по пословицѣ — куда глаза глядятъ.

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно-ли, говорилъ я самъ себѣ, чтобы въ толь мягко-сердое правленіе, каково нынѣ у насъ, производились толикія жестокости? Возможно-ли, чтобы были столь безумные суды, что для насыщенія казны (можно дѣйстви-тельно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлетворенія казеннаго требованія) отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ сіе происшествіе могло достигнуть до слуха верховной власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи одна она въ отношеніе другихъ можетъ быть безпристрастна. Но не могу-ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. Я изобразу всѣ происшествія и представлю неправосудіе судившихъ и невинно страдающаго. Но жалобницы отъ меня не примутъ. Спросять, какое имѣю я на то право? Потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма. Какое имѣю право? Страждущее челоувѣчество. Челоувѣкъ, лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своей жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужель сего мало, что страждетъ мой согражданинъ? Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ челоувѣкъ—вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо. — О богочелоувѣкъ! почто писалъ ты законъ для варваровъ? Они, крестясь во имя Твое, приносятъ злобѣ кровавыя жертвы. Почто ты къ намъ

мяткосердѣ былъ? Въмѣсто обѣщанія будущей казни, усугубилъ бы казнь настоящую, и возжигая совѣсть по мѣрѣ злодѣянія, не далъ бы имъ покоя деннонощно, доколь страданіемъ своимъ не загладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія такъ утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и долго не просыпался.

Возмущенныя мыслию соки стремились мнѣ спящу къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Безчисленныя картины представлялись мнѣ во снѣ и исчезали, какъ легкіе во воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грѣзилъ.

Мнѣ представлялось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набавъ, Султанъ или какое-то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на престолѣ. Мѣсто возсѣданія моего было изъ чистаго золота, и хитро изкладепными драгими разнаго цвѣта камнями блистало лучезарно. Ничто не могло сравниться съ блескомъ одеждъ моихъ. Глава моя украшалась лавровымъ вѣнцемъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе. Здѣсь лежалъ мечъ на столѣ, изъ серебра изъявляющій, на коемъ изображались морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и прочее сего рода; вездѣ видво было вверху имя мое, носимое геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ видѣнъ скиптръ мой, возлежащій на снопахъ, обильными класами отягченныхъ, изъявляющихъ изъ чистаго золота и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвышенныя зрѣлись вѣсы. Въ одной изъ чашъ лежала книга съ надписью: “Законъ Милосердія;” а въ

другой книга съ надписью : “ Законъ Совѣсти.” Держава, изъ единого камня изсѣченная, была поддерживаема грудю-младенцевъ, изъ бѣлаго мрамора изваянныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго исполина ; воскраіе же его поддерживаемо было Истинною. Огромной величины змія, изъ свѣтлой стали искованная облежала вокругъ сѣдалища при его подножіи, и конецъ хвоста въ зевѣ держаша, изображала вѣчность.

Но не одни бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего государственные чины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ онаго толпилось безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ возвѣщали различіе ихъ племени; трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ волѣ моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ выражали удовольствіе смотрѣть на меня, и желанія ихъ стремились на предупрежденіе моихъ, естлибъ они возродились. Глубочайшее молчаніе царствовало въ семь собраніи; казалось, что всѣ были въ ожиданіи важнаго какого происшествія, отъ коего зависѣло спокойствіе и блаженство всего общества. Обращенный самъ въ себя чувствуя глубококоренившуюся въ душѣ моей скуку, происходящую отъ скоро насыщающаго единообразія, я отдалъ долгъ естеству и разинувъ ротъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей; смятеніе распростерло внезапно мрачный покровъ свой по чертамъ веселія; улыбка улетѣла съ устъ нѣжности и блескъ радованія съ ланитъ удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящей бѣды.

Слышны были вздохи, предтечи скорьби, и уже начинало раздаваться задерживаемое страхомъ стenanie. Уже скорыми стопами шествовало отчаяніе и смертныя содраганія, самой кончины мучительнѣе. Тронутой до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣищемъ, ланитныя мышцы нечувствительно стянулись къ ушамъ моимъ и растягивая губы, произвели въ чертахъ лица кривленіе, улыбокъ подобное, за коймъ я чхнулъ весьма громко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный лучъ солнца, летитъ отъ жизненнаго его жара сгущенная парами влага и раздѣленная въ составѣ своемъ частію улегчась, возносится стремительно въ неизмѣримое пространство эфира, и частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ, падаетъ низу стремительно; мракъ, царствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара, исчезаетъ вдругъ весь, и сложивъ поспѣшно непроницаемый покровъ свой улѣтаетъ на крылахъ мгновенности, не оставляя по себѣ ниже знака своего присутствія: такъ при улыбкѣ моей разсѣялся видъ печали, поселившейся на лицахъ всего собранія; радость проникла быстротечно всѣ сердца, и не осталось нигдѣ и вида неудовольствія. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ великій нашъ Государь! да здравствуетъ навѣки! Подобно тихому полуденному вѣтру, помагающему листія деревьевъ и производящему въ дубровѣ любострастное шумленіе, раздавалось во всемъ собраніи радостное шептаніе. Иной говорилъ въ полголоса: онъ усмирилъ вѣдшихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ своей державѣ тысячи разныхъ народовъ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, распространилъ внутреннюю и вѣднюю торговлю; онъ любитъ науки и художества и поощряетъ земледѣіе и рукодѣлія. Женщины вѣщали

съ нѣжною: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ гражданъ, избавя ихъ отъ гибельной кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные законы, облегчилъ народъ отъ податей и доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ простирая руки на небо, говорило: онъ милосердъ, правдивъ; законъ его для всѣхъ равенъ; онъ почитаетъ себя первымъ его слушателемъ; онъ мудрый законодатель, правдивый судья, ревностный исполнитель долгу сана своего; онъ паче всѣхъ Царей великъ; онъ даруетъ всѣмъ свободу.

Таковыя рѣчи, ударя въ тимпанъ моего слуха, громко раздавались въ душѣ моей. Похвалы сіи изображались въ разумѣ моемъ истинными; ибо сопутствуемы были на-ружными чертами искренности. Приемля ихъ таковыми, душа моя возвышалась надъ обыкновеннымъ кругомъ зрѣнія, расширялась въ существѣ своемъ и объемля все, касалась степеней божественной премудрости; но ничто не равнялось удовольствію самоодобрѣнія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я итти завоевать землю, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдаленную. Государь! отвѣтствовалъ онъ мнѣ: Единая имени твоего слава побѣдить народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и я возвращусь, принося дань Царей сильныхъ.— Учредителю плаванія рекъ я: да разсѣются корабли мои по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы, да извѣстенъ будетъ флагъ мой на Сѣверѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ!—Исполню, Государь! и полетѣлъ на исполненіе, яко вѣтръ, опредѣленный надувать вѣтрила корабельныя.— Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моя области, рекъ

я хранителю законовъ: се день рожденія моего; да-ознаменуется онъ въ лѣтописяхъ навѣки повсемѣстнымъ отпущеніемъ; да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники и да возвратятся въ дома своя, яко заблудшіе отъ истиннаго пути.—Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедрого Существа. Какъ сладко возвѣститъ радость скорбящимъ отцамъ по чадахъ ихъ, супругамъ по супругамъ ихъ.—Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища Музъ, да украсятся они разнообразными природѣ подражаніями и да будутъ нерушимы, яко небесныя жительницы, для коихъ уготовляются.—О премудрый! отвѣчалъ онъ мнѣ: едва велѣнію гласа твоего повиновались стихіи и созкупа силы свои, учреждали въ пустыняхъ и дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности, koliko маловаженъ будетъ трудъ сей для ревностныхъ исполнителей велѣній Твоихъ! Ты рекъ—и грубыя строевій припасы внемлютъ уже гласу твоему!—Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются на немощствующихъ остатки избытка, да возвратятся ненужныя сокровища къ ихъ источнику!—О всещедрый владыко, Всевышнямъ намъ дарованный! Отецъ чадъ своихъ! обогатитель нищаго! да будетъ воля твоя. При всякомъ моемъ изрѣченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно, и плесканіе рукъ не токмо сопровождало слова мои, но даже предупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облекшаяся твердо о столбъ, испускала вздохи скорби и изъясляла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава покрыта была шляпою, когда всѣ другіе стояли съ обнаженными главами.—Кто сія? вопрошалъ я стоящаго близъ меня.—Сія есть странница, намъ неизвѣстная; именуеть себя Пря-

мовзорой и глазнымъ врачомъ; но есть опаснѣйшій волхвъ, носящій ядъ и отраву; радуется снорби и сокрушенію; всегда нахмуренна; всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ ругави своемъ священныя главы твоя.— Почтожь злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милостей и веселія. Прийдите, сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія! примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда возставъ отъ мѣста моего, возгласилъ я различные знаки почестей на предстоящихъ; не были забыты и отсутствующіе; но тѣ, кои съ пріятнымъ видомъ шли во срѣженіе словамъ моимъ, имѣли большую въ благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдѣмъ столпы моя державы, опора моей власти! пойдѣмъ усладиться по трудѣ. Достойно да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія; онъ изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я учредителю веселій: мы тебѣ послѣдуемъ. — Пстой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, пстой и подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. Какія бѣлыма! сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила нудила меня иди къ ней, хотя всѣ меня окружавшіе препятствовали мнѣ въ томъ, дѣлая даже насиліе.

На обоихъ глазахъ бѣлыма, продолжала странница; а ты такъ рѣшительно судилъ о всѣхъ. Потомъ коснулась обоихъ глазъ моихъ и сваяла съ нихъ толстую плену, подобную роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ совершенно. Я есмь истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ подвласт-

наго тебѣ народа, ниспослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, препятствующую проицанію взора твоего. Всѣ вещи представлятъ теперь взорамъ твоимъ въ естественномъ ихъ видѣ. Ты проникнешь во внутренность сердець. Не утаится отъ тебя змія, кроющаяся въ душевныхъ излучинахъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя любить не тебя, но отечество; которые готовы всегда поразить тебя, если оно станетъ мстить поработеніе челоуѣка, но они не возмутятъ никогда гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Призови ихъ себѣ въ друзей; изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмѣвающие очи твои и воспрещавшіе мнѣ входъ въ твои чертоги. Единъ разъ являюсь я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познають меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, освѣщая ихъ вокругъ и буящая депночно, воспрещаетъ мнѣ стогласно входъ въ оныя. Если проникну когда сію ополченную толпу, то окружающіе тебя поднявъ бичъ гоненія, тщатся изгнать меня изъ обиталища твоего. Бди убо, да паки не удалюсь отъ тебя. Тогда ласкательныя словеса, издыхающія ядовитыя пары, возродятъ паки бельма твои, и кора, свѣтомъ непроницаемая, покроетъ очи твои. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на одинъ шагъ взоры твои достигать будутъ. Все будетъ являться тебѣ въ веселомъ видѣ. Уши твои не возмутятся стѣннаніемъ, но усладятся ежечасно сладкопѣніемъ. Жертвенныя куренія обидутъ отверстую на лесь душу. Осязаніе твое встрѣтитъ всегда сладкость. Никогда благотворная шероховатость не раздеретъ осяза-

тельныхъ нервъ твоихъ. Вострепещи теперь о такомъ
 состоянїи. Туча вознесется надъ главою твоею и стрѣлы
 карающаго грома уготовятся на пораженіе твое. Но я
 вѣщаю тебѣ, что еще поживу въ предѣлахъ твоего обла-
 данія. Егда восхощешь меня видѣти; егда осажденная
 кознями ласкательства душа твоя взалкаетъ моего взора:
 воззови меня изъ отдаленности; гдѣ слышанъ будетъ твер-
 дый гласъ мой, тамъ меня и обратишь. Не убойся ни-
 коли гласа моего. Естли изъ среды народныя возник-
 неть мужъ, порицающій дѣла твои, вѣдай, что той есть
 другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый
 рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ
 о мнѣ. Блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго
 возмутителя. Призови его, угости его яко странника: ибо
 всякъ, порицающій Царя въ самовластїи, есть странникъ
 земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю,
 почти его, да возвратившись, возможетъ глаголати паче и
 паче нехвально. Но таковыя твердыя сердца рѣдки; едва
 единъ въ цѣломъ столѣтїи явится на свѣтскомъ ристали-
 щѣ. А дабы бдительность твоя не усыплялась вѣгою
 власти, се дарую тебѣ кольцо, да возвѣститъ оно твою
 неправду, когда дерзать на нее будешь. Ибо вѣдай, что
 ты можешь быти первѣйшій въ обществѣ убійца, первѣй-
 шій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нару-
 шитель общественной тишины, лютейшій врагъ устрем-
 ляющій злость свою на слабого. Ты будешь виною, естли
 мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убиенномъ на ратномъ
 полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва
 оправдать можетъ убійство, называемое войною. Ты бу-
 дешь виною, естли запустѣетъ нива; естли птенцы зе-
 мледѣателя у засохшаго безъ здоровой пищи сосца матерня
 лишатся жизни.—Но обрати теперь взоры свои на себя

и на предстоящихъ тебѣ; воззри на исполненіе твоихъ велѣній; и естли душа твоя при семъ зрѣлище не содрогнется отъ ужаса, то отъиду отъ тебя, и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моеѣ.

Лице изрекшія страницы казалось веселымъ и сіяло невещественнымъ блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже она не волновалась тщеславіемъ и надутымъ высокоуміемъ. Тишина царствовала въ ней. Волненія любочестія и обуреванія властолюбія не касались ее. Блестающія одежды мои казались замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлись остатки мозга человѣческаго. Ноги мои находились въ тишѣ. Стоящіе вокругъ меня являлись еще того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгораемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга изкаженные взоры, въ коихъ видны были хищность, зависть, коварство и ненависть. — Военачальникъ мой, посланный на завоеванія, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ не было подчиненности; войны мои почитались хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здоровіи, ни о прокормленіи; жизнь ихъ ни вочто вмѣнялась. Они лишались установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирала отъ небреженія Начальниковъ или отъ ненужной и безвременной строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всего ополченія, была въ рукахъ у учредителя веселостей. Знаки военного достоинства доставались не храбрости, но подлому раболѣпію. Я зрѣлъ предъ собой одного знаменитаго по словамъ Начальника, коего почтилъ я отличными знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ своему Начальнику въ насыщеніи сладострастія, и не имѣлъ даже случая оказать свое

мужество, ибо и вдали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ-то войскъ ожидалъ я себѣ новыхъ вѣщцовъ. Я отвратилъ взоры отъ тысячи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назпаченные да прейдуть дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій на крылахъ вѣтра для исполненія моихъ велѣній, простерши на мягкой постели члены свои, упоаяся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбуждательницы его сладострастія. На изготовленномъ велѣніемъ его чертежѣ въ мечтаніи совершеннаго плаванія видны уже были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, изобилующіе свойственными климату ихъ плодами. Обширныя земли и многочисленныя народы изражались изъ кисти новыхъ ихъ путешественателей. Уже начерталось при блескѣ ночныхъ свѣтильниковъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ слогомъ величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ приобрѣтеній. Уже уготовлялись златыя деки на одежду столь важнаго сочиненія. — О Кукъ! почто провелъ ты жизньъ свою въ трудахъ и лишеніяхъ? Почто скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Если бы возсѣлъ на сіи корабли; то въ веселіи пачавъ путешествіе; и въ веселіи его окончивъ, столь же много сдѣлалъ бы открытій, сидя на одномъ мѣстѣ (и въ моемъ государствѣ) и столь же прославился бы: ибо ты почтенъ бы былъ твоимъ Государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе гордилась, отпушеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго толкованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жало-

сти и великодушія. Въмѣсто того, чтобъ чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосердымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. Удержи свое милосердіе, кѣшали тысячи голосовъ, не возвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, естли не хочешь его исполнить. Не соединяй съ обидой насмѣшки и тяжести ея ощущенія. Мы спали и были покойны ; ты возмутилъ нашъ сонъ ; мы не желали бдѣть : ибо не надъ чѣмъ. — Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственной казны, омытой перѣдко кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій присовокуплялось часто къ расточенію нецонаніе объ истинномъ искусствѣ. Во внутреннемъ и внѣшнемъ ихъ расположеніи не было ни малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали къ Готевъ и Вандаловъ. — Въ жилищѣ Музъ не зрѣлъ я благотворно люющихся струй Касталии и Инокрены ; пресмыкающееся искусство едва дерзало возводить взоры свои выше очерченной обычаемъ окружи. Зодчіе, согбенные надъ чертежемъ зданія, помыслили не о красотѣ онаго, но какъ бы приобрѣсть себѣ его стяжаніе. Я возгнушался пышваго своего тщеславія и отвратилъ очи мои. — Но паче всего уязвило душу мою изліяніе щедротъ моихъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что общественная казна, ненужная на государственныя надобности, не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищему, на одѣяніе нагаго, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго отъ нещастій, или на мзду нерадающему о стяжаніи достоинствъ и заслугъ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богача, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на тайнаго убійцу, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на свисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыд-

ствомъ. Едва досязали слабые источники моей щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливой заслуги. — Слезы пролились изъ очей моихъ и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя картины безразсудной моей щедрости. Теперь видѣть я ясно, что знаки почестей, мною раздаваемые, доставались всегда недостойнымъ. Неопытное достоинство, пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостью духа на снисканіе почестей, возжелѣнной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои всегда на первыхъ степеняхъ изнѣмогало и осуждаемо было довольствоваться собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что почести мірскія суть пепель и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность, отъ слабости моей и коварства Министровъ происекшую; видя, что нѣжность моя обращалась на жену, ипущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія и устрояющую на услажденіе мое только вышность свою, между тѣмъ какъ сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе: воскипѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣшайте, почто во зло употребили довѣренность господа вашего? Предстаньте нынѣ предъ судію вашего. — Вострепечите въ окамѣнелости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла свои? Что скажете въ извиненіе свое? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Привидя, вѣщаль я старцу, коего зрѣлъ въ краю обширной моей области кроющагося въ обросшей мхомъ хижинѣ: приходи облегчить мое бремя; приходи и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму. — Изрекши сіе, обратилъ я взоръ на свое усыпленіе, позналъ обширность моего долга, позналъ, откуда происходятъ мои права и власть; вострепеталъ въ сердцѣ своемъ и убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ сильное волненіе, и я пробудился. . . . Еще не опомнившись, схватилъ

себя за палець, но терноваго кольца на немъ не было. О естыли бь оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей! —

Властитель міра! естыли, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело: вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

На силу могъ я очнуться отъ богатырскаго сна, въ которомъ столько сгрѣзиль.... Голова моя была тяжелѣе свинцовой, хуже, нежели бываетъ съ похмѣлья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Я былъ не въ состояніи продолжать пути и трястись на деревянныхъ дорогахъ (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынялъ домашній лѣчебникъ и искалъ, нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреда во снѣ и на яву. Лѣкарство со мной хотя всегда ѣздило въ запасъ; но по пословицѣ: на всякаго мудреца довольно простоты — не предостерегъ я себя противъ бреда, и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Парасковья, нареченная пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говорила она, такъ и свѣтъ вижу; а безъ того умерла бы она въ три дня. Я взялся за нянюшкино лѣкарство; но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне

для меня сваренымъ молодаго челоѣка, которой сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна: — благодарю покорно, сказалъ онъ, взявши чашку съ кофеемъ. — Привѣтливый видъ, неробкій взглядъ, вѣжливая осанка, казалось, нехстати были къ длинному полукафтанью и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. — Извини меня, читатель, въ моемъ заключеніи: я родился и выросъ въ столицѣ, и естли кто не кудрявъ и не напудренъ, того я за ничто почитаю. Естли и ты, деревенщина, волосъ не пудришь, то не осуди, естли я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово, я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новгородской Семинаріи и шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, которой былъ секретаремъ въ губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было сыскать случай для пріобрѣтенія науки. Какъ великъ у насъ еще недостатокъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ: одно знаніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. *Виргилія*, *Горація*, *Тита Ливія*, даже *Тацита* знаю я почти наизусть; но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ, что имѣлъ я случай по шастію узнать; то почитаю училище сіе принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Всѣ классическіе авторы намъ извѣстны; мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что дѣлаеть ихъ доднесь пріятными, что вѣчность для нихъ уготовала. Насъ учать философіи; мы проходимъ логику, метафизику, физику и богословіе; но по словамъ *Кутейкина* въ недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться? *Аристотель* и схоластика донинѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я пошастію познакомился съ однимъ изъ губернскихъ членовъ въ *Новгородѣ*, имѣлъ случай пріобрѣсть у него

въ домѣ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользовался его книгами. Какая розница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для знающихъ токмо латинскій языкъ отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! Для чего, продолжалъ онъ свою рѣчь, для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ російскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латинщика нашлось бы 200 человекъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ: естли бы привести примѣры изъ размышленій и разглагоствій судей нашихъ о дѣлахъ; чтобъ сказали Гроцій, Монтестье, Блекстонъ?—Ты читалъ Блекстона?—Читалъ первыя двѣ части, на російскій языкъ переведенныя. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ и принуждать ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что нѣтъ у насъ училищъ, гдѣ бы преподавались науки на языкѣ народномъ.

Вошедшій почталіонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполниться; что есть уже повелѣніе объ учрежденіи новыхъ университетовъ, гдѣ науки преподаваться будутъ по его желанію. Пора, государь мой, пора....

Между тѣмъ какъ платилъ я почталіону прогонные деньги, семинаристъ вышелъ вонъ и выхода, выронилъ

небольшій свертокъ бумаги. Я поднялъ упавшее и не отдалъ ему. Не обличи меня, любезный читатель, въ воровствѣ моемъ ; съ такимъ условіемъ я и тебѣ сообщу, что подтибрилъ ; когдажъ прочтешь, то знаю, что кражи моею наружу не выведешь : ибо не тотъ одинъ воръ, кто кралъ, но и тотъ кто принималъ ; такъ писано въ законѣ рускомъ. Признаюсь, я на руку не чистъ ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчасъ стяну. Смотри, не клади мыслей плохо..... Читай, что мой семинаристъ говорить :

“ Кто нравственный міръ уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истинну, не иное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглый образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихъ тѣлъ и изрекъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, смертные откроютъ можетъ быть тайную связь духовныхъ или нравственныхъ вещей съ вещами тѣлесными или естественными ; что причина всѣхъ перемѣнъ, превратностей нравственного или духовнаго міра зависить можетъ быть отъ круглообразнаго вида нашего обиталища и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно круглообразныхъ и коловращающихся...” На Мартиниста похоже, на ученика Шведенборга. Нѣтъ, мой другъ, я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу ; но для того, что нахожу въ томъ немалое услажденіе чувствъ, и покаюсь тебѣ, какъ отцу духовному, что лучше просижу ночь съ пригоженькою дѣвочкою и упоенный сладострастіемъ, усну въ ея объятіяхъ, нежели, зарывшись въ еврейскія буквы, арабскія цифры или египетскіе гіероглифы, потщусь отдѣлать духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобно древнимъ и новымъ духовнымъ витязамъ. Когда

умру будетъ времени довольно на неосязательность и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назадъ, кажется, еще время - то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе и весь его причетъ : невѣжество, рабство, инквизиція и многое кое-что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы ; давно-ли Фридрихъ былъ неутомимый его врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣянїями, но что для него страшище, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мирѣ семъ все приходитъ на прежней, ибо все въ разрушенїи имѣетъ свое начало. Животное, прозябаемое, родится, растетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящїе народы собираются въ грады, основываютъ царства, мужають, славятся, слабѣють, изнемогають, разрушаются. Не видно мѣста пребыванїя ихъ, даже и тѣни ихъ погибають. Христіанское общество было вначалѣ смиренно, кротко, скрывалось въ пустыняхъ и вертепахъ ; потомъ усилилось, вознесло главу, уклонилось своего пути, вдалось суевѣрїю, шло въ изступленїи стезею, народамъ обыкновенною, воздвигло начальника, расширило его власть—и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лютеръ началъ преобразованїе, воздвигъ расколъ, изъясъ изъ—подъ власти его и много имѣлъ послѣдователей. Зданїе предубѣжденїя о папской власти стало рушиться, стало исчезать и суевѣріе,—истина нашла любителей, поправа огромный оплотъ предразсужденїй, но не долго пребывала въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалась необузданности ; не было ничего святаго ; на все посягали. Дошедъ до границъ возможности легкомыслія, возвратились вспять. Сїя перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣднихъ предѣловъ безпрепятственнаго вольномыслія ; но многіе начинаютъ уже обращаться къ

суевѣрію. Открой новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣвія, когда разумъ человѣческой заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ-ли въ реченіи смыслъ ; когда задачею любо-мудрія почиталось и на рѣшеніе изсѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ острѣѣ можетъ умѣститься душъ.

Естьли потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе ; естьли, оставя естественность, гоняться будутъ за мечтаніями : то весьма полезной былъ бы трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній ходъ разума человѣческаго, когда, сотрясши мглу предразсужденій, началъ онъ искать истину до выпренности ея, и когда, утомленный, такъ сказать, своимъ бодрствованіемъ, сталъ терять паки свои силы, томиться и погружаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя не будетъ бесполезенъ ; ибо открывая ходъ мыслей нашихъ къ истинѣ и заблужденію, устранить хотя нѣкоторыхъ отъ пагубной стези и остановить полеть невѣжества. Блаженъ писатель, просвѣтившій твореніемъ своимъ хотя единого ! Блаженъ посѣявшій хотя въ единомъ сердцѣ добродѣтель !

Мы можемъ назваться счастливыми : ибо не будемъ свидѣтелями крайнаго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки могутъ быть еще насъ счастливѣе. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившія, поднимаются уже и опредѣляются объять кругъ зрѣнія. Блаженны, естьли не узримъ новаго Магомета. Часть заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ и сужденіяхъ о нравственныхъ и духовныхъ вещахъ начинается ферментация и мужъ твердый и предприимчивый востанетъ на истину или на прельщеніе :

тогда послѣдуетъ переменна царствъ и переменна въ исповѣданіяхъ.

На лѣстницѣ, по которой человѣческой разумъ долженъ нисходить во тьму заблужденій, естли покажемъ что либо смѣшное и улыбкою сдѣлаемъ добро : блаженны наречемъя.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, блюдитесь, о возлюбленный !—да не вступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій :

Вѣщаеъ А ки ба—восшедь по стезѣ Равви и Иозуа въ сокровенное мѣсто, позналъ я тройственное : 1. Не на Востокъ и не на Западъ, но на Сѣверъ и Югъ обращаться довлѣтъ ; 2. Не на ногахъ стоящему, но возсѣдая надлежитъ испражняться ; 3. Не десницею, но шуйцею надлежитъ отирать задняя.—На сіе возразилъ Бекъ и Тазасъ : дотолѣ обезсудѣль сей чело свое на учителя, да извергающаго присматриваль.—Онъ отвѣтствовалъ : сіи суть таинства закона, и нужно было, да сотворю сотворенное и ихъ познаю.*

НОВГОРОДЪ.

Гордитесь, тщеславные созидатели градовъ ! гордитесь, основатели государствъ ! мечтайте, что слава ваша будетъ вѣчна ! столпите камень на камени до самыхъ облаковъ ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ и надписи, воз-

* Смотри Белевъ словарь статью А ки ба.

вѣщающія дѣла ваши; полагайте твердыя основанія правленія закономъ непремѣннымъ! — Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему киченію. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы, утверждавшіе вольность Аѳинъ и Спарты? . . . Въ книгахъ. . . А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карфагенъ? — Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо они стояли. Курится ли Единому Существованію таинственная невидимая жертва въ славныхъ храмахъ древняго Египта? — Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блѣющему скоту во время полуденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаются, но наполнены смрадными изверженіями скотскаго тѣла. — О гордость! о надмѣнность человѣческая! возри на сіе и познай, колико ты ничтожна! —

Въ таковыхъ размышленіяхъ подѣзжалъ я къ Новгороду; смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ. Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже на 15 верстѣ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключались въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до 100,000 войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у нихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалась въ Посадникахъ и Тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на Вечѣ былъ истинный Государь. Новгородская область простиралась на Сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство состояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь: кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новаграда — служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Не можно было, чтобъ не пришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Васильевича по взятіи Новгорода. Узвленный сопротивленіемъ сей Республики, сей гордый, звѣрскій, но умный Властитель хотѣлъ раззорить ее до основанія. Мнѣ зрится онъ стоящъ съ долбнею на мосту, какъ иные повѣствуютъ, приносилъ на жертву ярости своей Старѣйшинъ и Начальниковъ Новгородскихъ. — Но какое имѣлъ онъ право свирѣпствовать противъ нихъ? Какое имѣлъ право присвоить Новгородъ? То ли, что первые великіе Князья Россійскіе жили въ семь городѣ, или что онъ писался Царемъ всея Россіи? Или что Новгородцы были Славенскаго племени? — Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запечатлѣется кровію народовъ? Можетъ ли существовать, право, когда нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность? Много было писано о правѣ народномъ; нѣрѣдко имѣють на него ссылку; но законоучители не помышляли, можетъ ли быть между народами судія? Когда возникаютъ между ними вражды; когда ненависть или корысть устрѣмляетъ ихъ другъ на друга: судія ихъ есть мечъ; кто палъ мертвъ, тотъ и виноватъ и повинуется непременно сему рѣшенію и апелляціи на оное нѣтъ. — Вотъ почему Новгородъ принадлежитъ Царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ раззорилъ его и дымящіяся его остатки себѣ присвоилъ. Пужда, желаніе безопасности и сохранности созидають царства; несогласіе, ухищреніе и сила разрушаютъ ихъ. — Что же есть право народное? — Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другаго въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ находится въ отношеніи другаго въ естественномъ состояніи. — Вопросъ въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? —

Отвѣтъ : взгляни на него, нагъ ; алчущъ, жаждущъ, все что, можетъ взять на удовлетвореніе нуждъ своихъ, все присвоить. Если бы тому препятствовать захотѣли, онъ удалитъ, разрушитъ препятствіе и пріобрѣтетъ желаемое. — Вопросъ : если на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ обратитъ онъ подобнаго себѣ : если, на примѣръ, двое, чувствуя голодь, восхотятъ насытиться однимъ кускомъ : кто изъ нихъ больше къ пріобрѣтенію имѣетъ право? — Отвѣтъ : Тотъ, кто кусокъ возьметъ. — Вопросъ : ктожъ возьметъ кусокъ? — Отвѣтъ : кто сильнѣе. — Неужели сіе есть право естественное? Неужели сіе служить основаніемъ праву народному? Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо пустымъ словомъ. — Вопросъ : что есть право гражданское? — Отвѣтъ : кто ѣдетъ на почтѣ, тотъ пустяками не занимается ; а думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить !! —

Изъ Новгородской лѣтописи :

Новгородцы вели войну съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ и заключили письменное примиреніе.

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своей вольности и утвердили оное 58-ю печатями.

Новгородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной Татарами въ обращеніе.

Новгородъ въ 1420-мъ году началъ бить свою монету.

Новгородъ состоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.

Въ Новгородѣ былъ колоколь, по звону котораго собирался народъ на Вечѣ для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ.

Царь Иванъ Васильевичъ и колоколъ у Новгородцевъ отнялъ.

Потомъ въ 1500,-1600, 1700-мъ, году, году, году, Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтрашнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, не смотря на то, что подъ ногами; то скоро споткнусь и упаду въ грязь. Какъ ни тужи, а Новгорода по прежнему не заселишь; — что Богъ даетъ впередъ. — Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Дементьевичу.

— Ба, ба, ба! добро пожаловать! откуда Богъ принесъ? говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Дементьевичъ, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ имянитый гражданинъ. — По пословицѣ: щастливый къ обѣду—милости просимъ садиться. — Да что за пиръ у тебя? — Благодѣтель мой, я вчера женилъ парня своего. — Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ; я пособилъ ему, какъ и другіе, записаться въ имянитые граждане. Дѣлъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей, — кому—того не знаю — въ 1737-мъ году. Карпъ Дементьевичъ въ 1780-мъ вексель гдѣ - то купилъ и приложилъ какой - то къ нему протестъ. Онъ явился ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятый капиталъ мнѣ весь подарили.—Карпъ Дементьевичъ человекъ признательный. — Невѣстка! водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. — Да хотя прикушай. — Здоровье молодыхъ!—и сѣли ужинать.

По одну сторону меня сѣлъ хозяйской сыщъ, а по другую посадилъ Карпъ Дементьевичъ свою молодую невѣстку.—Черервемъ; читатель. Дай мнѣ карадашь и листикъ

бумажки ; я въ удовольствіе тебѣ нарисую всю честную компанію и тѣмъ сдѣлаю тебя причастнымъ свадебной пирушкѣ, хотябъ ты на Алеутскихъ островахъ ловилъ бровь. Естли точныхъ не спишу портретовъ, то будь доволенъ ихъ силуэтами. Лафатеръ и по нимъ учить узнавать, кто умень и кто глушь. Карпъ Дементьевичъ—сѣдая борода въ 8 вершковъ отъ нижней губы ; носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смола, кланяется объ руку, гладитъ бороду и всѣхъ величаетъ : благодѣтель мой ! Аксеня Пареевнѣна, любезная его супруга въ 60 лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губы всегда сжимаетъ кольцомъ ; ренскаго не пьетъ ; передъ обѣдомъ по чарочкѣ при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Мужнинъ прикащикъ показываетъ хозяину въ щетѣ : по приказанію Аксеньи Пареевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ. Мужнины прикащики Аксеньины камердинеры.—Алексѣй Карповичъ, сосѣдъ мой застольный, ни уса, ни бороды, а носъ уже багровый ; бровями маргаеть, въ кружокъ острижень, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцомъ ; когда на аршинъ мѣряеть, то на вершокъ спускаеть ; за то его отецъ любить какъ самъ себя ; на 15 году матери далъ оплеуху..... Парасковья, Денисовна, новобрачная его супруга, бѣла и румяна, зубы какъ уголь, брови въ нитку чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза ; но въ весь день отъ окошка не отходитъ и пялитъ глаза на всякаго мужчину ; подъ вечерокъ стоитъ у калитки, глазъ одинъ подбитъ : подарокъ ея любезнаго муженька для перваго дня ; у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что: Но любезный читатель ! ты уже зѣваешь ; полно видно мнѣ снимать силуэты. Твоя правда ; другова не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того

не понимаю, какъ распознаешь ты на силуэтѣ бѣлилы и румяна.

—Карпъ Дементьевичъ, чѣмъ ты нынѣ торгуешь? Въ Петербургѣ не ѣздишь, льну не привозишь; ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой былъ тебѣ не въ убытокъ.—Отъ него-то было я и раззарился. Но насилиу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышекъ, построилъ женѣ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неурожай, и я не могъ поставить, что законтраговаль. Вотъ отъ чего я пересталъ торговать.—Помню, Карпъ Дементьевичъ, что за 30,000 рублей, забранныхъ впередъ, прислалъ ты должнику до 1,000 пудъ льну на раздѣлъ.—Ей, ей, больше не можно было; повѣрь моей совѣсти.—Конечно и на заморскіе товары былъ въ тотъ годъ неурожай; ты забралъ тысячъ на двадцать.—Да, помню, на нихъ пришла головная боль; подлинно, благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ займодавцы мои на меня пожаловаться? Я отдалъ имъ все мое имѣніе.—По 3 копѣйки на рубль.—Никакъ пѣтъ-ста, по 15 к.—А женинъ домъ?—Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой.—Скажижъ, чѣмъ ты торгуешь?—Ничѣмъ, ей ничѣмъ; съ тѣхъ поръ какъ пришелъ я въ несостояніе, парепъ мой торгуеть. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на 20,000; на будущее конечно законтракуеть на 50,000, возьметъ половину денегъ впередъ и молодой женѣ построить домъ.—Алексѣй Карповичъ только что улыбается.—Старинный шутчикъ, благодѣтель мой, полно молотъ пустяки, возьмемъ за дѣло.—Я не пью, ты знаешь.—Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай... Я почувствовалъ, что щеки у меня начали рдѣть, и подѣ конецъ пира я бы какъ и другіе напился пьянъ. Но по щастію, вѣкъ за столомъ сидѣть не

льзя, такъ какъ не возможно быть всегда умнымъ. И по тойже самой причинѣ, по которой иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру былъ я трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьевича, впалъ я въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть, строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ, почиталъ щастливымъ новыхъ временъ изобрѣщеніемъ для усугубленія быстрого въ торговлѣ обращенія; чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же, буде нѣтъ честности въ дающемъ вексельное обязательство, отъ чего оно тщетная только бумажка? Естли бы строгаго по вексямъ взысканія не существовало, уже-ли бы торговля исчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать, кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пецись долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ челоѣчества заслуживаетъ уваженіе, заимодавецъ ли, теряющій свой капиталъ, для того что не зналъ, кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и темницѣ? Съ одной стороны легковѣрность; съ другой почти воровство; тотъ повѣрилъ, надѣясь на строгое законоположеніе, а сей..... А естли бы взысканіе по законамъ не было столь строгое: не было бы мѣста легковѣрью, не было бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ.—Я началъ опять думать; прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОНИЦЫ.

Между тѣмъ какъ въ кибиткѣ моей перемѣняли лошадей, захогѣлъ я посѣтить высокую гору, близъ Бронницъ нахо-

дящуюся, на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. Повѣствуютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ сѣверной древней Исторіи Городъ Холмоградъ. Нынѣ на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая церковь.—Восходя на гору, вообразилъ я себя пренесенна въ древность и пришедша, да познаю отъ державнаго Божества грядущее и обрящу спокойствіе въ моей перѣшимости. Божественной ужасъ объемлетъ мои члены, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Миѣ слышится гласъ грому подобный: вѣщай, безумный! почто желаешь познать тайну, которую закрылъ я отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? Почто, о дерзновенный! жаждешь познать то, что единая предвѣчная Мысль постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго соразмѣрна брѣнности твоего сложенія. Вѣдай, что предузнанное блаженство теряетъ свою слабость; что прелесть настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, не можетъ произвести въ душѣ столь пріятнаго дрожанія, какое получаетъ веселіе отъ печальности. Вѣдай, что предузнанное несчастіе отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, которыми наслаждался бы, естлибъ не предузналъ окончанія ихъ. Чего ищешь чадо безразсудное? Премудрость моя насадила все нужное въ твоемъ разумѣ и сердцѣ. Вопросы ихъ во дни печали, и обрящешь утѣшителей. Вопросы ихъ во дни радости, найдешь обуздателей паглаго щастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой встревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешь мое Божество, тамъ

услышишь мое вѣщаніе... П трескъ сильного удара, гремящаго въ области Перуна, раздался въ долинахъ далеко. Я опомнился, достигъ вершины горы и узрѣвъ церковь, возвелъ руки на небо. Господи! возопилъ я—се храмъ Твой, се храмъ единого истиннаго Бога. На мѣстѣ семь, мѣстѣ Твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но не могу повѣрить, о Всесильный! чтобъ человѣкъ возсылалъ сердечную мольбу къ другому какому либо существу, а не къ Тебѣ. Мощная десница Твоя, невидиму всюду простертая, нудитъ и самага отрицателя всемогущія воли Твоея познавать Строителя и Содержателя природы. Естли смертный въ заблужденіи своемъ нарицаеть Тебя странными и непристойными звѣрскими именованиями: почитаніе его однакожъ стремится къ Тебѣ Предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ Твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитерь, Брама, Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду. Естли въ заблужденіи своемъ смертные чтили не Тебя единого; то боготворили они Твои несравненныя силы, Твои неуподобляемыя дѣла,—могущество Твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, отрицающій Тебя, признавая непремѣнный законъ природы, Тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля Тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины сердца изящностію Твоего творенія, предстоитъ Тебѣ съ трепетомъ. Ты ищешь, Отецъ всещедрый! искренняго сердца и души непорочной:—они отверзты вездѣ Твоему пришествію. Сниди, Господи, и воцарися въ нихъ!—Я пребылъ нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ предметовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко. Потомъ обратилъ я взоры на близь стоящія селенія: се хижины уничтоженія,

вѣщалъ я, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался градъ великій. Его не осталось даже ни малѣйшаго признака. Разсудокъ запрещаетъ вѣрить и самой повѣсти; столь жаждетъ онъ убѣдительныхъ и сильныхъ доводовъ. Все зримое пройдетъ, все рухнетъ, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ, — пребудетъ добродѣтель во вѣки жива.

“ Съ теченіемъ времени всѣ звѣзды помрачатся ;
 Померкнетъ солнца блескъ ; природа обвѣтшавъ
 Лѣтъ дряхлостью, падеть ,—
 Но ты во юности бессмертной процвѣтешь,
 Незыблема среди сраженія стихіевъ,
 Разваливъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенъ.”*

ЗАЙЦОВО.

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля Господина Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко живали мы въ одномъ городѣ ; но бесѣды хотя были не часты, однакожь откровенны. Г-н Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной, а особливо во время войны, гдѣ именемъ права войны прикрываются великія насилія, перешелъ въ статскую. По несчастію его, и въ статской службѣ не избѣгнулъ того, отъ чего, оставляя военную службу, удалиться хотѣлъ. Онъ имѣлъ очень чувствительную душу и человѣколюбивое сердце. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты. Сперва не хотѣлъ онъ

* Смерть Катона, трагедія Еддесонова, Дѣйст. V, яв. 1.

принять на себя сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ мнѣ : мой другъ ! какое обширное поле отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнѣйшей склонности души моей ! Какое упражненіе для мягкосердія ! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчить рамена невинности ! Да опустѣють темницы и да не узритъ ихъ оплошлявая слабость, нерадивая неопытность, и случай да не вмѣнится никогда во злодѣяніе. О другъ мой ! исполненіемъ моея должности источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ ; но слезы сіи будутъ слезы обновленія во благо. Изсякнутъ слезы страждущей невинности и простодушія. Колико восхищаетъ меня мысль сія ! Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замедля могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ или разрѣшеніемъ отъ узы.

Съ такими мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ, мой другъ, говорилъ мнѣ Г-нъ Крестьянкинъ, что услаждая разсудокъ, найду я обильную жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того пашель я въ оной желчь и терніе. Теперь наскучивъ оною и не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время заслужилъ онъ похвалу скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ за то, что не спѣшилъ отягчить жребій несчастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу приобрѣлъ я лестное для меня названіе челоуѣколюбиваго Начальника. Теперь самое тоже качество, коимъ сердце мое столько гордилось, почитаютъ

послабленіемъ или не позволительною понаравкою. Я видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія; и съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя и вреднаго обществу члена, или для наказанія мнимыхъ преступленій лишеніемъ имѣнія, чести и жизни, начальникъ мой, не въ силахъ будучи преклонить меня на незаконное очищеніе злодѣйства или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко видѣлъ я благія мои расположенія исчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду гнуснаго своего послушанія, получали почести, кои въ глазахъ моихъ были столь же тусклы, сколь прельщали ихъ своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ побуждало меня на мягкосердіе, прибѣгаль я къ закону, дабы искать въ немъ подпору моея нерѣшимости. Но часто находилъ въ немъ вмѣсто чловѣколюбія жестокость, которая имѣла начало свое не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію извлекала у меня часто слезы. Я видѣлъ, (да и можетъ ли быть иначе) что законъ судить о дѣяніяхъ, не касаясь причинъ оныхъ. И послѣдній случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо не возмогши спасти винныхъ, мощною рукою судьбы въ преступленіе вовлеченныхъ, не хотѣлъ я быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки въ моея невинности и удалился жестокосердія.

Въ Губерніи нашей жилъ дворянинъ, которой за нѣскольکو лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужный списокъ: службу свою началъ при дворѣ истопникомъ, произведенъ

лакѣмъ, камеръ-лакѣмъ, потомъ мундшенкомъ. Какіи достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворной службы, мнѣ не извѣстно; но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробылъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15 и отосланъ былъ въ Герольдію для опредѣленія по его чину. Но чувствуя себя неспособнымъ къ дѣламъ, выпросился въ отставку и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассесора, съ которымъ пріѣхалъ онъ въ то мѣсто, гдѣ родился, то есть, въ нашу Губернію лѣтъ 6 тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ имѣетъ верѣдко основаніе въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность, или бѣднякъ, пріобрѣтшій богатство, сотрясши всю застѣчивость стыдливости, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, пріѣзжаетъ въ мѣсто своего рожденія для показанія своей пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассесоръ нашель случай купить деревню, въ которой поселился, съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ, то бы обильное нашель поле на карикатуры въ семействѣ Г-на Ассесора; но я худой живописецъ. Или естыли бѣ могъ я въ чертахъ лица читать внутренность человѣка съ Лафатеровой проницательностію: то бы и тогда картина Ассесоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ, заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда суть истинныя черты ихъ душевнаго образованія.

Г-нъ Ассесоръ, произшедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ пожаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ почелъ себя высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ онъ, что власть его надъ ними проистекаетъ отъ Бога), да упот-

ребляеть ихъ по произволенію въ работу. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а потому надъ слабѣйшими его надмѣнень. Изъ сего судить можешь, какъ обходился онъ съ крестьянами. Они были у прежняго помѣщика на оброкѣ; онъ посадилъ ихъ на пашню, отнялъ у нихъ всю землю, купилъ всю скотину по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ; заставилъ работать всю педѣлю на себя; а чтобъ не умирали они съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день; а инымъ давалъ изъ милости мѣсячипу. Естли которой казался лѣнивъ, того сѣкъ розгами, плетями, батожемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности. За дѣйствительныя преступленія, какъ то: кражу не у него, а у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалось, будто въ деревнѣ своей хотѣлъ возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской Сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія ограбили на дорогѣ проѣзжающаго, другаго потомъ убили: онъ не отдалъ ихъ въ судъ за то, но скрылъ у себя, объявя Правительству, что они бѣжали и говоря, что ему прибыли не будетъ, естли крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣянія. Естли кто нибудь изъ крестьянъ укралъ у него, то сѣкъ онъ какъ за лѣность, или за дерзкій и остроумный отвѣтъ; но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много могъ бы я рассказать тебѣ о мудрыхъ распоряженіяхъ; но сего довольно для познанія моего героя.—Сожительница его имѣла полную власть надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ и у ея мужа. Ибо они сдѣлали себѣ правило, чтобъ ни для какой нужды не отвлекать крестьянъ отъ работы. Людей во дворѣ

было одинъ мальчикъ, купленный въ Москвѣ, парикмахеръ дочернинъ, да повариха старуха. Ни кучера, ни лошадей у нихъ не было; развѣзжалъ всегда на пахотныхъ. Плетями или кошками сѣкли крестьянъ сыновья; по щекамъ били или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ—дочери. Сыновья ходили въ свободное время по деревнѣ или въ поле играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая не избѣгала ихъ насилія. Дочери, не имѣя жениховъ, вымѣщали скуку свою надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчили. Суди самъ, мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ что Русской народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда положить конецъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ удержать его, чтобъ не преклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ Ассесоромъ. Случай подалъ къ тому неистовый и безпутный или, лучше сказать, звѣрскій поступокъ одного изъ сыновей его.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, не дурпа собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну Ассесора, который употребилъ все возможное, чтобъ привлечь ее къ себѣ въ любовь; но крестьянка пребывала вѣрна въ данномъ жениху обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха, по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господской дворъ и понесъ повѣнечные два пуда меду къ своему господину. Сію-то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своей страсти. Онъ взялъ съ собой обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту чрезъ посторонняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣтъ, зажавъ

ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, сопротивлялась она всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодого господина. Но наконецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ; и уже сіе скрадное чудовище началъ исполнять умышенное, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усомнился о зломъ ихъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего себѣ на помощь, полетѣлъ онъ быстрѣе молніи ко клѣти. Какое зрѣлище представилось ему при его приближеніи! Клѣть затворилась; но совокупныя силы двухъ братьевъ не могли удержатъ разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близъ лежащей колы, и вскоча въ клѣть ударилъ вдоль спины хищника своей невѣстой. Они хотѣли было схватить его; но видя отца женихова, бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и проломилъ ее. Сіи злодѣи, желая отмстить обиду свою, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что, ходя по деревнѣ, встрѣтились они съ невѣстой и съ ней пошутили; что увидя женихъ, началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ отцомъ своимъ; въ доказательство показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. — Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія, отецъ восклицалъ гнѣвомъ ярости и не медля велѣлъ привести передъ себя трехъ злодѣевъ: такъ вазывалъ онъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первой вопросъ былъ о томъ; кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не заперся и рассказалъ все происшествіе. — Какъ дерзнулъ ты, говорилъ старый Ассесоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоей невѣстой и ночь переспалъ, то ты ему за то долженъ быть

благодаренъ. Ты на ней не женишься; она останется у меня въ домѣ; а вы будете наказаны.—По такомъ рѣшеніи велѣлъ онъ жениха съчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Онъ вытерпѣлъ побои мужественно. Неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцомъ его производить тоже истязаніе. Но не могъ вытерпѣть, когда увидѣлъ, что господскіе дѣти хотѣли вести невѣсту въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ; въ одно мгновеніе выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья, перестали съчь старика и побѣжали за ними въ погону. Женихъ видя, что они начали его настигать, выхватилъ заборину и сталъ защищаться. Между тѣмъ шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Соболезнуя объ участи молодаго крестьянина и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, они заступились за него. Видя сіе, Ассесоръ подбѣжалъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго, кто встрѣтился, ударилъ своєю тростью столь сильно, что тотъ упалъ безъ чувства на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четырехъ господъ и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, чтобъ не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время случилось ѣхать тутъ Исправнику той округи съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сего происшествія. Взявъ виновныхъ подъ стражу — а виновныхъ было половина деревни—произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до Уголовной Палаты. Дѣло было выведено очень ясно и виновные во всемъ признавались, приводя въ оправданіе свое только мучительные поступки своихъ господъ,

о которыхъ уже вся Губернія была извѣстна. Таковому дѣлу обязанъ я былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе приговорить виновныхъ къ смерти. — и вмѣсто оной къ тѣлесной казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я не находилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне, убившіе господина своего, были смертоубійцы; но смертоубійство сіе не было ли принужденно? Не самъ ли убитый ассесоръ причиною онаго?—Естьли въ ариметикѣ изъ двухъ данныхъ чиселъ третіе слѣдуетъ непрекословно, то и въ семь происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійць, по крайней мѣрѣ для меня, была математическая ясность. Естьли на дорогѣ нападетъ на меня злодѣй и вознесши надъ главою моею кинжалъ, восхоцетъ прозвять имъ меня: убійцею - ли я почтусь, естьли предупреджу его въ злодѣянніи и повергну бездыханна къ ногамъ моимъ. Естьли нынѣшняго вѣка скосырь, привлекшій должное на себя презрѣніе, восхоцетъ отмстить оное на мнѣ, и встрѣтясь со мной въ уединенномъ мѣстѣ, вынетъ шпагу и слѣлаетъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайней мѣрѣ да узавитъ меня: виновенъ ли я буду, естьли, извлекши мой мечъ на защищеніе, избавлю общество отъ нарушающаго спокойствіе его члена? Можноли почестъ дѣяніе оскорбляющимъ сохранность общественнаго члепа, естьли я исполню его для моего спасенія, естьли оно предупредитъ мою пагубу, естьли безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно навѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешь самъ воображать терзаніе души моей при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію сообщилъ я мысли свои моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ.

Мягкосердіе и челоѡколюбіе почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній ; называли меня поощрителемъ убійства и сообщникомъ убійць. По ихъ мнѣнію, при распространеніи моихъ вредныхъ мыслей исчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ-ли дворянинъ, говорили они, жить отнынѣ въ деревнѣ спокоенъ? Можетъ-ли онъ видѣть велѣнія его исполняемы? Естли ослушники воли господина своего, а паче его убійцы, признаваемы будутъ невинными ; то прервется повиновеніе, рушится связь домашняя, будетъ паки хаосъ, въ начальныхъ обществахъ обитавшій ; земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и поростетъ безплоднымъ злакомъ ; поселяне, не имѣя надъ собою власти, будутъ скитаться въ лѣности, тунеядствѣ, и разьидутся. Города почувствуютъ властодержавную десницу разрушенія ; чуждо будетъ гражданамъ ремесло ; рукодѣліе скончаетъ свое прилѣжаніе и рачительность ; торговля изсякнетъ въ источникъ своемъ. Богатство уступитъ мѣсто нищетѣ ; великолѣпнѣйшія зданія обвѣтшають ; законы затлятся и поростутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества начнетъ валиться на части и издыхать въ отдаленности отъ цѣлаго ; тогда царскій престолъ, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждуются, обвѣтшаетъ и сокрушится ; тогда владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину старались товарищи мои предлагать взорамъ всѣхъ, до кого о семъ дѣлѣ доходилъ слухъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите, какого онъ происхожденія? Естли не ошибаемся, онъ самъ въ молодости изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворянчики имѣютъ странныя понятія о природномъ надъ крестьянами дворянскомъ правѣ. Естлибъ отъ него

зависѣло, онъ бы, думаю, поверсталъ всѣхъ насъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и сдѣлать пенавистнымъ всему обществу. Но симъ не удовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду отъ жены убитаго ассесора, да не лишится она крестьянъ своихъ отсылкою ихъ въ работу, и что сія-то была истинная причина страшнымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ уязвить меня, клевета поругаетъ и живое представленіе добраго намѣренія отвлечетъ меня отъ онаго. Сердце мое имъ было неизвѣстно; они не знали, что предстою всегда нетрепетенъ собственному моему суду, что ланиты мои не рдѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое основывали они на томъ, что ассесорша за мужнину смерть мстить не желала, а сопровождаема своею корыстію и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала избавить крестьянъ отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ такою просьбою пріѣзжала она и ко мнѣ; на прощеніе убійцъ ея мужа я былъ съ нею согласенъ, но разствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что, оправдывая убійцъ ея мужа, не надлежало подвергать ихъ болѣе той же крайности, дабы паки не были злодѣями, какъ то называли ихъ несвойственно.

Скоро намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣніи, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли и что они начали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ сему однакожъ не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги ассесорши.— Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, не могъ онъ быть согласенъ съ моими

разсужденіями и вознегодовалъ, усмотрѣвъ, что они начали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Онъ посылаетъ за моими сочленами, увѣщаетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, оскорбительны для верховной власти и нарушаютъ законоположеніе; —общаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному;—и скоро слабыхъ сихъ судей, не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Я не удивился, увидѣвъ въ нихъ переменъ; ибо не дивился воспослѣдовавшей въ нихъ и прежде. Сродно хилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ со товарищей, вознамѣрился и ласкалъ себя надеждою, что можетъ превратить и мое. Для сего позвалъ меня къ себѣ поутру въ случившійся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ позвать меня: ибо я не хаживалъ никогда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностю, лесть пужными, а мудрецъ мерзительными и для человѣчества поносными. Онъ избралъ нарочно торжественный день, когда было у него много людей въ собраніи, избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣясь, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души или слабость мыслей. Противъ того и другаго устремилъ онъ свое слово. Но я не нахожу за нужное пересказывать тебѣ все то, чѣмъ надмѣнность, ощущеніе власти и предубѣжденіе къ своему проицанію и учености одушевляли его витійство. Надмѣнности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами и долго

говорилъ хладнокровно. Наконецъ содрогнувшееся сердце разлило свое избыточество. Чѣмъ болѣе видѣлъ я угожденій въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился языкъ мой. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ и наконецъ сице: “Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ имѣемъ одинаковые члены, одинаковую волю и разумъ; слѣдственно человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо ни отъ кого независящее въ своихъ дѣлїяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ повиноваться своей единой волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго; словомъ, становится гражданиномъ. Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? Почто поставляетъ надъ собою власть? Почто, будучи безпредѣленъ въ исполненіи своей воли, ограничиваетъ оную чертою послушанія?—Для своей пользы, скажетъ разсудокъ; для своей пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своей пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно гдѣ вѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ; слѣдственно тотъ, кто восхощетъ лишить его пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего ищетъ онъ защиты и мщенія въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ заступитъ его не можетъ или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенно дать въ предстоящей бѣдѣ вспоможеніе: тогда гражданинъ пользуется природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія. Ибо гражданинъ, становясь гражданиномъ, не престаеетъ быть человѣкомъ; и его первая обязанность, изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убитый крестьянами ассесоръ нарушилъ въ нихъ своимъ звѣрствомъ право гражданина. Въ то мгновеніе, когда потакалъ онъ насилію сыновей своихъ, когда

къ болѣзни сердечной супруговъ присовокупляя поруганіе, когда при сопротивленіи адскому своему властвованію подвизался на казнь: тогда законъ, стрегущій гражданина, былъ въ отдаленности и власть его была тогда неощутительна; тогда возражался законъ природы, и власть обиженного гражданина, не отъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность;—по сему крестьяне, убившіе звѣрскаго ассесора, не имѣютъ въ законѣ обвиненія. Сердце мое оправдываетъ ихъ, опираясь на доводахъ разсудка; и смерть ассесора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнитъ кто либо искать въ благоразуміи политики, въ общественнои тишинѣ довода къ осужденію на казнь убійцъ въ злобѣ духъ испутившаго ассесора: гражданинъ, въ какомъ бы состояніи ни судило ему родиться Небо—есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, не иссякнетъ въ немъ никогда. И такъ кто дерзнетъ узвать его въ природной и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему, естли законъ гражданскій его накажетъ! Онъ замѣченъ будетъ чертою мерзѣнія въ своихъ согражданахъ, и всякъ, имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду имъ содѣланную.”—Умолкъ.—Намѣстникъ не говорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка поднималъ на меня поникшіе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилія и месть злобы. Всѣ молчали въ ожиданіи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я, взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка слышалось изъ устъ работѣнія журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня взоры. Казалось, что близъ стоящихъ меня облялъ ужасъ. Непримѣтно удалились они, какъ отъ зараженного смертоносною язвою. Паскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ низайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія льстецовъ.

Не нашедъ способовъ спасти невинныхъ убійць, въ сердцахъ моихъ оправданныхъ, не хотѣлъ я быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже свидѣтелемъ оной. Подалъ прошеніе объ отставкѣ, и получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія и услаждать скуку мою обхожденіемъ съ друзьями. — Сказавъ сіе, мы разстались, и поѣхали всякъ въ свою сторону. — Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, поминутно выпрыгались; наконецъ, спускаясь съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я не могъ ѣхать далѣе. — Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ не очень пріятна для Петербургскаго жителя; не похоже на гулянье въ Лѣтнемъ саду или въ Бабы; скоро она утомила меня и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ сидя на камнѣ, чертилъ я на пескѣ кой-какія фигуры, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя, и думалъ и то и сѣ; скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться... и я узналъ въ немъ моего знакомаго. — Что дѣлаешь? сказалъ онъ мнѣ. — Думу думаю. Времени довольно на размышленіе; ось переломилась. Что новаго? — Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А! вотъ новинькое: Дуридинъ женился. — Неправда, ему уже лѣтъ 80. — Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо. Читай на досугѣ, а мнѣ нужно поспѣшать. Прости... и разстались. Письмо было отъ моего пріятеля.

Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщаль снабжать меня оными въ отсутствіи и сдержалъ слово. Между

тѣмъ въ кибиткѣ моей поддѣлали ось, которая по счастью была въ запасѣ. Ъдучи я читалъ :

Любезный Другъ !

Петербургъ.

На сихъ дняхъ свершился здѣсь бракъ между 78-ми лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтнею молодкою. Причину сему столь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ — трудно, но, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь. Госпожа Ш . . . витязъ въ своемъ родѣ не послѣдній, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста, была за мужемъ за купцомъ неудачно торговавшимъ ; лицомъ смазлива ; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію милостыни, но заблагоразсудила кормиться своими трудами ; доколѣ красота юности водилась на лицѣ ея, была во всегдашней работѣ и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но коль скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать и любовныя заботы уступили мѣсто скучному одиночеству : то взялась она за умъ и не находя больше покупищиковъ на обвѣтшалыя свои прелести, стала торговать другими, которыя если не всегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячъ, оставила она съ честью презрительное общество своденъ и начала отдавать въ ростъ деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ея ремесло ; и бывшая сводня стала нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, целегкая надоумила сее собраться замужъ. Всѣ знакомыя ея тому дивятся. Ближняя ея пріятельница Н . . . пріѣхала къ ней. — Слухъ

носятся, душа моя, говорить она поспѣдой невѣстѣ, что ты собралась за мужъ. Миѣ кажется, какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ эту баснь.

Ш. Совершенная правда. Завтра сговоръ; прїѣзжай пировать съ нами.

Н. Ты съ ума сошла. Не ужели старая кровь разыгралась? Не ужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылышко?

Ш. Ахъ, matka моя! не кстати считаешь ты меня на ровнѣ съ молодыми вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ.

Н. Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что насъ любить уже нельзя и не для чего, развѣ для денегъ.

Ш. Я такого не возьму, которой бы миѣ измѣнить могъ. Женихъ мой старѣ меня 16-ю годами.

Н. Ты шутишь.

Ш. По чести правда; баринъ Дуриндинъ.

Н. Не лъзя этому статься.

Ш. Прїѣзжай завтра ввечеру; ты увидишь, что я лгать не люблю.

Н. А хотя и такъ; вѣдь онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш. А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ не обезумѣю, чтобъ отдать ему все мое имѣнїе; уже давно прошло то время. Табакерочка золотая, пряжки серебряныя и другая дрянь, оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбить, — вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка; а естли онъ неугомонно спить, то стогню съ постели.

Н. Ему хотя табакерочка перепадеть, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш. Какъ, матка? Сверху того что въ нынѣшнія времена не худо имѣть хорошій чинъ, что меня называть будутъ: ваше Высокородіе, а кто поглупѣе, ваше Превосходительство; но будетъ таки ктонибудь, съ кѣмъ въ долгіе зимніе вечера можно поиграть въ бирюльки. А выпѣ сиди, сидя, все одно; да и того удовольствія не имѣю, чтобъ говорилъ кто, когда чхну: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду—здравствуй, мой свѣтъ! здравствуй, моя душенька!!

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговоръ, а черезъ недѣлю свадьба. (Н... уходитъ).

Ш. (чихаетъ) Небось воротится; — то ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Не дивись, мой другъ! на свѣтъ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь Дуриндиныхъ. Еслии не женитьбою они всегда отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ Дуриндиныхъ свѣтъ не простоялъ бы и трехъ дней.

КРЕСТЦЫ.

Въ Крестцахъ былъ я свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я самъ отецъ и скоро можетъ быть съ дѣтьми разставаться буду. — Нещастный предрасудокъ дворянскаго званія велитъ имъ итти въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровь въ необычайное волненіе. Тысячу противъ

одного держать можно, что изо ста дворянъ, вступающихъ въ службу, девяносто восемь становятся повѣсами; а два подъ старость или, правильнѣе сказать, два въ дряхлыя ихъ, хотя не старыя, лѣта—становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе и проч.

Смотря иногда на большаго сына, и размышляя, что онъ скоро вступить въ службу или другими сказать словами, что птичка вылетитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся; не для того, чтобъ служба сама по себѣ развращала нравы; но для того, что созрѣлыми нравами надлежало бы начать службу. Иной говорить: а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шею?—Кто?—Общій примѣръ. Штабъ-Офицеръ 17-ти лѣтъ, Полковникъ 20-ти лѣтній. Генераль 20 лѣтній, Камергеръ, Севаторъ, Намѣстникъ, Начальникъ войскъ. И каждому отцу не захочется, чтобъ дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ?—Смотря на сына моего, представляется мнѣ, что онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями, выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, доставать ими прокормленіе, говорить обо всемъ ничего не смысля, таскаться по дѣвкамъ или врать чепуху барышнямъ. Какимъ-то образомъ фортуна, вертась на курьей ножкѣ, приголубила его, и сыночекъ мой, не брѣя еще бороды, сталъ знатнымъ бариномъ. Возмечталъ онъ о себѣ, что умнѣ всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого Полководца или Градоначальника?—Скажи поистинѣ, отецъ чадолюбивый! скажи, о истинный гражданинъ! Не захочется ли тебѣ сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить въ службу? Не больно ли сердцу твоему, что сыночекъ твой, знатный

баринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того что участь ихъ пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, гнушаясь пронырства? Не возрыдаешь ли, что сыночекъ твой любезный съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь, отравлять и рѣзать людей, не всегда своими боярскими руками, но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ?—

Крестецкій дворянинъ, казалось мнѣ, былъ лѣтъ 50-ти, Рѣдкія сѣдины едва пробивались сквозь свѣтлорусые власы его. Правильныя черты лица показывали душевное его спокойствіе, страстямъ непреступное. Нѣжная улыбка кроткаго удовольствія, раждаемаго незлобіемъ, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прелестными. Взоры его, когда вошелъ я въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ онъ, устремлены были на двухъ сыновей его. Очи его, очи благораствореннаго разсудка, казались подернуты легкою пленною печали; но искры твердости и упованія пролетали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго; единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца, разнествовали они между собою; ибо горячность родителя ускорила въ младшемъ раскрытіе ума, а любовь братняя умѣряла въ старшемъ успѣхъ въ наукахъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя. Правила жизни знали они равно; но остроту разума и движенія сердца насадила въ нихъ природа различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движеніе оныхъ былъ необманчивый знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. Они взирали на отца своего съ несвойственною имъ робостію, происходящею отъ горести предстоящей разлуки,

а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства. Рѣдкія капли слезъ точились изъ ихъ очей.—Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся,—и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей.—Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: Будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь мнѣ свидѣтелемъ предъ свѣтомъ, сколь тяжело моему сердцу исполнять державную волю обычая. Отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, имѣю единственное къ тому побужденіе, да приобрѣтутъ опытность, да познаютъ челоуѣка изъ его дѣяній и наскучивъ гремленіемъ мірскаго житія, оставляютъ его съ радостію и да имутъ отишіе въ гоненіи и хлѣбъ насущный въ скудости. Для сего-то я и остаюсь на нивѣ моей. Не даждь, Владыко всещедрый! не даждь питаться имъ милостынею вельможъ и обрѣтати въ нихъ угѣшителя! да будетъ соболезнающая о нихъ ихъ сердце; да будетъ творяи имъ благостыню ихъ разсудокъ!—Возсадите и внемлите моему слову, еже долженствуетъ пребывать во внутренности душъ вашихъ. Еще повторю вамъ, сегодня мы разлучимся. Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты лица вашего. Да отнесетъ сіе волеиіе души вашей совѣтъ мой во святая ея, да восколеблется она при моемъ воспоминаніи и да буду отсутственъ оградою вамъ отъ золь и печалей.

Пріявъ васъ отъ чрева матерня въ свои объятія, не восхотѣлъ николи, что былъ кто родителемъ въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась телеси вашего; никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моей горячности бдѣло надъ вами деннонощно, да не

приблизится васъ оскорбленіе; и блаженъ нарицается, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или хотя слабое призваніе мною для васъ сдѣланнаго. Предпринимаемое на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное мнѣ услажденіе. И такъ не думайте, что вы подѣ властію моею; вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хочу искать твердости союза нашего; онъ основанъ будетъ на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ естли вы его забудете! Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза дружбы нашей, будетъ терзать его въ сокровенности и устроить ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы не должны мнѣ ничѣмъ. Воззрите на меня какъ на странника и пришельца; и естли сердце ваше оцутитъ нѣжную ко мнѣ наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ величайшемъ на землѣ благоденствіи. Естли же оно не почувствуетъ ничего, то забудемъ другъ друга, какъ будто мы не родились.

Не даждь, Всешедрый! узрѣть мнѣ сего; пусть прежде отъиду въ нѣдра земныя! Вы не должны мнѣ ни за вскармленіе, ни за наставленіе, а меньше всего за рожденіе? Были ли вы въ немъ участники? Были ли о рожденіи своемъ вопрошаемы? На пользу ли вашу или ко вреду родились вы? знаетъ ли отецъ и мать, рождая сына своего, щастливъ ли онъ будетъ въ жизни или злополученъ? Вступая въ супружество, помышлялъ ли кто о наслѣдїи и потомкахъ; а естли имѣлъ сіе намѣреніе, то произвестъ ихъ желалъ для блаженства ли ихъ или для сохраненія своего имени? Какъ желать добра тому, кого не знаю? и что сіе значить? Можетъ ли добромъ назваться желаніе неопредѣленное и сокрытое въ неизвѣст-

ности? Побужденіе къ супружеству показываетъ и причину рожденія. Прельщенный болѣе душевною добротою матери вашей, нежели красотой лица, я употребилъ вѣрный способъ на взаимную горячность и искреннюю любовь. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги; но какое было побужденіе нашей любви? Взаимное услажденіе, услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, Природой повеленное, мы о васъ не мыслили. Рожденіе ваше было намъ пріятно, но не вамъ. Произведеніе самаго себя льстило тщеславію. Рожденіе ваше было новый и чувствительный союзъ, утверждающій союзъ сердець. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; онъ укрѣпляется привычкою ощущенія своей власти, отраженіемъ сыновнихъ похвалъ къ отцу. — Мать ваша была одного со мной мнѣнія о ничтожности должностей вашихъ, простирающихся отъ рожденія. Она не гордилась предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ; не требовала признательности, питая васъ своей кровію; не хотѣла почтенія за болѣзнь и рожденіе и за скуку вскармленія своими сосцами. Она тщилась дать вамъ благую душу, какую и сама имѣла, и хотѣла насадить въ ней дружбу, но не обязанность. Рокъ недопустилъ ее зрѣть плодовъ ея наслѣдія. Она оставила васъ хотя съ твердостью духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсѣмъ ее не потеряемъ. Она поживаетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдайте, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть о рождшей васъ; мнѣ мнится тогда, что душа ея бесѣдуетъ съ нами, что тогда становится она намъ присутственна, тогда въ насъ является, тогда еще жива. — Вѣщающій отиралъ капли слезъ, задержанныхъ въ душѣ.

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же и за

воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою руку : то для нихъ ли сіе дѣлаю? Я нахожу въ томъ отраду, увеселеніе или собственную пользу. Съ таковымъ же побужденіемъ бываетъ и воскормленіе дѣтей. Родившись въ свѣтъ, вы стали граждане общества, въ которомъ живете ; мой долгъ былъ воскормить васъ : ибо естлибъ допустилъ до васъ безвременную кончину, былъ бы убійца. Естли былъ я рачительнѣе многихъ другихъ въ воскормленіи вашемъ, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Въ моей было власти пецись о воскормленіи вашемъ или небречь о немъ, сохранить дни ваши или быть въ нихъ расточителемъ, сохранить васъ живыхъ или дать умереть преждевременно : вотъ ясное доказательство, что вы не обязаны мнѣ тѣмъ, что живы. Естли бъ умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умирають ; мщеніе законовъ меня преслѣдовало бы. — Но скажутъ, вы обязаны мнѣ за ученіе и наставленіе. Не своей ли искалъ я въ томъ пользы, да благи будете? Похвалы, воздаваемыя вашему добродушному поведенію, разсудку, знаніямъ, искусству, распростираясь на васъ, отражаются на меня, какъ солнечныя лучи отъ зеркала. хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я, естли бъ вдались вы въ пороки, не прилѣжали къ ученію, были тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы и не имѣли чувствительности? Не только терзался бы я о вашемъ косвенномъ хожденіи ; но и сдѣлался бы можетъ быть жертвою вашего неистовства. Но нынѣ остаюсь спокоенъ, отлучая васъ отъ себя ; разумъ вашъ прямъ, сердце крѣпко, и я живу въ немъ. О друзья мои ! сыны моего сердца ! родивъ васъ, имѣлъ я многія должности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ничѣмъ не должны. Я ищу вашей дружбы и любви ; естли вы мнѣ ее дадите, блаженъ отъиду къ началу жизни и не возмущусь при

кончинѣ оставляя васъ на вѣки, ибо останусь въ памяти вашей. Но естли исполнилъ я должность мою въ воспитаніи вашемъ, то обязанъ нынѣ сказать вамъ причину, для чего воспитывалъ васъ такъ, а не иначе, и для чего научилъ васъ сему, а не другому. Теперь услышите вы повѣсть о воспитаніи вашемъ и узнаете причину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Съ младенчества вашего не чувствовали вы принужденія ; хотя въ дѣяніяхъ вашихъ водимы были рукою моею, однакожь не ощущали никогда ея направленія. Ваши дѣянія были предузнаны и предваряемы. Я не хотѣлъ, чтобъ робость или послушаніе малѣйшею чертой ознаменовали на васъ тяжесть своего перста ; и отъ того вашъ духъ, не терпящій безразсуднаго веселія, кротокъ къ совѣту дружества. Но естли младенцамъ вамъ сущимъ находилъ я, что уклонились вы пути, мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ ;—тогда останавливалъ я ваше шествіе или лучше сказать, вводилъ непримѣтно въ прежній путь, какъ потокъ, прерывающій оплоты, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность неизвѣстна была мнѣ, когда, казалось, не рачилъ объ охраненія васъ отъ непріятностей стихій и погоды. Я лучше желалъ, чтобъ тѣло ваше оскорбилось на минуту преходящею болью, нежели чтобъ были вы дебѣлы въ совершенномъ возрастѣ. И для того часто ходили вы босы съ непокровенной головою въ пыль и въ грязь и отдыхали на скамѣ или на камнѣ. Не меньше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Трудъ былъ лучшею приправою въ обѣдѣ нашемъ. Вспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ неизвѣстной намъ де-

ревнѣ, не нашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ казался намъ тогда ржаной хлѣбъ и деревенскій квасъ.

Не ропщите на меня, еслии будете иногда осмѣяны за то, что не имѣете казистой походки; что стоите какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не такъ, какъ велить обычай или мода; что одѣваетесь не со вкусомъ; что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, еслии будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что не умѣете хвалить красоту ихъ; во вспомните, что вы бѣгаете быстро, плаваете не утомляясь, поднимаете тяжести безъ ватуги, умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ, умѣете ѣздить верхомъ и стрѣлять. Не печальтесь, что вы не умѣете скакать какъ скоморохи. Знайте, что лучшее плясаніе не представляетъ ничего величественнаго; и еслии вы нѣкогда тронетесь зрѣніемъ оваго, то любострастіе будетъ тому корень; все же другое оному постороннее. Вы умѣете изображать Царя природы — челоуѣка, животныхъ и неодушевленныхъ. Вы найдете въ живости ихъ изображеній истинное услажденіе не токмо чувствъ, но и разума. Я научилъ васъ музыкѣ, чтобъ струна, дрожащая согласно вашимъ первамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя душу въ движеніе, дѣлаетъ въ насъ мягкосердіе привычкою. Я научилъ васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ; но сіе искусство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того не востребуеть. Уповаю, оно не сдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы имѣете твердый духъ и обидой не сочтете, еслии осель улягнетъ васъ или свинья коснется смраднымъ рыломъ. Не бойтесь никому сказать, что вы умѣете доить корову, сварите щи и кашу или жарены вами кусокъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣеть что сдѣлать, умѣеть заставить сдѣлать и будетъ къ погрѣшностямъ снисходителенъ, зная всѣ трудности въ исполненіи.

Во младенчествѣ и отрочествѣ не отягощаль я разсудка вашего готовыми размышленіями или чужими мыслями, не отягощаль памяти вашей излишними предметами ; но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ съ тѣхъ поръ, какъ начали вы ощущать силы своего разума, шестуете сами къ открытой вамъ стезѣ. Ваши познанія тѣмъ основательнѣе, что вы приобрѣли ихъ не твердя, какъ говорятъ по пословицѣ, какъ сорока Якова. Слѣдуя сему правилу, пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали, не предлагаль я вамъ понятія о всевышнемъ Существѣ, а еще менѣе объ откровеніи ; ибо то, что узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и помѣшало бы разсужденію. Когдажъ увидѣль, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога, увѣренъ будучи въ сердцѣ моемъ, что всещедрому Огцу пріятнѣе зрѣть двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній воспижается не предразсудкомъ, но онѣ сами возносятся къ начальному огню на возгореніе. Тогда предложилъ я вамъ и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ всего того, что въ опроверженіе онаго сказано многими ; ибо желаль, чтобъ могли вы сами избирать между млекоу и желчію, и съ радостію видѣль, что вы перобко воспріяли сосудъ утѣшенія.

Я преподавалъ вамъ свѣденія о наукахъ, не оставилъ ознакомить васъ съ различными народами, изучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственный, да умѣете изъяснить на ономъ ваши мысли словесно и письменно и чтобъ изъясненіе сіе было непринужденно и поту на лицѣ не производило. Англискій языкъ, а потомъ латинскій старался я сдѣлать вамъ извѣстнѣе другихъ ; ибо твердость духа вольности, переходя

въ изображеніе рѣчи, пріучить и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь нужнымъ во всякомъ правленіи.

Но естли представлялъ я разуму вашему упражняться въ наукахъ, тѣмъ бдительнѣе тщился я быть въ нравственности вашей; старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновения, подвергая разумку гнѣвъ продолжительный, производящій мщеніе. Мщеніе...ваша душа гнушается его. Изъ сего природнаго чувствительной твари движенія оставили вы только оберегательность своей жизни, поправъ желаніе возвращать узвленія.

Нынѣ настало то время, что чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію и производить опасное волненіе въ сердцѣ вашемъ. Нынѣ достигли вы времени, въ которое, какъ говорятъ, разумокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а лучше сказать, когда чувства, одержимыя доселѣ плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе; или когда жизненныя соки, исполнивъ сосудъ юности, начинаютъ превышать его воскраія, ища стези свойственнымъ для нихъ стремленіемъ. Я сохранилъ васъ до сихъ поръ неприступными превратнымъ потрясеніямъ чувствъ; но не закрылъ отъ васъ покровомъ невѣденія пагубныхъ слѣдствій совращенія съ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы были свидѣтели, сколь гнусно избыточество чувственаго насыщенія и возгнушались имъ, были свидѣтели страшнаго волненія страстей, превысившихъ берега естественнаго своего теченія, познали ихъ гибельныя опустошенія, и ужаснулись. Моя опытность, носясь надъ вами, подобно новому эгиду охраняла васъ отъ опасныхъ узвленій. Нынѣ будете вы сами себѣ вожди; и хотя

совѣты мой будутъ всегда свѣтильникомъ въ вашихъ начинаніяхъ—ибо сердце и душа ваша мнѣ отверзты;—но какъ свѣтъ отдалясь отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, такъ и вы, въ отсутствіи отъ меня, ощутите слабое согрѣніе моей дружбы. И для того преподамъ вамъ правила единожитія и общезитія, чтобъ по усмиреніи страстей не возгнушались вы дѣяній, въ оныхъ совершенныхъ, и не познали раскаянія.

Правила единожитія, сколько то касаться можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ вашей тѣлесности и нравственности. Не забывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Умѣренное упражненіе оныхъ укрѣпить ихъ не истощая и послужить къ здравію вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ, вамъ извѣстныхъ. Совершенство въ оныхъ можетъ быть иногда нужно. Грядущее вамъ не извѣстно. Естли непріязненное счастье отнять у васъ все, что оно вамъ дало; то богаты пребудете въ умѣренности желаній, кормясь дѣлами рукъ своихъ. Но естли во дни блаженства вознебрежете, то поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, праздность и неумѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ; ибо взнуряя тѣло невоздержностью изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ укрѣпить тѣло, а съ нимъ и духъ. Естли почувствуешь отвращеніе къ яствамъ и болѣзнь постучится у дверей; воспрями тогда отъ одра твоего, на которомъ лелѣешь чувства свои, приведи уснушіе члены твои въ дѣйствіе упражненія,—и почувствуешь мгновенное обновленіе силъ; воздержи себя отъ пищи, нужной во здравіи, и голодъ сдѣлаетъ сладкою твою пищу, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что

для утоленія голода нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благотѣльное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія и не возможетъ обновить душевныхъ и тѣлесныхъ силъ: бѣги въ чертоговъ твоихъ и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ и почиешь во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ, содержите тѣло въ чистотѣ; ибо чистота служить ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стзю къ гнуснымъ порокамъ. Но не будьте въ семь неумѣренны: не гнушайтеъ пособить поднять во рвѣ погрязшую телегу, и тѣмъ облегчить упавшаго; вымарайте руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины униженія, утѣшайте томящагося нищетою, вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, подавъ отраду скорбящему.

Ныпѣ достигли вы, повторяю, того страшнаго времени и часа, когда страсти начинаютъ пробуждаться, но разсудокъ еще слабъ на обузданіе ихъ; ибо чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли поднимается, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ не иначе приблизиться можно къ равновѣсію, какъ трудолюбіемъ. Трудитесь тѣломъ: страсти ваши не столь сильное волненіе имѣть будутъ. Трудитесь сердцемъ, упражнясь въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи,—и страсти ваши направятся къ благому концу. Трудитесь разумомъ, упражнясь въ чтеніи, размышленіи, изысканіи истины или происшествій,—и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстями. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можете истребить корень страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ и основанъ самую природою на

нашей чувствительности. Когда ви́шнія и внутреннія чувства ослабѣвають и притупляются, тогда ослабѣвають и страсти. Онѣ производятъ благо въ чело́вѣкѣ тревогу, безъ которой онъ уснулъ бы въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный чело́вѣкѣ есть глупецъ и нелѣпый истуканъ, не возмогающій ни благаго, ни злаго. Воздержаться отъ худыхъ помысловъ, не могши совратить ихъ, не есть достоинство; безрукой не можетъ никого уязвить и не можетъ подать помощи утопающему, ни удержать на берегу падающаго въ пучину морскую. И такъ умѣренность въ страстяхъ есть благо. Шествіе по стезѣ средю надежно. Чрезвычайность въ страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть. Подобно какъ путешественникъ, отдаляясь середины стези, подвергается опасности упасть въ тотъ или другой ровъ: таково бываетъ шествіе въ нравственности. Буде страсти ваши опытностію, разсудкомъ и сердцемъ направлены къ благому концу: снимите съ нихъ бразды томнаго благоразумія, не сокращайте ихъ полета; мета ихъ будетъ всегда величіе; на немъ единомъ умѣютъ онѣ остановиться.

Но если побуждаю я васъ не быть безстрастными, то паче всего потребна въ юности вашей умѣренность любовной страсти. Она насаждена природою въ сердца́ нашемъ къ блаженству нашему. И такъ она никогда не можетъ ошибаться въ возрожденіи своемъ, но въ предметъ своемъ и неумѣренности. И такъ блюдитесь ошибаться въ предметъ любви вашей и не почитите взаимною горячностью видъ оныя. Съ благимъ же предметомъ любви неумѣренность сей страсти будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно было бы говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не Природа въ сердца́ начертала, но святость

кого изъ начальнаго обществоположенія проистекаетъ. Вашему разуму, едва шествию свое начинающему, сіе было бы непонятно; а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивой въ обществѣ страсти любви, была бы повѣсть о семъ не ошутительна, а потому и бесполезна. Если желаете имѣть о супружествѣ повятіе, то вспомните о рожденной васъ. Представьте меня съ нею и съ вами, возобновите вашему слуху глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему; тогда почувствуете въ немъ нѣкое пріятное содроганіе. Что оно есть — познаете со временемъ; а теперь будьте довольны ощущеніемъ онаго.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія. Ихъ не можно предписать съ точностію; ибо они часто располагаются по обстоятельствамъ мгновенія. Но дабы сколько можно мѣнѣ ошибаться при всякомъ начинаніи, спросите ваше сердце; оно благо и никогда не можетъ обмануть васъ. Что вѣщаетъ, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности, не ошибитесь, если имѣете сердце благое. Но возмнивый слѣдовать разсудку, не имѣя на брѣдѣ власовъ, возвѣщающихъ опытность есть безумецъ.

Правила общежитія относятся къ исполненію обычаевъ и правъ народныхъ, или къ исполненію закона, или къ исполненію добродѣтели. Если въ обществѣ правы и обычаи не противны закону; если законъ не полагаетъ добродѣтели прѣткновеній въ ея шествию; то исполненіе правилъ общежитія легко. Но гдѣ такое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ наполнены многими въ правахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ противорѣчіями. И отъ того становится трудно исполненіе

должностей человѣка и гражданина: ибо нерѣдко находятя онѣ въ совершенной противоположности.

Какъ добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ ; то исполненіе ее ничѣмъ не должно быть прерываемо. Не бреги обычаевъ и нравовъ ; не бреги законовъ гражданскаго и священнаго, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай никогда нарушить ее и прикрывать робостью благоразумія. Благоденственъ будешь безъ нее во вѣщности, но блаженъ никогда.

Послѣдуя тому, что налагають на насъ обычаи и нравы, мы приобретаемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя же добродѣтель, приобретаемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе, даже и отъ тѣхъ, кто не желалъ бы ощущать ихъ въ душѣ своей. Коварный Аѳинскій Сенатъ, подавая Сократу чашу съ отравою, трепеталъ въ душѣ своей предъ его добродѣтелію.

Не дерзай никогда исполнять обычаи въ предосужденіе закона. Законъ, какъ ни худъ, есть связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ : не повинуйся ему ; ибо онъ заблуждаетъ во вредъ себѣ и обществу. Пусть уничтожить законъ, подобно какъ повелѣваетъ нарушить оный : тогда повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Но если бы законъ или Государь или какаѣ либо власть на землѣ подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели : пребудь въ оной непоколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, какъ камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердость твою ; и если бы предадутъ тебя смерти, будутъ осмѣяны ; а ты будешь жить въ душахъ благородныхъ до скончанія вѣка. Убойся заранѣе

именовать слабость въ дѣяніяхъ благоразуміемъ, сего перваго добродѣтелей врага. Сегодня потеряешь къ нимъ уваженіе, ради чего завтра самое нарушеніе ихъ казаться будетъ добродѣтелию. Такъ воцариться порокъ въ сердцѣ твоемъ и исказить черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденіе къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень ихъ всегда благъ. Побужденіе къ добродѣтелямъ общественнымъ нерѣдко имѣть начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того не надлежитъ останавливаться въ исполненіи ихъ. Предлогъ, подъ которымъ вращаются, придаетъ имъ важности. Въ Курціи, спасшемъ отечество свое отъ пагубоносной язвы, никто не видитъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго или наскучившаго жизнию, но Героя. Если побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ имѣютъ начало свое въ чловѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтесь всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, чтобъ удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни. Старайтесь паче всего заслужить во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ собственное почтеніе, чтобъ, обращая въ уединеніи взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о содѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ. Слѣдуя сему правилу, удаляйтесь, сколько возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ, узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посылать въ праздники по утрамъ знатныхъ особъ; обычай

скарденый, ничего не значущій, показующій въ посѣтите-
 ляхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надмѣнности
 и слабый разумъ. У Римлянъ было подобное сему о-
 быкновеніе, которое называли они амбиціо, то есть, снисканіе
 или обхожденіе; а оттуда названо и любочестіе ам-
 биція: ибо посѣщеніями именитыхъ людей юности про-
 кладывали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже
 дѣлается и нынѣ. Но естли у Римляпъ обычай сей введенъ
 былъ для того, чтобъ молодые люди научались обхожденіемъ
 съ испытанными, то сомнѣваюсь, чтобъ цѣль обычая сего
 всегда непорочно сохранилась. Въ наши времена, посѣ-
 щая знатныхъ господъ, никто не имѣетъ цѣлю своего ученія,
 но снисканіе ихъ благопріятства. — И такъ да не преступитъ
 нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія
 должности. Не посѣщай никогда передней знатнаго боярина,
 развѣ по долгу званія своего. Тогда среди толпы презрѣн-
 ной тотъ, на кого взираетъ она съ подобострастіемъ въ душѣ
 своей, отличить тебя отъ ней, хотя и съ негодованіемъ. И
 естли случится, что смерть пресечетъ дни мои, прежде неже-
 ли укрѣпитесь вы въ благомъ пути и въ юности вашей из-
 торгнуть васъ страсти изъ стези разсудка: то не отчаявайтесь,
 смотря иногда на превратное свое шествіе. Въ заблужденіи
 вашемъ, въ забвеніи самихъ себя возлюбите добро. Распут-
 ное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юно-
 сти оставляютъ надежду исправленія; ибо скользятъ по повер-
 хности сердца, не уязвляя его. Я лучше желаю чтобъ въ
 молодыхъ лѣтахъ были вы распутны, расточительны, наглы,
 нежели сребролюбивы, или чрезмѣрно бережливы, щеголева-
 ты. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щеголь-
 ствѣ означаетъ всегда сжатый разумъ. Естли повѣству-
 ютъ, что Юлій Цесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло
 цѣль; побужденіемъ къ тому была страсть къ женщинамъ въ

юности его ; онъ изъ щеголя облекся бы мгновенно въ смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній.

Въ молодомъ человѣкѣ нетокмо преходящее щегольство протистительно, но и всякое почти дурачество. Если прекраснѣйшими дѣянiями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство: то хотя ослабите современниковъ своихъ блескомъ ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящаго васъ, да представить вамъ зеркало истинны, — не мните однакожъ затмить взоры прозорливости. Она проникнетъ свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель обнажитъ черноту души вашей. Сердце твое возненавидитъ ее, и прикосновеніемъ твоимъ какъ чувственица увидать станетъ она мгновенно ; но стрѣлы ея издалека будутъ язвить и терзать тебя.

Простите, мои возлюбленіи ! простите, друзья души моеи ! Днесъ при сопутномъ вѣтрѣ отчалите отъ берега чуждой опытности ладью вашу ; стремитесь по валамъ житія человѣческаго, да научитесь управлять сами собой. Блаженни еслии, не претерпѣвъ крушенія ; достигните пристанища, котораго жаждемъ. Будьте счастливы въ плаваніи вашемъ. Се искреннее мое желаніе. Естественныя силы мои, истощавъ движеніемъ и жизнію, скоро изнемогутъ и угаснутъ, — и я оставляю васъ навѣки. Вотъ мое вамъ завѣщаніе. Еслии ненавистное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои ; еслии добродѣтели твоеи не останеся на землѣ убѣжища ; еслии доведенну до крайности не будетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія: тогда вспомни, что ты человѣкъ, вспомни свое человѣчество, восхити вѣнецъ блаженства, которой отнять у тебя тщатся — умри. Въ наслѣдіе оставляю вамъ слово умирающаго Катона. Но еслии можешь умереть въ добродѣтели, умѣй умереть

и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ. — Естли, забывъ мои наставленія, поспѣшать будете на злыя дѣла; то встревожится душа, обыкшая къ добродѣтели, и я явлюсь вамъ въ мечтѣ. Воспрями отъ ложа твоего, преслѣдуй душею мой образъ. Естли источится тогда слеза изъ очей твоихъ, то усни паки — пробудись на исправленіе. Но естли среди злыхъ твоихъ начинаній душа твоя, вспоминая о мнѣ, не зыблется и око пребудеть сухо . . . . се сталь, се отравя. — Избавь меня скорьби, избавь землю попоной тяжести; будь мой сынъ; умри за добродѣтель.

Вѣщавшему сіе старцу юношескій румянецъ покрылъ сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованія; черты лица сіяли неизъяснимымъ удовольствіемъ. Онъ облобызалъ дѣтей своихъ и проводилъ ихъ до повозки и пребылъ твердъ до послѣдняго разстанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться: упругая душа сія смягчилась. Слезы потекли изъ очей его; грудь его воздымалась; онъ простиралъ руки свои въ слѣдъ за отъѣзжающими; казалось, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши, узрѣвъ издали рождшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ доносилъ жалостный ихъ стонъ до слуха нашего. Они также простирали руки къ отцу своему, и казалось, будто звали его къ себѣ. Старецъ не могъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ приговорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ. Старецъ, пришедъ въ себя, сталъ на колѣни и возведъ руки и взоры на Небо, возопилъ: “Господи, молю Тебя, да укрѣпиши ихъ въ стезяхъ добродѣтели; молю, блаженни да будутъ. Всѣхъ, николи не утруждалъ Тебѣ, Отецъ всецѣдый! бесполезною молитвою; увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и право-

судень. Любезнѣйшее Тебѣ въ насъ есть добродѣтель ; дѣянія чистаго сердца суть лучшая для Тебя жертва. Я отлучилъ нынѣ отъ себя сыновъ своихъ : Господи, да будетъ въ нихъ воля Твоя.”—Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слова крестецкаго дворянина не выходили у меня изъ головы ; доказательства его о ничтожности власти родителей надъ дѣтьми казались мнѣ неоспоримы. Но естли въ благоустроенномъ обществѣ нужно, чтобъ юноши почитали старцевъ и опытность ихъ ; то нѣтъ, кажется, нужды дѣлать родительскую власть безпредѣльною. Естли союзъ между отцемъ и сыномъ основанъ не на надежныхъ чувствованіяхъ и сердцѣ ; то онъ конечно не твердъ, и будетъ нетвердъ вопреки всѣхъ законоположеній. Естли отецъ видитъ въ сынѣ своего раба и ищетъ власть свою въ законоположеніи ; естли сынъ почитаетъ отца для наслѣдства, то какая польза отъ того обществу ? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой ?—Отецъ обязанъ сына и вскормить и научить, и долженъ быть наказанъ за его проступки, пока не войдетъ онъ въ совершеннолѣтіе ; а сынъ да обрящетъ должности свои въ сердцѣ своемъ. Естли онъ ихъ не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, почто ничего не насадилъ. Сынъ же въ правѣ требовать отъ отца вспомошествованія, пока пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ ; но въ совершеннолѣтіи сія естественность и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ не проситъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда они возмужаютъ. Се есть законъ Природы. Естли гражданскіе законы отъ него удалятся, то производить всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать или наставника,

пока любленіе его не обратится къ другому предмету. Да не оскорбится симъ сердце твое, отецъ чадолюбивый : природа того требуетъ. Единное утѣшеніе да будетъ тебѣ въ томъ, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца своего до совершеннаго только возраста ; тогда отъ тебя будетъ зависѣть обратить горячность его къ себѣ. И еслии въ томъ успѣешь, блаженъ будешь и почтенія достоинъ. Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

Я Ж Е Л Б И Ц Ы .

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ на испытаніе. Я отецъ и имѣю вѣжкое сердце къ моимъ дѣтямъ. Для того то слова крестецкаго дворянина меня столь тронули, и потрясши мою душу, изліяли нѣкое усладительное чувствованіе надежды, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависить много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое оставало въ душѣ моей глубокой корень печали, и нѣтъ надежды къ истребленію его.

О юность ! услышь повѣсть мою, познай свое заблужденіе, бѣги отъ произвольной гибели и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ власы человѣка принудилъ меня остановиться. Приблизясь увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребеніе. Надлежало уже опускать гробъ въ могилу ; но тотъ, котораго я издали видѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и ухватяся весьма крѣпко за оный, не

дозволяя опускать его въ землю. Съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба, и опуств оный въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущій говорилъ къ предстоящимъ: почто вы меня его, лишили? почто меня не погребли съ нимъ живаго и не скончали моея скорьби и раскаянiя? Знайте, что я убійца возлюбленнаго моего сына, котораго предали землѣ. Не дивитесь сему. Я не прекратилъ жизни его ни мечемъ, ни отравою; нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ: я уготовалъ ему смерть до рожденiя его, давъ ему жизнь отвращенную. Я убійца, каковыхъ много; но убійца лютейшiй другихъ. Я убилъ сына моего до рожденiя его. Одинъ я прекратилъ дни его, изливъ томной ядъ въ составъ его; онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во всю жизнь свою не наслаждался онъ здравiемъ ни одного дня, и разверстiе яда пресѣкло теченiе жизни его. Никто, никто не накажетъ меня за мое злодѣянiе!—Отчаянiе изобразилось на лицѣ его, и почти бездыханна отнесли его съ сего мѣста.—Внезапный хладъ разлился въ моихъ жилахъ. Я оцѣпенѣлъ; мнѣ казалось, что слышу мое осужденiе; вспомянулъ дни распутной моея юности, привелъ на память всѣ случаи, когда встревоженная чувствами душа гонялась за ихъ услажденiемъ, почитая мздоимную участницу любовной утѣхи истиннымъ предметомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержанiе въ любострастiи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь. О естли бы не долѣе пускала она корень свой! Естлибъ съ утоленiемъ любострастiя прерывалась! Прiявъ отраву сiю въ веселии, не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ своихъ, но и даемъ ее въ наслѣдiе нашему потомству. О друзья моя возлюбленные! о чада души моея! не знаете вы, колико согрѣшилъ я предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденiе; страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Вы возненавидите можетъ быть

меня, и ненависть ваша будетъ справедлива. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови своей сокровеннаго жала, опредѣленнаго для безвременнаго пресѣченія дней вашихъ. Пріявъ въ совершенномъ возрастѣ сей смрадный ядъ въ тѣло мое, затвердѣлость членовъ моихъ противилась его распространенію и борется съ его смертоносностію. Но вы, принявъ его отъ рожденія и нося его въ себѣ какъ нужную часть тѣла, какъ возпротивитесь разрушительному его дѣйствию? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сей отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества; призовите на помощь врачебное искусство: и если можете, не ненавидьте меня.

Теперь открывается глазамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Я согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрешилъ передъ вами, отравивъ до рожденія вашего жизненные ваши соки и тѣмъ уготовалъ вамъ томное здравіе и безвременную можетъ быть смерть. Согрешилъ,—и сѣ да будетъ мнѣ въ казнь;—согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ, источаясь въ веселіи, преселился въ чистое ея тѣло, и отравилъ непорочные ея члены. Онъ былъ тѣмъ смертоноснѣе, чѣмъ былъ сокровениѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ предостеречь ее въ томъ; она же въ горячности своей не остерегалась своего отравителя. Приключившееся ей воспаление есть можетъ быть плодъ удѣленной ей мною отравы. О возлюбленные мои! koliko должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь дѣлаетъ во всѣхъ государствахъ столь великія опустошенія, не токмо уменьшая много настоящихъ поколѣній, но сокращая еще дни грядущихъ? Кто причиною кромѣ Правительства? Дозволяя мздонное распутство, оно не токмо открываетъ путь ко многимъ порокамъ; но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находя защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ Государствахъ состоятъ подъ покровительствомъ Начальства. Если бы, говорятъ нѣкоторые, запрещено было наемное удовлетвореніе любовной страсти; то не рѣдко были бы чувствуемы сильныя въ обществѣ потрясенія. Увозы, насилія, убійства имѣли бы перѣдко свой источникъ въ любовной страсти. Они могли бы потрясти и самое основаніе обществъ. — И вы желаете лучше тишины, и съ нею томленія и скорби; нежели тревоги, и съ нею здравія и мужества? Молчите, скаредные учителя! вы наемники мучительства. Оно, проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ усыпляемыхъ лестію въ оковы. Оно боится даже посторонней тревоги; оно желало бы, чтобъ вездѣ одинаково съ нимъ мыслили, дабы надежно делѣться въ величїи и утопать въ любострастїи. Я педивлюсь словамъ вашимъ. Рабамъ сродно желать видѣть всѣхъ въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребїй; а превосходство чье либо тягчить ихъ духъ и разумъ.

ВАЛДАИ.

Сей новый городокъ, сказываютъ, населенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Онъ

достопамятеѣ по любому расположенію его жителей, а особливо замужнихъ женщинъ. Кто не бывалъ въ Валдаяхъ? Кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненныхъ дѣвокъ? Наглыя Валдайскія и стыдъ сотряснія дѣвки останавливаютъ всякаго проѣзжающаго и стараются возжигать въ немъ любовнаго страстіе и воспользоваться его щедростію на шеть своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сей въ городъ произведенной деревни со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что она есть наидревнѣйшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки древняго ея построенія. Но какъ темнаго долѣе ста лѣтъ, какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые ея жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжественій: Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожжаемой Ладѣ. Настала ночь — баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, входитъ въ баню, гдѣ встрѣчаетъ его или хозяйка, естли молода, или ея дочь или ея свойственница или сосѣдка. Отираютъ утомленные его члены, омываютъ грязь, — и сіе производятъ совлекши съ себя одежду, возжигаютъ въ немъ любовнаго страстной огонь, — и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здоровье и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника сіи любовнаго страстные чудовища предавали смерти, чтобъ воспользоваться его имѣніемъ. Не знаю, правда ли сіе; но то правда, что наглость Валдайскихъ дѣвокъ теперь уменьшилась; и хотя онѣ и нынѣ не откажутся удовлетворить желаніямъ

путешественника, но прежней паглости въ нихъ не видно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, останется достопамятно по повѣсти о монахѣ, жертвовавшемъ жизнью для своей любовницы. Въ полуторѣ верстѣ отъ города среди озера на островѣ находится Иверскій монастырь, построенный славнымъ Никономъ Патриархомъ. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною; скоро стремились они къ совершению ея. Насладившись однажды ся веселіемъ, были они не въ силахъ противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику не лзя было отлучаться часто изъ монастыря; любовницѣ жъ не лзя было посѣщать кельи своего любезнаго. Но горячность ихъ все преодолѣла. Изъ любострастнаго монаха сдѣлала она неустрашимаго мужа и дала ему почти чрезъ-естественныя силы. Сей новый Леандръ, чтобъ наслаждаться ежедневно веселіемъ въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала мракомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и совлекши одежду, переплывалъ озеро до противоположнаго берега, гдѣ принимаемъ былъ въ объятія своей любезной. Бани и въ ней любовныя утѣхи были для него готовы; и онъ забывалъ въ ней опасность и трудность преплыванія и боязнь, естли бъ отлучка его сдѣлалась извѣстна. За пѣсколько часовъ до разсвѣта возвращался онъ въ свою келью. Въ сихъ опасныхъ предуріятіяхъ провелъ онъ долгое время, награждая скуку дневнаго заключенія ночнымъ веселіемъ. Но судьба положила конецъ любовнымъ его подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы къ своей любезной, возсталъ вдругъ противный ему вѣтръ.

Еще на срединѣ пути всѣ силы его немощны были преодолѣть разъяренныя волны. Тщетно напрягалъ онъ свои мышцы; тщетно возвышалъ голосъ, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть, рѣшился онъ возвратиться въ монастырь, котораго тѣмъ гегче казалось ему достигнуть что вѣтеръ былъ попутный. Но едва обратилъ онъ шествіе свое, какъ валы, осиливъ утомленные его мышцы, затопили его въ пучинѣ. Поутру нашли тѣло его на отдаленномъ берегу. Естли бы писалъ я о семъ поему, то представилъ бы читателю любовницу его въ отчаяніи; но это было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновеніе, прискорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Не знаю и того, бросилась ли сія новая героиня въ озеро, или въ слѣдующую почъ топила опять баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что Валдайскія красавицы отъ любви не умирали...развѣ въ больницѣ!

Валдайскіе нравы переселились и въ близъ лежащій почтовый станъ, Зимогорье. Тутъ путешественнику бываетъ такая же встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ, и прежде всего представляются взорамъ разрумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодья мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался съ мазапыми Валдайскими и Зимогорскими Сиренами.

ЕДРОВО.

Доѣхавъ до жилья, вышелъ я изъ кибитки. Не подалеку отъ дороги стояло много бабъ и дѣвокъ. Стрась,

господствовавшая надо мною во всю жизнь, но уже угасшая, по обыкновенному ея стремленію направила стопы мои къ толпѣ сихъ сельскихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе, нежели изъ 30 женщинъ. Всѣ онѣ были въ праздничномъ нарядѣ: шея голая, ноги босыя, локти наружи, платье заткнутое спереди за поясъ; рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное, пріятности, хотя отъ зноя и холода загрузѣвшія, но прелестныя безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ; въ устахъ улыбка или сердечный смѣхъ, отъ котораго становился видѣнь рядъ зубовъ бѣже чистѣйшей слоновой кости, — зубовъ, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда, любезныя наши барыньки Московскія и Петербургскія! посмотрите на ихъ зубы; учитесь у нихъ содержать ихъ въ чистотѣ. У нихъ нѣтъ зубнаго врача; они не сдираютъ каждой день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте изъ нихъ, съ которою хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго; а ваше, ваше можетъ быть положить въ нихъ начало болѣзни — боюсь сказать — какой. Хотя не покраснѣйтесь, но разсердитесь. Развѣ я говорю неправду? — Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, ѣсть и спать съ тобою же. Другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльных или — чего Боже спаси — ежедневныхъ любовниковъ; познакомься сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; — да и того иногда не знаетъ, что она уже однимъ его поцѣдуемъ заразилась. А ты, голубушка моя пятнадцатилѣтняя дѣвушка! ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоёмъ я вижу, что вся кровь твоя отравлена. Блаженной памяти твоей ба-

тющка изъ докторскихъ рукъ не выходилъ ; а государыня твоя матушка, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго Генерала, и спѣшитъ выдать тебя за мужъ, чтобъ не сдѣлать съ тобою визита воспитательному Дому ; — а за старикомъ то жить не худо : своя воля ; только бы быть за мужемъ ; - дѣти все его ; - реивнивь онъ будетъ, тѣмъ лучше : болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ. Съ первой ночи можно приучить его не слѣдовать глупой старой модѣ спать съ женою вмѣстѣ.

Я не примѣтилъ какъ долго вы задержали меня, городскія сватьяшки, тетупки, сестрицы, племянницы и проч. Вы право того не стоите: у васъ на щкахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности...сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда есть между ними на васъ похожія ; но есть и такія каковыхъ въ городахъ и слыхомъ не слыхано и видомъ не видано. Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, не искривлены, не испорчены. Вамъ смѣшно, что у нихъ ступни въ 5 вершковъ, а можетъ быть и въ 6. Ну, любезная моя племянница съ трехъ вершковой твоею вожкою, стань съ ними рядомъ и бѣги въ запускъ: кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей?—А, а! это не твое дѣло. А ты, моя сестрица голубушка съ трехъ четвертнымъ твоимъ станомъ въ обхватъ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей Русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобой. Ты десятой мѣсяцъ за мужемъ, и уже трехъ четвертой твоей станъ изуродовался. А какъ дойдетъ до ро-

довъ запоешь другимъ голосомъ. Но дай Богъ, чтобъ обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшко ходить повеса нось. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, всѣ кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ; но уже поздно. Криво сросшихся твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять! плачь мать наша, слѣдуя плачевной модѣ, ознаменованной смертью разрѣшающихся отъ бремени женъ; она уготовала тебѣ на многія лѣта печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложене. Она возноситъ теперь надъ главою ея смертоносное остріе; и естли оно не коснется дней твоей супруги, то благодари случай;—естли же вѣришь, что Провидѣніе Божіе о томъ заботилось, то благодари и Его, коли хочешь.—Но я еще съ городскими барыньками... вотъ что дѣлаетъ привычка; отвязаться отъ нихъ не хочется; — и право съ вами бы не разстался, естли бъ могъ довести васъ до того, чтобъ вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.

Покуда глядѣлъ я на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрился итти за нею въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ 20-ти, а конечно не болѣе 17-ти, положи мокрое свое платье на коромысло, пошла одной со мною дорогой. Поровнявшись съ ней, началъ я разговоръ. — Не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ зовутъ, не знаю?—Меня зовутъ Анною, а ноша моя не тяжела; хотя бы и тяжела была, я бы тебя, баринъ, не просила пособить мнѣ.—Къ чему такая суровость, Аннушка душа моя, я тебѣ худа не желаю. — Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты, пожалуй проходи своей дорогой.—Анютушка, я право не таковъ, какъ тебѣ

кажусь, и не таковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь; тѣ, думаю, такъ не начинаютъ разговора съ деревенскими дѣвками, но всегда поцѣлуемъ; а хотя бы и поцѣловалъ тебя, то конечно бы такъ, какъ сестру мою родную.— Не подѣвжай пожалуй, рассказы таковыя я слыхала; а коли ты худова не мыслишь, то чего отъ меня хочешь?— Душа моя Авиушка, я хотѣлъ знать, есть ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешь, богато ли или убого, весело ли или грустно, и есть ли у тебя женихъ?—А на что это тебѣ, баринъ? Отъ роду въ первый разъ слышу такія рѣчи.—По этому судить можешь, Апюта, что я не негодяй; не хочу тебя обругать или обезчестить. Я люблю женщинъ для того что онѣ имѣютъ сложеніе соотвѣтственное моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ или крестьянокъ, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя личины притворной любви; а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно.—Дѣвка смотрѣла на меня въ сіе время выпяля глаза, съ удивленіемъ; да такъ и быть должно: ибо кто не знаетъ, съ какою наглостію дерзкая дворянская рука поползается на непристойныя и оскорбительныя для цѣломудрія шутки съ деревенскими дѣвками; онѣ въ глазахъ старыхъ и малыхъ суть твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ, особливо съ несчастными, подвластными ихъ веселіямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружались на своихъ господъ, нѣкоторые крестьяне (повѣсть сія справедлива), связавъ своего господина, вели на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онѣ былъ господинъ добрый и челоуѣколюбивый; но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онѣ того дня назначялъ.

Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзиль 60 дѣвиць, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда вручила сего варвара изъ рукъ крестьянъ, на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне! вы искали правосудія въ самозванцѣ. Почто не повѣдали сего законнымъ судьямъ вашимъ? Они предали бы его гражданской смерти, и вы остались бы невинны; а теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, естли взоръ на близкую смерть переимѣнилъ образъ его мыслей, и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. — Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. — Нѣтъ, нѣтъ; онъ живъ будетъ, естли захочетъ.

— Естли ты, баринъ, не шутишь, сказала мнѣ Анята, то вотъ что я тебѣ скажу: отца у меня нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка, да маленькая сестра. Батюшка оставилъ намъ 5 лошадей и 3 коровы; есть и маленькаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ домѣ работника. Меня сватали-было въ большой домъ за десятилѣтняго парня, но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ? я его любить не буду. А когда онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья вырастаютъ. Мнѣ для того-то и не хотѣлось итти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ; въ томъ я не сомнѣваюсь. Гулять съ молодцами не люблю; а замужъ, баринъ хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Анята, потупивъ глаза.—Скажи, душа моя Анятушка, не стыдись; эти слова въ устахъ невинности безпорочны.—Вотъ что я тебѣ скажу: прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ поси-

денки. Мужъ ее любить, и она его столько любить, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья родила ему сына.

Всякой вечеръ выходитъ она пестовать его за ворота. Она на него не наглядится; кажется, будто и паренекъ-то матушку свою любить. Какъ она скажетъ ему: агу, агу, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякой день. Мнѣ бы ужъ и самой имѣть хотѣлось такогожь паренька.”—Тутъ я не могъ вытерпѣть; и обнявъ Аняту, поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца.—“Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ! ты уже играешь со мной; поди, сударь, прочь отъ меня; оставь бѣдную сироту, сказала Анята заплакавъ; кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ, то даромъ, что ты господинъ, пагрѣлъ бы тебѣ шею”.—Не оскорбляйся, моя любезная Анятушка, не оскорбляйся; поцѣлуй мой не осквернитъ твоей непорочности: она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія; онъ былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутой души. Не бойся меня, любезная Анята:—не подобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъ гнѣта непорочности ни во что вмѣняютъ. Еслибъ я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь Богомъ, что не дерзнулъ бы на него.—“Разсуди самъ, баринъ: какъ не сердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе ужъ всѣ отданы, и я въ нихъ не властна”.—Ты меня восхищаешь; ты ужъ умѣешь любить. Тышла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешь щастлива. Ничто не разрушитъ союза вашего. Ты не будешь окружена соглядателями, стрегущими уловить тебя въ сѣти пагубы. Не будетъ слухъ сердечнаго твоего друга узвлекъ прельщающимъ гласомъ, призывающимъ его на нарушение къ тебѣ вѣрности. Но отъ чегожъ моя любезная Анята, лишена ты удовольствія наслаждаться щастіемъ въ

объятіяхъ твоего милаго друга?—Ахъ, баринъ! для того что его не отдають къ намъ въ домъ. Просять ста рублей. А матушка меня не отдаетъ: я у ней одна работница.—Да любить-ли онъ тебя?—Какъ-же; онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому, и мы вмѣстѣ смотримъ на наренька моей подруги. Ему хочется такогожь паренька. Грустно мнѣ; но быть терпѣть. Ванька мой хочетъ итти на баркахъ въ Питерь на работу, и не воротится, покуда не выработаетъ ста рублей для своего выкупа.—Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай: онъ идетъ на свою гибель. Тамъ, научится онъ пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ.—Ахъ, баринъ! не стражай меня, сказала Анюта, почти заплакавъ.—А тѣмъ скорѣе, Анюта, естыи ему случится въ дворянскомъ домѣ служить; городской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ; а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума. Кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.—Да какъ-же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ не быть за нимъ за мужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ не гуляетъ; меня не отдають къ нему въ домъ: то высватають за него другую, а я, бѣдная, умру съ горя.—Говоря сіе, проливала она горькія слезы.—Нѣтъ, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за нимъ. Поведи меня къ своей матери.—Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь. Проходя мимо, матушка меня увидитъ и худое подумаетъ. А хотя она меня не бьетъ, но одно ея слово тяжелѣе мнѣ всякихъ побоевъ.—Нѣтъ, моя Анютушка, я пойду съ тобою—и не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ по лѣсницѣ въ избу. Анюта кричала мнѣ въ слѣдъ: постой, баринъ, постой; но я ее не слушалъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила;

подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Безъ дальнихъ околичностей сказалъ я ей, что желаю, чтобъ дочь ея была за Иваномъ, и для того принесть ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семь дѣлѣ.—Спасибо, баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха, пришедъ теперь, сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ; и у насъ въ воскресенье будетъ свадьба.—Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анютѣ въ приданое.—И на томъ спасибо. Приданого бояра дѣвкамъ даромъ не дають; и естли ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то дашь ей приданое: то Богъ накажетъ тебя за твое безпутство; а денегъ я не возьму. Естли же ты доброй чловѣкъ и не ругаешься надъ бѣдными: то, взявъ отъ тебя деньги, лхіе люди мало ли что подумаютъ.”—Я не могъ надивиться, нашедъ такое благородство въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла во избу, и матери своей меня расхвалила. Я попытался было еще дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану на заведеніе дому; но онъ сказалъ мнѣ: у меня, баринъ, есть двѣ руки, я ими домъ и заведу.—Примѣтивъ, что мое присутствіе было имъ не очень пріятно, я оставилъ ихъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Будущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мыслей моихъ не выходила. Невинная ея откровенность правилась мнѣ безмѣрно. Благородный поступокъ матери ея плѣвилъ меня. Я сравнивалъ сію почтенную мать съ засучеными рукавами за квашнею или съ подойникомъ подлѣ коровы съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которые въ соразмѣрности состоявій должны быть для полковницы, совѣтницы, маюрши, генеральши 5, 10, 15 тысячъ

и болѣе. Естли госпожѣ полковницѣ, совѣтницѣ, маіоршѣ, генеральшѣ (въ соразмѣрности посула моего Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицомъ не дурна или только что непорочна—и того уже довольно—знатной бояринѣ 70 или—чего Боже сохрани—72 пробы посулить 5, 10 и 15 тысячей рублей или глухо знатное приданое, или сыщеть чиновнаго жениха, или выпросить въ почтенныя дѣвнцы: то я у васъ вопрошаю, городскія матушки, не охветь-ли у васъ сердечко? Не захочется-ли видѣть дочку въ позлащеннѣй колесницѣ, въ брилліантахъ, ѣдущую четверкою, естли она ходитъ пѣшкомъ; или ѣдущую цугомъ вмѣсто двухъ замореныхъ клячъ, которыя ее таскають? Я согласенъ съ вами въ томъ, что вы бы обрядъ и благочивіе сохранили и не такъ бы легко сдались, какъ театральныя дѣвки. Нѣтъ, моя голубушки, я даю вамъ сроку на мѣсяць или на два, но не болѣе. А естли долѣе заставите вздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ, будучи занятъ государственными дѣлами, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоценнѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную. Тысяча голосовъ на меня поднимаются, ругають меня всякими мерзкими названіями:—плуть, каналья, бестія, и пр. Голубушки мои, успокойтесь; я вашей чести не поношу. Уже-ли вы всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало—кто изъ васъ себя въ немъ узнаеть, то брани мевя безъ всякаго милосердія. Жалобницы я на все не подамъ и суда по формѣ говорить съ ней не стану.

Анюта, Анюта! ты мнѣ голову вскружила. Для чего я не узналъ тебя лѣтъ 15 тому назадъ? Твоя откровенная невинность, неприступная любострастному дерзновенію, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первой мой поцѣлуй въ жизни не былъ тотъ, которой при-

лѣпилъ я на щекѣ твоей въ душевномъ восхищеніи? Отраженіе твоей жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я избѣгнулъ бы скаредностей, жизнь мою исполнившихъ. Я удалился бы отъ смрадныхъ наемницъ любо-страстія; почтилъ бы ложе супружества; не нарушилъ бы плотскою ненасытностію союза родства; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ и я не дерзнулъ бы коснуться ее. О моя матушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Я увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія начинающаго съ оваго совращаться и укрѣпишь въ немъ наклоннаго къ совращенію. Не встревожься, естли закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшій въ безстыдствѣ, пройдетъ мимо тебя и тебя презреть; не удерживай его сладостію твоего разговора: сердце его уже камень, душа его покрылась алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинной добродѣтели положить на немъ глубокой черты. Конецъ его скользнетъ по поверхности и притупится. Но не пропусти юношу, одареннаго опасными красоты прелестями, улови его въ твои сѣти. Онъ кажется гордъ, надмѣненъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, заносчивъ; во сердце его уступить твоему впечатлѣнію и отверзется къ принятію твоего благотворнаго примѣра.—Анюта! я съ тобою не могу разстаться, хотя вижу уже 20-ый столбъ отъ тебя!

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ дозволить такой союзъ? Почто не ополчится рука, хранящая законы, на искорененіе такого злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство; въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ благословить неравный бракъ? или какой судія можетъ вписать его въ свой дневникъ? Гдѣ

нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, какъ вещь безполезную для человѣка; сіе долженъ бы запрещать законъ гражданскій, какъ вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, утвержденный закономъ, которымъ общаются прежде всего усладять взаимно чувства (да не дерзнетъ здѣсь никто оспоривать первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза, начала любви непорочной и твердаго основанія супружняго согласія), общаются жить вмѣстѣ, имѣть общее стяжаніе, возвращать плоды своей горячности и жить мирно, не уязвляя другъ друга. При неравенствѣ лѣтъ можно-ли сохранить условія сего соглашенія? Если мужъ 10 лѣтъ, а жена 25, какъ то бываетъ часто въ крестьянствѣ; или если мужъ 50, а жена 15 или 20 лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ: то можетъ-ли быть взаимное чувство услажденіе? Скажите вы мнѣ, мужа старички, но скажите по совѣсти—стоите-ли вы названія мужа? Вы можете только возжечь любовный огонь, но не въ состояніи утушить его. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ Природы; то можетъ-ли положительный законъ быть твердъ, если не имѣетъ основанія въ естественности? Скажемъ яснѣе, онъ и не существуетъ.—Возвращайте плоды взаимной горячности. Но можетъ-ли быть тутъ взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ-ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дожда и питающей росы. А если плодъ и будетъ, но будетъ тощ невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію?—Не уязвлять другъ друга. Вотъ правило предвѣчное, вѣрное. Буде чувства услаждаются равномѣрно щастливою симпатією; то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро

утихаютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости подернеть чувственное услажденіе непроницаемой корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоить брюзгливую дряхлость.—Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ лѣтъ быть исполняемо—жить вмѣстѣ; но будетъ ли въ томъ взаимность? Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣющій въ рукахъ силу; другой будетъ слабый подданныкъ и рабъ совершенный, веселить господина своего только могущій.—Вотъ, Анята, благія мысли, тобою мнѣ внушенныя. Прочти, любезная моя Анятушка! поученія твои пребудутъ вѣчно въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ наследуютъ ихъ.

Хотиловской ямъ былъ уже въ виду, но я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души воскликнулъ громко: О Анята, Анята!—Дорога была не гладка, лошади шли шагомъ, извозчикъ вслушался въ мою рѣчь. Оглянувшись на меня,—Видно, баринъ, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Аняту нашу призраился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла. Всѣмъ взяла. На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! Всѣхъ заткнетъ за поясъ, хоть бы кого. А какъ пойдетъ въ поле жать—загляденье. Ну, братъ Ванька щастливъ.—Иванъ братъ тебѣ?—Братъ двоюродный. Да вѣдь и парень. Трое вдругъ молодцовъ стали около Аняты свататься; но Иванъ всѣхъ отбаярилъ. Они и тѣмъ и сѣмъ; но не тутъ-то—а Ваюха тотчасъ и подцѣпилъ. (Мы уже въѣзжали въ околицу).—То-то, баринъ! всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ—и къ почтовому двору подѣхалъ.—Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, твердилъ я, вылезая изъ кибитки. Всякъ

пляшетъ, да не какъ скоморохъ, повторилъ я наклоняясь и поднявъ, развернулъ....

ХОТИЛОВЪ.

Проектъ въ будущемъ.

“Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оно нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшей степени совершенства, до коей человѣку достигнуть дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, распростирая свободно свое криліе, безпрепятственно и не заблужденно возносится вездѣ къ величію и сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ законоположеній и что подъ державнымъ его покровомъ сердце наше свободно возсыластъ молитвы ко всевышнему Творцу: съ неизреченнымъ радованіемъ сказать можемъ, что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо оно не на предразсудкахъ и суевѣріи основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. Не извѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе; не извѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди сей свободы, мы почитаемъ истинно братьями другъ друга, единому принадлежа семейству, одинаго имѣя отца—Бога. Свѣтильникъ наукъ, носясь надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ его нынѣ отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществвахъ истребляютъ даже гражданскія несогласія. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховной власти, какъ велѣнія

нѣжныхъ родителей своимъ чадамъ, предупреждаетъ и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ о приобрѣтеніи и сохраненіи имѣнія не дозволяетъ возродиться семейнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣніи отъ другаго, глубока, всѣми зрима и всѣми свято почитаема. Частныя оскорбленія между нами рѣдки и дружески примиряются. Воспитаніе народное пеклось о томъ, да будемъ кротки, да будемъ граждане миролюбивые; но прежде всего да будемъ человѣки.”

“Наслаждался внутреннею тишиною, не имѣя виѣшнихъ враговъ, доведя общество до вышняго блаженства гражданскаго сожитія,—не ужели будемъ толико чужды ощущенію човѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердець, чужды любви къ братіямъ, и оставимъ въ глазахъ нашихъ на поношеніе дальнѣйшаго потомства, цѣлую треть общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ по естеству въ прежнихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрскій обычай поработать подобнаго себѣ човѣка, возродившійся въ знойныхъ полосахъ Азіи, обычай, знаменующій окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе дѣши, простерся по лицу земли быстротечно широко и далеко; — и мы, сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные мракомъ невѣжества воспріяли сей обычай; и къ стыду нашему, къ стыду сего времени сохраняли его перушимо даже до сего дня”.

“Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно вамъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые Правители нашего народа, подвигаемы истиннымъ човѣколюбіемъ, познавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣлъ сему столбовому злу. Но державные ихъ подвиги утщетились извѣстнымъ тогда своимъ гордыми преимуществами въ

Государствѣ нашемъ чиновосостояніемъ, но нынѣ обвѣтшаламъ и въ презрѣніе впадшимъ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Державные предки наши среди могущества силъ своихъ немощны были разрушить оковы гражданской неволи. Не токмо не могли они исполнить благихъ своихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ Государствѣ чиновосостоянія подвигнуты были на противныя разсудку и сердцу ихъ правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, отягчающихъ оковами наимолезнѣйшихъ въ обществѣ членовъ. Земледѣльцы и до днесь между нами рабы; мы не поспасемъ въ нихъ равныхъ намъ согражданъ; мы забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные сограждане! и истинные сыны отечества! воззрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше. Служители предвѣчнаго Божества, подвизаемые ко благу общества и къ блаженству человѣка единомысліемъ съ нами, изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ во имя всещедрого Бога, нами проповѣдуемаго, сколь мудрости и любви Его противно властвовать самопроизвольно надъ ближнимъ своимъ. Они старались доводами, почерпнутыми въ природѣ и сердцѣ нашемъ, доказать вамъ жестокость вапу, неправду и грѣхъ. Еще торжественный гласъ ихъ во храмахъ живаго Бога вопіетъ громко: опомнитесь заблуждшіе, смягчитесь жестокосердые, разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусить сладость общежитія, къ коему уготованы они подобно вамъ Всещедрымъ. Они равно съ вами наслаждаются благодѣтельными лучами солнца, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково”.

“ Но естли служители Божества представили взорамъ вашимъ неправоту порабощенія въ отношеніи человѣка, мы за долгъ поставляемъ показать вамъ вредъ онаго въ обществѣ

и неправильность онаго въ отношеніи гражданина. Излишне казалось бы при возникшемъ столь давно уже духѣ любому-дрія изыскивать или поновлять доводы о существенномъ челоѣковѣ, а потому и гражданѣ, равенствѣ. Возросшему въ свободѣ и исполненному чувствами благородства, а не предразсудками, доказательства о первоначальномъ равенствѣ суть обыкновенныя движенія его сердца. Но несчастіе смертнаго на землѣ заблуждать среди свѣта и не зрѣть того, что прямо взорамъ его предстоитъ. Въ училищахъ юнымъ вамъ сущимъ преподали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Естественное право показало вамъ челоѣковѣ мысленно и внѣ общества, пріявшихъ одинаковое отъ природы сложеніе и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно равныхъ во всемъ между собою и одинъ другому не подвластныхъ. Гражданское право показало вамъ челоѣковѣ, промѣнявшихъ, безпредѣльную свободу на мирное оной употребленіе. Но естли всѣ они свободѣ своей положили предѣлы и правило дѣяніймъ своимъ; то всѣ отъ чрева матеря равны въ природной свободѣ; равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно и тутъ одинъ другому не подвластенъ. Первый властитель въ обществѣ есть законъ, ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступать въ общество и полагать произвольно предѣлы дѣяніймъ? Разсудокъ скажетъ, собственное благо; сердце скажетъ, собственное благо; неразлѣнный законъ гражданскій скажетъ, собственное благо.. Мы живемъ въ обществѣ, протекшемъ уже многія степени усовершенствованія, и потому запомнили мы начальное онаго положеніе. Но воззрите на всѣ новые народы и на всѣ общества естества, естли такъ сказать можно. Во первыхъ; порабощеніе есть преступленіе; во вторыхъ, одинъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятія, познаемъ мы, какъ много

удалились мы от цѣли общественной, какъ далеко отстоимъ мы еще вершины блаженства общественнаго. Все сказанное нами вамъ извѣстно, и правила таковыя вкоренились въ васъ съ младенчества. Одишъ предразсудокъ мгновенія, одна корысть (да не уязвитесь нашими изреченіями) отъемлетъ у васъ взоръ и уподобляетъ васъ бѣснующимъ въ темнотѣ”.

“ Но кто носить между нами оковы, кто ощущаетъ тягость неволи? — Земледѣлецъ, кормилецъ нашей тощеты, насытитъ нашего глада; тотъ, кто дастъ намъ здравіе, кто продолжитъ жизнь нашу, не имѣя прѣва распорядитъ ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же имѣетъ ближайшее къ нивѣ право, буде не дѣлатель ее? — Представимъ себѣ мысленно мужей, пришедшихъ въ пустыню для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи, дѣлягъ они поросшую лакомъ землю. Кто получаетъ ее въ удѣлъ? Не тотъ ли, кто можетъ ее вснахать; не тотъ ли, кто имѣетъ достаточныя къ тому силы и желанія? Младенцу или старцу разслабленному, немощному и нерадивому удѣлъ будетъ бесполезенъ. Нива его пребудетъ въ заустѣиіи, и вѣтръ не возвѣетъ на цей класовъ. Естли она бесполезна дѣлателью, то бесполезна и обществу; ибо дѣлатель избытка своего не отдаетъ обществу, не имѣя нужнаго. Слѣдственно въ началѣ общества тотъ, кто ниву обработать можетъ, тотъ и имѣлъ на владѣніе ея право, и обрабатывающій ее пользуется ею исключительно. Но какъ много удалились мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія? У насъ тотъ, кто имѣетъ естественное къ оному право нетокмо отъ того исключенъ совершенно; но обрабатывая ниву чужую, зреть пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго. Истинны сн просвѣщенному вашему разуму не могутъ быть непонятны; но дѣянія ваши въ исполненіи сихъ истинъ препинаемы — какъ сказали мы уже — пред-

разсудками и корыстью. — Но не ужели сердца ваши, любовію къ челоуѣчеству полны, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце улаждающимъ? И какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли то государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Одинъ ненасытецъ крови скажетъ, что онъ блаженъ, ибо не имѣетъ попятія о лучшемъ состояніи”.

“Теперь постараемся, опровергнуть сіи зверскія властителей правила, какъ опровергали ихъ нѣкогда предшественники наши своими дѣяніями, но безъ успѣха. Гражданское блаженство можетъ представиться въ различныхъ видахъ. Блаженно Государство, говорятъ, естли царствуютъ въ немъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ и въ градахъ гордыя возвышаются зданія. Блаженнымъ называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего и властвуетъ внѣ себя не токмо силою своею, но и словомъ своимъ надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенно переходящими, частными и мысленными. Воззримъ на подлежащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ? пространный воинскій станъ. Въ немъ царствуетъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй виденъ въ рядахъ ихъ. Одно велѣніе, одно руки мановеніе начальника движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можно ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностію воинскаго повиновенія въ куклы, отъемлетса у нихъ даже движеніе, воля, толико живымъ существамъ свойственная. Они знаютъ только велѣнія начальника, мыслятъ, что онъ хочетъ и стремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могущественнѣйшею силою

государства. Совокупны возмогутъ вся ; но раздѣльны и наединѣ пасутся яко скоты, гдѣ пастырь пожелаеть. Устройство на щетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы. Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ скамьямъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе. Они желали бы промѣнять жизнь на кончину ; но и ту имъ оспариваютъ. Конечъ страданія ихъ есть блаженство ; а блаженство неволи не сродно, и потому они только живы. И такъ да не ослѣпимся виѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Естли въ нихъ найдемъ спокойствіе и миръ, тогда сказать можемъ поистинѣ : се блаженны”.

“Европейцы, опустошивъ Америку и утучнивъ нивы оной кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Запустѣлыя нивы сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукругія почувствовали соху, нѣдра ихъ раздрающую. Злакъ, на тучныхъ лугахъ выросавшій и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое остріемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя деревья, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодныя и горкія дебри претворяются стовидными произрастеніями, одной Америкѣ свойственными или удачно въ опую переселенными. Тучныя луча потаптываются многочисленнымъ скотомъ, па яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя ; вездѣ кажется видъ благосостоянія и виѣшній знакъ устройства. Но кто же нудитъ столь мощною рукою скущую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обилии ? Заклавъ Индѣйцовъ единовременно, злбствующіе

Европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истинны, учителя кротости и челоуѣколюбія, прививаютъ къ корени яростнаго убійства завоевателей—хладнокровное убійство порабощенія приобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. Сіи то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенегала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, переселѣнныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства вздираютъ обильныя нивы Америки, гнушающейся грудовъ ихъ. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною, для того что поля ея не поросли терніемъ, и нивы ея обилуютъ произрастѣніями разнообразными? Назовемъ блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысячи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова?—О, дабы опустѣть паки обильнымъ симъ странамъ! Дабы терніе и волчець, нростирая глубоко корень свой, истребили всѣ драгія произведенія Америки! Вострепещите, о возлюбленные мои! да скажутъ о васъ: премѣни имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ.”

“Мы дивимся и нынѣ еще огромности Египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды чрезъ долгое время доказывать будутъ смѣлое Египтянъ въ созиданіи зодчество. Но для чего сіи столь негѣпныя кучи камней были уготованы? На погребеніе гордыхъ Фараоновъ. Сіи кичливые властители, жажда безсмертія, хотѣли отличествовать вѣщностію своею отъ народа и по кончинѣ. И такъ огромность зданій, бесполезныхъ обществу, есть явное доказательство его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ водворялось нѣкогда общее блаженство, обрещемъ развалины училищъ, больницъ, гостинницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій. Во градахъ же, гдѣ извѣстно было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ Царскихъ чертоговъ, пространныхъ коую-

шенъ, жилищъ звѣрей. Сравните то и другое; выборъ будетъ не затруднителенъ. — Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завосваній? Звукъ, гремленіе, надутость и истощеніе. Я примѣню такую славу къ шарамъ, въ XVIII столѣтіи избобрѣтеннымъ. Сдѣлаппые изъ шелковой ткани, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ, и возлетаютъ съ быстротою звука до выпренихъ предѣловъ эфира. Но то, что составляетъ ихъ силу, истощается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горе врацавшаяся, приѣмлетъ естественный путь паденія долу; и то, что цѣлые мѣсяцы съ трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ сооружалось, едва нѣсколько часовъ можетъ веселить взоры зрителей”.

“Но вопросы, чего жаждетъ завоеватель? чего ищетъ онъ, опустошая земли населенныя, или покаяря пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ яснѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, великимъ названнаго; но великъ онъ поистиннѣ не въ дѣлахъ своихъ, но въ душевныхъ силахъ и разореніяхъ. О Аѳиняне! вѣщаль онъ: koliko стоитъ мнѣ быть хвалиму вами. — Несмысленный! воззри на шествіе твое. Крутой вихрь полета твоего, переносясь черезъ твою область, затаскиваетъ въ вертѣніе свое жителей ея и влача въ стремленіи своемъ силы государства, оставляетъ за собою пустыню и мертвое пространство. Не разсуждаешь ты, о ярый вепрь! что, опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ничего не обращаешь тебя усаждающаго. Еслии приобрѣлъ пустыню, то она содѣлается для твоихъ согражданъ могилою, въ коей будутъ они скрываться; — населяя новую пустыню, превратишь страну обильную въ бесплодную. Какая же прибыль, что изъ пустынь подѣлалъ селидбы, еслии другія насе-

ленія сдѣлать отъ того пустыми? Естли же приобрѣлъ населенную страну; то исчисли убійства свои, и ужаснись. Ты долженъ истребить всѣ сердца, возненавидѣвшія тебя въ громности твоей; не думай, что можно любить того, кого принуждены бояться. По истребленіи мужественныхъ гражданъ останутся и будутъ тебѣ „подвластны рабскія души, готовыя носить иго рабства; но и въ нихъ ненависть къ тебѣ укоренится глубоко. Плодъ завоеванія твоего будетъ убійство и ненависть. Мучитель пребудешь въ памяти потомковъ и казниться будешь. Знай, что мерзять тебя новыя рабы твои и просятъ кончины твоей”.

“Нисходи къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, сколь вредно рабство ихъ для общества. Оно вредитъ размноженію произрастѣній и народа; вредитъ примѣромъ своимъ и опасно въ покояствіи ихъ. Человѣкъ, двигаемый въ начинаніяхъ своихъ корыстію, предпріемлетъ то, что можетъ служить ему на пользу ближайшую или дальнюю, и удаляется того, въ чемъ не обрѣтаетъ пользы ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилѣжаніемъ, раченіемъ хорошо. Напротивъ того все то, на что не свободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ земледѣлателей находимъ мы въ государствахъ нашемъ. Нива у нихъ чужая; плодъ оныя имъ не принадлежитъ, и для того обрабатываютъ они ее лѣниво, и не радѣютъ о томъ, не запустѣетъ ли среди дѣланія. Сравни сію ниву съ данною надмѣшнымъ владѣльцемъ на тощее прокормленіе дѣлателью. Не жалѣетъ онъ трудовъ своихъ, для нее предпринимаемыхъ; ни что

не отвлекает его от дѣланія. Онъ бодрственно одолеваетъ жестокость времени; часы на успокоеніе опредѣленные проводить въ трудахъ; во дни на веселіе опредѣленные онаго чуждается: ибо рачить о себѣ, работаетъ про себя, дѣлаетъ для себя. И такъ нива его даетъ ему плодъ сугубый. Плоды трудовъ земледѣлателей мертвѣютъ или не возраждаются; они родились бы, естлибъ воздѣлываніе нивъ было рачительно, естлибъ было свободно”.

“Но естли принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающія своей цѣли земныя произведенія столько же препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бѣ и было кому ѣсть, умрутъ отъ истощенія. Такъ нива рабства, неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, которымъ природою опредѣлены были избытки ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе? Къ недостатку прокормленія и одежды присо-вокупили работу до изнеможенія. Умножь оскорбленіями надмѣнності и узвменіями силы, даже въ любезнѣйшихъ чело-вѣка чувствованіяхъ: тогда съ ужасомъ узришь возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различается отъ побѣдъ и завоеваній, что не даетъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ; но отъ нее вреда больше. Легко всякъ усмотрить, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговременно и всегда; одна, окончивъ полетъ свой, прекращаетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится и перемѣниться не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всей внутренности”.

“Ничего нѣтъ вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства взираніе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ не можетъ быть никакой связи кромѣ насилія. И сіе собираясь въ малую среду, прости-

раетъ всюду властодержавное свое дѣйствіе. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, ключимые сами въ узахъ, бываютъ наипростѣйшіе оной проповѣдники. Кажется, что духъ свободы такъ въ рабахъ истребляется, что не только не желаютъ они прекратить своего страданія, но еще тягостно имъ зрѣть другихъ свободными. Они оковы свои возлюбляютъ, естли можно человѣку любить свою пагубу. Миѣ кажется, что я вижу въ немъ змія, совершившаго паденіе перваго человѣка. Примѣры властвованія заразительны. Мы должны признаться, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, высасывающего общественную пищу, уготованную на прокормленіе гражданъ, что мы ополчаемся можетъ быть сами дѣйствіемъ самовластиа; и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству дѣлаго стремились; но поступокъ нашъ полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ отпустить намъ неумышленное наше дерзновеніе”.

“ Не вѣдаете, любезные сограждане, какая предстоитъ намъ гибель, въ какой находимся мы опасности? Загрубѣлыя чувства рабовъ, не входящія въ движеніе отъ благаго мановенія свободы, укрѣпляютъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Поступокъ, остановленный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ единожды оплотъ, ни что уже въ зрѣлости его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколь ударяетъ — и се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожеганіе будутъ намъ наградою за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ

медлительнѣе и упорнѣе были мы въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе будутъ они во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія, и увидите, что даже обольщеніе сотворило яростныхъ рабовъ на погубленіе господъ своихъ. Прельщенные грубымъ званцемъ, текутъ ему во слѣдъ, и ничего столько не желаютъ, какъ освободиться отъ ига властителей. Въ невѣжествѣ своемъ не нашли другаго средства, какъ умертвить ихъ. Они не щадили ни пола, ни возраста; они искали больше во мщеніи веселія, нежели пользы сотрясенія узъ”.

“Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего ожидать намъ должно. Гибель приближается постепенно, и опасность уже надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ удобнаго часа; и первый льстецъ или любитель челоуѣчества, рожденный для пробужденія несчастныхъ, ускорить его махъ. Блюдитесь!”

“Но естли ужасъ гибели и опасность потрясенія стяжаній можетъ подвигнуть слабаго изъ васъ; то не ужели будемъ мы еще отлагать побѣжденіе нашихъ предразсужденій, поправіе нашего корыстолюбія, и не освободимъ братію пашу отъ оковъ рабства и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Зная расположеніе сердецъ вашихъ, пріятнѣ имъ убѣдиться доводами, въ челоуѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели исчисленіями корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще опасностію.—Идите, возлюбленные мои, идите въ жилище братіи вашей и возвѣстите имъ о премьнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ чувствомъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашу участію, соболѣзпуя о подобныхъ намъ, признавъ ваше равенство съ нами и убѣжденные общою пользою, пришли мы облобызать нашу братію. Мы оставили гордое различіе, насъ

столько времени отъ васъ отдѣлявшее, мы забыли существовавшее между нами неравенство : восторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей ; и сей день, въ которой сокрушаются оковы согражданъ любезныхъ намъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте прежнее наше къ вамъ злодѣйство, и да возлюбимъ другъ друга искренно. Се будетъ глаголь вашъ ; се слышится уже онъ во внутренности сердце нашихъ. Не медлите, возлюбленные мои ! время летить ; дни наши проходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашей, возымѣвъ столь благоую мысль и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожелаетъ вѣнца нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ : они были его недостойны ! ”

Вотъ что прочелъ я въ замаранной грязью бумагѣ, которую подвнялъ передъ почтовою избою, вылезая изъ кибитки.

Вошедъ въ избу, спрашивалъ я, кто были проѣзжіе незадолго передо мною. Послѣдній изъ проѣзжающихъ, говорилъ мнѣ почталіонъ, былъ человекъ лѣтъ 50, и ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Я попросилъ почталіона, чтобъ онъ далъ, мнѣ бумаги его посмотрѣть, и развернувъ ихъ узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Я уговорилъ его, чтобъ онъ отдалъ мнѣ сіи бумаги, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ, узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу ; а потому приобрѣтеніе ихъ не почелъ кражею. Онъ и по сіе время ихъ отъ меня не требовалъ ; а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ какъ перепрягали лошадей моихъ, любопытствовалъ я, разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги ; въ нихъ нашелъ множество подобныхъ той, которую читалъ.

Вездѣ видѣлъ я расположенія челоуѣколюбиваго сердца ;— вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего примѣтно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиновосостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаніе законоположеній относились къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, зная, что высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на премѣненіе мнѣній мгновенно, начерталъ путь по временнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Я покажу здѣсь ходъ его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается брать въ дома поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи записанныхъ. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ земли ими обрабатываемый долженъ быть ихъ собственностію, вбо платять подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе должно принадлежать ему ; никто да не лишитъ его онаго самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіе гражданина. Надлежитъ ему быть судиму ему равными, то есть, въ распряхъ ; въ суды выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть, покупать землю. Дозволить невозбранное приобретеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Исчезни, варварское обыкновеніе ! разрушьяся, власть тигровъ ! вѣщаетъ нашъ законодатель.—За сямъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства въ гражданахъ, нашель я табель о рангахъ. Сколь она была не кстати нынѣшнымъ временамъ и онымъ несоразмѣрна, всякъ можетъ самъ вообразить. Но теперь дуга корепной лошади звенить уже въ колокольчикъ и зоветь меня къ отѣзду, и для того разсудилъ я заблаго лучше подумать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, чтобы лошади шли рысью или иноходью; или что выгоднѣе для почтовой клячи—быть иноходцомъ или скакуномъ?—нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобъ не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первой, кому на мысль пришло уподобиться Природѣ въ благодѣяніяхъ и сдѣлать рѣку судоходною, чтобъ привести всѣ концы одной области въ вѣщее сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы отъ естественныхъ причинъ распадутся, позлащенные нивы ихъ порастутъ терніемъ и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ гордыхъ правителей будутъ скрываться ужи, змѣи и жабы: то любопытный путешественникъ обрѣтетъ глаголющія остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, какія суть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, какія были у Римлянъ, наши не будутъ никогда таковы; препятствуетъ

тому наша долгая зима и сильные морозы ; а каналы и безъ обдѣлки нескоро заравняются.

Не мало увеселительнымъ былъ для меня зрѣлищемъ Вышневолоцкій каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными и приготавливающимися къ прохожденію сквозъ шлюзъ для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя ; тутъ видѣнь былъ во всемъ своемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но естли при первомъ взглядѣ разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, то при раздробленіи мыслей скоро исчезло мое радованіе, ибо вспомнилъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ. И такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилось въ равное недогованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнее время по Таможенной пристани и взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки и драгія ея произрастенія, какъ то :—сахаръ, кофе, краски и другія, не осушившіеся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ и сахаръ распущенный въ оной лишали покоя подобнаго тебѣ челоуѣка, были причиною превосходящихъ силы его трудовъ, причиною его слезъ, стenanій, казни и поруганія ; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою !... Видъ прещенія, сопутствовавшей сему изреченію, поколебалъ меня до внутренности. Рука моя задрожжала и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся отъ избытка изобильныхъ краевъ отечества вашего ! когда при велико-

лѣпныхъ пиршествахъ или на дружескомъ пиру или на единѣ рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитесь и помыслите, не тоже ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки; не потому-ли, не слезами и стенаніемъ ли утучнялись вивы, на которыхъ оный выросъ? Блаженны, естли кусокъ хлѣба, вами снѣдаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей! Но горе вамъ, естли растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ жигницѣ дворянской! На немъ почилъ скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, когда Онъ во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлехъ своихъ. Блюдитесь, да не отравлены будете вождѣлѣнною вамъ пищею. Горькая слеза нищаго тяжело на ней возлегаетъ. Отривьте ее отъ устъ вашихъ; поститесь, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣсть объ одномъ помѣщикѣ доказываетъ, что человѣкъ для корысти своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія не нужно ходить въ дальнія страны, ни искать чудесъ за тридевять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ по просторѣчю назы-
ваютъ, шастія, или не желая онаго въ ней свискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, на примѣрѣ во 100 или въ 200 душъ и опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ опредѣлилъ себя къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ сдѣлать всевозможное употребленіе изъ естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Надеж-

вѣйшимъ къ сему способомъ почель онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка войнамъ, устремляющимся на бой грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнял у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые на необходимое пропитаніе даютъ имъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыхъ они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто заставилъ всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей во всѣ дни года работать на его. А чтобъ они не умирали съ голоду, то выдавалъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семейства, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинное разговѣнье бывало развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная состоянію ихъ одежда. Обувь для зимы, то есть, лапти, дѣлали они сами ; овучи получали отъ господина своего ; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барапа. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, но лишалъ ихъ къ тому способомъ. Кто былъ позажиточнѣе и умѣреннѣе въ пищѣ тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ биралъ иногда себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При такомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ господина нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ

самъ - четверть ; когда у другихъ былъ хорошій урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душамъ купилъ онъ еще 200 жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенищихъ на его нивахъ. Теперь считаетъ онъ ихъ уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣецъ.

Варваръ ! ты не достоинъ имени гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, естли тѣ, кои его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ взирать тяжкую борозду ? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ житницы были полны хлѣба, а желудки пусты. — Богатство сего кровопійцы ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежемъ, и заслуживаетъ строгое въ законѣ наказаніе. И есть люди, которые, взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія земледѣлія ! И вы хотите называться мягкосердыми ? и вы носите имена повечителей о благѣ общемъ ? вмѣсто поощренія къ такому насилію, которое почитаете вы источникомъ государственнаго богатства, прострите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите земледѣльческія его орудія, сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пеплъ по нивамъ, на которыхъ совершалось его мучительство ; ознаменуйте его, какъ общественнаго татя, чтобъ всякъ, видя его, не только имъ гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы не заразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ.

Здѣсь принялся я опять за бумаги моего друга. Мнѣ попалось въ руки начертаніе положенія объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Прозѣкъ въ будущемъ

Вводя паки постепенно нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство, предки наши почли не послѣднимъ къ тому способомъ умаленіе правъ дворянства. Полезное государству въ началѣ своимъ личными заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи его корень произнесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣсто мужества водворились надмѣнность и самолюбіе; на мѣсто благородства души и щедрости посѣялись раблѣпіе и само недоувѣреніе, и сдѣлали ихъ истинными скрягами на великое. Живя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на малости ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе Государи возмнили, что они боги, и что все, чего коснутся, сотворять блаженнымъ и пресвѣтлымъ. Такъ и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величія власти возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, предстая ежечасно ихъ взорамъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, является многочисленнѣе и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой ложной мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, будучи истинные

театральные божки, повинуются свистку или трещеткѣ. Прейдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служе- ніемъ своимъ и возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій, даже конюхъ и кучеръ, поваръ, кравчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотни- ками, комнатные мои прислужники, мой брадобрѣй, воло- сочесатель, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей — о многихъ другихъ не упоминая — равняются или предѣдаютъ служащимъ отечеству душевными и тѣлесны- ми силами своими, не щадящимъ для отечества ни здоро- вья своего, ни крови и возлюбляющимъ даже смерть для славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣ ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего при- готовлено и въ сосудахъ моихъ лѣтся вино изо всѣхъ концовъ вселенныя? Укроетесь ли въ шествіи вашемъ отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащена и кони мои тучны? Лучшій ли даетъ вамъ нива плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей въ мое увеселеніе? — вы улыбнетесь съ чувствува- ніемъ жалости. Но нерѣдкой въ справѣдивомъ негодова- ніи своемъ скажетъ вамъ: Тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ чертоговъ; тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ; тотъ, кто огпенциую пряность полуденныхъ растений соединяетъ съ хладною вязкостію Сѣверныхъ туковъ для услажденія раз- слабленнаго твоего желудка и притупленнаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ Афри- канскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормить и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое ведетъ кровавую битву со звѣрями дубравны- ми и птицами небесными; всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи

дѣлѣтели твоей надмѣнности высятся надо мною, надъ источившимъ потоки крови на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшіе члены тѣла своего при защищеніи твоихъ градовъ и чертоговъ, въ которыхъ робость твоя, покрытая завѣсою величавости, казалась провождающимъ дни въ веселіи и утѣхахъ мужествомъ; — надъ берегающимъ малѣйшую полушку, да облегчится сколько возможно общее бремя налоговъ; надъ верачившимъ о имѣніи своемъ, трудясь денно ношно въ снисканіи средствъ къ достиженію общественнаго блаженства; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будешь. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ; силы истощаются въ подѣ-емлемыхъ нами трудахъ, и на краю гроба едва можемъ удостоиться твсего благоволенія; — а сіи упитанные соснами нѣжности и пороковъ тельцы, сіи незаконные сыны отечества наследятъ стяжаніе наше.

Такъ и еще болѣе возглаголютъ о васъ по справедливости многіе. Что дадимъ мы Владыкѣ силъ въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше. Въ очахъ нашихъ видится воспаленна ярость на вѣщающихъ сице. Таковы бывають нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истинны. И никто да не дивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живеть съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаеть въ лести. И лестъ дѣлаеть его глухимъ, слѣпымъ и неосязательнымъ. Но да не падеть на насъ таковая укоризна. Возненавидѣвъ съ младенчества ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости даже до сего дня, и нынѣ новый опытъ любви вашей къ намъ и преданности да будетъ явель. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія съ военнымъ и граж-

данскиѣ. Истребись въ памяти обыкновеніе, столько лѣтъ къ стыду нашему существовавшее! Истинныя заслуги, достоинства и раченіе о пользѣ общей да получаютъ награду за труды свои и едины да отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговременно насъ тяготившее, мы явимъ вамъ наши побужденія по уничтоженіи толь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ. Предки ваши были тѣхъ же мыслей, что царскій престоль, котораго сила во мнѣніи гражданъ коренится, долженствуетъ отличиваться внѣшнимъ блескомъ, чтобъ мнѣніе о его величествѣ было всегда цѣло и нерушимо. Оттуда пышная внѣшность властителей народовъ; оттуда стадо рабовъ ихъ окружающихъ. Всякъ долженъ согласиться, что внѣшность можетъ поражать тѣсные умы и малыя души. Но чѣмъ народъ просвѣщеннѣе, то есть, чѣмъ болѣе особенниковъ въ просвѣщеніи, тѣмъ менѣе внѣшность дѣйствовать можетъ. Пума могъ еще грубыхъ Римлянъ увѣрить, что Нимфа Егерія наставляла его въ законоположеніяхъ. Слабые Перуанцы охотно вѣрили Манкокораку, что онъ сынъ солнца и что законъ его съ небеси. Магометъ могъ прельстить скитающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей припять на горѣ скрижали заповѣдей среди блеску молній. Но вынѣ кто захочетъ прельстить, не нужна ему блистательная внѣшность, но внѣшность доводовъ, естли такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій. Кто захотѣлъ бы вынѣ утвердить посланіе свое свыше, тотъ употребить болѣе наружность полезности, и оною всѣ тронутся. Мы устремляемъ силы наши на пользу всѣхъ и каждого, и такъ почто намъ блескъ внѣшности? Не полезностію

ли нашихъ постановленій, имѣющихъ цѣлю благо государства, блистаетъ лице наше? Всякъ взирающій на насъ видитъ наше благомысліе, видитъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и потому намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но яко во благности сѣдѣющему. Естли бы древніе Персы управлялись всегда щедротою, то не возмечтали бы, что есть Ариманъ или начало зла. Когда пышная виѣшность намъ бесполезна, то сколь же вредны могутъ быть въ государствѣ ея оберегатели? Имѣя единственною должностію въ служеніи своемъ угожденіе намъ, сколь изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что можетъ намъ нравиться? Желаніе наше будетъ предупреждено, и не токмо не допустятъ оному возродиться въ насъ, но даже воспрепятствуютъ и мысли, ибо готово уже ей удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе такихъ угожденій. Душа нантвердѣйшая въ правилахъ поколеблется, приклонитъ ухо къ ласкательному сладкопѣнію и уснетъ. Сладостныя пары обыдутъ разумъ и сердце. Горестъ и обида чуждая едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣть о нихъ почтемъ или неприличнымъ или противнымъ и запретимъ даже жаловаться о нихъ. Язвительнѣйшія скорби, раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей, и являя намъ позади непроизрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли произвести въ насъ то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія; ибо стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ вонзенны.

Вотъ слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго Царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, естли возмogli укрыться отъ возмущенія, могущаго произойти отъ нашей пышности? Не блаженны ли, естли заразѣ примѣра

положили преграду? Надежные въ благосердіи нашемъ, надежные въ умѣренности нашихъ желаній, возблагородствуемъ снова и будемъ примѣромъ позднѣйшему потомству, какъ должно на взаимную пользу соединять власть со свободою.

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ встрѣченъ я былъ человѣкомъ, отправляющимся въ Петербургъ для испрошенія дозволенія завести въ семь городѣ свободное книгопечатаніе. Я говорилъ ему, что на сіе дозволенія не нужно, ибо свобода на то дана всѣмъ; но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, — и вотъ его о томъ размышленіе.

У насъ дозволено всѣмъ имѣть типографіи, и время то прошло, въ которое боялись давать оное дозволеніе частнымъ людямъ — для того, что въ вольныхъ типографіяхъ могутъ печатаны быть ложные пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свобода имѣть всякому орудія печатанія; но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ; отъ чего у нихъ бывають нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтныя, незрѣлыя разумы, которые собою править не могутъ. Естли жъ всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калека. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ и безъ опекуна

не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бывають вездѣ слѣдствія обыкновенной Цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

“Наилучшій способъ поощрить доброе есть не препятствіе, но дозволеніе свободы въ мысляхъ. Розыскъ вреденъ въ царствѣ науки: онъ сгущааетъ воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга, проходящая десять цензуръ прежде нежели явится въ свѣтъ, не есть книга, но поддѣлка святой инквизиціи, часто изуродованная, сѣченая батожемъ, съ кляпомъ во рту, узникъ и рабъ всегда. Въ области истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшенія, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще его цензоръ, въ коблукѣ ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судья, но отвѣтчикъ, какъ сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніемъ. Безъ головы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога. Чѣмъ основательнѣе государство въ своихъ правилахъ, чѣмъ строинѣе и тверже оно само въ себѣ—тѣмъ менѣе можетъ оно поколебаться и трястись отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно свободѣ мыслей и свободѣ писанія, отъ которой подъ конецъ вѣрно будетъ прибыль истиннѣ. Губители бывають подозрительны; тайные злодѣи робки. Мужъ явно творя правду и твердый въ правилахъ своихъ допустить всякій глаголь о себѣ. Онъ ходитъ во дни и строитъ себѣ на пользу клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ мысляхъ вредны. Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, чтобъ могъ объять мнѣнія всѣхъ, и оныя въ государствѣ своемъ дозволить, просвѣщать и наклонять къ общему добру. Отъ того-то истинно великіе Государи столь рѣдки.”

Правительство, признавъ полезность книгопечатанія, дозволило оное всѣмъ; но еще болѣе дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетить благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями Управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, чтобъ запрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить шествіе разума, запрети полезное изобрѣтеніе, новую мысль и лишивъ всѣхъ черезъ то великаго. Примѣръ въ малости. Въ Управу Благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, назвалъ “любовь лукавымъ богомъ.” Мундирный цензоръ, исполненный духа благочестія, почернилъ сіе выраженіе, говоря: “неприлично Божество называть лукавымъ”. Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается. Естли хочешь благораствореннаго воздуха, то удали отъ себя копильню; естли хочешь свѣта, удали затмѣніе; естли хочешь, чтобъ дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу въ училища. Въ домѣ гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ слуги пьяницы, и еще того хуже, вору. *

Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія; размышленія жъ не преступленія. Вотъ пра-

* Такого жъ роду Цензоръ, сказываютъ, не дозволяетъ печатать сочиненія, гдѣ упоминается о Богѣ, говоря: я съ Нимъ дѣла ни какого не имѣю. Естли въ какомъ либо сочиненіи порочили народныя нравы того или другаго государства; онъ почиталъ сіе недозволеннымъ, говоря: Россія имѣетъ съ нимъ трактатъ дружбы. Естли упоминалось гдѣ о Князѣ или Графѣ, онъ не позволялъ того печатать, говоря: это личность, ибо есть Князья и Графы между знатными особами.

вило Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ не велѣно бранить никого, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго! Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣдняго гражданина.

Обыкновенныя правила цензуры суть: перечерчивать, марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно Естеству, Религійи и Откровенію, все то, что противно правленію, не позволять всякую личность, противное благонавію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно.—Если безумецъ въ мечтаніи своемъ не токмо въ сердцѣ, но громкимъ голосомъ речеть, нѣсть Бога: то въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздастся громкое и потѣшное эхо “нѣсть Бога, нѣсть Бога!”—Но чтожь изъ того? Эхо звукъ; ударить въ воздухъ, поколеблетъ его и исчезнетъ; на разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую, на сердцѣ жъ никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ Него. Но если думаешь, что Всевышній оскорбится хуленіемъ; то урядникъ ли благочинія можетъ быть за Него истецъ? Всесильный звонящему въ трещетку или бьющему въ набатъ довѣрія не дастъ. Возгнущается Метатель грома и молніи, которому всѣ стихіи повинуются,—возгнущается Колеблющій сердца изъ-за предѣловъ вселенныя дать мстить за Себя и самому царю, мечтающему быть преемникомъ на землѣ. Кто можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго? — Тотъ обижаетъ Его, кто мнитъ, что можетъ судить о Его обидѣ; тотъ дастъ отвѣтъ предъ Нимъ.

Отступники откровенной религіи дѣлали доселѣ болѣе вреда въ Россіи, нежели не признаватели бытія Божія, атеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Атеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы всѣхъ Россіянъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія Греческой церкви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. И для чего не позволять всякому заблужденію быть явнымъ? Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ иногда вредны; но запрети ихъ, проповѣдуются они примѣромъ. Уничтожь примѣръ; отъ печатной книги раскольникъ не бросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество есть тоже, что поощрять его. Дай ему волю: всякъ увидить, что глупо и что умно. Что запрещено, того хочется. Мы всѣ Еввины дѣти.

Но запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей. Кто въ часы безумія не шадить Бога, тотъ въ часы памяти и разсудка не пощадить незаконной власти. Не бояся грома Всесильнаго смѣется виселицѣ. Для того - то вольность мыслей Правительствамъ страшна. Потрясенный до внутренности вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и твердую руку къ истукану власти, сорветъ съ него личину и покровъ и обнажить составъ его. Всякъ узритъ бранныя его ноги; всякъ возвратитъ къ себѣ данную ему podporу; сила его возвратится къ источнику—и истуканъ падеть. Но естли власть не на туманѣ мнѣнія возсѣдаетъ; естли престоль ея основанъ на искренности, на истинной любви общаго блага: не утвер-

дится ли болѣе, когда основаніе его будетъ явно. И не возлюбится ль любящій искренно? — Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе имѣеть начало въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно собственнаго его основанія; въ опорахъ и контръ-форсахъ нужды ему нѣтъ. Естли поколеблется оно отъ вѣтхости, тогда только нужны ему побочныя тверди.

Правительство да будетъ истинно и вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ плевелы, всѣ изблеванія возвратятъ смрадность свою на извергателей ихъ, а истинна пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ (назовемъ такъ въ угодность власти всѣ твердыя размышленія на истиннѣ основанныя и власти противныя), есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголай на Бога. Буде власть шествуетъ стезею ей назначенною, то не возмутится оно отъ пустаго звука клеветы, подобно какъ Господь силъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, естли въ несправедливости своей гонить она правду! Тогда одна мысль твердости тревожить ее; глаголь истины сокрушитъ ее, а дѣявіе мужества развѣетъ ее.

Личность и язвительная личность есть обида; но личность въ истинѣ столь же дозволительна, какъ и самая истинна. Естли ослѣпленный судія судитъ въ неправду, и защитникъ вольности выдастъ въ свѣтъ коварный его приговоръ и покажетъ его ухищреніе и неправду: то будетъ сіе личность, но дозволенная;—естли онъ назоветъ его судіею наемнымъ, ложнымъ, глупымъ—естъ личность, но дозволить можно. Естли же станеть называть его именами смрадными и поносить бранными словами, по рынкамъ употребляемыми: то сіе есть личность язвительная и педозволенная. Но не правительства дѣло вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не

судія да будетъ въ томъ истецъ, но оскорбленное лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судією да оправдятся одними дѣлами. * Такъ должно судить о личности; она достойна наказанія, но въ печатаніи болѣе пользы принесетъ, вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ; когда рѣшенія будутъ всегда въ законѣ. Когда законъ основанъ будетъ на истиннѣ и прекратится удрученіе: тогда развѣ личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ вѣчто о благоправіи, и сколько слово ему вредно.

Любострастное сочиненіе, наполненное похотливыми начертаніями, дышущее развратомъ, коего всѣ листы и строки являютъ стрекательную наготу, вредно для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Разжигая воспаленное воображеніе, тревожа спящее чувство, возбуждая покоящееся сердце, наводитъ оно безвременную возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны; но не они разврату корень. Если читая ихъ юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти; то не могли бы произвести того въ дѣйство, когда бъ не было торгующихъ своею красотою. Въ Россіи такихъ сочиненій въ печати еще нѣтъ; но на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ разкрашенныхъ любовницъ; дѣйствіе болѣе раз-

* Г-и Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей перемѣнѣ въ Америкѣ и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи Президентомъ, не возмущался сражаться съ наступившими на него. Противъ него изданы были наижесточайшіе листы. Первѣйшій Градоначальникъ области пошелъ въ ристалище, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ и устыдилъ ихъ. Вотъ примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирѣпствуетъ противъ печатной строки, тотъ заставляетъ думать, что печатное истинно; а мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано.

вратить нежели слова, а примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торгу наддателю, заразятъ тысячу юношей язвою и все будущее потомство сей тысячи; но книга не давала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣвкахъ; до произведенія же развратнаго ей дѣла вѣтъ. Заключу симъ: цензура печатаемаго принадлежить обществу; оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребить листы на обертки;—равно какъ ободреніе театральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ театра. Такъ и выпускаемому въ міръ сочиненію цензоръ не дастъ ни славы, ни безславія. Завѣса поднялась, взоры всѣхъ устремились къ дѣйствию; нравится — плещуть; не нравится — стучать и свищуть. Оставь глупое на волю общаго сужденія; оно найдетъ тысячу цензоровъ. Настрожайшая полиція не можетъ такъ запретить дурныхъ мыслей, какъ негодующая на нихъ публика. Одинъ разъ имъ воньмутъ; потомъ умрутъ онѣ и не воскреснутъ во вѣки. Но естли признали мы бесполезность цензуры, или паче вредъ ея въ царствѣ науки, то познаемъ обширную и безиредѣльную пользу вольности печатанія.

Доказательства на сіе, кажется, не нужны. Естли свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно; то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико и истинна не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая несправедливый приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые

строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣствительное, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но иль на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры далъ мнѣ небольшую тетрадку. Естли ты, читатель, не скучливъ, то читай, что предъ тобою лежить. Естли же бы случилось, что ты самъ принадлежишь къ цензурному комитету, то загни листь и скачи мимо.

К Р А Т К О Е   П О В Ъ С Т В О В А Н І Е

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЦЕНСУРЫ.

Естьли мы скажемъ и утвердимъ ясными доводами, что ценсура съ инквизиціею принадлежать къ одному корню; что учредители инквизиціи изобрѣли ценсуру т. е. приказное разсмотрѣніе книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ: то мы хотя не скажемъ ничего новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ извлечемъ въ добавокъ многимъ другимъ ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ Человѣчскій, что они подстригали ему крылья, да не обратить полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ находимъ ужасныя черты власти; вездѣ видимъ силу, возстающую на истину и иногда суевѣріе ополчающееся на суевѣріе. Аѳинскій народъ, возбужденный священнослужителями, запретилъ писанія Протогоровы и велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ-ли въ безуміи своемъ предалъ смерти на незагладимое себѣ поношеніе вочеловѣченную истину—Сократа. Въ Римѣ находимъ мы больше примѣровъ такового свирѣпствованія. Титъ - Ливій повѣствуетъ, что найденныя во гробѣ Нумы писанія сожжены были по повелѣнію сената. Въ разныя времена случалось, что книги гадательныя велѣно было относить къ Претору. Светоній повѣствуетъ, что Кесарь Августъ велѣлъ сжечь таковыхъ книгъ до 2000.—Еще примѣръ несообразности Человѣческаго разума. Не ужели, запрещая суевѣрныя

писанія, властители думали, что суевѣріе истребится? Запрещали каждому въ особенности прибѣгать къ гаданію, совершаемому нерѣдко единственно для мгновеннаго облегченія грызущей скорѣби, а оставляли явныя и государственныя гаданія авгуровъ и аруспиціевъ. Но если бы во дни просвѣщенія возмнили, что книги учащія гаданію или проповѣдующія суевѣріе должно запрещать или жечь, то не смѣшно ли бы было, когдабы истина приняла жезлъ гоненія на суевѣріе, когдабы истина на пораженіе заблужденія вооружилась властію и мечемъ : одинъ видъ ея есть жесточайшій бичъ для заблужденія.

Но Кесарь Августъ не на одни гаданія простеръ свое гоненіе, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія. “Злодѣи его, говоритъ Сенека Риторъ, изобрѣли для него сіе новаго рода наказаніе.” Неслыханное и необычайное дѣло извлекать казнь изъ ученія! Но по счастью сіе разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что бы было, еслибы общепачальники за благо положили осудить разумъ Цицерона! Но мучитель скоро отмстилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ сожженіе его сочиненій. Онъ видѣлъ при жизни своей, что и его сочиненія преданы были огню.* “Не злomu какому примѣру тутъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собственному.”** Дажь Небо, чтобъ зло обращалось всегда на изобрѣтателя его, и чтобъ воздвигшій гоненіе на мысли зрѣлъ свои всегда осмѣянными, поруган-

* Касій Северъ, другъ Лабіенія, видя сочиненія его въ огнѣ; сказалъ: теперь меня сжечь надобно, ибо я знаю ихъ навзустъ. Сію подало случай при Августѣ къ законоположенію о повосательныхъ сочиненіяхъ, которое по природному человѣку обезьянству принято въ Англіи и другихъ государствахъ.

** Сочиненія Аріа монтана, издаваемаго въ Нидермандахъ первой реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ же реестръ.

пыми и на истребленіе осужденными! Естыли мщеніе можетъ когда либо быть извинительно, то развѣ сіе.

Во времена пароднаго правленія въ Римѣ гоненія такого рода обращались только на суевѣріе; но при императорахъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Гремуцій-Кордъ въ исторіи своей назвалъ Касія, дерзнувшаго осмѣять запрещеніе Августово на Лабіеповы сочиненія, послѣднимъ Римляниномъ. Римскій сенатъ, ползая предъ Тиберіемъ велѣлъ въ угожденіе ему Кремуціеву книгу сжечь. Но съ оной остались многіе списки. “Тѣмъ болѣе, говоритъ Тацитъ, можно смѣяться надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтають, что могутъ всемогуществомъ своимъ истребить воспоминовеніе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на разсудокъ, но свирѣпствомъ своимъ устроляетъ себѣ стыдъ и посрамленіе, а ему славу.” — Не избавились сожженія судейскія книги при Антиохѣ-Епифанцѣ, царѣ Сирскомъ. — Равной съ ними участи подвержены были сочиненія христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ велѣлъ предать сожженію книги Св. Писанія. Но христіанскій законъ, одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучителей, и нынѣ остается во свидѣтельство полезное, что гоненіе на мысли и мнѣнія не токмо не можетъ истребить оныя, но укоренить и распространить ихъ. Арнобіи справедливо возстаетъ противъ такого гоненія и мучительства. “Нынѣ вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, чтобъ сенатъ велѣлъ истребить писанія, въ доказательство христіанскаго исповѣданія служащія, которыя опровергають важность древней религіи. Но запрещать писанія и хотѣть истребить обнародованное не есть защищать боговъ, но бояться истины свидѣльствованныя.”

По распространеніи христіанскаго исповѣданія священно служители онаго столь же стали злобны противъ писавій, которыя были имъ противны и не въ пользу. Не давно порицали строгость въ язычникахъ, но скоро сами ополчились всемогуществомъ. Греческіе императоры занимались болѣе церковными препіями, нежели дѣлами государственными; а потому управляемые священниками воздвигли говеніе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣянія и ученія Иисусовы попимали съ ними различно. Такое говеніе распростерлось и на произведенія разсудка и разума. Уже мучитель Константія, прозванный Великимъ, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшаго Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженіе, а того, кто будетъ имѣть оныя, на смерть. Императоръ Θεодосій II велѣлъ проклятыя книги Несторія всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ тоже положено о писаніяхъ Евтихіа. Въ папектахъ Іустиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенія.—Несмысленные не знали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе христіанскаго ученія и запрещая разуму трудиться въ изслѣдованіи какихъ либо мнѣній, они останавливали его шествіе; а у истинны отнимали сильную опору: различіе мнѣній, рѣшій и невозбрапное мыслей своихъ выраженіе!—Кто можетъ за то поручиться, что Несторіи, Аріи, Евтихіи, и другіе еретики могли бы быть предшественниками Лютера? И естли бы вселенскіе соборы не были созваны, то Декартъ могъ бы родиться десятью столѣтіями прежде. Какой шагъ вспяты сдѣланъ къ тьмѣ и невѣжеству.

По разрушеніи Римской имперіи монахи въ Европѣ были хранители уцепости и науки. Но никто не оспоривалъ у нихъ свободы писать, что желалъ. Въ 768 году Амвросій-

Опертъ, монахъ Бенедиктинскій, посылалъ толкованіе свое на Апокалипсисъ къ Папѣ Стефану III и прося дозволенія о продолженіи его въ свѣтъ, говорить : “Что онъ первый изъ писателей проситъ такового дозволенія ; но да не исчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писаніи, для того что уничтоженіе оной оковало бы умы.”—Соборъ Санскій осудилъ мнѣнія Абельгардовы, а Папа сочиненія его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ не находимъ примѣра, чтобъ избранъ былъ судія мысли, чтобъ кто дерзнулъ сказать : у меня просите дозволенія, если хотите отверзать уста ваши на велерѣчіе ; у насъ клѣбимся разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клѣйма явится въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Такое постыдное изобрѣтеніе предоставлено было христіанскому священству, и цензура была современна инквизиціи.

Проходя исторію, перѣдко находимъ разумъ суевѣрію и полезнѣйшія изобрѣтенія—грубому невѣжеству современниками. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе въ утверждаемой вещи побудило монаховъ учредить цензуру и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей для открытія Америки ; Кеплеръ предугадывалъ бытіе въ природѣ притяжательной силы, Невтономъ доказанной ; въ то же время родился Коперникъ, начертавшій въ пространствѣ путь небеснымъ тѣламъ. Но къ вѣщшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія скажемъ, что мысль великая раждала иногда невѣжество. Книгопечатаніе явило цензуру ; разумъ философскій въ XVIII столѣтіи произвелъ иллюминатовъ.

Въ 1479 году находимъ древнѣйшее доселѣ извѣстное дозволеніе на печатаніе книгъ, на концѣ книги помѣщаемое: “Знай самъ себя.” Къ печатанной въ 1480 году присоединено слѣдующее: “Мы, Матѳей Жирардо, Божиимъ милосердіемъ Патріархъ Венеціанскій, первенствующій въ Далматіи, по прочтеніи мнѣнія вышеписанныхъ господъ, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи и по такому же о немъ заключенію и присоединенному довѣрію также свидѣтельствуемъ, что книга сія православна и богобоязлива.”—Древнѣйшій монументъ цензуры, но не древнѣйшій безумія!

Древнѣйшее о ценсурѣ узаконеніе доселѣ извѣстное находимъ въ 1486 году, издавшее въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Монашеское правленіе предзнавало, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ разверженіе общаго разсудка,—и могущество на мнѣнія, а не на пользѣ общественной основанное, обрѣцетъ въ книгопечатаніи свою кончину. Да позволить намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій на пагубу мыслей и на посрамленіе просвѣщенія, указъ о изданіи книгъ Греческихъ, Латинскихъ, и пр. на народномъ языкѣ безъ предварительнаго ученыхъ удостовѣренія 1486 года.

* “Бертольдъ Божіею милостію, святыя Майнцкія Епархіи Архіепископъ и Германіи Архи - Канцлеръ. Хотя для приобрѣтенія человѣческаго ученія чрезъ божественное искусство печатанія возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги, до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣденія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждае-

* Кодексъ дипломатическій, изданный Гуденомъ; томъ 17.

мые суетною славою или желаніемъ богатства, употребляютъ искусство сіе во зло и дажное для наученія въ житіи человѣческомъ обращаютъ на пагубу и злорѣчіе”.

“Мы видѣли книги, до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ Латинскаго на Нѣмецкій языкъ и не благопрстойно для святаго закона въ рукахъ простаго народа обращающіяся. Что жъ сказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ, о правилахъ и законоположеніи, хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими писаны разумно и тщательно? — Наука сама по себѣ столь затруднительна, что цѣлая жизнь краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на одну достаточна”.

“Нѣкоторые глупые, дезновѣрные и несмысленные попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди, читая переводы сіи, признаются, что отъ великой несвойственности и худаго употребленія словъ они непонятѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ, до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваютъ ложное и которымъ даютъ ложныя названія; и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чѣмъ болѣе находится покушниковъ”?

“Да вѣщаютъ таковыя переводчики, естли любятъ истину — съ какимъ бы намѣреніемъ то ни дѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ вужды — да вѣщаютъ: Нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оной того, что Греческіе и Латинскіе изящныя писатели о вышшихъ размышленіяхъ христіанскаго исповѣданія или о наукахъ писали точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, языкъ нашъ по скудости своей весьма недостаточенъ на сказаніе, и для того пужно, чтобъ они неизвѣстныя имена вещамъ въ мозгу своемъ сооружали,

или естли употребить древнія, то испортятъ истинной смыслъ ; сего наиболѣе опасаемся въ писаніяхъ священ-ныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ и женскому полу, въ руки которыхъ священныя книги попадутся, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотрѣвъ святое Евангеліе или посланіе Апостола Павла, всякъ разумный признается, что въ нихъ много прибавленій и исправленій писцовыхъ”.

“Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ что въ писателяхъ католическія церкви находится принадлежащее строжайшему разсмотрѣнію? Много въ примѣръ поставить можемъ ; но для сего довольно уже нами сказаннаго. Поелику сіе искусство въ славномъ нашемъ градѣ Магницѣ — скажемъ истиннымъ словомъ — божественно явилось и нынѣ въ ономъ исправлено и обогащено пребываетъ ; то справедливо принять въ защиту нашу важность сего искусства : ибо должность наша есть сохранять святыя писанія въ неразстленной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ о заблужденіяхъ и прöderзостяхъ людей наглыхъ и злодѣевъ ; желая, сколько намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предупредить и наложить узду всѣмъ и каждому церковнымъ и свѣтскимъ нашей области подданнымъ и внѣ предѣловъ оной торгующимъ, какого бы званія и состоянія ни были, — симъ каждому повелѣваемъ, чтобъ ни какое сочиненіе, относящееся до науки или художества, не было переводимо съ Греческаго, Латинскаго или другаго языка на Нѣмецкой и чтобъ переведенное съ перемѣною заглавія или чего другаго не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или постороннимъ образомъ, естли до печатанія или послѣ печатанія или до изданія въ свѣтъ не будетъ имѣть явнаго дозволенія

на печатаніе или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благороднѣйшихъ Докторовъ и Магистровъ Университетскихъ, а имянно: во градѣ нашемъ Майнцѣ отъ Іоанна Вертама де Наумбурга въ касающемся до Богословія, отъ Александра Дудриха въ законоученіи, отъ Феодорика де Мешедя во врачебной наукѣ и отъ Андрея Еллера въ Словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ Докторовъ и Магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ таковыя на продажу изданныя книги будутъ смотрѣны и утверждаемы почтеннымъ и намъ любезнымъ однимъ Богословія Магистромъ и однимъ или двумя Докторами или Ценціатами, которые отъ Думы онаго города на городовомъ жалованью содержимы быть имѣютъ”.

“Естьли кто сіе наше попечительное постановленіе презрѣть или противъ таковаго нашего указа подасть совѣтъ, помощь или благопріятство своимъ лицомъ или постороннимъ; тотъ тѣмъ самымъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе, да сверхъ того лишень быть имѣть тѣхъ книгъ и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія никто безъ особаго повелѣнія нарушить да не дерзнетъ. — Дано въ замкѣ Св. Мартина, во градѣ нашемъ Майнцѣ, съ приложеніемъ печати нашей. Мѣсяца Іануарія въ 4-й день 1486-го года”.

Его же о предыдущемъ, какимъ образомъ отправлять Цензуру. “Лѣта 1486-го Бертольдъ и проч. почтеннѣйшимъ, ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христвѣ Іоанну Бертаму Богословія, Александру Дидриху Законоученія, Феодорику де Мешедѣ Врачеванія Докторамъ и Андрею Эллеру Словесности Магистру заравіе и къ нижеписанному прилѣжаніе”.

“Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкорыхъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ, и желая заградить онымъ путь по возможности, повелѣваемъ: да никто въ Епархіи или въ области нашей не дерзнетъ переводить книги на Нѣмецкій языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги въ городѣ Маиенцѣ не будутъ рассмотрѣны вами касательно самой вещи и въ переводѣ и для продажи утверждены вами согласно съ вышеобъявленнымъ указомъ”.

“Надѣясь твердо на ваше благоразуміе и осторожность, мы поручаемъ вамъ, когда назначаемыя къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненія или книги принесены къ вамъ будутъ; то вы рассмотрите ихъ содержаніе, и если не легко можно дать имъ истинный смыслъ, или могутъ возродить заблужденія или соблазны или оскорбить цѣломудріе, — оныя отвергните. Тѣ, которыя отпустите вы свободными, имѣете подписать своеручно, и имянно, на концѣ двое изъ васъ, дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу и государству нашему любезную и полезную должность отправляйте. — Данъ въ замкѣ Св. Мартина, 10-го Іануарія 1486 года”.

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонится болѣе къ запрещенію, — чтобъ мало книгъ печатано было на Нѣмецкомъ языкѣ, или другими словами, чтобъ народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія, писанныя на Латинскомъ языкѣ, Ценсура, кажется, не распространялась; ибо тѣ, кои были свѣдуши въ языкѣ Латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, и что читали, по-

нимали ясно и некриво*. И такъ священники хотѣли, чтобъ одни причастники ихъ власти были просвѣщены, чтобъ народъ почиталъ науку божественнаго происхожденія, превыше его понятія и не смѣлъ бы оной коснуться. И такъ Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы; изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу; на продолженіе невѣжества и мрака нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія, когда истина блистаетъ паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія Правительствъ стремятся къ истребленію заблужденій и къ открытію разсудку путей къ истиннѣ. Постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденію. Неистовые! осмотритесь: вы хотите изъ превратности сдѣлать для истины опору; вы хотите заблужденіемъ просвѣщать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. — Какая вамъ польза, что властвовать будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загубѣлыми, что отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли бы въ невѣжествѣ природномъ или паче въ естественной простотѣ; но сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи и обращены вспять во тьму гонимы? — Какая вамъ польза бороться самимъ съ собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? — Воззрите на веселящееся о семъ, священство; вы уже заранѣе ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы; естли не оковы священнаго суевѣрія, то

* Сравнить съ симъ можно дозволеніе имѣть иностранныя книги всякаго рода и запрещеніе таковыхъ же книгъ на языкъ народномъ.

политическаго, не столь хотя смѣшнаго, но столь же пагубнаго.

По щастію однакожь общества, книгопечатаніе не изгнано изъ областей нашихъ; подобно какъ древо весною насажденное не теряетъ своей зелени, такъ и орудія книгопечатанія могутъ быть остановлены въ дѣйствиі, но не разрушены.

Папы, уразумѣвъ, что отъ свободы печатанія власть ихъ можетъ быть въ опасности, не укоснили законоположить о ценсурѣ; и сіе положеніе приняло силу общаго закона на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, Папа Александръ VI, первый изъ Папъ законоположилъ о ценсурѣ въ 1507 году. Собственный подъ всѣми злодѣяніями, не устыдился пещись о непорочности исповѣданія закона христіанскаго. Но власть когда крася́ла? — Буллу свою начинаетъ онъ жалобой на діавола, которой сѣтъ куколь во пшеницѣ и говорить: “Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искусства многія “ книги и сочиненія, въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче “ въ Кельнѣ, Маинцѣ, Трирѣ и Магдебургѣ напечатан- “ ныя, содержать въ себѣ разныя заблужденія и ученія “ пагубныя, Христіанскому закону враждебныя, — и ны- “ нѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются: желаю безъ “ отлагательства истребить сію ненавистную язву; всѣмъ “ и каждому сказаннаго искусства печатникамъ и къ нимъ “ принадлежащимъ и всѣмъ, кто въ помянутыхъ областяхъ “ въ печатномъ дѣлѣ обращается,—подъ наказаніемъ про- “ клятія и денежной пени, опредѣляемой и взыскиваемой “ почтенными братьями нашими, Кельвскимъ, Маинцскимъ, “ Трирскимъ и Магдебургскимъ Архіепископами или ихъ “ Намѣстниками въ областяхъ ихъ въ пользу Апостольской

“ Камеры, — Апостольскою властію наистрожайше запре-
 “ щаемъ, чтобъ не дерзали книгъ, сочиненій или писа-
 “ ній печатать или отдавать въ печать безъ доклада вы-
 “ шесказаннымъ Архіепископамъ или Намѣстникамъ и безъ
 “ ихъ особливаго и точно безденежно испрошеннаго до-
 “ зволенія. Ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде, не-
 “ жели дадутъ таковое дозволеніе, назначенное къ печатанію
 “ прилѣжно разсмотрѣть или велѣть ученымъ и
 “ православнымъ разсмотрѣть; и да прилѣжно пекутся,
 “ чтобъ не было печатано противнаго православной вѣ-
 “ рѣ, безбожіе и соблазнъ производящаго”. — А дабы
 прежнія книги не сдѣлали болѣе несчастій, то велѣно
 было разсмотрѣть всѣ реестры книгамъ и всѣ печатныя
 книги, и которыя содержать что либо противное като-
 лическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О вы, учреждающіе цензуры! вспомните, что можете
 сравниться съ Папою Александромъ VI, — и устыдитесь.

Въ 1515 году Лютеранскій Соборъ положилъ, чтобъ ни
 какая книга не была печатана безъ утвержденія священста.

Изъ предыдущаго видѣли мы, что Цензура изобрѣтена
 священствомъ и единственно ему была присвоена. Сопро-
 вождаемая проклятіемъ и денежнымъ взысканіемъ, справе-
 ведливо могла она казаться тогда ужасною нарушителю
 изданныхъ о ней законоположеній. Но опроверженіе
 Лютеромъ Папской власти, отдѣленіе разныхъ исповѣданій
 отъ Римской церкви, пренія различныхъ властей въ про-
 долженіе тридцатилѣтней войны произвели много книгъ,
 которыя явились въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма

ценсуры. Вездѣ однакожь духовенство присвоило себѣ право производить ценсуру надъ изданіями; и когда въ 1650 году учреждена была во Франціи гражданская ценсура, то Богословскій Факультетъ Парижскаго Университета противорѣчилъ сему установленію, ссылаясь, что 200 лѣтъ пользовался онъ симъ правомъ.

Скоро по введеніи книгопечатанія въ Англію * учреждена ценсура. Звѣздная Палата, не меньше ужасная въ свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи инквизиція или въ Россіи Тайная Канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ и ценсора, безъ дозволенія котораго ничего печатать не смѣли. Жестокости ея противъ писавшихъ о правительствѣ ужасны, и исторія ея оными наполнена. И такъ естли въ Англіи духовное суевѣріе не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду ценсуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. И то и другое пеклось, чтобъ власть была всецѣла, а очи просвѣщенія покрыты всегда туманомъ обаянія и да царствуетъ насиліе на щеть разсудка.

Со смертію Графа Страфорда рушилась Звѣздная Палата; но ни упичтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Парламентъ возобновилъ прежнія положенія противъ нее сдѣланныя. При Карлѣ II и при Іаковѣ I возобновлены оны паки. Даже по совершеніи перемѣны въ 1692 году

* Виллаамъ Кияттонъ, Лондонскій купецъ, завелъ въ Англію книгопечатницу при Эдуардѣ IV, въ 1474 году. Первая книга, напечатанная на Англинскомъ языкѣ была разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенное съ Французскаго. Вторая собраніе реченій и словъ Философовъ, переведенная Лордомъ Риверсомъ.

узаконеніє сіе подтверждено, но на два года. Скончившись въ 1694 году, утверждена въ Англіи совершенно вольность печатанія, и ценсура, зѣвнувъ въ послѣдній разъ, издохла*.

Американскія Правительства приняли свободу печатанія между первѣйшими законоположеніями, гражданскую вольность утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи въ главѣ I въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильванскихъ въ 12 стать говоритъ: “Народъ имѣеть право говорить, писать и обнародывать свои мнѣнія, слѣдовательно свобода печатанія не должна никогда быть затрудняема”.— Въ главѣ II объ образѣ правленія въ отдѣленіи 35: “Печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хочетъ изслѣдовать положенія законодательнаго собранія или другой отрасли правленія”. — Въ проэктъ объ образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ въ 1776 году въ Іюль мѣсяцѣ, отдѣленіе 35: “Дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія, свобода печатанія да будетъ отверста всѣмъ желающимъ изслѣдовать законодательное правительство, и общее собраніе да не коснется оно ни какимъ положеніемъ. Ни какой книгопечатникъ да не потребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ примѣчанія, цѣненія, наблюденія о поступкахъ общаго собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о поведеніи служащихъ, поелику они касаются до исполненія ихъ должностей”. — Де - Лаварское государство въ изяснительномъ объявленіи правъ въ 31 статьѣ

* Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Волтеровы на сей случай Датскому Королю остались во свидѣтельство, что похваляю даже мудрому законоположенію слѣзнуть не надобно.

говорить: “Свобода печатанія да сохраняема будетъ нарушимо”. — Мариланское государство въ 38-ой статьѣ тѣми же словами объясняетъ. Виргинское въ 14-ой статьѣ говорить сими словами: “Свобода печатанія есть наивѣличайшая защита свободы государственной”.

Книгопечатаніе до перемѣны, 1789 года во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ столько стѣснено не было, какъ въ семь государствѣ. Стоглазный Аргусъ, сторучный Бриарей, Парижская Полиція свирѣпствовала противъ писанія и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ томилась несчастные, дерзнувшіе оуждать хищность Министровъ и ихъ безпуство. Естылибъ Французскій языкъ не былъ столько употребителенъ въ Европѣ, не былъ бы всеобщимъ—то Франція, стениа подъ бичемъ ценсуры, не достигла бы того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка побудило завестъ въ Голландіи, Англіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все что не дерзало явиться во Франціи, свободно было обнародываемо въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичащаяся мышцами, была осмѣяна и никто оной не боялся; тако челюсти, пѣнящіяся свирѣпствомъ, оставались празды, и слово твердое ускользало отъ нихъ не поглощенно! Но дивитесь несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необязанность и безначаліе дошли до края возможнаго, ценсура не уничтожена; и хотя все тамъ почитается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы читали недавно — да возплачуть Французы объ участи своей и съ ними человѣчество — мы читали недавно, что народное собраніе, поступая столько-жъ само-

державно, какъ доселѣ ихъ государи, взяло насильственно печатную книгу и отдало сочинителя оной подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще ходишь близъ Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ Нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нее возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Правленіе хотя старается положить преграду вольности книгопечатанія, но безуспѣшно. Хотя Вехерлингъ мстичею властію посаженъ былъ подъ стражу; но сѣдое чудовище осталось у всѣхъ въ рукахъ. — Покойный Фридрихъ II, Король Прусскій, сдѣлалъ печатаніе въ земляхъ своихъ почти свободнымъ, не какимъ либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо и образомъ своихъ мыслей. Чему дивиться, что онъ не уничтожилъ цензуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезнѣйшая страсть была веселіе. Но воздержись отъ смѣха. Онъ узналъ, что нѣкто намѣренъ указы имъ издавныя собрать и напечатать: онъ и къ нему приставилъ двухъ ценсоровъ или правильнѣе сказать браковщиковъ. О властвованіе! о веселіе! ты не довѣряешь мышцамъ своимъ; ты боишься собственнаго своего обвиненія; боишься, чтобъ языкъ твой тебя не посрамилъ, чтобъ рука твоя тебя не заушила! — Но какое добро сіи насильственные ценсоры произвестъ могли? Не добро, но вредъ. Они скрыли отъ глазъ потомства какое-либо послѣпое законоположеніе, которое оставить на будущій судъ власть стыдилась, которое оставшіеся явнымъ было бы можетъ быть уздою власти, да не держатъ на уродливое.

Императоръ Іосивъ II разрушилъ отчасти преграду просвѣщенія, которая въ Австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ въ царствованіе Маріи Терезіи тяготила разсудокъ, но не могъ стрясти съ себя бремени предразсужденій, и издалъ предлинное о ценсурѣ наставленіе. Еслии должно хвалить его за то, что не возбравялъ опорочивать свои рѣшенія и находимые въ поведеніи его недостатки, и такковыя порицанія издавать въ печать; то похулимъ его за то, что на свободѣ въ изыясненіи мыслей оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло *! Чему дивиться? Скажемъ и теперь, какъ прежде: онъ былъ Царь. Скажитежь, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, какъ не въ Царской?—

Въ Россіи..... что въ Россіи происходило съ ценсурюю, узнаете въ другое время. А теперь, не производя ценсуры надъ почтовыми лошадьми, отправился я поспѣшно въ путь.

М Ъ Д Н О Е.

“Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла; ой люли, люли, стояла.....” пѣлъ хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ. Пляшутъ..... пойдѣмъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятели. Но прочитавъ слѣдующее, не могъ дойти до хоровода; уши мои задержались печалію и радостный гласъ безхитростнаго

* Въ повѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что Наслѣдникъ Іосифа II намѣренъ возобновить Ценсуріюю Коммисію, Предмѣстникомъ его увичтоженную.

веселія не проникъ до моего сердца. О мой другъ ! внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про..... или раздарено, потеряно въ огнѣ или въ водѣ;— или Н. Н. или Б. Б. другими какими случаями вошелъ въ долгъ или подѣ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомости приѣмается. Публикуется : Сегодня по полуночи въ 10 часовъ по опредѣленію Уѣзднаго Суда или городского магистрата продаваться будетъ съ публичнаготоргу отставнаго капитана..... недвижимое имѣніе, домъ состоящій въ..... части подѣ Но... и при немъ 6 душъ мужеска и женска пола ; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно.

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи ; покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ она производится, стоятъ неподвижны осужденные на продажу. Старикъ лѣтъ 75, опершись на вязовую дубинку, жаждетъ угодить, кому судьба отдастъ его въ руки, кто закроетъ глаза его. Съ отцомъ господина своего былъ онъ въ Крымскомъ походѣ при Фельдмаршалѣ Минихѣ ; въ Франкфуртскую баталію раненаго своего господина унесъ онъ на плечахъ изъ строю ; возвратясь домой, былъ дядькою молодаго барина ; въ младенчествѣ спасъ онъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ проѣзжая на поромѣ ; въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги въ бытность свою въ Гвардіи унтеръ - офицеромъ. — Старуха лѣтъ 80, жена его, была кормилицей у матери молодаго барина, его нянькою и имѣла надзираніе за домомъ до самаго того часа, какъ

выведена на сіе позорище ; во все время службы своей ничего у господъ не утратила, ничѣмъ не покорыстовалась, никогда не лгала ; а естли иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. — Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодаго барина ; и теперъ чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность ; въ жилахъ его льется ея кровь ; она ему вторая мать, и онъ больше ей жизнію обязанъ, нежели своей природной матери, которая зачала его въ веселіи и о младенчествѣ его не радѣла ; кормилица и няпка воспитали его ; они расстаются съ нимъ какъ съ сыномъ. — Молодица лѣтъ въ 18, дочь ея и внука стариковъ. Звѣрь лютой, чудовище, извергъ ! Посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы, ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніемъ уловить ея невинности, ни устрашить угрозами и казню ея непоколебимость, употребилъ наконецъ обманъ, обвѣнчавъ ее съ сообщникомъ твоихъ мерзостей, и въ видѣ его наслаждался веселіемъ, которое дѣлать съ тобой она гнушалась ? Она узпала обманъ твой. Вѣнчанннй съ нею не коснулся болѣе ея ложа. И ты, лишившись твоей утѣхи, употребилъ насилие. Четыре злодѣя, исполнители воли твоей, держа руки ея и ноги..... По сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе ; она держитъ младенца, плачевный плодъ брюха или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго сго отца. Родивъ его, она позабыла звѣрства отца, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобъ не попасть въ руки ему подобнаго. Младенецъ твой сынъ, варваръ, твоя кровь. Или думаешь, что гдѣ не было обряда церковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности ?—или думаешь, что данное по приказанію твоему благословеніе насмнымъ вѣщателемъ слова Божія утвердило ихъ сочетаніе ? Или думаешь, что насильственное вѣнчаніе въ храмѣ Божіемъ

можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзить принужденіемъ; Онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О, сколько совершается между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній въ имя Отца радости и Утѣшителя скорби при свидѣтеляхъ недостойныхъ своего сана! —Дѣтина лѣтъ 25 вѣнчаный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ глазахъ его; онъ раскаивается, что угождалъ во всемъ своему господину, въ карманѣ его ножъ; онъ схватилъ его крѣпко; мысль его отгадать не трудно. Бесплодное рвеніе; достанешься другому: рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладь, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей; ты умереть не умѣешь. Ты склонись и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. Есть-ли же восхопнешь противиться, то умрешь въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Не захочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать, онъ будетъ твой обвинитель; отдастъ тебя гражданскому правосудію—правосудію, гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться!—Пройдемъ мимо другихъ несчастныхъ, выведенныхъ на позорище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тусклый свой звукъ и четверо несчастныхъ узнали свою участь; какъ слезы, рыданіе и стонъ пронзили уши всего собранія. Нантвѣрдѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто бесплодное соболѣзнованіе? О квакеры? естлибъ вы имѣли душу, то сложились бы и купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу!—Живъ многія лѣта въ объятіяхъ оливъ другаго, несчастные сія, осужденные къ продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но естли законъ или лучше

сказать обычай варварскій—ибо въ законѣ того не писано—
 дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе; то какое право
 имѣють продавать сего младенца? Онъ не законнорож-
 денный. Законъ его освобождаетъ. Пойдите, я буду
 доноситель; я избавлю его. О, естлибъ могъ я спасти съ
 нимъ и другихъ!—О щастіе! зачѣмъ ты такъ обидѣо меня
 въ твоемъ раздѣлѣ? Днесъ жажду прелестнаго твоего взора,
 впервые начинаю ощущать страсть къ богатству. Сердце
 мое было такъ стѣснено, что выскочивъ изъ собранія и
 отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька,
 побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чу-
 жестранецъ, мой другъ. Что тебѣ сдѣлалось? ты пла-
 чешь. — Возвратись, сказалъ я ему; не будь свидѣтелемъ
 срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда варварскій
 обычай продавать черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ
 селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я; не
 будь свидѣтелемъ нашего посрамленія, да не возвѣстишь
 о немъ твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ
 правахъ. — Не могу я сему вѣрить, сказалъ мнѣ мой
 другъ; не возможно, чтобъ тамъ, гдѣ дозволяется всякому
 мыслить и вѣрить, кто какъ хочетъ, существовало столь
 постыдное обыкновеніе! — Не дивись, сказалъ я ему:
 установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ
 поповъ и чернецовъ; да и тѣ скорѣе пожелають прі-
 обрѣсть себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но
 свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ говорятъ, право
 собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ побор-
 ствовать, всѣ великіе отчинники не сдѣлають для свободы
 ничего; отъ ихъ совѣтовъ не лзя ожидать ничего, но
 отъ самой тяжести порабощенія.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у насъ говорилъ товарищъ мой за обѣдомъ въ трактирѣ, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно принимается, отстоять еще далеко отъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ; а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, увидя смѣшное въ Польскомъ одѣяннн нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ не дерзнулъ отъ нее отшатнуться. По несчастію случилось, что Сумароковъ въ тоже время былъ, и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употребилъ стихи по примѣру Ломоносова; и нынѣ всѣ пустились въ слѣдъ за нимъ, не воображая, чтобъ могли быть другіе стихи, какъ ямбы, коими писали оба сіи знаменитые мужи. Хотя сіи стихотворцы преподали правила и въ другихъ стихосложеніяхъ, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры: но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Гова или Псалмопѣвца дактилями; или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хорееми: то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами кромѣ ямбовъ и болѣе бы приобрѣлъ славы осмыслѣннымъ своимъ трудомъ, описаніемъ взятія Казани собственнымъ Эпосеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ надѣтъ на Виргилія Ломоносовскимъ покроемъ; но я желалъ бы, чтобъ Гомеръ явился между

нами не въ ямбахъ, по въ стихахъ подобныхъ его гексаметрамъ; и Костровъ, хотя не Стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Не одинъ Ломоносовъ и Сумароковъ остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредьяковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь очень трудно дать примѣръ поваго стихотворенія; пбо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи пустили глубокой корень. Парнасъ окруженъ ямбами и рѣныи стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бъ ни задумалъ писать дактилями, къ тому тотчасъ Тредьяковскаго приставятъ дядюкою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтонъ, Шекспиръ или Вольтеръ. Тогда и Тредьяковскаго выростутъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся хорошіе стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы. Благой перемѣнѣ въ стихосложеніи долго препятствовать будетъ ухо привыкшее ко краснорѣчію. Слышавъ долгое время единоголасное въ стихахъ окончаніе, безриеміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволению. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода; и естли она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ паружный можетъ заржавѣть; но истинная красота не поблекнетъ никогда. Гомеръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ и мно-

гіе другіе печатаны будуть доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю говорить о разныхъ стихахъ Россійскому языку сродныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, естли немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но не излишнее бы было, естли бь могъ я дать въ разныхъ родахъ достаточные примѣры. Но силы мои и разумніе коротки. Естли совѣтъ мой можетъ сдѣлать что либо, то я сказалъ бы, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ гораздо обогатились бы, естли бь переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо было бы эпической поэмѣ свойственнѣе, естли бь Генрияду перевели не ямбами; а ямбы не краселовные хуже прозы.

Все выше сказанное изрекъ пирной мой товарищъ однимъ духомъ и съ такою поворотливостію языка, что я не успѣлъ ничего ему сказать въ возраженіе, хотя много кой-чего имѣлъ для защищенія ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ, послѣдовалъ заразительному примѣру и сочинялъ стихи ямбами; но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ; всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ, да и оставшуюся таже ожидаетъ участь, какая постигла сестеръ ея. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать по двумъ причинамъ; первая, что смыслъ въ стихахъ не ясенъ и много стиховъ топорной работы; а вторая, что предметъ стиховъ не свойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ просить о изданіи ее въ свѣтъ, ласкаясь какъ пѣжный отецъ своего дитяти, что для послѣдней причины, по коей не хотѣли печатать ее въ Москвѣ,

воззрять снисходительно на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ, подавая бумагу. Я развернулъ ее и читалъ слѣдующее. Вольность, ода.—За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ; но я очень помню, что въ наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: “Вольностію называть должно то, что всѣ одинакимъ повинуются законамъ.” Слѣдственно о вольности говорить у насъ вмѣстно.

1

О даръ Небесъ благословенный,
 Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
 О вольность, вольность! даръ безцѣнный!
 Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
 Исполни сердце твоимъ жаромъ;
 Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
 Во свѣтъ тьму рабства претвори.
 Да Брутъ и Тель еще проснутся;
 Сѣдя во власти да смятутся
 Отъ гласа твоего Царя.

*

Сію строфу обвиняли по двумъ причинамъ; за стихъ: во свѣтъ тьму рабства претвори;—онъ очень тугъ и труденъ для изреченія отъ частаго повторенія буквы т и отъ частаго соитія согласныхъ: бства, тьму, претв, гдѣ дѣсятъ согласныхъ и три гласныхъ, представляя, что на Россійкомъ языкѣ можно писать столь же сладостно, какъ и на Итальянскомъ.—Согласенъ; хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя въ негладкости его изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія.—Но вотъ другой: да смятутся отъ гласа твоего Царя; же-

латъ смягченія Царю есть тоже, что желать ему зла: слѣдовательно.... Но я не хочу паскучить вамъ всѣми примѣчаніями, на стихи мои сдѣланными; многія изъ нихъ, признаюсь, были справедливы. Позвольте, чтобъ былъ я вашимъ чтецомъ.

2

Я въ свѣтъ изшелъ, и ты....

Сію строфу пройдемъ мимо. Вотъ ея содержаніе: человекъ во всемъ отъ рожденія свободенъ.

3

По чтожъ претить моей свободѣ?
 Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ.
 Возникла обща власть въ народъ
 Соборный всѣхъ властей удѣлъ;
 Ей общество во всемъ послушно,
 Повсюду съ нею единодушно;
 Для пользы общей пѣтъ препонъ.
 Во власти всѣхъ свою зрю долю,
 Свою творю, творя всѣхъ волю:
 Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4

Въ среднѣхъ значныя долины
 Средь отягченныхъ жатвой нивъ,
 Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ кришны,
 Подъ миррой стѣпно оливо
 Нароска мрамора бѣлѣе,
 Лучей яснѣйша для свѣтлѣе,
 Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
 Тамъ жертва лжива не курится;
 Тамъ надпись пламенная зрится:
 “Конецъ невинности бѣдамъ!”

5

Оливной вѣтвію вѣчноно,
 На твердомъ камени сѣдй,
 Безжалостно и хладнокровно
 Глухое Божество....

И проч. изображается Законъ въ видѣ Божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

6

Возводитъ строгія зеницы,
 Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя ;
 Равно на всёъ взираетъ лица,
 Ни ненавндя, ни любя.
 Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
 Породы, знатности богатства,
 Гнушааясь жертвенныя тли ;
 Родства не знаетъ, ни пріязни ;
 Равно дѣлнтъ и мѣду и казни ;
 Онъ образъ Божій на земли !

7

И се чудовище ужасно,
 Какъ гидра сто имѣя главъ,
 Умилно и въ слезахъ всечасно,
 Но полны челюсти отравъ,
 Земныя власти попираетъ,
 Главою неба досязаетъ ;
 Его отчизна тамъ гласитъ ;
 Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
 Обманывать и льстить умѣетъ
 И слѣпо вѣрнтъ всёмъ водитъ.

8

Покрывши разумъ тьмотою,
 И всюду сѣя смертный ядъ...

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъемлющаго у чело-
вѣка чувствительность и налагающаго на него яремъ по-
рабощенія и заблужденія.

Боятся истины вельѣ.

Власть называетъ оное извѣтомъ Божества; а разсудокъ
обманомъ.

9

Возривъ на области обширны
Гдѣ тускный тронъ стоитъ рабства....

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и политическое
подкрѣпляютъ другъ друга и

Совжно общество гнетуть;
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится,
На пользу общую рекуть.

10

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Щудовъ златыхъ не возростеть;
Гдѣ все претить ума стремленью,
Великость тамъ не прозябеть....

И всѣ злыя слѣдствія рабства, какъ то: безпечность,
лѣньность, коварство, голодь и проч.

11

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ Царь,
На грозномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зреть лишь подлу тварь.

Животъ и смерть въ рукѣ вмѣя,
 “По волѣ, рекъ, щажу злодѣя ;
 “Я жизнью могу дарить ;
 “Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется ;
 “Нахмурюсь грозно, все сматется ;
 “Живеть тогда, велю коль жить.

12

И мы внимаемъ хладнокрово....

Какъ алчный змій, ругаясь всѣмъ, отправляетъ онъ дни веселія и утѣхъ. Но хотя всѣ вокругъ его престола стоять преклонные колѣна ; трепещи, се мститель грядетъ прорицающая вольность.

13

Возстанетъ рать повсюду брашна,
 Надежда всѣхъ вооружить ;
 Въ крови мучителя вѣпчашна
 Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшить.
 Мечь остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ ;
 Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
 Надъ гордою главою шара.
 Инкуйте, склепанны пароды !
 Се право мщениное Природы
 На плыху возвелю Царя.

14

И ноци се завѣсу лживой
 Со трескомъ мощно разодрать, —
 Кичливой власти и строптивой
 Огромный истуканъ поправъ, —
 Сковавъ сторучна исполнна,
 Влечетъ его какъ гражданина
 Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ :
 “Преступникъ власти мною данной !

“Въщай, злодѣй, мной увѣнчанной!
 “Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

15

“Тебя облекъ я во порфиру
 “Равенство въ обществѣ блюсти,
 “Вдовицу призирать и сиру,
 “Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
 “Отцемъ ей быть чадолюбивымъ;
 “Но мстителемъ непримиримымъ
 “Пороку, лжи и клеветѣ;
 “Заслуги честью награждать,
 “Устройствомъ зло предупреждать,
 “Хранити нравы въ чистотѣ...

16

“Покрывъ я море кораблями....

Далъ способы къ приобретенію богатствъ и благоденствія;
 желалъ, чтобъ земледѣлецъ не былъ плѣнникъ на своей
 нивѣ и благословлялъ бы тебя.

17

“Своихъ кровей я безъ пощады
 “Гремящую воздвигнулъ рать;
 “Я нѣдны извалялъ громады,
 “Злодѣевъ виѣнннхъ чтобъ карать;
 “Тебѣ велѣлъ повиноваться.
 “Съ тобою къ славѣ устремляться.
 “Для пользы всѣхъ мнѣ можно все.
 “Земныя нѣдра раздираю,
 “Металлъ блестящій извлекаю
 “На украшеніе твое.

18

“Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
 “Забывъ, что я избралъ тебя,

“Себѣ въ утѣху быть вѣпчанну
 “Возмнилъ, что ты господь, не я;—
 “Мечемъ моимъ расторгъ уставы,
 “Безильными повергъ всѣ правы,
 “Стыдиться истины велѣлъ;
 “Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
 “Вывавъ сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
 “А мной гнушаться восхотѣлъ.

19

“Кровавымъ потомъ доставая
 “Тотъ плодъ, кой въ щипу насадилъ,
 “Съ тобою крохи раздѣляя,
 “Своей патуги не щадилъ.
 “Тебѣ сокровицей всѣхъ мало!
 “Скажи на что ихъ недостало,
 “Что рубище съ меня сорвалъ?
 “Дарить любимца полна лести,
 “Жену чуждающуюся чести!
 “Иль злато богомъ ты призналъ?

20

“Въ отличность знакъ изобрѣтенный
 “Ты началъ наглости дарить;
 “Въ злодѣя мечъ мой изощренный
 “Ты сталъ невинности сулить;
 “Сгруженные полки въ защиту
 “На брань ведешь ли знамениту
 “За челоѡчество карать?
 “Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
 “Дабы, упившись въ Аѡипахъ,
 “Герой, зѣвавъ могли сказать!

21

“Злодѣй, злодѣевъ всѣхъ лютейшій!...

Ты всѣ совокупилъ злодѣящія и жало свое въ м.ня
 устремилъ. Народъ вѣщаль:

“Умри, умри же ты стократъ !”

22

Великій, коварства полный,
Ханжа, и льстець, и святотатъ !
Единъ ты намъ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать.
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ,
И научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себѣ народы :
Ты Карла на судѣ казилъ.

23

И гласъ вольности раздается во всѣ концы....

На вечу весь течеть народъ,
Престоль чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древлѣ, сокрушаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ ;
Закономъ строить твердь природы.
Великъ, великъ ты, духъ свободы !
Зяждителѣнъ, какъ самъ есть Богъ.

24

Въ слѣдующихъ одиннадцати строкахъ описывается царство свободы и ея дѣйствія, то есть, сохранность, спокойствіе, благоденствіе, величіе...

34

Но страсти, изощряя злобу....

Провращаютъ спокойствіе гражданъ въ пагубу...

Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны разрываетъ....

И всё слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать

35, 36, 37

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши. Междоусобіе, гражданская брань. Марій, Сулла, Августъ

Тревожну вольность усыпиль...

Обвилъ желѣзный скипетръ цвѣтами; слѣдствіе того порабощеніе.

38, 39

Таковъ законъ природы: изъ мучительства раждается вольность, изъ вольности рабство...

40

Начто сему дивиться: и человѣкъ раждается для того чтобъ умереть...Слѣдующія восемь строфъ содержатъ проричанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ пространнѣе. Но время еще не пришло. Когда же наступитъ оно, тогда

Встречать заклёпы тяжкой ночи...

Упругая власть при издыханіи своемъ собрать всю силу свою, чтобъ послѣднимъ махомъ сокрушить возникшую вольность....

49

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ своихъ и направляемое надеждою свободы и неистребимымъ приро-

ды правамъ, двинется — и власть приведена будетъ въ трепеть. Тогда развѣтается она въ одно мгновеніе.

О день избранныйшій всѣхъ дней!

50

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ Божества....

Вотъ и копецъ, сказалъ мнѣ новомодный стихотворецъ. Я очень тому порадовался и хотѣлъ было ему сказать можетъ быть непріятное на стихи его возраженіе; но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться на Пегасѣ, когда онъ съ норовомъ.

ГОРОДНЯ.

Въѣзжая въ сію деревню, слухъ мой пораженъ былъ не стихотворческимъ пѣньемъ, но пронзающимъ сердце воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вышедъ изъ кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50 держа за голову 20 лѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитяtko! на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительскій? Поля наши поростутъ травою; хижина наша мо-

хомъ. Я бѣдная престарѣлая мать твоя скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода? Кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло мое предастъ общей нашей матери, сырой землѣ? Кто придетъ вспомнать меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила: Прости, мой другъ сердечный! прости, мое красное солнышко! мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше ни утѣхи, ни веселія. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты дали памъ обвѣчаться; хотя бы ты, мой милой другъ, уснулъ ночиньку, уснулъ на бѣлой моей груди: авось либо Богъ меня помиловалъ и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе!

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветь насъ Государь на службу. На меня палъ жеребій. Воля Божія. Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду; авось либо дослужусь до чина. Не крушись, моя матушка родимая; береги для меня Парасковьюшку. — Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова вялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной увидѣлъ я человѣка лѣтъ 50-ти, посредственнаго росту, стоящаго бодро и взирающаго на окрестъ стоящихъ весело. Услышалъ Господь молитву

мою, вѣщалъ онъ ; достигли слезы несчастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія ; доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожемъ наказанъ не буду.

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ челоуѣкъ, любопытствовалъ я отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ : Естли бы, государь мой съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было итти направо или на лѣво, въ петлю или въ воду : что избрали бы вы ? Чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность ? — Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать своей шей, тверда ли петля. — Таковъ былъ мой случай. Трудна солдатская жизнь ; но лучше петли. Хорошо бы, когда бы тѣмъ и конецъ былъ ; по умирать томною смертію подъ батожемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу и при всегдашнемъ поруганіи !... Государь мой, хотя холопей считаете вы нерѣдко хуже скотовъ ; но къ несчастію ихъ горячайшему, они не лишены чувствительности. Вамъ удивительно, вижу я, слышать такія слова отъ крестьянина ; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей братіи, дворянъ ?

И по истиннѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣятаго въ смурый кафтанъ съ забритымъ лбомъ. Но желая удивелворить моему любопытству, просилъ я его, чтобъ онъ

увѣдомилъ меня, какъ, будучи толь низкаго состоянія, пріобрѣлъ онъ понятія, недостающія часто въ людяхъ не свойственно называемыхъ благородными.

Естьли вы хотите слушать мою повѣсть, то скажу вамъ, что я родился въ рабствѣ, сынъ дядки бывшаго моего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ наименованіемъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечный, разумный и добродѣтельный, нерѣдко рыдавшій объ участи своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременную службу отца моего отличить меня, давъ мнѣ воспитаніе паровнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было; развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодого барина, тому учили и меня; наставленія намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ усиѣлъ я лучше молодого своего господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, счастье твое зависитъ совершенно отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденія, нежели сынъ мой. Онъ будетъ по мнѣ богатъ и нужды не узнаеть; а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. — На 17 году возраста молодого моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе края съ надзирателемъ, коему предписаво было почитать меня, старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства; но виѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, ты не обрящешь узъ, возложенныхъ на тебя твоимъ рожденіемъ. — Мы были въ отсутствіи пять лѣтъ и вращались въ Россію, молодой баринъ радуясь уви-

дѣтъ своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сдѣланнымъ мнѣ общаніемъ. Сердце мое трепетало, вступая опять въ предѣлы моего отечества. И дѣйствительно, предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронуть; я приведенъ въ отчаяніе: ибо всѣ мои старанія приобрѣсть дружбу и довѣренность молодаго барина были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, но изъ зависти, малымъ душамъ свойственной, ненавидѣлъ меня.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти отца его во мнѣ произведенное, онъ сказалъ мнѣ, что сдѣланное мнѣ общаніе онъ не позабудетъ, естли я буду того достоинъ. Въ первой разъ осмѣлился онъ сказать мнѣ сіе; ибо получилъ свободу смертію своего отца. Въ Ригѣ отпустилъ онъ своего надзирателя, заплативъ ему, за труды щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ; но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда господинъ мой влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу; но которая съ красотою тѣлесною соединяла оскареднѣйшую душу и жестокое сердце. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, она почитала отличностію только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени не чувствовалъ я переменъ моего состоянія и жилъ въ домѣ господина моего какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ; но я предупреждалъ иногда его желанія, чувствуя его власть и свою участь. Едва молодая господа преступила порогъ дому, въ ко-

тѣмъ она опредѣлялась началствовать ; какъ я почувствовалъ всю тягость моего жребія. Первый вечеръ послѣ свадьбы и слѣдующій день, въ которой былъ я ей представленъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, занята она была обыкновенными заботами новаго супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первой ужинъ у повобратныхъ, и я по обыкновенію на своемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ : то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, естли онъ хочетъ, тобъ сидѣла она за столомъ съ гостями, тобъ холопей за оный не сажалъ. Онъ взглянулъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ сказать мнѣ, тобъ я изъ - за стола вышель и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, сколь чувствительно было для меня сіе униженіе ! Скрывъ однакоже выступившія изъ глазъ моихъ слезы, я удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. Тоже было и въ слѣдующіе дни. — Черезъ недѣлю послѣ свадьбы новая госпожа, осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ были для меня отведены старымъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторяю того, что она говорила будучи въ оныхъ мнѣ въ посмѣяніе ; но возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми оффиціантами, гдѣ поставлены уже моя постеля и сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ ; все прочее оставила она въ прежнихъ моихъ комнатахъ, гдѣ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сіе удобнѣе чувствовать, естли кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть по-

вѣствованіемъ, скажу вамъ, что госпожа моя вступивъ въ управленіе дома и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и наѣбла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сей должности влекло за собой пощечины, батожье, кошки. — О государь мой! лучше бы мнѣ не родиться! Сколько разъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что онъ далъ мнѣ чувствительную душу! Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думая никогда, что я человѣкъ всѣмъ другимъ равный! Давно бы, давно бы избавилъ я себя ненавистной мнѣ жизни, естли бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми Судіи. Опредѣливъ себя сносить жребій мой терпѣливо, сносилъ я не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвила мою душу. Едва не преступилъ я однакожь своего обѣта и не лишилъ себя плачевной жизни при случившемся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодець 18 лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и овладѣвъ скоро ея опытною горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился; ибо тетушка его узнавъ о семъ, запретила своей горничной ходить къ себѣ, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ намѣрилась она наказать ту, которую прежде жаловала, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ люди въ домѣ были уже женаты, а беременной для славы онаго надобенъ былъ мужъ; то хуже меня изъ всѣхъ служителей не наша. И о семъ госпожа моя въ присутствіи своего супруга возвѣстила мнѣ какъ отменную милость. Не могъ я болѣе терпѣть пору-

ганія. Безчеловѣчная! въ твоей власти меня мучить и уязвлять мое тѣло, ибо вы говорите, что законы даютъ на то право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ. — Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея сказалъ: Неблагодарный сынъ челоѣколюбиваго родителя! ты забылъ его завѣщаніе, забылъ и свое изрѣченіе; но не доводи до отчаянія души твоей благороднѣйшей; страшись!... Болѣе я сказать не могъ, ибо по повеленію госпожи моей отвѣденъ былъ на коюшню и сеченъ нещадно кошками. На другой день едва могъ я отъ побоевъ встать съ постели, и наки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость: женись на моей Маврушкѣ; она тебя проситъ, и я. любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нее сдѣлать. — Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, слышали вы вчера, другаго не имѣю: присовокуплю только то, что просить буду на васъ Начальство въ прынужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права. — Ну такъ пора въ солдаты, вскричала ярость моя госпожа.... Путешественникъ, потерявшій въ страшной пустынѣ дорогу, меньше радуется, сыскавъ опять опую, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. Въ солдаты! повторила она; и на другой день то было исполнено. — Несмысленная! она думала, что поступленіе въ солдаты, такъ какъ поселянамъ, будетъ для меня наказаніемъ; но мнѣ было оно отрадой; и какъ скоро vybrли мнѣ лобъ, то почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновились; разумъ и духъ начали опять дѣйствовать. О надежда; сладостное нещастному чувствіе! пребуди въ мнѣ.... Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія, выступила изъ глазъ его. Я прижалъ его къ

моему сердцу. Лице его озарилось новымъ веселиемъ. Не все еще исчезло, говорилъ онъ мнѣ, ты вооружаешь душу мою противъ скорби, давь чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно.

Отъ сего несчастнаго пошелъ я къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ человѣкъ скованныхъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ, взирая на сихъ узниковъ, теперь они унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, чтобъ вмѣстить ихъ въ сіе состояніе; но обыкнувъ въ семь тяжкомъ для исполненія званія становятся бодры, предприимчивы и гнушаются даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у одного близъ стоящаго, которой по одеждѣ своей казался быть приказнымъ служителемъ: конечно боясь ихъ побѣгу, заключили ихъ въ толь тяжкія оковы? — Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому зандобились деньги на новую карету, и для того продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ.

Я. Мой другъ! ты ошибаешься, казенные крестьяне не могутъ покупать своей братьи.

Онъ. Не продаю это и дѣлается. Господинъ сихъ несчастныхъ взялъ по договору деньги и отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ волости, которая за нихъ платила деньги; а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными для приписанія въ вашу волость.—

Вольные люди ничего не преступившіе заключаются въ оковы и продаются какъ скоты! — О законы! премудрость ваша бываетъ часто только въ вашемъ слогѣ.

Не явно ли сіе вамъ посмѣяніе? Но паче еще того посмѣяніе священнаго имени вольности! — О, естли бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярьсь въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, препятствующимъ ихъ вольности, главы наши, главы безчеловѣчныхъ господъ своихъ и кровію нашею обагрили нивы свои! Что бы тѣмъ потеряло государство? — Скоро бы изъ среды его исторгнулись великіе мужи для заступленія избитаго племени; но они были бы другихъ о себѣ мыслей и лишены права.... Не мечта это; но взоръ проникаетъ густую завѣсу времени, скрывающую отъ очей нашихъ будущее; я зрю черезъ цѣлое столѣтіе.... Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Естли бы хотя немного имѣли они твердости, то уничтожили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся... Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ, знаете ли вы, что естли вы сами не желаете вступить въ воинское званіе; то никто принудить васъ къ тому не можетъ. — Перестань, баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться, одному съ дряхлымъ отцомъ, другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодой женой. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ для отдачи въ рекруты за 1,000 рублей. — Естли вы до сего времени не знали, то знайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ; что вамъ отъ барина дана отпуская и что покупщики ваши хотятъ приписать васъ въ свою волость будто по вашей волѣ. — О, естли такъ, баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди. — Прибавьте къ тому, что господинъ

продалъ васъ не въ сказанное время и что васъ отдають насильнымъ образомъ.—Легко себѣ вообразить можно радость, просіявшую на лицахъ сихъ несчастныхъ. Воспрянувъ отъ своего мѣста и бодро потрясая оковы, они испытываютъ, казалось, свои силы, какъ бы ихъ свернуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты; отдатчики рекрутскіе, понявъ мою рѣчь, воспаленные гнѣвомъ прискочивъ ко мнѣ говорили: баринъ! не въ свое мѣшаешься дѣло; отойди, пока сухъ; — и сопротивляющагося начали толкать меня столь сильно, что я принужденъ былъ съ поспѣшностію удалиться отъ сей толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалось, пьянаго и кривляющагося передъ стоящими, которые глядя на него хохотали до слезъ. Что тутъ за чудо? спросилъ я у одного мальчика; чему вы смѣетесь? — Вотъ рекрутъ иноземецъ, по-Русски не умѣетъ пикнуть. — Изъ нѣкоторыхъ словъ, имъ сказанныхъ, узналъ я, что онъ былъ Французъ. Любопытство мое паче возбудилось; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отданъ быть въ рекруты крестьянами. Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ: мой другъ! какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлось; гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ ты попался въ рекруты?

Франц. Я люблю воинскую жизнь; мнѣ она уже извѣстна; я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилось, что тебя отдають изъ деревни въ рекруты? Изъ деревень берутъ въ солдаты

обыкновенно однихъ крестьянъ и Русскихъ ; а ты, я вижу, не мужикъ и не Русской.

Франц. А вотъ какъ. Въ Парижѣ учился я съ ребячества парикмахерству. Выѣхавъ въ Россію съ однимъ господиномъ, чесалъ ему волосы въ Петербургѣ пѣлой годъ. Ему не чѣмъ было заплатить мнѣ. Я оставилъ его; но не нашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастью попалъ я въ матросы на корабль, идущій подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійскій подданный, — и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности упалъ я съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что и сдѣлало меня навсегда неспособнымъ управлять гребломъ. Приѣхавъ въ Любекъ, попался я Прусскимъ наборщикамъ и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство бить былъ палками. Будучи пьянъ закололъ я своего товарища и ушелъ изъ Мемеля, гдѣ находился въ гарнизонѣ. Вспомнивъ, что я обязанъ въ Россіи присягою, яко вѣрный сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ и питался въ дорогѣ милостынею. Въ Ригѣ счастье и искусство мое мнѣ послужило : я выигралъ въ шинкѣ рублей 20, и купивъ себѣ за десять изрядный кафтанъ, отправился лакѣмъ съ казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я сказалъ имъ, что худо читать умѣю ; но они мнѣ отвѣчали : ты говоришь по Французски, этого и довольно. Хозяинъ мой не видалъ, какъ я на улицѣ отъ него отсталъ ; онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ

Москвѣ. Скоро земляки мои нашли мнѣ учительское мѣсто за 150р., пудъ сахара, пудъ кофе, 10 фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета; но жить надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше: тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю; но какой-то свать того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Не нашелъ другаго сему подобнаго дурака, не могли отправлять свое ремесло съ изломанными пальцами и боясь умереть съ голоду, продалъ я себя за 200 рублей; меня записали въ крестьяне и отдають въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ съ важнымъ видомъ, что скоро будетъ война; тогда дослужусь до Генеральскаго чина; а не будетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ свое отечество.

Я не одинъ разъ пожалъ плечами, слушая сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легши въ кибитку, отправился въ путь.

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибитку и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ увидѣлъ я воина въ гренадерской шапкѣ съ поднятою плетью гордо расхаживающаго и кричащаго: лошадей скорѣе! гдѣ староста? Его Превосходительство будетъ здѣсь черезъ минуту! — Староста, снявъ шляпу за сто шаговъ, бѣжалъ во всю прыть.

— Лошадей скорѣе. — Тотчасъ, батюшка; пожалуйста подорожную. — На, да скорѣе, а то я тебя....говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головой дрожащаго староста. Недокончанная сія рѣчь столь же была выразительна, какъ у Виргилія въ Энеидѣ рѣчь Эола къ вѣтрамъ: я васъ....и укрощенный видомъ плети гренадера староста столь же живо ощущалъ мощь грозящаго воина десницы, какъ бунтующіе вѣтры онущали надъ собой власть сильной Эоловой отроги. — Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: Его превосходительству съ честной его фамиліей потребно 50 лошадей, а у насъ только 30 на лицо, другія въ разгонѣ. — Роди, старой чортъ! а не будетъ лошадей, то тебя изуродую. — Да гдѣжь ихъ взять, коли взять негдѣ? — Разговорился еще; а вотъ лошади у меня будутъ — и схвати старика за бороду, началъ его бить плетью по плечамъ нещадно. Полно ли съ тебя! Да вотъ три свѣжія, говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на впряженныхъ въ мою повозку. Выпряги ихъ для насъ. — Коли баринъ ихъ отдастъ. — Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему тоже достанется. Да кто онъ таковъ? — Не вѣсть какой -то. Какъ онъ меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ вышелъ я на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ Его Превосходительства исполнить его намѣреніе и выпрягши изъ повозки лошадей, заставить меня ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ Полканомъ прерванъ былъ прїѣздомъ Его Превосходительства. Еще издали слышанъ былъ крикъ повошиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ столько сгустили поднимающуюся пылью воздухъ, что колесница Его Превосходительства

закрѣта была непроницаемымъ облакомъ, отъ взоровъ ожидающихъ его какъ грозной тучи ямщиковъ. Донъ-Кишотъ конечно увидѣлъ бы тутъ нѣчто чудесное: ибо пыльное облако, несущееся предъ знатною Его Превосходительства особою, вдругъ остановясь разверзлось, и онъ предсталъ намъ отъ пыли сѣровиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ приѣзду моего на почтовый станъ до того времени, какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошелъ по крайней мѣрѣ цѣлой часъ; но повозки Его Превосходительства запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа, и поскакали на крылехъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казались тѣхъ, кои удостоились везти Превосходительную особу, но не боясь гренадерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи! Блаженны украшенные чинами и лентами! Вся природа имъ повинуется; даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ; и дабы имъ въ путешествіи зѣвая не соскучилось, скачутъ они не жалѣя ни ногъ, ни легкаго и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторяю я, имѣющіе видимость къ благоговѣнію всѣхъ влекущую! Кто знаетъ изъ трепещущихъ отъ плети имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозять, безгласнымъ въ Придворной Грамматикѣ называется; что ему ни а! ни о! во всю жизнь свою сказать не удалось; что онъ одолженъ своимъ возвышеніемъ — стыдно сказать кому; — что по душѣ своей онъ есть скареднѣйшее существо; что обманъ, вѣроломство, блудъ, отравленіе, грабежь, убійство не больше ему стоитъ какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или по-

щечины; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и раба, едва нѣчто при дворѣ значущаго. Сей властелинъ презираетъ не вѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность безъ истиннаго достоинства подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними обманщики сіи властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся; то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творять чудеса, берегись равно и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться, за Его Превосходительство! Онъ поднялъ пылъ столбомъ, которая по пролетѣ его исчезла, и я, пріѣхавъ въ Клинь, нашелъ даже память его погнѣшную съ шумомъ.

КЛИНЬ.

“Какъ было въ городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь..... поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ чловѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная глава его, замкнутыя очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли смотрящихъ на пѣвца предстоять ему съ благоговеніемъ. Неискусный его напѣвъ, но нѣжныя изреченія провицали сердце его слушателей, вне-

млющихъ лучше природѣ, нежели возвращенные въ благо-
 гласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ
 кудрявому напѣву Габріели, Маркези или Тоди. Никто
 изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубо-
 каго, когда Клинской пѣвецъ, дошедъ до разлуки сво-
 го героя, прерывающагося ежеминуто гласомъ изрекалъ свое
 повѣствованіе. На семь мѣстѣ очи его исполнились из-
 ступающими изъ чувствительной къ бѣдамъ души слезами
 и потоки оныхъ пролились полавитамъ воспѣвающаго. О
 Природа! какъ ты властительна! Взирая на плачущаго
 старца, жены возрыдали; со устѣ юности отлетѣла сопу-
 тница ея улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость,
 неложный звакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія;
 даже мужественный возрастъ, къ жестокости столько
 привыкшій, воспріялъ видъ важности. О природа! возопилъ
 я пакъ....

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Какъ
 оно обновляетъ сердце и его чувствительность! — Я ры-
 далъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ; слезы мои были
 для меня стольже сладостны, какъ истогнутыя изъ сердца
 Вертеромъ. О мой другъ! мой другъ! почто и ты не
 видѣлъ сей картины! ты бы прослезился со мною и сла-
 дость взаимнаго чувствованія была бы гораздо утѣшитель-
 нѣе.

По-окончаніи пѣ-нословія всѣ предстоящіе давали старику,
 какъ будто въ награду за его трудъ. Онъ принималъ
 всѣ денешки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба до-
 вольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность
 свою поклономъ, крестясь и говоря подающему: дай Богъ
 тебя здоровья! Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровож-
 даемъ молитвою сего конечно пріятнаго Небу старца, и
 желалъ его благословенія на совершеніе пути моего. Мнѣ

казалось, что благословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шестви и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, въ дрожащую его руку положилъ я рубль; рука моя также дрожала отъ боязни, не изъ тщеславія ли то дѣлаю. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отмеченъ будучи отъ того необыкновенностію ощущенія лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, говорилъ я самъ себѣ, подаваемая полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное соболѣзнованіе къ бѣдствіямъ человѣчества, а въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость; и потому не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. — О, какъ малъ я самъ себѣ тогда казался! какъ завидовалъ давшимъ полушку и краюху хлѣба пѣвшему старцу! — Не пятакъ ли, сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово? — Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близъ стояцій его мальчикъ. — Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и стараясь, казалось, мысленно сообразить въ себѣ то, что въ горсти его лежало. — Почто ова немогущему ею пользоваться? Естли бы я не лишенъ былъ зрѣнія то сколь велика была бы моя благодарность! Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! естли бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, то умолкъ бы хотя на однѣ сутки вошь ачущихъ птепцовъ моего сосѣда. Но начто онъ мнѣ теперь? Не вижу куда его и положить. Онъ можетъ быть по-дасть случай къ преступленію: полушку немного при-были украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, добрый господинъ; и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. — О истинна!

какъ ты тяжка чувствительному сердцу, когда бываешь въ укоризну! — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ не надобенъ; да и я его не стою: ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было создателю, чтобъ еще въ добрыхъ лѣтахъ лишень я былъ вождей моихъ; терпѣливо свошу Его прещеніе; за грѣхи мои онъ меня посѣтилъ. Я былъ воинъ, на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества и сражался всегда не робко. Но воину всегда должно бить по нуждѣ. Ярость исполняла мое сердце при вачатіи сраженія; я не щадилъ викогда лежащаго у вогъ моихъ непріятеля и не дарилъ обезоруженнаго помилованіемъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего и устремившись на караніе и добычу палъ я ницъ лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо глазъ моихъ пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ! будьте мужественны, но помните челоуѣчество. — Онъ возвратилъ мнѣ рубль мой и сѣлъ опять покойно на свое мѣсто.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ 50. Съ какимъ восторгомъ принялъ онъ его обѣими руками.— Вотъ истинное благодѣяніе! вотъ истинная милостыня! 30 лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, сдѣланнаго въ младенчествѣ твоемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго отца твоего, чтобъ ты меня и до гроба моего не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами; солдаты начали мужика бить. Я былъ Сержантомъ той роты, которой были солдаты; прилучился

туть, прибѣжалъ на крикъ мужика и избавилъ его отъ побой, можетъ быть чего и больше; впередъ отгадывать не лзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя выпѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждый праздникъ. Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадетъ,

Не ужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ? сказалъ я ему, и только мое отвергнешь подаваніе? Не ужли моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и то бываетъ ему на пользу, естли служить къ умягченію ожесточеннаго сердца. — Ты огорчаешь сердце, давно уже огорченное естественною казнію, говорилъ старецъ; не зналъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаванія. Прости мнѣ мой грѣхъ; но дай, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ мнѣ быть полезно... Холодная была весна; у меня болѣло горло: платчишка не было, чѣмъ повязать шею. Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли у тебя старенькаго платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ согрѣетъ мою шею, горло болѣть перестанетъ; — я тебя вспоминать буду, естли тебѣ нужно вспоминаніе нищаго. — Я снялъ платокъ съ шеи, повязалъ на шею слѣпаго... и разстался съ нимъ.

Возвращаясь черезъ Кливъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца, онъ за три дни до моего пріѣзду умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая приносила ему пирогъ по праздникамъ, надѣлъ онъ на шею, заболѣвъ передъ смертію и съ нимъ положили его во гробъ. О!

естыли кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слыша сіе!

ПЕШКИ.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать къ окончанію своего путешествія, но по пословицѣ: голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ не доберуся до рагу, фрикассе, пашкетовъ и прочаго Французскаго кушанья, на отраву намъ изобрѣтеннаго, принужденъ я былъ пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мной ѣхала въ запасъ. Пообѣдавъ сей разъ гораздо хуже, нежели иногда обѣдаютъ многіе Полковники (неговорю о Генералахъ) въ дальнихъ походахъ, я по похвальному общему обыкновенію налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофе и услаждалъ прихотливость мою плодами пота несчастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ передо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подослала ко мнѣ маленькаго мальчика попросить кусочикъ сего боярскаго кушанья. — Почему боярскаго? сказалъ я ей, отдавая ребенку остатокъ моего сахара; не ужли и ты его употребляешь не можешь? — Потому боярское, что намъ купить его не на что; а бояре употребляютъ его для того, что не сами достаютъ деньги. Правда, что и Бурмистръ вашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, покупаетъ его, но также на наши слезы. — Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать? — Не всѣ, но всѣ господа Дво-

ране. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ какъ и мы? — Говоря сіе, показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки.—Да и то слава Богу при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Чтожь вамъ, бояре, въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ взрослые. Но какъ быть? потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велить. — И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодова-ніемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевной скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первой разъ внимательно всю утварь крестьянской избы. Въ первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимой и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ конхъ втянутый пузырь едва пропускалъ свѣтъ; два или три горшка (щастлива изба, коли есть въ ней всякой депъ пустыя ци), деревянная чашка и кружки тарелками называсмыя; столъ топоромъ срубленный, которой скребкомъ по праздникамъ; корыто кормить свиной или телятъ, буде есть; спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется; къ щастію кадка съ квасомъ на укусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спать скотина; поскопная рубаха, обувь данная природою, опучки съ лаптями для выхода.—Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ госу-

дарственный избыток, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законовъ и ихъ такъ сказать шероховатая сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство, и беззащитное нищеты состояніе. — Звѣри алчные! пиввицы перенасытныя! что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлете нерѣдко у него не только даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъять у него жизнь — но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъять ее у него постепенно! Съ одной стороны почти веселіе, съ другой немощь беззащитная: ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ. Вотъ жребій заклепаннаго въ узы! вотъ жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ! Вотъ жребій воли во ярмѣ!

Жестокосердый помѣщикъ! посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? Не ты ли родившихъ ихъ въ болѣзни и горести обложилъ сверхъ всѣхъ полевыхъ работъ оброкомъ? Не ты ли сотканное ими полотно опредѣляешь себѣ въ пользу? На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая рука твоя подыять гнушается? Едва послужить оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ не надобно, не смотря на то, что неприкрытая нагота твоихъ крестьянъ будетъ тебѣ въ обвиненіе, если не здѣсь, то предъ Судією, не вѣдающимъ лицепріятія и давшимъ тебѣ путеводаителя благаго, совѣсть, кою развратный твой разсудокъ давно уже изгналъ изъ

ся жилища, изъ сердца твоего. Не же ласкайся безвозмездіемъ. Сей неусыпный дѣяній твоихъ страхъ уловить тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О, если бы они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу! — О, если бы человѣкъ, входя часто во внутренность свою исповѣдалъ бы строгому судіи своему, — совѣсти, дѣянія свои!... Претворенный въ неподвижный столпъ ея громopodobнымъ гласомъ. не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки стали бы тогда грабительства, опустошенія и проч. и проч.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь видѣлъ я также изрядный опытъ дворянскаго самовластиа надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ принужденныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ олтарю Отца всѣхъ благъ, Подателя иѣжныхъ чувствованій и веселій, Знждителя истиннаго блаженства и Творца вселенныя! И служитель Его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неурстройство сіе останется въ законѣ наказаннымъ! — Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; подтверждаетъ его градодержатель для охраненія законовъ опредѣленный, дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу

Первой ради полученія мзды; другой, дабы не лишиться самому лестнаго преимущества управлять подобнымъ себѣ самовластно. О горестная участь многихъ милліоновъ! Конецъ твой сокрытъ еще отъ взоровъ и внучатъ моихъ.

Я позабылъ сказать тебѣ, читатель, что Парнасскій судья, съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Голова его надъ многими испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко, каково тебѣ покажется. Если при чтеніи захочется тебѣ спать, то сложи книгу и усни; береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невскій монастырь и долго гулялъ въ рощѣ, позади его лежащей. Солнце скрыло уже лицо свое; но легкая завѣса ночи едва на синемъ небѣ была чувствительна. Возвращаясь домой, шелъ я мимо Невскаго кладбища. Ворота были отворены. Я вошелъ. На семь мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ ненарушимаго спокойствія и равнодушія непоколебимаго могло бы, казалось, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность? Но великолѣпныя гробницы суть несомнѣнные знаки человѣческой гордыни, знаки желанія его жить вѣчно. Но это ли вѣчность, которой человѣкъ столько жаждетъ? Не столбъ, воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранить память твою до дальнѣйшаго потомства; не камень со изсѣченіемъ имени твоего пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія: слово твое, живущее въ твореніяхъ твоихъ присно и во вѣки, — слово Россійскаго племени, тобою въ языкъ нашемъ обновленное, прелетитъ въ устахъ за необримый горизонтъ столѣтій. Пускай свирѣпствующія стихіи разверзнутъ земную хлябь и поглотятъ сей великолѣпный градъ, откуда громко твое пѣніе раздавалось во всѣ концы обширной Россіи; пускай яростный пѣкій завоеватель истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское слышимо будетъ, ты не умрешь. Лестно, лестно такъ умереть.

Но естли кто умѣеть изчислить мѣру сего продолженія; естли переть гаданія назначить предѣлъ твоему имени: то не се ли вѣчность?—Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ, надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго; не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои да повѣствуютъ намъ о томъ; житіе твое да скажетъ, почто ты славенъ.

Гдѣ ты, о возлюбленный мой! гдѣ ты? приди бесѣдовать со мною о великомъ мужѣ. Пойди, да соплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай другіе раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество! Мы воспоемъ пѣснь заслугъ къ обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ. Рожденный отъ человѣка, который не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго понятіе его острилось и умъ украсился полезными и пріятными занятіями; опредѣленный по состоянію своему провождать дни свои между людьми, коихъ кругъ мысленной области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда: разумъ молодаго Ломоносова не могъ бы достигнуть той обширности, которую прибрѣлъ онъ трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ его той сладости, которую имѣлъ онъ отъ обхожденія съ чистыми Музами. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ пріялъ онъ маловажное: ключъ ученія—знаніе читать и писать; а отъ природы любопытство. Алчное любопытство, вселенное ею въ души наши, стремится къ познанію вещей; а сердца, кипищае славолюбіемъ, не можетъ терпѣть пути его стѣсняю-

шаго. Оно реветъ, клопочеть, стонетъ, и махомъ прерывае узы, летитъ стремглавъ къ предмету своему. Забываетъ все, имѣя одинъ предметъ въ умѣ; имъ дышетъ, имъ движется и живетъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вождеденнаго предмета, юноша собираетъ познанія вещей въ слабѣйшихъ ручьяхъ текущаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго для укоренія въ познаніяхъ, онъ остритъ первую силу своего разума, память, и украшаетъ тѣмъ, что разсудокъ его остритъ долженствовало. Сей тѣсный кругъ свѣдѣній, кон могъ онъ приобрѣсть на мѣстѣ своего рожденія, не могъ насытить жаждущаго духа, но паче возжегъ въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ, что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ впервые изъ нечувствительности, когда приближаемся къ степени возмужалости,—стремленіе его обратилось къ познанію вещей!

Подстрекаемый алчбою науки, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ, течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ Музъ и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слова Божія. Преддверіе учености есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терпиемъ насаженное и яко гора острымъ камнемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія; стопы путешественника покойной гладости на отдохновеніе; ни зеленѣющаго убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Такъ учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нее воздуха утомляется и языкъ, принужденный извиваться новообразно, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣтъ;

разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ; воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всё излучины и отверстія свои наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно, и тягостно. Если бы не подкрѣпляла надежда, что, приобучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ и усвоивъ чуждыя произношенія, откроются потомъ пріятнѣйшіе предметы: то не уповательно, восхотѣлъ ли бы кто вступить въ толь трудный путь. Но преодоливъ сіи трудности, коликратно наслаждается постоянство за понесенные труды. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь мыслей. Познавнємъ чуждаго языка становимся мы гражданами той области, гдѣ онъ употребляется; бесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвоаемъ ихъ понятія, и всѣхъ народовъ и вѣковъ изображенія сочетаваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилежаніе въ изученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И сіе наградило его постоянство. Какъ слѣпецъ отъ рожденія свѣта незрѣвшій, когда искусною глазврачевателя рукою возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила, — протекаетъ быстрымъ взоромъ всё красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ чувствуетъ живѣе обыкновенныхъ къ зрѣнію очей ея изящности и приходитъ отъ нихъ въ восторгъ. Такъ Ломоносовъ, получивши свѣденіе Латинскаго, Греческаго языка, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научился онъ всѣмъ уловкамъ искусства, кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворства видахъ; съ ними научился изяснять чувства свои и давать тѣло, мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, то представилъ бы я, какъ великій мужъ водворялъ постепенно въ понятіе свое

понятія чужія, кои, преобразившись въ душѣ его и разумѣ, явились въ новомъ видѣ въ его твореніяхъ или родили со-всѣмъ другія, уму человѣческому доселѣ невѣдомыя. — Я представилъ бы его ищущаго свѣдений въ древнихъ рукописяхъ своего училища и гонящагося за видомъ ученія вездѣ, гдѣ казалось быть его хранилище. Часто бывалъ онъ обмануть въ ожиданіи своемъ; но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ положилъ онъ основаніе изящности своего слога, — какое чтеніе предлагаетъ онъ всѣмъ, желающимъ приобрѣсть искусство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его получило щедрое удовлетвореніе. Онъ сталъ ученикомъ знаменитаго Вольфа. Отряса правила схоластики или паче заблужденія, преподавныя ему въ монашескихъ училищахъ, полагалъ онъ твердыя и ясныя степени къ восхожденію въ храмъ любомудрія. Логика научила его рассуждать; Математика дѣлать вѣрныя заключенія и убѣждаться единою очевидностію; Метафизика преподала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; Физика и Химія, къ коимъ можетъ быть для изящности силы воображенія прилежалъ онъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; Металлургія и Минералогія какъ послѣдственницы предыдущихъ, привлекли на себя его вниманіе, и Ломоносовъ дѣйтельно хотѣлъ познать правила, въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія побудили мыслить о знакахъ, всякое богатство и имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злато и серебро, какъ драгоцѣннѣйшіе по совершенству своему

металлы и доселѣ украшеніемъ служившіе, преобразены стали въ знаки, всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истиннѣ възгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ ненасытная и мерзительная страсть къ богатству, которая подобно воспожарающему пламени усиливается получая пищу. Тогда человѣкъ, оставивъ первобытную свою простоту и природное свое упражненіе — земледѣіе, предалъ жизнь свою свирѣпымъ волнамъ; или, презрѣвъ гладъ и зной пустынь, протекалъ черезъ оныя въ невѣдомыя страны для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда, презрѣвъ свѣтъ солнечный, живой нисходилъ въ могилу и расторгнувъ нѣдра земныя, вырывалъ себѣ нору, подобно земному гаду, ищущему о нощи свою пищу. Такъ человѣкъ, скрываясь въ пропастяхъ земныхъ, искалъ блестящихъ металловъ и сокращалъ жизнь свою, питаясь ядовитымъ дыханіемъ паровъ, изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отравя, ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи; такъ и добываніе металловъ, сокращая дни ископателей, не отвергнуто по своей смертоносности, но еще изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металловъ по возможности.

Сіе-то дѣятельно хотѣлъ познать Ломоносовъ, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Миѣ мнится, зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металлъ. Онъ пріемлетъ томный свѣтильникъ, опредѣленный освѣщать его въ ущелинахъ, куда не могутъ достигать николи лучи солнечныя. Онъ ступилъ первый шагъ. Что дѣлаешь ты, вопіетъ ему разсудокъ? Не ужели Природа отличила тебя дарованіями для того только, чтобъ ты

употребляя ихъ на пагубу своей собратіи? Желаешь ли списать вящее искусство извлекать серебро и золото? Или не вѣдасшь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки? — Но нѣтъ; нисходи, познай подземныя украшенія человѣка, и возвратись въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подай совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысячи въ животѣ сущіи погребаются!

Трепеща нисходитъ онъ въ отверстіе и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтло. Я желалъ бы послѣдовать ему въ подземномъ путешествіи, собрать его размышленія и представить ихъ въ той связи и тѣмъ порядкомъ, какими изображались они въ разумѣ его. Картина мыслей его была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими и отличающимися отъ другихъ болѣе всего своею плодоносною силою. Онъ заключалъ изъ того, что сія земная поверхность не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній; что плодородіе, ея сила питательная и возобновительная имѣютъ начало свое въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которое, не перемѣняя своего существа, перемѣняетъ только видъ свой, изъ случайнаго сложения раждающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ и остатки растеній, и могъ заключать, что слойное расположеніе земли имѣетъ начало свое въ наплавномъ положеніи воды, и что воды, переселяясь изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какою она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Единое сіе слоевъ

расположеніе, терпясь изъ глазъ его, являло ему иногда смѣшеніе многихъ разнородныхъ веществъ. Онъ заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія, огонь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противоборствующую себѣ влагу, яраясь мутила, трясла, валила и метала все что упорствовало ей своимъ противудѣйствіемъ, и смутивъ и смѣшавъ разнородныя вещества, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбуждала въ первобытныхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣвъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспоминавъ алчбу и бѣдствія челоувѣковъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь въ познаніи Природы, онъ не оставилъ возлюбленнаго своего ученія—Стихотворства. Ище въ отечествѣ своемъ случай показалъ ему, что Природа назначила его къ величію и что въ обыкновенной стезѣ шествія челоувѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псалтирь, Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, открыла ему о немъ тайнство Природы и показала, что и онъ Стихотворецъ. Бесѣдуя съ Горациемъ, Виргилиемъ и другими древними Писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское весьма не сродно было благогласію и важности языка нашего. Читая Немецкихъ Стихотворцевъ, находилъ онъ, что слогъ ихъ плавнѣе Россійскаго и что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ вознамѣрился онъ сдѣлать опыты сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва Россійскому Стихотворенію правила, на благогласіи языка нашего основанныя. Сіе исполнилъ онъ, написавъ Оду на побѣду, одержанную Россійскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятіе

Хотина, которую из Марбурга прислалъ онъ въ Академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышущія изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо воображенія, стремящагося по непроложенному пути, послужило доказательствомъ, что когда народъ единожды направлень къ усовершенствованію, то онъ идетъ къ славѣ не одной тропинкой, но многими стезями.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергають розысканія подробностей. Ломоносовъ, давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слога основана на правилахъ языку свойственныхъ. Онъ восхотѣлъ извлечь ихъ изъ самаго слова, не забывая однакожь, что обычай первой подаетъ всегда въ сочиненіи словъ примѣръ и реченія, изъ правила исходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи и соображая ихъ съ употребленіемъ, Ломоносовъ составилъ свою Грамматику. Но не удовольствуясь преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще какъ благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Вотъ сокращеніе его общей Грамматики: Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей; и такъ слово есть изображеніе нашихъ мыслей посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенныя. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображеніе называетъ буквами. Сложевіе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои, кромѣ образовательнаго различія голоса, различествуютъ еще такъ называемыми удареніями, на

чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ реченіе или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь или ея дѣяніе. Словесное изображеніе вещи называется имя; изображеніе дѣянія глаголь. Для изображенія же отношеній вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимыя и могутъ называться главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ принимаютъ измѣненія. Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другилъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется падежами. Всякое дѣяніе располагается по времени: отсюда и глаголы расположены по временамъ для изображенія, въ какое время дѣяніе происходитъ. Наконецъ Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей, что производитъ рѣчь.

Предпославъ такое философическое разсужденіе о словѣ вообще, основанное на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. Могутъ ли они быть посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ водимъ былъ въ Грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Не гнушайся, великій мужъ, сей хвалы. Между согражданами твоими не Грамматика твоя одна сдѣлала тебя славнымъ. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны и ты считаешься въ малоприятельномъ трудѣ семъ первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего и розыскателемъ естественнаго расположенія всякаго слова. Твоя Грамматика есть предверіе чтенія твоей Реторики; а та и другая руководительницы для осязанія красоть твоихъ

твореній. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданъ своихъ въ тернистыхъ стезяхъ Геликова. Онъ показалъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила Реторики и Поэзіи; но краткость его жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ, рожденный съ нѣжными чувствами, оларенный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ, исторгается изъ среды народныя; восходитъ на лобное мѣсто; всѣ взоры на него устремляются; всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его произреченія. Плесканіе рукъ или посмѣяніе горше смерти ждеть его. Какъ можно быть ему посредственнымъ? — Таковъ былъ Демосевъ; таковъ былъ Цицеронъ; таковъ нынѣ Пить; таковъ Буркъ, Фоксъ, Мирабо и другіе. Правила и рѣчи ихъ почерпнуты въ обстоятельствахъ; сладость изреченія въ ихъ чувствахъ; сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляясь толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что путь къ прелестямъ можно проложить томными предписаніями. Сіе есть начало Реторики. Ломоносовъ, не замѣчая того, слѣдовалъ своему воображенію, исправившемуся бесѣдою съ древними Писателями и думалъ также, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ жаръ, исполнявшій душу его. И хотя онъ тщетный предирялъ въ семь трудъ; но примѣры, имъ приводимые для подкрѣвленія объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать пускающагося въ слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но естли тщетный былъ его трудъ въ преподаваніи пра-

вилъ тому, что болѣе чувствовать должно, нежели твердить, то Ломоносовъ любящимъ Россійское слово оставилъ надѣжнѣйшіе примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ уста, сосавшіе сладости Ципероновы и Демосѣеновы, растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждой рѣчи, на каждомъ слогѣ — почто не могу сказать, при каждой буквѣ — слышавъ страшный и согласный звукъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ Природы неогнѣнное право дѣйствовать на своихъ современниковъ ; пріявъ отъ нее силу творенія, поверженный въ среду народныя толпы, великій мужъ дѣйствуетъ на оную ; но не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобно силамъ естественнымъ, отъ средоточія дѣйствующимъ, которыя, простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, содѣлываютъ дѣятельность свою вездѣ присну : такъ Ломоносовъ, дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, отверзалъ уму разнообразныя стези къ познаніямъ. Повлекши его за собою въ слѣдъ, расплетая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, не оставилъ онъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ, словесности. Воображенію вѣщаль онъ : лети въ безпредѣльность мечтаній и возможностей, собери яркіе цвѣты одушевленнаго и руководствуясь вкусомъ, украшай онымъ самую неосязательность. И се паки гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба возгласила хвалу Всевышнему во слѣдъ Псалмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, сѣдящаго на крылѣхъ вѣтреной, предшествуемаго громомъ и молніею и въ солнцѣ являющаго смертнымъ свою сущность, жизнь. Умѣря гласъ трубы Пиндаровой, на ней же воспѣлъ онъ брѣнность челоуѣка и близкій предѣлъ его понятій. Что есть

разумъ человѣческой въ безпредѣльной безднѣ міровъ? Малѣйшая песчинка въ морскихъ волнахъ; едва блестящая искра во льдѣ никогда не таящемъ; тончайшій прахъ въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ? — Се ты, о Ломоносовъ! одежда моя тебя не сокроетъ.

Не завидую тебѣ, что, слѣдуя общему обычаю ласкать Царямъ, часто недостойнымъ не токмо похвалы, стройнымъ гласомъ воспѣтой, но даже и гудочнаго бряцанія, льстилъ ты похвалою въ стихахъ Елисаветѣ; и если бы можно было безъ уязвленія истины и потомства, простилъ бы я тебѣ то для души твоей къ благодареніямъ признательной. Но позавидуетъ писатель оды, не могущій итти во слѣдъ тебѣ; позавидуетъ прелестной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной оградѣ городовъ, сель, царствъ и утѣшенію Царей; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слога. Доселѣ не удалось еще никому достигнуть твоего непрерывнаго въ стихахъ благогласія. И пускай удастся кому нибудь превзойти тебя въ сладкопѣніи; пускай потомкамъ нашимъ покажешься ты нестроенъ въ мысляхъ и не избыточенъ въ сущности стиховъ твоихъ: по воззри въ пространное ристалище, коего конца око не досязаетъ, среди толпящейся многочисленности на возглавіи впереди всѣхъ—се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты. Всякъ можетъ прославиться подвигами; но ты былъ первой. Самому Всесильному не лзя отнять у тебя того, что Онъ далъ. Онъ родилъ тебя прежде другихъ; родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О, вы, доселѣ бесплодно трудившіеся надъ познаніемъ сущности души и какъ она дѣйствуетъ на тѣлесность нашу! се трудная предлежитъ вамъ задача на разрѣшеніе. Вѣщайте,

какъ дѣйствуетъ душа на душу; какаѧ есть связь между умами? Естѧи знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло — прикосновеніемъ; то повѣдайте, какъ неосязаемо дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность? Или какое между безвещественностями прикосновеніе? Что оно существуетъ, то вы знаете. Но естѧи вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ; то вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа. И вотъ вѣнецъ твой побѣдоносный, о Ломоносовъ! ты произвелъ Суморокова.

Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? Задолго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые, возвѣщая слово Божіе пастѣ своей, учили ее, и сами словомъ своимъ славились. Правда, они были; но слогу ихъ не былъ слогъ Россійскій. Они писали, какъ можно было писать до нашествія Татаръ, до сообщенія Россіянъ съ народами Европейскими; они писали языкомъ Славянскимъ. Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучавшійся можетъ быть велерѣчію! ты забвень мною не будешь. Когда Россійское воинство, поражая гордыхъ Оттомановъ, превысило чаяніе всѣхъ на подвиги его равнодушнымъ или завистливымъ окомъ взирающихъ, — ты, призванный на торжественное благодареніе Бога браней, Бога силъ, ты въ восторгѣ души твоей взывалъ къ Петру надъ гробницею его, да придетъ зрѣть плоды своего насажденія: востани, Петръ! востани! когда очарованное тобою ухо очаровало почредѣ око; когда казалось всѣмъ, что, приспѣвъ къ гробу Петрову, желаешь его воздвигнуть, силою Вышняго одаренный: тогда бы я вѣщалъ Ломоносову, зри, и здѣсь твое насажденіе. Но

естыи онъ могъ научить тебя слову; то душа Платона изображается во всѣхъ его поученіяхъ.

Чуждыя раболѣпствованія не токмо въ томъ, что можетъ возбуждать благоговѣніе наше, но даже и въ любленіи пашемъ; отдавая справедливость великому мужу, мы не возмнимъ, что онъ Богъ всеизждущій, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу и не будемъ пособниками въ укрѣпленіи какого либо предразсужденія или ложнаго заключенія. Истина есть вышшее для насъ Божество; и естыи бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являясь не въ ней; то лице наше было бы отъ Него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ, не будемъ искать въ Ломоносовѣ великаго Дѣписателя, не сравнимъ его съ Тацитомъ, Рейналемъ или Робертонъ; не поставимъ его на степени Марграффа или Радигера за то, что упражнялся въ Химіи, любимой его наукѣ. Естыи многіе дни жизни своей провелъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности; то шествіе его было шествіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ безчисленномъ богатствѣ Природы не нашель ни малѣйшей былинки, которой бы не зрѣли лучшія его очи; не открыль ниже грубѣйшей пружины въ вещественности, которой бы не обнаружили его предшественники. Уже ли поставимъ его близъ удостаившагося наилестнѣйшей надписи, которую человекъ подъ изображеніемъ своимъ зрѣть можетъ; надписи, начертанной не ласкательствомъ, но истиною, держающею на силу: “Се исторгшій громъ съ небеси и скипетръ изъ руки Царей?” — За то ли Ломоносова близъ его поставимъ, что преслѣдовалъ электрическую силу въ ея дѣйствіяхъ; что не отвращень былъ отъ изслѣдованія оной смертію учителя сво-

его, ею пораженнаго? Ломоносовъ умѣлъ производить электрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома; но Франклинъ въ наукѣ сей есть зодчій, а Ломоносовъ руководѣлъ.

Но если Ломоносовъ не достигъ великости въ испытаніяхъ Природы; то описалъ намъ великолѣпныя ея дѣйствія слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественной науки касающихся, изящнаго учителя Естественности; но найдемъ учителя въ словѣ и примѣрѣ достойный послѣдованія.

И такъ, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы не ищемъ вмѣнить ему то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ; или распложая только слово, воздаемъ перомъ со изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской Словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ пріобрѣтенія славы, хотя бы онъ не могъ войти въ храмъ. Баконъ не достоинъ развѣ воспоминенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того что не могли избавить челоувѣчество изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтемъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правильнаго драматическаго стихотворенія и томился въ Эпопеи; что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности; что не всегда проникателенъ въ сужденіяхъ и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?— Но внемли: прежде начатія время, когда не было бы-

тію опоры и все терялось въ вѣчности и неизмѣримости, — все Источнику силъ было возможно; вся красота вселенныя существовала въ его мысли; по дѣйствию не было начала. И се рука всемогущая, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе: солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и тѣlesa крутящіяся горе образовались. Первый махъ въ твореніи былъ всемогущъ; вся чудесность міра, вся красота его суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великой души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской Словесности Ломоносовъ есть первый. Скройся, толпа завистливая! вотъ пелищемѣрный судъ о немъ потомства.

Но я съ тобой закалялся, любезный читатель... Вотъ уже Всесвятское. Естъя я те наскучилъ тебѣ, то подожди меня у околицы: мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости. Ямщикъ, погодай. — М о с к в а !
М о с к в а ! — ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе Искандера	V
Предисловіе къ Книгѣ Щербатова	I
О ПОВРЕЖДЕНІИ ПРАВОВЪ ВЪ РОССІИ. Князя Щербатова ...	1
ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ С. Петербурга въ Москву А. Радищева ...	99
Предисловіе Искандера	103
Письмо А. Радищева къ А. М. Кутузову	107
Выѣздъ	109
Софія.	110
Тосна.	113
Любани	115
Чудово.	118
Спаская Полѣсть.	128
Подберезье.	149
Новгородъ	155
Бронницы	162
Зайдово	165
Крестцы	182
Яжедьбицы	203
Валдаи.	206
Едрово.	209
Хотимовъ.	222
Вышній волочокъ.	257
Выдропускъ	242

Торжокъ.	247
Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры	216
Мѣдиное.	273
Тверь	278
Городня	290
Завидово	302
Клинъ.	305
Пешки.	310
Черная Грязь	313
Слово о Ломоносовѣ	315

TRÜBNER'S
BIBLIOTHECA GLOTTICA.

THE LITERATURE OF AMERICAN ABORIGINAL LANGUAGES, by **HERMANN E. LUDEWIG**. With additions and corrections by **PROFESSOR WM. W. TURNER**. Edited by **NICOLAS TRÜBNER**. *London, Trübner & Co., 60, Paternoster Row, 1858.* 8vo, fly and general title 2 leaves; Dr. Ludewig's preface, pp. v. — viii.; the Editor's preface, pp. ix. — xii.; Biographical Memoir of Dr. Ludewig, pp. xiii., xiv.; and **INTRODUCTORY BIBLIOGRAPHICAL NOTICES**, pp. xv. — xxiv., followed by list of Contents. Then follow Dr. Ludewig's *Bibliotheca Glottica*, alphabetically arranged, with additions by the editor, pp. 1—209; Prof. Turner's additions, with those of the editor to the same, also alphabetically arranged, pp. 210—246; Index, pp. 247—256; and list of Errata, pp. 257, 258. One volume, handsomely bound in cloth, price 10s. 6d.

This work is intended to supply a great want, now that the study of Ethnology has proved that exotic languages are not mere curiosities, but essential and interesting parts of the natural history of man, forming one of the most curious links in the great chain of national affinities, defining, as they do, the reciprocity existing between man and the soil he lives upon. No one can venture to write the history of America without a knowledge of her aboriginal languages, and unimportant as such researches may seem to men engaged in the mere bustling occupations of life, they will at least acknowledge that these records of the past, like the stern-lights of a departing ship, are the last glimmers of savage life, as it becomes absorbed, or recedes before the tide of civilization. Dr. Ludewig and Professor Turner have made most diligent use of the public and

private collections in America, access to all of which was most liberally granted to them. This has placed at their disposal the labours of the American missionaries, so little known on this side of the Atlantic, that they may be looked upon almost in the light of untrodden ground. But English and continental libraries have also been ransacked, and Dr. Ludewig kept up a constant and active correspondence with scholars of "the Fatherland," as well as with men of similar tastes and pursuits in France, Spain, and Holland, determined to leave no stone unturned, to render his labours as complete as possible. The volume, perfect in itself, is the first of an enlarged edition of Vater's "*Linguarum totius Orbis Index.*" The work has been noticed by the press of both continents, and we may be permitted to refer particularly to the following—

OPINIONS OF THE PRESS.

"This work, mainly the production of the late Herr Ludewig, a German naturalized in America, is devoted to an account of the Literature of the aboriginal languages of that country. It gives an alphabetical list of the various tribes of whose languages any record remains, and refers to the works, papers, or manuscripts, in which such information may be found. The work has evidently been a labour of love; and as no pains seem to have been spared by the editors, Prof. Turner and Mr. Trübner, in rendering the work as accurate and complete as possible, those who are most interested in its contents will be best able to judge of the labour and assiduity bestowed upon it by author, editors, and publisher."—*Athenæum*, 5th April, 1858.

"This is the first instalment of a work which will be of the greatest value to philologists; and is a compendium of the aboriginal languages of the American continents, and a digest of all the known literature bearing upon those languages. Mr. Trübner's hand has been engaged *passim*, and in his preface he lays claim to about one-sixth of the whole; and we have no doubt that encouragement with which this portion of the work will be received by scholars, will be such as to inspire Mr. Trübner with sufficient confidence to persevere in his arduous and most honourable task."—*The Critic*, 15th Dec., 1857.

"Few would believe that a good octavo volume would be necessary to exhaust the subject, yet so it is, and this handsome, useful, and curious volume, carefully compiled by M. Ludewig, assisted by Professor Turner, and

edited by the careful hand of Mr. Trübner, the well-known publisher, will be sure to find a place in many libraries."—*Bent's Advertiser*, Nov. 6, 1857

"The lovers of American Linguistics will find in the work of Mr. Trübner scarcely any point omitted, calculated to aid the comparative philologist in tracing the various languages of the great Western Continent."—*Galway Mercury*, 30th Jan., 1858.

"Only those deeply versed in philological studies can appreciate this book at its full value. It shows that there are upwards of seven hundred and fifty aboriginal American languages."—*Gentleman's Magazine*, February, 1858.

"The work contains an account of no fewer than seven hundred different aboriginal dialects of America, with an introductory chapter of bibliographical information; and under each dialect is an account of any grammars or other works illustrative of it."—*The Bookseller*, January, 1858.

"I have not time, nor is it my purpose, to go into a review of this admirable work, or to attempt to indicate the extent and value of its contents. It is, perhaps, enough to say, that apart from a concise but clear enumeration and notice of the various general philological works which treat, with greater or less fulness, of American languages, or which incidentally though upon their bibliography, it contains not less than 256 closely printed octavo pages of bibliographical notices of grammars, vocabularies, etc., of the aboriginal languages of America. It is a peculiar and valuable feature of the work, that not only the titles of printed or published grammars or vocabularies are given, but also that unpublished or MS. works of these kinds are noticed, in all cases where they are known to exist, but which have disappeared among the *débris* of the suppressed convents and religious establishments of Spanish America."—*E. G. Squier*, in a Paper read before the *American Ethnological Society*, 12th Jan., 1858.

"In consequence of the death of the author before he had finished the revisal of the work, it has been carefully examined by competent scholars, who have also made many valuable additions."—*American Publisher's Circular*, 30th Jan., 1858.

"It contains 256 closely printed pages of titles of printed books and manuscripts, and notices of American aboriginal languages, and embraces references to nearly all that has been written or published respecting them, whether in special works, or incidentally in books of travels, periodicals, proceedings of learned societies."—*New-York Herald*, 29th Jan. 1858.

“ Je terminerai en annonçant le premier volume d'une publication appelée à rendre de grands services à la philologie comparée et à la linguistique générale. Je veux parler de la *Bibliotheca Glottica*, ouvrage devant renfermer la liste de tous les dictionnaires et de toutes les grammaires des langues connues, tant imprimés que manuscrits. L'éditeur de cette précieuse bibliographie est M. Nicolas Trübner, dont le nom est honorablement connu dans le monde oriental. Le premier volume est consacré aux idiomes américains; le second doit traiter des langues de l'Inde. Le travail est fait avec le soin le plus consciencieux, et fera honneur à M. Nicolas Trübner, surtout s'il poursuit son œuvre avec la même ardeur qu'il a mise à la commencer.”—(*L. Léon de Rosny*) *Revue de l'Orient*, février, 1858.

“ Mr. Trübner's most important work on the Bibliography of the aboriginal languages of America, is deserving of all praise, as eminently useful to those who study that branch of literature. The value, too, of the book, and of the pains which its compilation must have cost, will not be lessened by the consideration that it is the first in this field of linguistic literature.”—*Petermann's Geographische Mittheilungen*, p. 79. Feb., 1858.

“ Undoubtedly this volume of Trübner's *Bibliotheca Glottica* ranks amongst the most valuable additions which of late years have enriched our bibliographical literature. To us, as Germans, it is most gratifying that the initiative has been taken by a German bookseller himself, one of the most intelligent and active of our countrymen abroad, to produce a work which has higher aims than mere pecuniary profit, and that he, too, has laboured at its production with his own hands; because daily it is becoming a circumstance of rarer occurrence that, as in this case, it is a bookseller's primary object to serve the cause of literature, rather than to enrich himself.”—(*P. Trömel*) *Börsenblatt*, 4th Jan., 1858.

“ In the compilation of the work the editors have availed themselves not only of the labours of Vater, Barton, Duponceau, Gallatin, De Souza, and others, but also of the MS. sources left by the Missionaries, and of many books of which even the library of the British Museum is deficient, and furnish the fullest account of the literature of no less than 525 languages. The value of the work, so necessary to the study of ethnology, is greatly enhanced by the addition of a good index.”—*Berliner National-Zeitung*, 22nd Nov., 1857.

The Editor has also received most kind and encouraging letters respecting the work from Sir George Grey, the Chevalier Bunsen, Dr. Buschmann (of Berlin), Professor Jülg (of Cracow), Dr. Max Müller, (of Oxford), Dr. Th. Goldstucker, Mr. Watts (of the Museum), Professor A. Fr. Pott (of Halle), Dr. Julius Petzholdt (of Dresden), M. Edwards (of the Manchester Free Library), Hofrath Dr. Grässe (of Dresden), M. F. F. de la Fignariere (of Lisbon), and other linguistic scholars.

In one volume, royal 8vo, of about 650 pages,

TRÜBNER'S
BIBLIOGRAPHICAL HANDBOOK
OF
AMERICAN LITERATURE ;

Being a Classified List of Books, in all departments of Literature and Science, published in the United States of America since 1817. With an Introduction, Notes, and an Index. Compiled and edited by NICOLAS TRÜBNER.

Preparing for Publication, in Two Volumes, royal 8vo, with numerous Illustrations,

MEMOIRS OF LIBRARIES ;
TOGETHER WITH A
PRACTICAL HANDBOOK OF LIBRARY ECONOMY
BY EDWARD EDWARDS.

TABLE OF CONTENTS.

Part the First.—HISTORY OF LIBRARIES.

- Book I. The Libraries of the Ancients.
 II. The Monastic Libraries of the Middle Ages.
 III. General View of the Origin and Growth of Libraries in Modern Europe.
 IV. The Imperial Library at PARIS.
 V. The Royal and Central Library at MUNICH.
 VI. The Library of the British Museum, LONDON.
 VII. The Imperial Library at ST. PETERSBURG.
 VIII. The Royal Library at COPENHAGEN.
 IX. The Royal Library at BERLIN.
 X. The Imperial Library at VIENNA.
 XI. The Royal Library at DRSDEN.
 XII. The Public Libraries of *Italy*.
 XIII. The University and Town Libraries of *Germany*.
 XIV. The University and Town Libraries of *France*.

XV. The University, Collegiate. and Cathedral Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVI. The Town and Parochial Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVII. The Proprietary and Private Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVIII. The Libraries of the *United States of America.*

Part the Second.—COMPARATIVES STATISTICS OF LIBRARIES.

Book I. Of the comparative provision of Books publicly accessible in *Great Britain and Ireland*, and in the other principal countries of *Europe.*

II. Of the comparative provision of Books publicly accessible in *Great Britain and Ireland*, and in the *United States of America.*

III. General view of the requirements of the United Kingdom in respect of Libraries freely accessible, and of the means afforded by the Public Libraries Act (*Ewart's Act, 1855*) for supply.

Part the Third.—ECONOMY OF LIBRARIES.

Book I. Of the Formation of Libraries.

II. Of the Construction and Furnishing of Buildings for the Reception and Use of Public Libraries.

III. Of the arrangement and Preservation of Books in Public Libraries.

IV. Of Catalogues of Libraries.

V. Of the Management and Service of Public Reading Rooms, and of Lending Libraries.

VI. Of the Administrative Organization of a Public Library.

APPENDIX.—Bibliographical and critical notices of some preëxisting works on bibliothecal economy, and on the history of Libraries.

TRÜBNER AND CO.,

60, PATERNOSTER ROW, LONDON.

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT :

Zeno Swietoslawski, 178-179, High Holborn, London

Вольная русская типографія была заведена въ Лондонѣ Александромъ Герценомъ въ 1853. Она начала свои изданія съ летучихъ листовъ. “Юрьевъ День, Видѣніе Св. Кондратія” — вслѣдъ за тѣмъ вышли: “Крещеная Собственность” “Прерванные рассказы” “Тюрьма и Ссылка” “Письма изъ Франціи и Италіи” “Съ того Берега” и наконецъ въ 1855 году вышла первая книжка “Полярной Звѣзды”. Сбытъ этихъ книгъ былъ ничтоженъ до выхода второй книжки Полярной Звѣзды въ 1856. По въ теченіи 1856 и въ первой половинѣ 57, всѣ изданія вольной русской типографіи въ Лондонѣ разошлись. Тогда мы предложили Г. Герцену предоставить намъ право втораго изданія его сочиненій и Полярной Звѣзды. Съ своей стороны Э. Свентославскій — завелъ при Universal Printing Office, 178 & 179 High Holborn, русскій станокъ и изъ него-то вышли новыя изданія сочиненій Искандера, трехъ первыхъ книжекъ Полярной Звѣзды, переводъ писемъ Искандера къ Линтону (Старый міръ и Россія), 14. Декабря и Императоръ Николай.

Въ вольной типографіи Г. Герцена печатались въ это время прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ подъ заглавіемъ Колоколь и IV книжка Полярной Звѣзды.

Наше перепечатываніе будетъ продолжаться и въ скоромъ времени выйдеть: Полное собраніе стихотвореній Огарева (съ портретомъ автора) и Пятая книжка голосовъ изъ Россіи.

Второе издание Полярной Звезды и сочинений
ИСКАНДЕРА (А. Герцена.) и ТРЮБНЕРА и К^о.

Издания Вольной Русской Типографии въ Лондонѣ разо-
шлись съ быстротою въ послѣдніе два года. Н. Трюбнеръ и Ко.
приобрѣли отъ Г. Герцена право на второе издание его Сочиненій
и Сборника подъ заглавіемъ :

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

На 1855, 1856, 1857, годы.

Цѣна одной Книжки.....	... ..	8с. 0
У нихъ можно найти кромѣ Сборника слѣдующія сочи- ненія 2го изданія пересмотрѣнными Авторомъ :		
ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ (съ портретомъ автора). Цѣна.	5с. 0	
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ (1847-1852). Съ портретомъ автора.	8с. 0	
СЪ ТОГО БЕРЕГА... ..	6с. 0	
ТЮРЬМА И ССЫЛКА (съ портретомъ автора) ..	7с. 6	
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. 3 изд.....	2с. 0	

Новыя изданія :

ЮМОРЪ (De l'Humour). Н. Огарева... ..	2с. 0
СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ. Письма А. Герцена къ В. Лянтону. (переводъ съ французскаго.)	2с. 0
РУССКОЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ Н. Минле Искандера (Переводъ съ Французскаго).....	2с. 0
14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ. Из- дано редакціей Полярной Звѣзды, по поводу книги Барона Корфа	7с. 6
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1858. Книжка IV	8с. 0
КОЛОКОЛЬ на 1857 и 1858 (прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ.) Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.	0 6

На французскомъ языкѣ :

DU DÉVELOPPEMENT des Idées Révolution- naires en Russie, par Iscander. 3e édition... ..	2с. 6
LE PEUPLE RUSSE et le Socialisme. Lettre à M. Michelet, par Iscander. 2e édition.	1с. 0
LA CONSPIRATION RUSSE de 1825, suivie d'une Lettre sur l'Émancipation des Paysans en Russie, par Iscander	1с. 0
LA FRANCE OU L'ANGLETERRE ? Variations Russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier 1858, par Iscander (A. Herzen).	1с. 0

На Англійскомъ :

FRANCE OR ENGLAND ? (Переводъ съ французскаго).	0 6
---	-----

Въ скоромъ времени

выйдетъ :

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. ОГАРЕВА (съ портретомъ автора)

и

пятая книжка

ГОЛОСОВЪ ИЗЪ РОССІИ.

ОТЪ Н. ТРЮБНЕРА И К-НИИ.

—0—

Вольная русская типографія была заведена въ Лондонѣ Александромъ Герценомъ въ 1853. Она начала свои изданія съ летучихъ листовъ. “Юрьевъ День, Видѣніе Св. Кондратія” — вслѣдъ за тѣмъ вышли: “Крещеная Собственность” “Прерванные рассказы” “Тюрьма и Ссылка” “Письма изъ Франціи и Италіи” “Съ того Берега” и наконецъ въ 1855 году вышла первая книжка “Полярной Звѣзды”. Сбытъ этихъ книгъ былъ ничтоженъ до выхода второй книжки Полярной Звѣзды въ 1856. По въ теченіи 1856 и въ первой половинѣ 57, всѣ изданія вольной русской типографіи въ Лондонѣ разошлись. Тогда мы предложили Г. Герцену предоставить намъ право втораго изданія его сочиненій и Полярной Звѣзды. Съ своей стороны Э. Свентославскій — завелъ при Universal Printing Office, 178 & 179 High Holborn, русскій станокъ и изъ него-то вышли новыя изданія сочиненій Искандера, трехъ первыхъ книжекъ Полярной Звѣзды, переводъ писемъ Искандера къ Линтону (Старый міръ и Россія), 14. Декабря и Императоръ Николай.

Въ вольной типографіи Г. Герцена печатались въ это время прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ подъ заглавіемъ Колоколъ и IV книжка Полярной Звѣзды.

Наше перепечатываніе будетъ продолжаться и въ скоромъ времени выйдеть: Полное собраніе стихотвореній Огарева (съ портретомъ автора) и Пятая книжка голосовъ изъ Россіи.

Второе издание Полярной Звезды и сочинений
ИСКАНДЕРА (А. Герцена.) Н. ТРЮБНЕРА и К^о.

Изданія Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ разо-
шлись съ быстротою въ послѣдніе два года. Н. Трюбнеръ и Ко.
приобрѣли отъ Г. Герцена право на второе изданіе его Сочиненій
и Сборника подъ заглавіемъ :

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

На 1855, 1856, 1857, годы.

Цена одной Книжки.....	8с. 0
У нихъ можно найти кромѣ Сборника слѣдующія сочи- ненія 2го изданія пересмотрѣнными Авторомъ :	
ПЕРЕВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ (съ портретомъ автора). Цена. 5с. 0	
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ (1847-1852). Съ портретомъ автора.	8с. 0
СЪ ТОГО БЕРЕГА... ..	6с. 0
ТЮРЬМА И ССЫЛКА (съ портретомъ автора) ..	7с. 6
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. 3 изд.....	2с. 0

Новыя изданія :

ЮМОРЪ (De l'Humour). Н. Огарева... ..	2с. 0
СТАРЫЙ МІРЬ И РОССІЯ. Письма А. Герцена къ В. Лигтону. (переводъ съ французскаго.) ...	2с. 0
РУССКОЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ И. Минле Искандера (Переводъ съ Французскаго).....	2с. 0
14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ. Из- дано редакціей Полярной Звѣзды, по поводу книги Барона Корфа	7с. 6
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1858. Книжка IV	8с. 0
КОМОКОЛЬ на 1857 и 1858 (прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ.) Выходить два раза въ мѣсяцъ. ...	0 6

На французскомъ языкѣ :

DU DÉVELOPPEMENT des Idées Révolution- naires en Russie, par Iscander. 3e édition... ..	2с. 6
LE PEUPLE RUSSE et le Socialisme. Lettre à M. Michelet, par Iscander. 2e édition.	1с. 0
LA CONSPIRATION RUSSE de 1825, suivie d'une Lettre sur l'Émancipation des Paysans en Russie, par Iscander	1с. 0
LA FRANCE OU L'ANGLETERRE? Variations Russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier 1858, par Iscander (A. Herzen).	1с. 0

На Англійскомъ :

FRANCE OR ENGLAND ? (Переводъ съ французскаго). 0 6

Въ скоромъ времени

выйдетъ :

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. ОГАРЕВА (съ портретомъ автора)

и

пятая книжка

ГОЛОСОВЪ ИЗЪ РОССІИ.

КОММЕНТАРИИ

1. Введение Искандера [к книге "О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера"]

Герцен завершил вступительную статью к конвольту "Щербатов – Радищев" 25 мая 1858 г. В оглавлении к тому (с. 333) оно озаглавлено "Введение Искандера".

Первое объявление о выходе двуединого издания "с предисловием Искандера" было напечатано в "Колоколе" 15 апреля 1858 г. Учитывая быстроту работы Герцена-журналиста, можно предположить, что вступительная статья была в апреле задумана, написана же во второй половине мая, после того как текст Щербатова и Радищева был уже набран. аналогичные примеры герценовского введения (или заключения), добавляемого к изданию в последний момент, имеются в кн. II "Полярной звезды" и других изданиях^{2 3}.

Основная мысль Герцена – обоснование своеобразного единства двух "крайних воззрений на Россию времен Екатерины" – уже рассмотрена выше. Значительная часть "Введения Искандера" посвящена материалам Щербатова, однако это связано с тем, что "Путешествию" Радищева предпослано второе, особое "Введение Искандера". Кроме того, и в немногих строках общего введения первому русскому революционеру Герцен отдает дань высокого признания и уважения ("Это наши мечты, мечты декабристов"), при этом Герцен уже здесь вступает в полемику со статьей Пушкина "Александр Радищев", которая упоминается и цитируется во втором "Введении Искандера" – специально к "Путешествию" Радищева; см. подробнее коммент. IV. Отдельные критические замечания Пушкина в адрес Радищева отчасти принимаются, но в основном оспариваются Герценом. Достаточно сопоставить следующие тексты Герцена и Пушкина (статья Пушкина "Александр Радищев" цитируется по т. VII издания Анненкова 1857 г., где Герцен впервые с нею познакомился, а текст Герцена – по книге "Щербатов – Радищев"):

^{2 3} Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды", с. 32–33, 56–57, 75–76.

Пушкин (с. 57) — "Путешествие в Москву [...] очень посредственное ..."

Герцен (с. VI) — "Превосходная книга".

О слоге Радищева:

Пушкин (с. 57) — "Порывы чувствительности, жеманной и надутый, иногда чрезвычайно смешны. Мы не могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидро и Реняля".

Герцен (с. VI–VII) — "Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философия, которая преобладала в французской литературе до реставрации Бурбонов и поддельного романтизма — устарела для нас. Но юмор его совершенно свеж, совершенно истинен и необычайно жив".

Пушкин (с. 58) — "Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На эти вопросы вряд ли мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно".

Герцен (с. VII) — "И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в "Думах" Рылеева, и в собственном нашем сердце".

Особенности пушкинской работы, в частности необходимость сложной маскировки в борьбе с цензурой, будут рассмотрены в коммент. IV и V.

Как всегда, Герцен подчеркивает злободневность, современность публикуемых материалов.

Строки о весне 90-х годов, когда "все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного", когда "святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями", — все это было явной параллелью к мечтаниям, иллюзиям 1850-х годов; своеобразным "эхом" к описанию 1790-х годов являются строки в конце "Введения Искандера": "Кто из нас смел думать — пять лет тому назад, что твердыня крепостного права, поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи — покажется? И кто же скажет, что вслед за нею не рухнет и табель о рангах, и потаенный суд, и произвол министров, и управление, основанное на телесных наказаниях и боящемся гласности" (с. XIV).

"Введение Искандера" обнаруживает одно парадоксальное и немаловажное обстоятельство: Герцен до 1858 г., очевидно, не был знаком с "Путешествием" Радищева. При чтении герценовского "О развитии революционных идей в России" (1851 г.) также легко заметить, что Радищев не назван на тех страницах, где ему обязательно "следовало быть": отыскивая предшественников в XVIII столетии, Герцен отдает должное Новикову — "одной из тех великих личностей в истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму"; много внимания уделяется и Д.И. Фонвизину ("В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу" — Герцен, VII, 189); вслед затем Герцен бегло упоминает Дмитриева, Крылова, Карамзина и переходит к событиям XIX в.

Семь лет спустя, в 1858 г., когда Вольная русская типография получает для публикации "Путешествие из Петербурга в Москву", удивленное восхищение издателей велико. В герценовском введении ясно видны следы первого, непосредственного впечатления от ознакомления с замечательной книгой Радищева, например строки: "Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в "Думах" Рыльева, и в собственном нашем сердце".

Приведенные примеры не оставляют сомнений: один из самых культурных, глубоких российских мыслителей дожил до 46 лет, не зная Радищева. Но если не знал Герцен, то не знал и круг его близких друзей, "людей 1840-х годов", где "каждый передавал прочтенное и узанное, споры обобщали взгляд и выработанное каждым делалось достоянием всех. Ни в одной области ведения, ни в одной литературе, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы кому-нибудь из нас и не было бы тотчас сообщено всем" (Герцен, IX, 113). И если так, значит, никогда не прочли радищевского "Путешествия" Белинский, Грановский, не знали до конца 1850-х годов Н.П. Огарев, И.С. Тургенев, К.Д. Кавелин, Е.Ф. Корш ...

Если же кто-нибудь из них в молодые годы знал, читал запрещенную книгу, тогда мы сталкиваемся с еще более непонятным фактом: с недостатком интереса, с тем, что о такой книге не было рассказано друзьям. Несмотря на цензуру, "полицейские" преследования, молодые люди 40-х годов жадно стремились добыть и обычно добывали то, что нужно, минуя всякие запреты (у одного из членов герценовского кружка, Кетчера, была, например, уникальная коллекция запрещенных стихов).

С одной стороны, в первой половине XIX столетия, множилось число рукописных копий "Путешествия", с другой — наблюдается неведение о первой революционной книге даже среди лучших, образованнейших мыслителей, деятелей революционной борьбы. Этот парадокс в лучшем случае бегло отмечался (Герцен, XIII, 560 коммент.), но почти не анализировался.

Еще более скрытым от русского читателя было сочинение М.М. Щербатова "О повреждении нравов в России": если "Путешествие" Радищева спустя почти 68 лет печаталось все же во второй раз, то щербатовское сочинение до того было совершенно неизвестно — ни декабристам, ни Пушкину, ни кругу Герцена.

Малая осведомленность, порой даже неведение русского общества середины XIX в. о главной книге Радищева и незнакомство с трудом Щербатова объясняются в немалой степени цензурными гонениями, полицейским запретом; праправнук историка, исследователь русской общественной мысли Д.И. Шаховской заметил, что "тяжелые удары, разразившиеся над семьей [Щербатова] нарушили спокойную ее жизнь и нормальную преемственность культурных преданий"²⁴. Отметим, однако, и другую важную причину временного перерыва традиции (подробная разработка которой является особой, сложной темой): на судьбу старинных трудов отчасти, вероятно, влияло известное отчуждение, равнодушие некоторых передовых российских мысли-

²⁴ Шаховской Д.И. Русский депутат XVIII века (новые материалы для биографии М.М. Щербатова). — Минувшие годы. 1908, № 11, с. 258.

телей 1830–1850-х годов к изжитым и, как им казалось, устаревшим принципам XVIII в. (подробнее см. коммент. V).

На новом же этапе русского освободительного движения усиливается интерес к наследию XVIII в.: общественный подъем 1850–1860-х годов "вернул" российской культуре ряд забытых или полузабытых сочинений; Герцен в своей "Полярной звезде" поднял традицию декабристов и одним этим уже поставил вопрос об их предьстории.

Труды Радищева, Щербатова и ряд других вышли из небытия или относительного забвения, когда усилилась определенная общественная потребность.

Введение Герцена вместе с отдельным предисловием к радищевскому "Путешествию" является, таким образом, одним из первых громко, печатно высказанных мнений о Радищеве и его традиции, мнением, которое существует, уточняясь и развиваясь, уже второе столетие. Ознакомление русских читателей с книгой "Щербатов – Радищев", в частности с "Введением Искандера", в свою очередь стимулировало борьбу за опубликование важных памятников русской культуры и общественной мысли в самой России. При этом отдельные оценки Радищева и Щербатова на страницах легальной печати ("Современник", "Библиографические записки", "Атеней", "Отечественные записки" и др.) являлись замаскированными откликами на герценовское издание, большей частью сочувственными, иногда полемическими.

Текст герценовского введения и тексты Щербатова и Радищева в 1870-х годах перепечатывались лейпцигским книгоиздателем Э.Л. Каспровичем ("Международная библиотека". Лейпциг, 1876, т. XVII).

"Введение Искандера" к книге "Щербатов – Радищев" см.: Герцен, XIII, 272–277 (текст), 560–563 (коммент.).

К с. VII

represailles – репрессивные меры (фр.)

К с. IX

"La cour de la Russie il y a cent ans" – сокращенное название анонимно вышедшей книги А.И. Тургенева "La cour de la Russie il y a cent ans. 1725–1783. Extraits de depeches des ambassadeurs anglais et français" ("Русский двор сто лет назад. Извлечение из депеш английских и французских послов"). В 1857–1860 гг. книга вышла в Берлине тремя изданиями. Герцен обращался к этой, по его выражению, "чрезвычайно любопытной книге" и в связи с публикацией "Записок императрицы Екатерины II" (Герцен, XIV, 372).

К с. X

blâse – пресыщенный человек (фр.).

Le balâfré – человек со шрамом (фр.).

К с. XI

Non, vous n'êtes plus ma Lisette! – Нет, Вы больше не моя Лизетта (фр.): из припева к песне Беранже "Ce n'est plus Lisette".

К с. XII

Il n'y a de grand cher moi [...] lui parle – Для меня имеет значение лишь тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю (фр.) – изречение Павла I, записанное шведским посланником в России Стедингом; вероятно, эти слова были произнесены и во время беседы царя с генералом Дюмурье.

II. "Из письма, при котором мы получили рукопись М.М. Щербатова"

Вопрос о подлинности публикуемых документов постоянно оставался в поле внимания Герцена, Огарева и их корреспондентов. Так, печатая мемуары Екатерины II, Герцен привел соображения об истории рукописи и заключил, что "подлинность их [записок] не внушает ни малейшего сомнения. Впрочем, достаточно прочесть две-три страницы, чтобы убедиться в этом" (Герцен, XIII, 379).

Письмо, сопровождавшее сочинение М.М. Щербатова, публиковалось Вольной печатью, очевидно, неполностью ("из письма, при котором мы получили рукопись..."). Как видно, корреспондент Герцена или его информатор был человеком западнического направления, относящимся к мыслям Щербатова более критически, чем Герцен: Искандер основную мысль Щербатова не считает "совершенно ложной" и не сводит его недовольство Екатериной только к "личным отношениям".

Важной подробностью, открывающейся в связи с письмом, является описание присланной рукописи Щербатова: это список с оригинала, сделанный, как видно, наскоро, без возможности обсудить неясные места с другими исследователями. На самом деле число ошибок при переписке было большим, чем это представлялось Герцену. Позднейшие критики писали даже о чрезвычайно неисправном тексте, наполненном "грубейшими ошибками, совершенно искажающими смысл"²⁵. Впрочем, надо полагать, редактор "Русской старины" в приведенных строках сознательно преувеличивал недостатки герценовского издания, обосновывая для цензуры необходимость публикации в России "наиболее интересного", по его мнению, щербатовского сочинения.

Возможными корреспондентами Вольной русской типографии, доставившими текст Щербатова и Радищева, были П.В. Анненков, Е.И. Якушкин или другие публицисты, связанные с "Библиографическими записками", однако письмо могло исходить и от других обладателей щербатовского текста (см. коммент. III). Письмо, при котором Вольная типография получила рукопись Щербатова, был перепечатано (без всяких пояснений о Герцене и Огареве как адресатах) в издании В. Врублевского — кн. М.М. Щербатов. "О повреждении нравов в России". СПб., 1906, с. 3.

III. "О повреждении нравов в России" М. Щербатова

Это первая публикация мемуарного памфлета М.М. Щербатова по не совсем исправному списку, полученному из России.

"О повреждении нравов..." — сочинение М.М. Щербатова, написанное в 1786 г. или 1787 г. Основой для датировки служит, во-первых, указание Щербатова, что дело происходит тогда, когда "Мамонов вводит деспотичество

²⁵ Из предисловия М.И. Семевского к публикации "О повреждении нравов..." (РС, 1870, т. 2; полный текст предисловия см.: ИРЛИ, ОР, ф. 265, оп. 1, № 1 л. 1—11).

в раздаянии чинов и пристрастие к своим родственникам” (с. 83): Мамонов сменил при Екатерине II фаворита Ермолова летом 1786 г. С другой стороны, о князе Петре Борисовиче Шереметеве, умершем 30 ноября 1787 г., Шербатов говорит как о живущем (с. 60).

Сочинение это, наряду с рядом других, являлось своеобразным итогом многолетней деятельности Шербатова-историка – государственного деятеля, дворянского публициста.

М.М. Шербатов (1733–1790) – князь Рюрикovich (37-е колено от Рюрика), был сыном М.Ю. Шербатова, архангельского губернатора, одного из сподвижников Петра I.

Получив блестящее домашнее образование, он был позже обладателем колоссальной библиотеки из 15 000 томов на нескольких европейских языках (не считая множества рукописей, а также “изобильного кабинета натуральных вещей”²⁶). Дослужившись в Семеновском полку до капитанского чина, М.М. Шербатов вышел в отставку 29 марта 1762 г., т.е. сразу воспользовавшись законом о вольности дворянской (от 18 февраля того же года).

В 1767–1768 гг. Шербатов активно защищал дворянские интересы в Комиссии по составлению нового уложения, затем возвратился на службу. С 1768 г. он работал в Комиссии о коммерции – при дворе были оценены его экономические и финансовые знания; в 1771 г. он – герольдмейстер: здесь учитывались его исторические познания, в частности генеалогические, геральдические; в 1773 г. Шербатов получил высокий придворный чин действительного камергера; с лета 1775 г. “ведет журнал по Военному совету”, т.е. заведовал секретным делопроизводством по военным делам; с января 1778 г. – тайный советник. Тогда же он был назначен президентом Камер-коллегии (в собрании шербатовских бумаг, переданных в Эрмитажную библиотеку, а ныне находящихся в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, имеется 29 переплетенных томов экономических дел).

С 1770 г. начинает выходить том за томом его “История российская от древнейших времен” (всего было напечатано 18 книг); князь получил звание историографа, почетного члена Академии наук – ему был открыт доступ к бумагам Петра Великого, в том числе даже к таким секретным, как о царевиче Алексее, об отношениях Петра и Екатерины I, о “всепянейшем и всешутейшем соборе”²⁷. Разбирать петровские бумаги было так трудно, что Шербатов жаловался историку Миллеру: “Вот что мне приходится выносить для того, чтобы собрать историю моей родины; я не знаю, выдержит ли мое здоровье все те труды, которыми я обременен; но я убежден, что изучение истории своей страны необходимо для тех, кто правит, – и те, кто освещают ее, приносят истинную пользу государству. Как бы то ни было, даже если я не буду вознагражден за мои мучения, – надеюсь, что потомство отдаст мне справедливость”²⁸.

²⁶ ИРЛИ, ОР, ф. 334 (Д.И. Шаховского), № 502.

²⁷ ГПБ, ОР, Эрм. собр., № 313, 355, 364, 474, 476, 479, 496, 503 и др.; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1971, ч. 3, с. 5–48.

²⁸ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 514, копия письма от 17 декабря 1772 г. (фр. яз.).

За девять лет службы Щербатов хорошо узнал двор Екатерины II, был очевидцем многих событий, которые зафиксировал в своих потаенных трудах, прежде всего в книге "О повреждении нравов ..."

Еще в молодости Щербатову были свойственны резкие оппозиционные настроения, в его бумагах сохранились образцы острой аристократической критики самодержавия и самодержцев.

В сочинении "Разговор между двух друзей о любви к отечеству" (1759 г.)²⁹ герой, Филопатрис, явно выражающий точку зрения автора, утверждает, что, если цари – пастыри стаду, то "не стадо для пастыря сделано, но пастырь для стада"³⁰. Его собеседник Политис меж тем не желает служить, представляя черты придворного и официального мира, близкие к тому, что 30 лет спустя будут описаны в "О повреждении нравов ...". "Повсюду, – восклицает он, – вижу толико несправедливостей; куда я ни взгляну, везде предстают мне такие дела, которые меня беспокоят: взгляну ли я на полки наши, я вижу, что войски наши ни удовлетворены ни оружием, ни хлебом, ни одеждою; в чины в оных не по достоинству, не по храбрости и не по заслугам, но по трусости и по защищению временщиков достигают, предводительствуют ими иль младые распутного жития, иль не знающие и не искусные люди, которых все достоинство состоит иль в свойстве с временщиками, иль в искусстве льстить; взгляну ли я на флот, в нем то же обретаю; взгляну ли я на торговлю, то вижу купцов, утесненных, без кредиту, без денег и торгующих под именами вельмож, и вся прибыль, которая бы должна была на целое государство разливаться, токмо в руки пяти или шести человек приходит; взгляну ли я на государственные доходы, те вижу похищены, разграблены и толь истощены, что на самые нужды государства недостает; взгляну ли я на внутреннее правление, то уже тут, конечно, сих зол и мерзости обретаю, вижу законы нарушенные, правителей несмысленных, не защитителей народа, но и грабителей, нимало о обществе не помышляющих, а токмо о своих прибитках, вижу правосудие, за деньги продаваемое, града по случаям и за корысть отдаваемое в грабеж, подданных утесненных [...], достоинство и добродетель изгоняему..."³¹.

Филопатрис соглашается, что "век поврежденный", но призывает добродетельных людей не уходить со службы, а стараться в ней преуспеть для пользы общей. Таким образом, еще в молодости у Щербатова складывается взгляд на вещи, ярко развернутый в предсмертном мемуарном памфлете, но в 1750–1770-х годах князь-историк еще не разочаровался в возможности честно служить и приносить пользу.

Надгробие Щербатова, в селе Михайловском близ Ярославля, подробно фиксировало итоги внешне блестящей жизни: "Здесь погребено тело князя Михайлы Михайловича Щербатова, сочинителя древней российской истории, тайного советника, действительного камергера и ордена святыя Анны кав-

²⁹ *Рустам-заде З.П.* "Разговор между двух друзей о любви к отечеству" (неизданное произведение М.М. Щербатова). – Учен. зап. ЛГУ, № 339, Сер. филол. наук, 1968, вып. 72, с. 199–207.

³⁰ Там же, с. 203.

³¹ Там же, с. 203–204.

лера. Родился 1733 года июля 22 дня, преставился в Москве 1790 года декабря 12 дня пополудни в 3 часа, имея от рождения 57 лет 5 месяцев и 20 дней³².

К этому необходимо прибавить сведения об имениях, где были полторы тысячи душ, о нескольких десятках тысяч денежного капитала, полотняной фабрике и доме в Москве³³.

Известие о кончине Шербатова, последовавшей через несколько месяцев после осуждения Радищева, вызвало предписание Екатерины II московскому главнокомандующему А.А.Прозоровскому "постараться купить библиотеку и собрание рукописей покойного"; наследники не смели перечить, но хорошо знали, что многое из рукописного наследия Шербатова показывать нельзя, а кое-чему князь-историк заранее "определил скрыться в моей фамилии". В конце концов значительная часть книжных богатств Шербатова была приобретена для Эрмитажной библиотеки; туда же было отправлено более половины рукописей из собрания историка (236 единиц из 450)³⁴.

Можно говорить о четырех основных пластах рукописного наследия Шербатова. Во-первых, материалы по древней русской истории. Во-вторых, обширные извлечения из бумаг Петра Великого. В-третьих, служебные документы. Эти пласты почти целиком перешли в Эрмитажную библиотеку и другие государственные хранилища. Однако почти совершенно неизвестной оставалась четвертая группа материалов. В течение длительного времени (до середины 1850-х годов) для потомства существовал Шербатов — историк древней Руси, Шербатов — историк Петра, наконец, Шербатов — депутат Уложенной комиссии, государственный деятель. Между тем одна из самых необычных и ярких сторон его деятельности оставалась в совершенной темноте для декабристов, Пушкина, мыслителей 1840-х годов (о главных причинах этого явления см. в коммент. I).

Загадочным исключением, наводящим на мысль, что фрагменты шербатовского "О повреждении нравов..." все-таки ходили и до 1855 г., является следующий факт, установленный И.А.Желваковой: среди бумаг А.И.Михайловского-Данилевского (опубликованных в 1861 г. в кн. 2 "Исторического сборника Вольной русской типографии") находится извлечение из памфлета М.М.Шербатова (с некоторыми разночтениями и сокращениями); между тем историк Михайловский-Данилевский скончался в 1848 г., за несколько лет до обнаружения рукописи Шербатова у его потомков³⁵.

М.М. Шербатов был одним из первых историков послепетровской эпохи, в особенности своего "екатерининского" времени, историком, писавшим

³² ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 781.

³³ Об имущественном положении семьи Шербатовых см.: ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 882.

³⁴ Шаховской Д.И. О каталоге библиотеки кн. М.М. Шербатова. — Изв. АН, сер. VI, 1910, № 9, с. 674—676; см. также записи Д.И. Шаховского (ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 518). Новейшие данные см.: Афферка Дж. К вопросу об определении русских рукописей М.М. Шербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Труды Отд. древнерус. литературы. Л., 1980, т. 35, с. 377—393.

³⁵ Ис. М., 1971, кн. 3. Комментарий и указ., с. 108—111.

тайные труды не для прижизненных публикаций, но для потомства. Можно говорить о многих сохранившихся (и еще до сей поры не полностью опубликованных) сочинениях историка, имеющих мемуарно-памфлетный характер; о целой серии сочинений, отрывков, статей, мнений, суммарно объединившихся в единое целое — обличительный труд о русском XVIII столетии и родственнейший главному труду "О повреждении нравов в России"³⁶.

Часть этих сочинений посвящена законодательству, экономике, статистике, просвещению и другим современным вопросам, но содержит немало элементов характерной шербаатовской критики и перемежается важными мемуарными свидетельствами. Так, в "Размышления о законодательстве вообще" Шербаатов включил обличение деспотизма, при котором "все, что к сему нечистому сосуду ни коснется, все ядом сим заражается, и все обращается в общественный вред"³⁷. На страницах этого же сочинения разоблачается и один из "отрицательных героев" работы "О повреждении нравов..." — граф Петр Иванович Шувалов³⁸.

Сочинение "Путешествие в землю Офирскую г. С... швецкого дворянина" представляет идеалы М.М. Шербаатова в форме утопического романа.

Особенно же близки по жанру к работе "О повреждении нравов..." резкие, политически крамольные памфлеты-записки Шербаатова: таковы памфлеты "К вельможам", "О начале швецкой войны 1788 года"³⁹, записки "О себе"⁴⁰, "Начало военного правительства"⁴¹, наконец, "Умной разговор"⁴². К этим работам примыкает и ряд неопубликованных сочинений.

Среди сохранившихся бумаг Шербаатова, даже в тех манускриптах, что перешли потом в Эрмитажную библиотеку, попадаются любопытнейшие записи, фрагменты, "заготовки", очень похожие на те анекдоты, "Table-talk", которые полвека спустя станет собирать и обрабатывать Пушкин: те самые живые бытовые черточки, детали, через которые неожиданно проступает запретная "большая история".

Так, 27 августа 1769 г. Шербаатов записывает по-французски: "Находясь в Сарском Селе, Ее Величество рассказала мне, что супруга царя Ивана Алексеевича была столь недовольна своими дочерьми, принцессами Екатериной и Анной, что перед смертью проклела их вместе со всем потомством до четвертого колена; [императрица Екатерина II] прибавила, что давно знала этот анекдот, но что о том же ей рассказала и графиня Анна Карловна Воронцова,

³⁶ Сочинения князя М.М. Шербаатова. СПб., 1896—1898, т. 1—2; Шербаатов М.М. Неизданные сочинения. М., 1935; перечень трудов М.М. Шербаатова см.: Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений М.М. Шербаатова. СПб., 1900.

³⁷ Сочинения князя М.М. Шербаатова, т. 1, стб. 389.

³⁸ Там же, стб. 365, 379.

³⁹ Шербаатов М.М. Неизданные сочинения, с. 135—138.

⁴⁰ Там же, с. 112—118.

⁴¹ Там же, с. 119—120.

⁴² Там же, с. 159—164; о том, что это сочинение является памфлетом против Екатерины II, см.: Берков П.Н. "Умной разговор" М.М. Шербаатова (из истории русской политической сатиры конца XVIII века). — РЛ, 1966, № 3, с. 79—81.

что находилась в Сарском Селе". На другой день, 28 августа 1769 г., Шербаков, продолжая "Table-talk", воспроизводит застольный рассказ графини Румянцевой о смерти своего деда Артамона Сергеевича Матвеева: «Когда Петр Великий внезапно велел позвать ее посреди коронации императрицы Екатерины [1], — она приблизилась, император же стоял на четвертой ступеньке лестницы, именуемой Красной. Он сказал: "Именно здесь твой дед был схвачен стрелцами и сброшен вниз"»⁴³.

Эти мелкие с виду подробности и анекдоты довольно многозначительны: и сильнейшее детское воспоминание царя Петра, видевшего, как был кинут 15 мая 1682 г. на стрелецкие копья боярин Матвеев, — воспоминание, записанное со слов М.А. Румянцевой (жены известного сподвижника Петра I Александра Румянцева и матери знаменитого фельдмаршала); и тонко организованные разговоры Екатерины II о проклятии, будто бы наложенном на своих потомков женой Ивана V, старшего брата Петра I: если четыре колена ее потомков тем самым приговорены к несчастьям, то это как бы снимает часть ответственности с Екатерины за злоключения "Брауншвейгского семейства" (внучки Ивана V Анны Леопольдовны и пятерых ее детей, из которых старший Иоанн Антонович недавно, в 1764 г., заколот в Шлиссельбурге, а четверо младших на долгие десятилетия заточены в Холмогорах).

Кроме приведенных шербаковских записей близки к ним по жанру (и аналогичны текстам из книги "О повреждении нравов...") анекдоты о Екатерине I, записи о царствовании Петра II, о событиях 1730 г. и провале "затейки верховников"⁴⁴.

Разумеется, самые острые сюжеты, особенно относящиеся к царствованию Екатерины II, не вошли в "Эрмитажное собрание" и, подобно небольшим "спутникам", группируются вокруг наиболее крупного, законченного, откровенного исторического труда, написанного в 1786—1787 гг. и впервые обнародованного Вольной русской типографией 70 лет спустя. Особый интерес представляют неопубликованные шербаковские записки-характеристики нескольких видных деятелей екатерининской администрации — восьми чинов Военного совета (сделанные, очевидно, между 1775 и 1777 гг.). Нелегко оценить, где историк объективен, а где пристрастен; однако обо всех названных лицах он судит, конечно, с немалым знанием, находясь в одной с ними службе и примерно в одних рангах⁴⁵.

Судьба скрытой части шербаковского наследия довольно сложна. Рукопись "О повреждении нравов..." вместе с рядом других сочинений Шербакова была надежно спрятана от возможного набега властей; однако среди потомков историка были примечательные деятели русской культуры и общественной

⁴³ ГПБ, ОР, Эрм. собр., № 363, л. 99.

⁴⁴ Там же, л. 71—73; отдельные заметки по истории XVIII в. см. и во многих других делах Эрмитажного собрания.

⁴⁵ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 501; в том же деле см. злые характеристики П.А. Румянцева, Н.И. Неплюева, Н.Б. Самойлова и др. Шербаковские характеристики использованы в реальных комментариях к тексту "О повреждении нравов...". См. также: Панорама искусств. М., 1982, кн. 5, с. 317—320.

мысли: два его внука, М.М. Спиридов и И.Д. Шербатов, принадлежавшие к декабристскому круту, были сосланы и не дожили до амнистии; внучка Н.Д. Шаховская стала женой погибшего в ссылке декабриста Ф.П. Шаховского; внуком М.М. Шербатова был и П.Я. Чаадаев. Общественный подъем 1850–1860-х годов, возвративший российской культуре ряд забытых и полузабытых памятников прошлого, усиливая общественный интерес к мыслителям XVIII столетия. Именно в этот период историк М.П. Заблоцкий-Десятовский обнаруживает в архиве семьи Шаховских (прямых потомков Шербатова) важные неопубликованные бумаги предка, которые, возможно, побывали в московском пожаре 1812 г.⁴⁶

17 мая 1858 г. Заблоцкий-Десятовской писал Н.Д. Шаховской, вдове декабриста: "Вы приводите слова Гегеля, что мысль не пропадает. Да, как это справедливо, но и надо признать, есть что-то таинственное в этой непропаже мысли, высказанной с убеждением, сердцем честным и правдивым [...] Отчего, например, не пропали, не сгнили (к чему они были уж так готовы) произведения Вашего деда, и отчего судьба натолкнула именно меня, — человека, так горячо сочувствующего ему в самых лучших, благородных его стремлениях, страдающего тем же, чем страдает он — горячим сознанием нашего ничтожества, дисгармонии нашего механизма; болезненным раздражением при виде всякого насилия? Неужели все это случай, простой, капризный, слепой случай?"⁴⁷

В результате ряд никогда не публиковавшихся статей Шербатова появляется в российской легальной печати⁴⁸. На эти сочинения неоднократно ссылаются публицисты разных направлений; примечательны некоторые отзывы Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, видевших в трудах историка-публициста XVIII в. важный исторический источник, в частности об экономических проблемах России. В то же время С.В. Ешевский сумел провести в печать в № 3 журнала "Атеней" за 1858 г. небольшие фрагменты памфлета "О повреждении нравов..."; год спустя О.М. Бодянский извещал читателей, что подлинник этого сочинения "передан для хранения в С.-Петербургскую Академию наук, так как полное издание его почти невозможно"⁴⁹.

Цензурные преграды, однако, делали "запретный плод" особенно сладким. Действительно вскоре после начала публикации старых шербатовских бумаг начинается история лондонского конволюта. По-видимому, владельцы шербатовских бумаг Шаховские заинтересовались, каким образом список "О

⁴⁶ О.М. Бодянский писал о 10 неизвестных сочинениях Шербатова, которые "найлены летом 1855 года в числе бумаг [...] уже полуистлевших и бог весть как уцелевших в подвале от богатой библиотеки князя (15 000 книг), сгоревшей в 1812-м г., принадлежавших внукам его, княжне Елисавете Дмитриевне Шербатовой и княгине Н.Д. Шаховской, покойным М.П. Заблоцким и описаны все им самим с дипломатической точностью" (ЧОИДР, 1860, т. 1, отд. 2, с. 1).

⁴⁷ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 813.

⁴⁸ Отечественные записки, 1858, № 3, 1859, № 12; Библиографические записки, 1858, № 13, 1859, № 12–15; Атеней, 1858, № 3 и др.

⁴⁹ ЧОИДР, 1860, т. 1, отд. 2, с. II.

повреждении нравов..." попал в Лондон. М.П. Заблоцкий-Десятовский к этому времени скончался, и за него (30 января 1859 г.) отвечал его брат Андрей Парфенович: "Что касается до сочинений покойного князя, напечатанного Герценом, то вот, что я думаю. Мой брат дорожил и ценил сочинения князя и никогда никому не давал не только списывать, но даже и читать. Но он сам, своею рукою, списал одно из сочинений князя и передал при бумаге для хранения этого экземпляра в императорскую Академию наук [...] И об этом поднесении брата было напечатано в Отчетах Академии. Граф Блудов, как президент Академии приказал с экземпляра, подаренного моим братом, списать один экземпляр для себя. Этот экземпляр Блудова ходит в Петербурге по рукам, и список с него вероятно и достиг Герцена"⁵⁰.

Вопрос о посреднике, передавшем в Лондон копию старинного сочинения, конечно, представляет интерес: любопытно, как А.П. Заблоцкий-Десятовский переводит возможные подозрения на высокопоставленную фигуру крупного государственного деятеля гр. Д.Н. Блудова.

Герценовская публикация "О повреждении нравов в России" имела особое общественно-политическое значение в связи с той борьбой за рассекречивание прошлого, которую вела в годы первой революционной ситуации русская легальная и особенно Вольная печать.

На страницах сочинений Щербатова обнародовались такие события и явления российской истории XVIII в., которые и в 1850–1860-х годах оставались запретными или полужабытными для официальной историографии и легальной журналистики. Документы и материалы о деле царевича Алексея, о государственных переворотах 1730, 1740–1741, 1762 гг., о реальной политике и "потаенных" подробностях политической истории 1720–1780-х годов, особенно о жизни "верхов". Все это постепенно стало достоянием российской историографии только в следующие десятилетия.

"... Мы очень мало знаем наше XVIII столетие, — писал Герцен в 1857 г. — Мы любим в истории восходить гораздо дальше. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня; зубчатые кремлевские стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости. Разбирая отчетливо царские грамоты, мы мало знаем, что писалось на ломаном русском языке в петербургских канцеляриях [...] Протверживать историю этих времен очень полезно и для правительства, чтоб оно не забывалось, и для нас, чтоб мы не отчаивались" (Герцен, XII, 362).

"О повреждении нравов..." было важным элементом новой истории XVIII в., которую требовал мыслящий русский читатель и которую получал также в ряде других одновременных герценовских публикаций⁵¹.

Таков общественно-политический и историографический контекст герценовской публикации 1858 г.

При этом щербатовское сочинение должно быть высоко оценено и как своеобразные мемуары осведомленного, образованного, мыслящего человека XVIII столетия.

⁵⁰ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 820.

⁵¹ ИС, кн. 3, с. 5–20.

Русский XVIII век не очень богат воспоминаниями; мемуаристика еще не вошла столь прочно в быт и сознание, как это произойдет в XIX столетии. Многие стороны русской жизни того времени остались недостаточно затронутыми в сравнительно небольшом числе дневников и мемуаров, часто принадлежавших косвенным участникам событий, иностранцам. Вопрос об источниках сведений М.М. Щербатова требует специального изучения.

Как видный государственный деятель и профессиональный историк, он был очевидцем многих важных событий, собеседником многих осведомленных лиц, обладателем или читателем многих секретных бумаг.

Иногда автор книги "О повреждении нравов..." ссылается в своих рассуждениях о прошлом на старинные предметы, хранящиеся в кунсткамере; в другой раз пишет о документах, известных ему из "Архива Петра Великого", "Архива Коллегии иностранных дел"; есть ссылки на слова и поступки Екатерины II, которым сам Щербатов был свидетелем. В работе постоянны обороты "я помню", "помнится мне"; есть указания на рассказы отца и деда; однажды источником сведений назван князь Голицын; дважды приводятся интереснейшие свидетельства конференц-секретаря Д.В. Волкова.

"О повреждении нравов в России" – одно из самых содержательных и достоверных мемуарных сочинений о политическом строе, политической борьбе в России XVIII столетия.

* * *

Рукописное наследие М.М. Щербатова с течением времени сосредоточилось в нескольких хранилищах (ГПБ, ИРЛИ, ЦГАДА, ГИМ, Архив Академии наук).

Через 13 лет после вольного издания 1858 г. большая часть памфлета М.М. Щербатова была опубликована в "Русской старине" (1870, т. 2; 1871, т. 3), редакция которой приобрела немалую часть щербатовских рукописей у потомков князя. Впервые работа печаталась по автографу⁵².

Наиболее острые места, особенно о Екатерине II, не были, однако, пропущены цензурой и в 1870-х годах.

Только в 1896–1898 гг. родственник историографа кн. Б.С. Щербатов предпринял двухтомное издание "Сочинений князя М.М. Щербатова". Туда вошло и сочинение "О повреждении нравов..."⁵³. В примечании к изданию сообщалось, что работа "печатается со списка, принадлежащего имп. Академии наук (№ рукописи 1263). Этот изяшно исполненный список, по уверению Заблочкиго-

⁵² Редактор журнала М.И. Семевский опубликовал и описание рукописи: "Подлинник написан на листах грубой, белой бумаги с полями в половину страницы; на них рукою князя М.М. Щербатова сделано множество вставок и поправок. Почерк князя крайне мелок, неразборчив, самая рукопись от времени или от того, что в прежнее время долго лежала в сырости, сильно порыхела и местами, к счастью, только по углам, прогнила. Печатаем мы это сочинение с особенною тщательностью не только дословно но даже с сохранением местами особенно характеристических особенностей правописания и ст о р и о г р а ф а; кроме того – мы возстанавливаем в замечаниях те слова, которые зачеркнуты автором, впрочем большей частью только для исправления слова".

⁵³ Сочинения князя М.М. Щербатова, т. 2, стб. 133–246.

Десятковского, совершенно сходен с оригиналом, найденным в 1855 году в числе других рукописей, в имении внука автора. Самый оригинал неизвестно где”.

Эта публикация наконец ввела в легальную печать ряд прежде запрещенных фрагментов: таким образом, только через 110 лет после написания памфлета и через 40 лет после герценовской публикации русский читатель получил текст книги “О повреждении нравов...”. Издание 1898 г. позволило, между прочим, уточнить, исправить ряд мест прежнего, герценовского издания. Однако некоторые места новой публикации также вызывали сомнение; ряд имен был скрыт под инициалами. Кроме того, оставалось неясным происхождение деления текста на главы; в вольном издании 1858 г. такого разделения нет.

В 1905–1908 гг. последовали новые перепечатки текста – издание В. Врублевского (СПб., 1906), воспроизводившее герценовское издание, перепечатка “Всемирного вестника”⁵⁴, а также московское издание 1908 г. Последнее вышло в одном томе с книгой Чаадаева “Философские письма и Апология сумасшедшего”⁵⁵: “Сочинение Щербатова, – говорилось в редакционном введении, – было первой попыткой философии русской истории, и это еще более выдвигает его интерес. Много лет спустя эту попытку повторил П. Чаадаев – это единственная общность между двумя сочинениями, печатающимися здесь”⁵⁶.

Одновременно сообщалось, что текст настоящего издания проверен по напечатанному в “Русской старине” и по списку, сделанному Афанасьевым с подлинника и хранящемуся в главном архиве министерства иностранных дел в Москве.

Список этот сделан рукой Афанасьева и имеет при себе следующее письмо Заблоцкого-Десятковского: «Сочинение под заглавием “О повреждении нравов в России” [...] принадлежало внукам [Щербатова] княгине Елизавете Дмитриевне Щербатовой и княгине Наталье Дмитриевне Шаховской. 6.IX.1855. Москва. М. З[аблоцкий]»⁵⁷.

В советское время “О повреждении...” не переиздавалось, хотя не раз было объектом исследовательского внимания. Вопрос о точном, достоверном тексте Щербатова пытался решить английский исследователь Лентин, работавший с четырьмя, по его мнению, авторитетными списками Щербатова, хранящимися в архивах СССР⁵⁸. Списки, сопоставленные исследователем⁵⁹, содержали около 400 разночтений. Автограф Щербатова Лентин счел утерянным и высказал предположение, что он хранится у потомков князя-историка в Брюсселе. Между тем о существовании автографа в Архиве древних актов сообщала в

⁵⁴ Всемирный вестник, 1907, № 7.

⁵⁵ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России, Чаадаев П. Философские письма и Апология сумасшедшего. – Русская жизнь, М., 1908, вып. 9.

⁵⁶ Там же, с. 8.

⁵⁷ Там же, с. 7.

⁵⁸ Shcherbatov M.M. On the corruption of Morals in Russia, ed. and transl. with an introduction and notes by A. Lentin. Cambridge univ. press; 1969. В этом сочинении приводится довольно обширная библиография, в том числе сочинений, вышедших за пределами СССР.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 170, № 4772; ЛОИИ СССР, ф. 115, № 340; Гос. б-ка им. В.И. Ленина, ОР, ф. 218; ИРЛИ, ОР, ф. 265.

1969 г. З.П. Рустам-заде⁶⁰. Судьбу автографа изучил в свое время Д.И. Шаховской: после М.И. Семевского и редакции "Русской старины" рукопись "О повреждении нравов..." возвратилась к потомкам М.М. Щербатова, очевидно, в Ярославскую губернию. Затем она оказалась в Ярославской ученой Архивной комиссии; в 1926 г. три сборника бумаг Щербатова перешли из Ярославля в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи и ныне находятся в ЦГАДА в фонде Щербатова. В числе 11 сочинений, составивших один из сборников, под прежним № 75/92 (ныне ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, № 518 а, л. 88–128) хранится автограф "О повреждении нравов в России"⁶¹.

В настоящем издании текст, напечатанный в 1858 г. Вольной печатью Герцена, впервые сопровождается полным автографическим текстом М.М. Щербатова.

* * *

Идеи, высказанные Щербатовым в работе "О повреждении нравов...", являясь давним предметом научного и общественного обсуждения.

На несколько месяцев раньше герценовского издания в либеральном журнале "Атеней" (1858, № 3) публикуется обширная статья видного западника, профессора Московского университета С.В. Ешевского. "К сожалению, — писал автор, — я не мог пользоваться самим оригиналом, переданным на время в другие руки. У меня был список, в некоторых местах недовольно разборчиво написанный. С дозволения вучки историка княгини Елизаветы Дмитриевны Щербатовой извлекая теперь некоторые места из сочинения князя Щербатова".

Историк верит, что "со временем можно будет воспользоваться богатыми материалами, какие представляет это сочинение для истории нашей администрации, для определения характера некоторых государственных деятелей и в особенности для ознакомления с жизнью высшего общества".

Не соглашаясь, порою удивляясь "односторонности" щербатовского взгляда на Екатерину II и ее время, Ешевский притом замечает, что "последователям современной нам славянской школы напрасно хотелось бы зачислить князя Щербатова в число славянофилов до появления славянофильства".

Как известно, именно Герцен видел в Щербатове "предславянофила" (см. его предисловие к книге "Щербатов — Радищев"); поскольку же замечание Ешевского сделано до выхода в свет вольного издания, ясно, что подобная точка зрения была распространена в определенных общественных кругах в 1850-х годах.

Критика Ешевского явно связана с живыми общественно-политическими проблемами предреформенной поры. Приводя обширные извлечения из книги "О повреждении нравов..." и сетуя на невозможность напечатать все сочинение, историк пеняет Щербатову, что он "не исследовал, даже не чувствовал потребности исследовать, чем была выше нравственность XVII века, и была ли она в самом деле выше нравственности современного ему общества, и довольствует-

⁶⁰ *Рустам-заде З.П.* "О повреждении нравов в России" М.М. Щербатова — памфлет XVIII века. — Учен. зап. Азербайджан. пед. ин-та им. М.Ф. Ахундова, 1967, № 4. Сер. XII. Язык и литература, с. 44.

⁶¹ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 518.

ся внешним сравнением грубой каждодневности частного быта XVII столетия с роскошными затеями своего времени. Более внимательное рассмотрение показало бы ему, что корень безнравственности XVIII века лежит глубоко в общественном строе и нравах предшествующего времени, а вместе с тем воспрепятствовало бы ему принимать следствие за причину или искать разгадки там, где она никаким образом не может быть найдена". Но Ешевский признает, что "в Щербатове слышался голос человека благородного, с негодованием смотрящего на печальные и чрезмерные явления общественной жизни, его изумлявшие [...] Мы можем не всегда найти глубокого и пронизательного историка, но постоянно встречаемся лицом к лицу с честным человеком".

В литературе 1860–1900-х годов имя Щербатова, его сочинения, в частности "О повреждении нравов...", упоминаются довольно часто. В работах А.Г. Брикнера, М.И. и В.И. Семева, А.Н. Пыпина, В.А. Мякотина, Н.Д. Чечулина, Д.И. Шаховского, В.В. Фурсенко и других исследователей⁶² М.М. Щербатов рассматривается в связи с историей своего времени; его общественно-политические взгляды чаще всего подвергаются либеральной критике, отмечается недооценка прогрессивного, поступательного развития страны. Отмечая исторический интерес щербатовского памфлета, дореволюционная историография занималась им, однако, очень мало, сосредоточиваясь преимущественно на деятельности Щербатова — депутата Уложенной комиссии и автора 18-томной истории. В то же время острая, откровенная критика двора и здравый смысл многих конкретных оценок князя-публициста привлекали внимание определенного круга русских литераторов и публицистов (Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой).

В советской науке долгое время в основном изучались социально-экономические воззрения Щербатова, а также место его в отечественной историографии. Два исследователя, занимавшиеся обстоятельным разбором сочинений и взглядов Щербатова, лишь эпизодически упоминают о его нелегальной деятельности и оппозиционных памфлетах⁶³. В последние годы положение, однако, изменяется. Подход к деятельности Щербатова делается более историчным, многосторонним (работы П.Н. Беркова, С.Л. Пештича, И.А. Федосова, З.П. Рустам-заде).

В специальной работе, посвященной публицистике Щербатова, в особенности работе "О повреждении нравов...", З.П. Рустам-заде отмечает значение этого труда, "отражающего почти всю жизнь России XVIII века"⁶⁴, и определяет целую систему оппозиционных взглядов Щербатова, сближая ее по ряду линий со взглядами Д.И. Фонвизина. "К сожалению, — замечает Рустам-заде, — традиционная точка зрения на Щербатова как на консерватора и реакционера продолжает бытовать почти по настоящее время"⁶⁵. В приведенных строках представ-

⁶² История русской литературы XVIII века: Библиогр. указ./Под ред. П.Н. Беркова. Л., 1968.

⁶³ Любомиров П.Г. Князь Щербатов и его сочинения в кн. М.М. Щербатов. "Неизданные сочинения". М., 1935, с. XX–XXI; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л., 1941, с. 119.

⁶⁴ Рустам-заде З.П. "О повреждении нравов в России" М.М. Щербатова — памфлет XVIII в., с. 45.

⁶⁵ Рустам-заде З.П. М.М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968, с. 6.

ляется верной мысль о необходимом объективном взгляде на Щербатова. Однако неправомерен знак равенства между "консерватором" и "реакционером". З.П. Рустам-заде полагает, что оспариваемый ею взгляд ведет свое начало от Герцена: "Герценовская схема противопоставления Радищева Щербатову как двух крайних полюсов при всей эффективности может в настоящее время быть пересмотрена.

Мы не думаем радикализировать взгляды Щербатова, но в то же время считаем неправильным придерживаться герценовской схемы, созданной 110 лет назад. А.И. Герцен не располагал такими материалами, которые накопила историческая наука за этот период"⁶⁶. Между тем взгляд Герцена на Щербатова вовсе не предполагал противопоставления "революционеру" и "реакционера". Если бы это было так, Вольная печать вряд ли взялась бы публиковать "О повреждении нравов...", вряд ли соединила бы, пусть и в парадоксально-полярном плане, мемуарный памфлет Щербатова в единый конволют с "Путешествием из Петербурга в Москву" Радищева. При этом Герцен, несомненно, считает Щербатова честным, благородным деятелем, хотя и совершенно иных, чем у него, убеждений.

Во введении к книге Герцен выражает пожелание, чтобы "люди не шли вспять, как князь Щербатов, и не предавались бы полному отчаянию, как А. Радищев" (Герцен, XIII, 277).

Герценовскую фразу о "движении вспять" Щербатова нельзя, разумеется, принимать буквально (так же, как и о "полном отчаянии" Радищева). Это метафоры, художественно верно выражающие общее направление мысли двух деятелей, но требующие серьезных научных уточнений. Уже Герцен замечал, что Щербатов-памфлетист иногда сам себе противоречит: обрушиваясь, например, на Анну Иоанновну и ее двор, он вдруг пишет, что их пороки происходят от малограмотности, "старинного воспитания", — только что восхвалял старину, и вот оказывается, что именно в ней один из источников повреждения нравов!

В другом месте историк бросает многозначительную реплику: "...нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим". Разоблачив пагубное, по его мнению, петровское развращение, Щербатов вычисляет, что подобные преобразования, если бы совершались постепенно, заняли бы 200 лет, и "вдруг" восклицает: "Могу ли я после сего дерзнуть, какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли данное мне им просвещение, яко некоторой изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред ему обратить?"⁶⁷

Противоречия, несогласованности щербатовской мысли говорят не столько о слабости, сколько о мужестве мыслителя, не имеющего пока законченной системы, но выступающего честно, выставляющего противоречия живой жизни.

При всей дискуссионности разных оценок политических воззрений М.М. Щербатова можно представить себе примерно следующие основные идеи автора "О повреждении нравов..."

Его памфлет разоблачает разрыв внешнего блеска и внутреннего духа страны. Можно сказать, что князь-историк наблюдает свое поколение и одно-два преды-

⁶⁶ Там же, с. 18.

⁶⁷ Сочинения князя М.М. Щербатова, т. 1, с. 8–9.

дущих везде и во всем: на службе и в дороге, в имении и при дворе, молящимся и хмельным... Щербатовские же выводы из этих "частностей" печальны: расходы царей и дворян растут, личная выгода достигается за счет чести и убеждений. "Трубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие злы, которые днес при дворе царствуют и которые в домах вельможей вогнездились [...], уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к богу и к святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения поправляемые ве-рою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить".

"Отрицательные герои", "повреждатели" Щербатову видны ясно: из всего XVIII столетия с большим знанием он беспощадно и откровенно вытаскивает фигуру за фигурой, рисует портрет за портретом: честолюбец-грабитель Александр Меншиков, за ним другой временщик Иван Долгоруков, затем Бирон и его люди; при Елизавете Петровне — кн. Алексей Михайлович Черкасский. Несколько страниц посвящены подробному разбору интриг, "честолюбивых затей", вреда, причиненного "сим чудищем" графом Петром Ивановичем Шуваловым.

Щербатовские обличения в работе "О повреждении нравов..." не останавливаются на "вельможном уровне": он вводит в свой памфлет и ряд "крамольных" свидетельств, которые (по официальным понятиям) "умалили память", лично задевали по меньшей мере восемь самодержцев начиная от Петра I. Казнь царевича Алексея, "пышность и сластолюбие" двора Екатерины I и Петра II, государственные перевороты — здесь представлен целый курс тайной политической истории России.

После описания краткого царствования и гибели Петра III следует уничтожающая характеристика екатерининского времени, лучшей параллелью которой могут быть пушкинские слова: "Развратная государыня развратила свое государство".

Развратным, поврежденным нравам государей и вельмож противопоставлен ряд "честных мужей".

Князь-историк — убежденный крепостник, но решительно возражающий против разорения крестьян вследствие разгорающихся дворянских appetitов.

Щербатов — обладатель высоких чинов, полученных от самодержавной власти за государственные труды; но именно он обвиняет Ивана Ягужинского, что в 1730 г. "тот был первым, кто предал Долгоруких и поддержал деспотизм, и все это потому, что хотел участвовать в Верховном тайном совете"⁶⁸. Планы верховников Щербатов прямо называет "великим намерением". В книге "О повреждении нравов ..." представлен утопический антипод Екатерины II — государь, обладающий разнообразными старинными добродетелями и имеющий "довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять". "Основательные права" — это, в переводе на позднейший язык, конституционные

⁶⁸ ГПБ, ОР, Эрм. собр., № 363, л. 71.

гарантии: именно так писали в ту пору Денис Фонвизин и братья Панины о желательном ограничении самодержавия в пользу дворянства.

Почти одновременно с работой "О повреждении нравов..." Щербатов сочиняет первую русскую социальную утопию — "Путешествие в землю Офирскую г. С... шведского дворянина", где представлена причудливая система совместного коллективного дворянского управления страной во главе с монархом — "первым среди равных".

Итак, Щербатов — дворянский консерватор, сторонник олигархического правления, однако "в своей яростной неудержимой критике Щербатов заходит очень далеко, гораздо далее, чем в своих позитивных политических построениях"⁶⁹.

Праправнук историка известный литературовед Д.И. Шаховской подсчитал разные "неудовольствия" своего прапрадеда: оказалось, что в своих трудах Щербатов 3 раза высказывает неудовольствие самой системой правления, 5 раз — законами, 50 раз — монархом, 7 раз — правительством, 10 раз — вельможами; всего — "семьдесят пять неудовольствий"⁷⁰.

Комментарии к работе "О повреждении нравов в России" даются к тексту, опубликованному Вольной типографией, однако при этом уточняются пропуски и разночтения по автографу, находящемуся в ЦГАДА, ф. 1289 (М.М. Щербатов), оп. 1, № 518 а, л. 88—128*.

К с. 3—4

Юлий Цезарь [...] никогда страшиться причины иметь не может.

Образ заимствован из плутарховой биографии Цезаря: «получив донос о том, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, он [Цезарь] сказал: "Я не особенно боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее — бледных и тощих", намекая на Кассия и Брута» (*Плутарх. Цезарь, 62. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963, т. 2, с. 487*).

К с. 5—11

Описание Щербатовым быта московских царей и высшей знати в допетровскую эпоху опирается как на богатую устную традицию, сохранявшуюся в кругу родственников и друзей автора, так и на документальные материалы, которые хорошо знал Щербатов-историк (ср.: *Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. М., 1862; Он же. Домашний быт русских цариц. М., 1869; История русской жизни с древнейших времен. М., 1876—1879, ч. 1—2*).

К с. 12

... кн. Дмитрий Федорович Щербатов [...] толь учинился благоразумием своим [...] боярину князь Федору Федоровичу Волконскому, что сей, хотя кн. Щербатов по причине раззорения дому его, а купно с убиением деда его Саввы

⁶⁹ *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967, с. 235. См. также: *Володин А.И.* Утопия и история. М., 1972; *Солодкий Б.С.* Русская утопия XVIII в. — Философские науки, 1975, № 5, с. 92—101. В этих трудах разрабатывается проблема "феодалного социализма" М.М. Щербатова.

⁷⁰ ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 500, л. 78—83.

* В настоящей факсимильной части опущены с. 97—98, которые не имеют текста в издании Герцена.

[...] *Щербатова от самозванца Отрепьева... дочь свою и наследницу своего имени за него отдал.*

Рассказ Щербатова о деде Д.Ф. Щербатова не точен. Савва Дмитриевич Щербатов был взят в плен и убит в Путивле в 1607 г., во время Крестьянской войны под предводительством И.И. Болотникова.

К с. 13

Князь Михайло Петрович Репнин лучше восхотел потерпеть гнев царя Иоанна Васильевича и наконец убиение, нежели сообщником учиниться распустных его забав.

Князь боярин Репнин был видный военачальник. За отказ плясать в маске вместе со скomorоxами был убит в церкви в ночь с 30 на 31 января 1564 г. (Сочинения князя Курбского. СПб., 1914, т. 1, стб. 278–279).

К с. 15

Афанасий Нагой быв послом в Крыму и [...] чувствуя нужду его пребывания в сем полуострове, объявил, что он разве связанный будет вывезен из Крыму, а без того не поедет, хотя бы ему смерть претерпеть.

Афанасий Федорович Нагой – посол в Крыму в 1563–1574 гг. За известие о готовящемся походе крымцев против Москвы (1572 г.) был посажен ханом под стражу, но вскоре освобожден.

Князь Борис Алексеевич Голицын предпочел сохранение здоровья государева [...] и винному своему родственнику пощаду живота испросил.

В 1689 г. после прихода к власти Петра I Б.А. Голицын, активно этому способствовавший, просил царя о помиловании Василия Голицына, своего двоюродного брата и фаворита царевны Софьи, приговоренного к казни. В.В. Голицын был лишен боярства, вотчин и сослан в Архангельский край.

Прозоровский, во время трудных обстоятельств начала шведской войны, соблюл великое число казны и государственные вещи, повеленные государем изломать и перебить в монету [...] при благополучнейших обстоятельствах [...] возвратил.

П.И. Прозоровский выполнил этот приказ Петра I, воспользовавшись старой монетой, накопленной еще при царе Алексее Михайловиче.

Борис Петрович Шереметев суд царевичев не подписал.

Граф генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев в 1718 г. был членом верховного суда над царевичем Алексеем Петровичем. И.И. Голиков в своих "Деяниях Петра Велико́го" (1788–1789) оспаривал версию, которой, очевидно, придерживался не один М.М. Щербатов: объяснял отсутствие шереметевской подписи под приговором тем, что фельдмаршал находился в Москве. Близость Щербатова к семье Шереметевых позволяет предположить, что он пользовался фамильным преданием.

К с. 15–16

Князь Яков Федоров Долгоруков многие дела, государем подписанные, останавливал, давая ему всегда справедливые советы [...] открывал путь обще и к славе государя, и к блаженству народному.

Я.Ф. Долгоруков (Долгорукий) пользовался репутацией правдивого и мудрого советника императора как у современников, так и у потомков: Долгорукову посвящены теплые строки Рылеева и других декабристов, Пушкина.

Герцен в Вольной печати неоднократно иронически противопоставлял Якова Долгорукого – “другому Якову” – Ростовцеву и другому Долгорукову – в 1850–1860-х годах шефу жандармов (Герцен, VIII, 330; XII, 456).

К с. 16

Воззрим же теперь, какие перемены учинили в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим...

Здесь и далее (с. 16–32) Щербатов представляет краткий очерк “О повреждении нравов...” в царствование Петра Великого. Историк был большим знатоком материалов и документов петровского времени, предпринял публикации некоторых из них, многое знал по семейным преданиям и рассказам. Формула Щербатова “нужная, но, может быть, излишняя перемена” определяет его критический, порой необъективный взгляд на преобразования в начале XVIII в. К моменту обнародования “О повреждении нравов...” литература о Петре была уже довольно значительна, в России регулярно печатались документы, рассказы о петровском времени, немало работ появилось и за границей. Однако ряд острых моментов знаменитого царствования, особенно подробности жестоких расправ с политическими противниками, история гибели царевича Алексея и прочие, оставались запретными и недоступными для опубликования. Щербатовская критика петровского царствования во многом превосходит соответствующие разделы известной рукописи Н.М. Карамзина “Записка о древней и новой России” (1811 г.; полная публикация – в 1914 г.). После незавершенных работ о Петре А.С. Пушкина (неполностью пропущенных в печать и после смерти поэта) цензура много лет сдерживала даже “благонамеренного” историка Н.Г. Устрялова, сумевшего только в 1859 г. в т. VI своей “Истории царствования Петра Великого” опубликовать сравнительно полный свод материалов о деле Алексея Петровича. Лишь в 1862 г. описания царствования Петра Великого были “освобождены” от всяких цензурных притеснений.

К с. 20

... Боярин Тихон Никитич Стрешнев, которому [...] на стол и деревни были даны.

Т.Н. Стрешневу и Ф.Ю. Ромодановскому Петр I доверил управление государством во время своего заграничного путешествия в 1697–1698 гг.

К с. 25

... Василий Никитич Татищев в истории своей сие вместил.

Разбираемый далее Щербатовым эпизод см.: *Татищев В.Н.* История Российская. В 7-ми т. М.; Л., 1962, т. 1, с. 87.

К с. 26

Невидно, чтобы [...] Гаврила Иванович Головкин, государственный канцлер отвратил его от переписки с Галембурхом, с Горцом и с английскими и шотландскими сообщниками претендента; ни Остерман, бывший тогда в малом чину, и написавший требуемое письмо, несовместность сего поступка представил.

Речь идет о сложной, до сего дня еще полностью не изученной дипломатической борьбе на втором этапе Северной войны; о предполагаемых контактах русского правительства с членом Государственного совета Швеции Горном, шведским посланником в Англии Юленборгом, сторонниками восстановления

на английском престоле династии Стюартов. См.: *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

К с. 27

Между семи Прокопович [...] его собственное сочинение "Правда воли монаршей", памятник лести и подобию страстия монашеского изволению государскому.

Феофан Прокопович, один из главных сподвижников Петра I при осуществлении церковных реформ, один из образованнейших людей своего времени, представлен Щербатовым с известной односторонностью. "Правда воли монаршей" (1722 г.) была открытой апологией просвещенного государя. См.: *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л., 1961. Вопросительный знак, поставленный после слов "сею непостриженного [монаха]" фиксирует удивление позднейшего читателя, очевидно Герцена. Щербатов, вероятно, подозревал здесь "мирской" образ жизни Прокоповича, несвойственный духовному лицу. В то же время Ф. Прокопович действительно отличался лестью в отношении каждаго властителя, а в 1730-х годах был обвинителем в делах, шедших через Тайную канцелярию. См.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

К с. 30

Павел Иванович Егузинский [Ягузинский], постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной...

Павел Иванович Ягузинский (1683–1736) – генерал-аншеф, генерал-прокурор, кабинет-министр, первый раз был женат на Анне Федоровне Хитрово. Этот брак из-за неуравновешенного характера жены, а позже и проявившихся у нее признаков душевной болезни был неудачен. Скоро ее поступки становятся предметом всеобщего обсуждения в столице и при дворе. В сентябре 1722 г. Ягузинский подал прошение в Синод о разводе, но разрешения не получил. В 1723 г. после второго прошения Ягузинского Синод, рассмотрев дело о поведении его жены, предоставил ему право развода. А.Ф. Ягузинская была заключена в монастырь. 24 сентября 1723 г. Ягузинский обратился в Синод с просьбой разрешить ему вступить в новый брак. Получив согласие на свою просьбу, 10 ноября 1723 г. он женился на дочери государственного канцлера Анне Гавриловне Головкиной.

К с. 31

... Камергер у нея был Монс[...] камер-юнкеры ея были Петр и Яков Федоровичи Балковы...

В ноябре 1724 г. камергер Виллим Иванович Монс, правитель вотчинной канцелярии императрицы Екатерины Алексеевны, был обвинен в "плутстве и противозаконных поступках", истинной же причиной была его связь с царицей. 16 ноября 1724 г. В.И. Монс был казнен, его родственники подверглись разным наказаниям.

К с. 32

... вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардии...

Здесь Щербатов хронологически неточен. И.И. Дмитриев-Мамонов (1680–1730) во время вступления на престол Екатерины I был генерал-майором и гвардии майором. Подполковником лейб-гвардии Преображенского полка он стал в 1727 г.

И Петр Великий еще неохлодел мертвый [...] но самовольное желание вельмож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Здесь и далее (с. 32–37) представлено одно из первых описаний основных политических событий 1725–1730-х годов, во время правления Екатерины I и Петра II. За исключением ряда публикаций иностранных авторов и нескольких очерков, посвященных частным проблемам и отдельным лицам этой поры, политическая история дворцовых переворотов почти “не существовала” в русской легальной печати. Лишь начиная с 1860-х годов создается ряд капитальных работ, прежде всего “История России с древнейших времен” С.М. Соловьева, где события 1725–1730-х годов представлены в кн. 18 и 19.

К с. 36

... был при государе учитель, родом венгерец, по имени Зенни. Сей противен учинился владычествуемому министру и сего он втайне от государя удалил.

Иван Алексеевич Зейкин, родом из Венгрии, вместе с Мавриным был у Петра II учителем истории, географии, математики и латинского языка. После вступления Петра II в 1727 г. на престол А.Д. Меншиков, стремясь усилить свое влияние на двенадцатилетнего императора, отстранил от него Маврина и Зейкина. Маврин был отправлен в Тобольск, а Зейкин – на родину, в Венгрию.

К с. 37

Помнится мне в июле месяце поехала кн. Меншиков в Мызу свою Ораниенбаум...

Щербатовское “помнится мне” – свидетельство раннего длительного интереса историка к политической истории предшествующих десятилетий. В Москве, работая над книгой “О повреждении нравов...”, он, очевидно, не имел под руками всех нужных документов для справок: Меншиков в последний раз прибыл в Ораниенбаум 19 августа 1727 г. и был увезен оттуда 5 сентября того же года. См.: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981, с. 146–150.

К с. 39

...взял [...] между прочими жену К.Н.Е.Т. рожденную Головкину...

В рукописи Щербатова: “...жену К.Н.Ю.Т., рожденную Головкину”.

Князь Никита Юрьевич Трубецкой (1699–1767), генерал-фельдмаршал, генерал-прокурор, первый раз был женат на графине Анастасии Гавриловне Головкиной (ум. в 1735 г.).

К с. 42

Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное решение, кого во владыки толь великой части света возвести.

Основные документы, первые исторические разборы событий 1730 г. – “заговора верховников”, торжества самодержавия Анны Иоанновны, десятилетней истории “бироновщины” – появились в русской печати также спустя годы и десятилетия после публикации ценных свидетельств Щербатова. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1885, кн. 19; 1887, кн. 20; Корсаков Д.А. Восцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. До 1858 г. русское общество могло ознакомиться с этими событиями в основном по рукописным и заграничным материалам, хотя уже вводились в оборот важные мемуары, был опубликован роман И.И. Лажечникова “Ледяной дом”. Об интересе Пушкина к делу Вольнского и другим событиям 1730–1740-х го-

дов см.: *Петрунина Н.Н.* Два замысла Пушкина для "Современника". — В кн.: *Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М.* Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 138–149.

Вольная печать Герцена обращалась к дворцовым переворотам XVIII в. и первым попыткам ограничения самодержавия в связи с публикацией записок Екатерины II, Дашковой, декабристов. В кн. V "Полярной звезды" (1859 г.) публиковались обширные примечания Н.М. Муравьева к "Разбору донесения Тайной следственной комиссии в 1826 году" М.С. Лунина, где, между прочим, подробно анализировались события 1730–1740-х годов. См.: ПЗ, кн. V, с. 68–70, 72–73.

К с. 43–44

Герцогиня Анна ... остановилась в селе Всесвятском, принадлежащем царевичу грузинскому..., во ожидании приуготовления торжественного ея вшествия в Москву.

Здесь Щербатов не совсем точен. Село Всесвятское с 1695 г. принадлежало сподвижнику Петра I, первому генерал-фельдцейхмейстеру имеретинскому царевичу Александру Арчиловичу (ум. в 1711 г.). В 1730 г. селом владела его сестра "милетинская царевна" Дарья Арчиловна, у которой и остановилась Анна Иоанновна.

К с. 48

Впрочем [Бирон] был человек, одаренный здравым разсудком, но без малейшег просвещения, горд, зол, кровожадуц и непримирительный злодей своим неприятелям.

Оценка Щербатовым Бирона отличается большей многосторонностью и объективностью, чем принятые сплошь отрицательные характеристики в работах других авторов. В этом смысле историчный взгляд Щербатова находит параллель в сходных замечаниях Пушкина. См.: *Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М.* Над страницами Пушкина, с. 141–142.

К с. 48–49

... яко Долгорукие, быв прежде за гшание их ограничить власть монаршу сосланы, а потом за ту же вину из Сибири перевезены и переказнены в Шлюсельбурге...

Указание Щербатова, что местом казни Долгоруковых была Шлиссельбургская крепость, неверно. Долгоруковы были привезены для окончательного следствия в Новгород, где и были казнены.

Кн. Дмитрий Михайлович, человек разумнейший того века, был сослан в ссылку...

Указание Щербатова на ссылку Д.М. Голицына не совсем точно. В действительности в 1736 г. он был привлечен к суду по обвинению в якобы служебных злоупотреблениях и приговорен к смертной казни с конфискацией всех имений. Императрицей казнь была заменена заточением в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер 14 апреля 1737 г.

К с. 54

...Принцесса Елисавета, дочь Петра Великого и императрицы Екатерины вошла на российский престол.

Рассказ о царствовании Елизаветы Петровны (с. 54–75) – самый обширный в книге Щербатова. В этот период будущий историк уже находился на службе

и многое видел своими глазами, отчего мемуарный элемент в книге "О повреждении нравов..." сильно возрастает. Как видно из самого рассказа, автор неоднократно пользуется сообщениями конференц-секретаря Д.В. Волкова. Будущие исследователи этой эпохи (С.М. Соловьев, В.А. Бильбасов, В.О. Ключевский и др.) постоянно ссылаются на сообщения Щербатова и нередко вступают с ним в явную или (чаще) косвенную полемику.

К с. 55

... повелением ея никто смертной казни предан не будет.

Елизавета Петровна указами от 29 апреля 1753 г. и 30 сентября 1754 г. отменила смертную казнь в России, на что, между прочим, ссылался Н.С. Мордвинов, возражая против вынесения смертного приговора декабристам.

К с. 59

Степан Федорович Апраксин [...] когда он командовал российской армией противу прусского короля...

В начале Семилетней войны, в 1757 г., С.Ф. Апраксин командовал русской армией, но был затем смещен и предан суду.

К с. 62

Сие было в особе графа Петра Ив. Шувалова.

Щербатов избрал типичным образчиком "повредителя нравов" одного из крупных деятелей елизаветинской поры П.И. Шувалова. Многие факты и соображения, сообщаемые Щербатовым, по-видимому, верны и являются важным, редким свидетельством, относящимся к истории "верхов". В то же время пристрастность Щербатова не позволила ему в должной мере оценить положительную деятельность П.И. Шувалова. См.: Проект П.И. Шувалова 1754 года о разных государственной пользы способах. — Исторический архив, 1962, № 6; Проект П.И. Шувалова о создании в России высшей военной школы. — В кн.: Вопросы военной истории России. М., 1969, с. 390–404.

К с. 70

К.В. ... К.П.

Сокращенные написания, вероятно, расшифрованы для Вольного издания тайными корреспондентами Герцена, приславшими рукопись.

К с. 75

... Она, скончавшись, оставила престол свой племяннику своему...

Здесь и далее (с. 75–78) Щербатов дает очерк царствования Петра III. Правление Петра III и переворот 1762 г. были достаточно осторожно изложены в соответствующей кн. 25 "Истории..." С.М. Соловьева. Работа В.А. Бильбасова "История императрицы Екатерины II", где были подробно представлены события 1762 г., подвергалась цензурным гонениям даже в 1890-х годах и вышла в Берлине в 1900 г. Эта часть мемуарного памфлета Щербатова была вскоре дополнена материалами "Исторических сборников Вольной русской типографии", а также "Записками" Екатерины II.

К с. 77

Имел государь любовницу, дурную и глупую графиню Елисавету Романовну Воронцову...

Фрагмент, начинающийся с этих слов (с рядом сокращений и разночтений), был опубликован в кн. 2 "Исторического сборника" Вольной русской типо-

графии 1861 г. как "Отрывок 1-й" из комплекса под заголовком "Некоторые выписки из бумаг М[ихайловского]-Данилевского". См.: ИС, II, с. 57–62. Это единственный известный случай, заставляющий заподозрить раннее хождение каких-то текстов из книги "О повреждении нравов...", так как А.И. Михайловский-Данилевский скончался в 1848 г., за семь лет до обнаружения рукописи Щербатова М.П. Заблоцким-Десятовским.

К с. 79

... супруга сего Петра Третьего, рожденная принцесса Ангальт-Цербская Екатерина Алексеевна, взошла с низвержением его, на российский престол.

Здесь и далее (с. 79–94) Щербатов касается наиболее опасного и щекотливого предмета – царствования Екатерины II, во время которого и пишется "О повреждении нравов в России". Разоблачения историка основаны на многолетнем опыте пребывания при дворе. В бумагах Щербатова сохранились и другие записи, характеризующие (большей частью отрицательно) многих екатерининских вельмож (ИРЛИ, ОР, ф. 334, № 501). В то же время в памфлете отразились познания, государственный опыт Щербатова в экономической, юридической и других сферах. Оценки историком нравлений Екатерины II, в основном беспощадно-уничжительные, порою чрезмерно односторонние, расходились с дворянско-либеральной легендой об этой царице. В то же время разоблачения Щербатова "гармонировали" с тем материалом, который Герцен находил в записках и документах других современников Екатерины II и в ее собственных мемуарах.

К с. 80–81

[Примечание.]

Этот текст не принадлежит Щербатову: он близок, отчасти текстуально совпадает с одним из черновых вариантов "Замечаний о бунте", дополнявших "Историю Пугачева" А.С. Пушкина. См. наст. изд., с. 12–13.

К с. 84

... александрийский архитектор, построющий Фару...

Фаросский маяк ("Фара") – одно из "семи чудес света" – мраморная башня, выстроенная на острове Фаросе близ Александрии царем Птолемеем Филадельфом (III в. до н.э.). Щербатов излагает древнее предание, известное по Лукиану и другим античным авторам.

Il me loue tant, qu'enfin il me gêtera.

Он мне так льстит, что в конце концов испортит меня (фр.).

К с. 91

... заведение сиропитательного дому, девичьего монастыря для воспитания благородных девиц...

При Екатерине II были открыты воспитательные дома в Москве (1764 г.) и Петербурге (1770 г.). В 1764 г. часть корпусов Смольного монастыря была передана Воспитательному обществу благородных девиц (Смольному институту).

... по пристрастию возвели на польской престол Понятовского, хотели ему против вольностей польских прибавить самовластия; взяли в защищение десидентов...

Подразумеваются события, предшествующие первому разделу Польши: Екатерина II, усиливая свое влияние в этой стране, поддерживала короля Ста-

нислава Понятовского (1764–1795), а также диссидентов, т.е. христиан-некатоликов.

... подали причину к Турецкой войне [...] послали флот в Грецию, который божеским защищением победу одержал.

Важным эпизодом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. была экспедиция русского флота в Средиземное и Эгейское моря, завершившаяся победоносным морским сражением у Чесмы (1770 г.).

К с. 92

Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные...

21 апреля 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту дворянству и Жалованную грамоту городам.

К с. 93

... Николай Иванович Чечерин, служивший ей [Екатерине II] со всем возможным усердием [...] наконец от нее гнан был, что безвременно живот свой окончил.

Николай Иванович Чичерин – генерал-полицмейстер. С 1764 г. предпринял много строительных работ по благоустройству города. В 1777 г. в столице произошло крупное наводнение, унесшее тысячи жизней. Екатерина II поставила случившееся в вину Чичерину как главе полиции, вследствие чего 7 декабря 1777 г. он получил отставку.

Графиня Прасковья Александровна.

Статс-дама графиня П.А. Брюс.

К с. 94

...многие книги Вольтеровы [...] Белизер Мармонтелев...

Кроме переводов отдельных сочинений Вольтера, И.Г. Рахманинов с 1785 г. начал выпуск "Полного собрания всех переведенных на российский язык сочинений Вольтера". "Белизер" ("Велизарий") – философский роман Ж. Мармонталя – был переведен на русский язык в 1773 г. Консерватор Щербатов осуждает проникновение в Россию вольной французской литературы еще за два-три года до Французской революции. После 1789 г. правительство Екатерины II резко переменит прежнее просвещенно-либеральное отношение к передовым западноевропейским мыслителям.

IV. Введение Искандера

[к публикации "Путешествия из Петербурга в Москву"

А.Н. Радищева]

В оглавлении к "Щербатову – Радищеву" предисловие названо "Введение Искандера". Оно написано одновременно или после окончания введения ко всей книге, так как в нем отсутствуют важные общие оценки деятельности Радищева, представленные в первом предисловии ("Это наши мечты – мечты декабристов" и др.).

Впервые познакомившись с замечательной книгой Радищева, Герцен стремится ввести это имя в историю русского освободительного движения. Важным

элементом "воскрешения" Радищева, естественно, было бы обнаружение биографии первого революционера.

За год до выхода "Щербатова – Радищева" Герцен находит сведения об аресте первого революционера и его книги в "Записках" Дашковой. В статье "Княгиня Екатерина Романовна Дашкова" (ПЗ, кн. III), пересказывая воспоминания своей героини, Герцен пишет: «Екатерина испугана брошюрой Радищева; она видит в ней "набат революции". Радищев схвачен и сослан без суда в Сибирь» (XII, 406). Из текста видно, что создатель Вольной печати неясно представляет события: книга Радищева названа "брошюрой", а тон герценовского отзыва, несомненно, ироничен.

Вскоре, однако, в Лондоне получают более полную информацию.

К лету 1858 г. Вольная печать располагала также сведениями, содержащимися в статье Пушкина "Александр Радищев", написанной в 1836 г., но впервые опубликованной П.В. Анненковым в 1857 г.: Седьмой дополнительный том анненковского собрания, разрешенный цензурой 5 июля 1857 г., попадает в Лондон не раньше осени 1857 г.

Большую часть герценовского введения занимают отрывки из пушкинской статьи, а также прибавления ("Из записок Храповицкого"), которыми Пушкин сопроводил "Александра Радищева"⁷¹.

Не имея другого источника, Герцен открыто продолжает полемику с Пушкиным из-за Радищева, которая в скрытом виде имеется уже в первом "Введении Искандера" (см. коммент. I); в обоих введениях подчеркивается радищевский "громкий протест против крепостного состояния"; последний проект Радищева, возвращенного из ссылки, это, по убеждению Герцена, – план "о свободении крестьян" (с. 106)⁷². В то же время в период максимальных илизий насчет возможности мирных преобразований в стране Герцен обходит или игнорирует проблему народного бунта, возмущения, ясно выраженную в "Путешествии". Любопытно, как в этой связи Герцен цитирует пушкинскую статью о Радищеве.

⁷¹ Сочинения Пушкина/Изд. П.В. Анненкова, т. 7, доп., ч. 2, с. 59–60.

⁷² Действительно, среди "мнений" Радищева за последний год его жизни было и "освободить крепостных господских крестьян" (Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями/ Подг. текст, статья и примеч. Д.С. Бабкина. М.: Л., 1959, с. 97). В то же время это не было главным предметом его занятий: в последние месяцы жизни Радищев служил в Комиссии составления законов, где он (согласно сведениям сына, П.А. Радищева) «занился сочинением уложения и уже составил проект "Гражданского уложения", полагая представить его графу П.В. Завадовскому [...] Для составления уголовного уложения он имел намерение отправиться в Англию для изучения тамошних уголовных законов и исследовать на месте публичное судопроизводство и учреждение присяжных (jury), для чего надеялся получить пособие от правительства на путевые издержки. В разговорах своих с графом Завадовским он, не стесняясь, обнаруживал свой свободный образ мыслей, так что граф Воронцов приветствовал его однажды при других словах: "Bonjour, monsieur le democrate" ("Здравствуйте, господин демократ"). Такое направление не соответствовало мнениям и взгляду гр. Завадовского» (Биография А.Н. Радищева..., с. 94–95).

Пушкин (с. 53): "Он написал свое путешествие из Петербурга в Москву. Сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу".

Герцен (с. 104–105): «Радищев [...] "спокойно пустил в продажу свое Путешествие из Петербурга в Москву", напечатав ее тайно в своей типографии, говорит Пушкин».

Искандер полагают, что пушкинский "Александр Радищев" — "статья, не делающая особенной чести поэту", и обращался к своим читателям с призывом прислать полную биографию Радищева — "мы с радостью напечатываем ее".

Критический отзыв Герцена насчет пушкинской статьи "Александр Радищев" публиковался одновременно с рядом других общественно-политических откликов на это сочинение.

Еще раньше, чем Герцен, в первой книге "Современника" за 1858 г., Н.А. Добролюбов, разбирая седьмой том анненковского издания, много места уделил статье Пушкина "Александр Радищев". "Относительно этой статьи, — писал критик, — мы не можем согласиться с мнением издателя... В этой статье мы видим взгляд весьма поверхностный и пристрастный". При этом Добролюбов отмечал ряд противоречий пушкинской статьи, где "выражается, без ведома автора, уважение его к Радищеву в самом оправдании, решительно противоречащем строгому приговору, произнесенному относительно всей деятельности этого человека [...] Вообще нужно заметить, что статья о Радищеве любопытна как факт, показывающий, до чего может дойти ум живой и светлый, когда он хочет непременно подвести себя под известные, заранее принятые определения. В частных суждениях, в фактах, представленных в отдельности, постоянно виден живой, умный взгляд Пушкина; но общая мысль, которую доказать он поставил себе задачей, ложна, неопределенна и постоянно вызывает его на сбивчивые и противоречащие фразы"⁷³.

В 1859 г. в статье "Русская сатира в век Екатерины" Добролюбов справедливо выделит радищевскую книгу как явление необыкновенное: "Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против нее и можно было употребить столь сильные меры. Впрочем, если бы этих мер и не было, все-таки "Путешествие из Петербурга в Москву" осталось бы явлением исключительным и за автором его последовали бы, до конечных его результатов, разве весьма немногие"⁷⁴.

Н.Г. Чернышевский, рецензируя в 10-м номере "Современника" за 1860 г. Записки Л.Н. Энгельгардта, заметил о XVIII веке, что "Новиков, Радищев, еще, быть может, несколько человек одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мыслей"⁷⁵.

Е.И. Якушкин, публикуя отрывки из другой пушкинской работы о Радищеве ("Мысли на дороге"), находил (подобно Добролюбову), что "убеждения автора были очень нетверды. Иначе как объяснить себе, что Пушкин, говоря об

⁷³ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1934, т. 1, с. 317–320.

⁷⁴ Там же, 1935, т. 2, с. 149.

⁷⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 7, с. 484.

одной картине из крепостного быта, мастерски начерченной Радищевым, увлекается ею до того, что соглашается с ним, не замечая даже, что впадает через это в противоречие со своими собственными словами, высказанными за несколько страниц"⁷⁶.

А.Н. Афанасьев собирался составить свод материалов, опровергающих позицию Пушкина. "О Радищеве я уже думал, — писал он в письме к М.Ф. де Пуле от 12 ноября 1858 г., — но дело очень щекотливое в цензурном отношении. На первый раз пушу выписки из известной его книги по поводу статьи Пушкина о Радищеве. К прозе Пушкина приготовлены очень любопытные дополнения и исправления по его собственноручным рукописям. Тут надо бы коснуться и статьи о Радищеве и его книге. Разумеется, отзыв Пушкина не выдерживает критики"⁷⁷.

Либеральная критика разошлась в мнениях насчет пушкинской статьи. А.В. Станкевич писал: «Из биографической статьи "О Радищеве", являющейся впервые на свет, мы можем ознакомиться с мнениями Пушкина о человеке, в котором, с точки зрения исторических и общественных условий, он усматривал только пример для поучения. Поучительная сторона явления закрыла от него другую сторону, трагическую. Нельзя сказать, чтоб это послужило в пользу живости и ясности биографического очерка»⁷⁸; публикатор же пушкинской работы П.В. Анненков, наоборот, находил, что статья Пушкина принадлежит "к тому зрелому, здравому и пронизательному критическому такту, который отличал суждения Пушкина о людях и предметах незадолго до его кончины"⁷⁹.

Этими спорами 1858 г. начинается до сего времени продолжающаяся полемика о подлинном смысле пушкинской статьи "Александр Радищев".

П.Н. Сакулин, В.П. Семенников и другие исследователи поддержали мысль о том, что Пушкин выражал свои истинные (пусть и недостаточно объективные) мысли о Радищеве.

В.Е. Якушкин, С.А. Венгеров, позже ряд советских исследователей в той или иной степени признавали в статье Пушкина иносказание; видели влияние цензурных рамок, стремление поэта любой ценой снять "запрет" с Радищева и добиться права писать о нем⁸⁰.

За последние десятилетия наблюдался и ряд попыток сближения взглядов Пушкина и Радищева. По этому поводу проблемное, итоговое издание советских пушкинистов отмечало, что «при такой безоговорочной трактовке фактически получается, что политическая позиция Пушкина в эти годы совпала с политической позицией Радищева. Но тем самым не учитывается тот огромный

⁷⁶ Библиографические записки, 1859, № 6, стб. 163.

⁷⁷ Бабкин Д.С. Первые биографы А.Н. Радищева. — В кн.: Биография А.Н. Радищева..., с. 24—25.

⁷⁸ Атений, 1858, № 1, с. 79.

⁷⁹ Сочинения Пушкина/Изд. П.В. Анненкова, т. 7, доп. ч. 2, с. 3—4.

⁸⁰ Сакулин П.Н. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. М., 1920; Семенников В.П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923, с. 281; Якушкин В.Е. Радищев и Пушкин. — ЧОИДР, 1886, кн. II; [Венгеров С.А.] Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов/ Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1897, т. 1, с. 822.

"опыт истории", который уже был в распоряжении Пушкина [...], опыт французской буржуазной революции, опыт русской дворянской революционности)"⁸¹.

Начало полемики вокруг пушкинской работы было особенно актуальным в 1857–1858 гг., так как в это время статья "Александр Радищев" была практически единственной опубликованной биографией первого революционера. Именно в эти годы активно борется за обнародование литературного наследия и биографии своего отца третий сын А.Н. Радищева Павел Александрович Радищев (1783–1866). В конце 1858 г., через полгода после герценовского обращения, он сумел напечатать краткую биографию А.Н. Радищева в "Русском вестнике"⁸². Публикация оказалась возможной благодаря ходатайствам Н.Ф. Щербини – в то время чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения П.А. Вяземском; Н.Ф. Щербина и М.Н. Лонгинов выступили редакторами первой печатной биографии Радищева, внося в нее ряд исправлений и дополнений⁸³. П.А. Радищев не скрывал, что побудительным мотивом к написанию его труда было ознакомление со статьей Пушкина в т. 7 анненковского издания.

В виде приложения к публикации "Московского вестника" были помещены "Замечания" П.А. Радищева на статью Пушкина; сын революционера страстно, порою несправедливо доказывал "незнание фактов или извращение их" у Пушкина, писал, что "особенно поражает ложный свет и странный, труднообъяснимый взгляд, брошенный на личность Радищева нашим знаменитым поэтом". В черновике П.А. Радищева остались строки, довольно близкие ко взгляду Герцена на пушкинскую статью: "Впрочем, может быть, Пушкин, слышавший всегда поклонником Радищева, считал себе долгою написать эту статью [...] Некоторые говорят, что Пушкин хотел только Радищева извлечь из мрака забвения во что бы то ни стало, а хвалить Радищева ему не позволили бы"⁸⁴.

Публикация биографии А.Н. Радищева в "Московском вестнике" была одной из причин увольнения либерального московского цензора Н.Ф. Крузе.

П.А. Радищев в ту пору переписывался с Герценом: при первом письме (несохранившемся, но, вероятно, 1860 г.) сын Радищева доставил Герцену радищевскую оду "Вольность". 17 июля 1860 г. Герцен, отвечая (возможно, через посредство А.А. Слепцова), очевидно, предлагал опубликовать материалы о Радищеве за определенный гонорар (письмо также не сохранилось).

15 июля 1861 г. П.А. Радищев вновь писал Герцену, посылая «биографию Радищева и две статьи, ему приписываемые, из "Живописца" Новикова»; сын первого революционера жаловался на продолжающийся запрет "Путешествия" и мечтал "напечатать за границу собрание всех сочинений Радищева [...] с приложением его портрета и вида Илимска"⁸⁵.

Вероятно, Герцен не стал публиковать биографию Радищева, так как она

⁸¹ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М., 1966, с. 499.

⁸² Руский вестник, 1858, т. 18, дек., кн. 1, с. 395–432.

⁸³ Бабкин Д.С. Первые биографы А.Н. Радищева, с. 18–20.

⁸⁴ Там же, с. 106.

⁸⁵ ЛН. М., 1955, т. 62, с. 504–505.

была уже напечатана в "Московском вестнике", однако имя Радищева после 1858 г. неоднократно появляется в вольных изданиях. 15 февраля 1859 г. в 36-м листе "Колокола" появилось редакционное обращение с просьбой прислать "портрет *А. Радищева*, который был приложен к его сочинениям" (Герцен, XIV, 362). Неведомый корреспондент (может быть, П.А. Радищев) прислал просимый портрет⁸⁶. В статье "Новая фаза русской литературы" (1864 г.) Герцен восполнил пробел, невольно оказавшийся в более раннем труде "О развитии революционных идей в России". Повторив и развив мысль о значении для русской литературы "фонвизинского смеха", Герцен писал: "Как только сознание пробудилось, человек с отвращением увидел окружавшую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой органической связи с народом. Само существование было лишь своего рода казенной службой. Жаловаться, протестовать – невозможно! Радищев попробовал было. Он написал серьезную, печальную, исполненную скорби книгу. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачева. Высмеивать было менее опасно" (Герцен, XVIII, 178).

В итоговом сочинении "Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках, по их воспоминаниям" (1868 г.) Герцен включил книгу Радищева в предысторию 14 декабря (Герцен, XX, 227); "Введение Искандера" к "Путешествию из Петербурга в Москву" было дважды перепечатано в изданиях радищевской книги, предпринятых лейпцигским книготорговцем Каспривичем в 1876 г.

В 1868 г. специальная статья во французском "Колоколе" (№ 9 от 15 июля 1868 г.) была посвящена Герценом первому после 1790 г. российскому изданию "Путешествия", выпущенному с купюрами (Герцен, XX, с. 319–320; см. подробнее в коммент. V).

Герценовское предисловие с исправлением опечаток см.: Герцен, XIII, с. 278–280 (текст), с. 562–563 (коммент.). Цитируемая Герценом статья Пушкина "Александр Радищев" и прибавления к ней см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. 12, с. 30–40 (текст), с. 351–356 (варианты), с. 445 (коммент.).

V. "Путешествие из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева

Это вторая после авторской (1790 г.) публикация книги А.Н. Радищева – замечательного памятника русской освободительной мысли. Источник публикации Герцена – не печатный текст, а один из списков "Путешествия".

Издание первого революционного сочинения, строжайше запрещенного в течение ряда десятилетий, – важный этап в борьбе за радищевское наследие. Полуторазековые изыскания ученых, писателей, публицистов открыли многие подробности этой борьбы (см. библиографию трудов о Радищеве в кн.: Исто-

⁸⁶ Там же, 1956, т. 63, с. 776. Портрет хранится в ЦГАЛИ, ф. 5770 (Пражская коллекция), оп. 3, № 129.

рия русской литературы XVIII века: Библиографический указатель/ Сост. В.П. Степанов и Ю.В. Стенник; Под ред. П.Н. Беркова. Л., 1968, с. 344–364 и по указателю; Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев. "Путешествие из Петербурга в Москву": Коммент. Л., 1974; обзор изучения наследия Радищева за 1965–1975 гг. см.: РЛ, 1975, № 4).

А.Н. Радищев работал над отдельными фрагментами будущей книги с конца 1770-х годов: часть исследователей издавна соглашается, а часть — оспаривает утверждение П.А. Радищева, сына писателя, будто первым печатным фрагментом будущего "Путешествия" является "Отрывок путешествия в *** И*** Т***", напечатанный в 1772 г. в журнале Н.И. Новикова "Живописец"⁸⁷. К 1779–1780 гг. относится работа Н.А. Радищева над входящими в состав книги стихами "Творение мира"; в 1780 г. начато "Слово о Ломоносове"; около 1783 г. написана ода "Вольность"; в 1785–1786 гг. начаты "Повесть о проданных с публичного торга" (глава "Медное"), рассказ о происшествии на Финском заливе ("Чудово"), рассуждение о цензуре ("Торжок"). Во второй половине 1788 г. была завершена начальная редакция книги; 22 июля 1789 г. она разрешена петербургским обер-полицмейстером П.И. Рылеевым; параллельно продолжалась работа над рукописью, в которую вносились существенные дополнения, исправления и после ее цензурования. С января 1790 г. "Путешествие" набиралось в домашней типографии Радищева. В конце мая — начале июня 1790 г. тираж (около 650 экземпляров) был отпечатан. Книга вышла без имени автора. 26 экземпляров были отданы для продажи купцу Г.С. Зотову, несколько книг Радищев разослал Г.Р. Державину, А.Р. Воронцову и др.⁸⁸ Экземпляр, посланный А.М. Кутузову (другу Радищева, которому посвящено "Путешествие"), до него не дошел.

В двадцатых числах июня 1790 г. в Петербурге уже много говорили о "Путешествии"; 23 июня полиция знала, что Радищев — "издатель" книги; 26 июня был арестован Зотов. Независимо от полицейского розыска 25 июня получила экземпляр Екатерина II и читала его до 7 июля. 30 июня 1790 г. Радищев был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. 13 июля последовал указ о предании писателя суду и об изъятии "зловредной книги", "дабы она нигде в продаже и напечатании здесь не была под наказанием, преступлению сему соразмерным". 24 июля 1790 г. петербургская палата уголовного суда приговорила Радищева к смерти, 4 сентября Екатерина II заменила казнь десятилетней ссылкой в Илимский острог.

Что касается книги, то было конфисковано и вслед затем уничтожено всего шесть ее экземпляров, так как сам Радищев перед арестом сжег большую часть тиража, а все рукописи, кроме цензурной, были тщательно укрыты⁸⁹. В настоящее время известны 13 печатных экземпляров "Путешествия", сохранившиеся в СССР, а также две или три книги за границей⁹⁰.

⁸⁷ Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев. "Путешествие из Петербурга в Москву": Коммент./Пособие для учителя. Л., 1974, с. 8–9.

⁸⁸ Моисеева Г.Н. Экземпляр "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева в архиве Воронцова. — В кн.: XVIII век. Л., 1977, сб. 12, с. 242–246.

⁸⁹ Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев..., с. 28.

⁹⁰ Там же, с. 19; Материалы, с. 314–322.

Почти не зная биографии Радищева, даже не имея точной даты его рождения, Герцен отчетливо видел связь идей первого революционера со "страданиями масс", слышал отзвук подлинного знания "народной жизни"; в то же время во введении к книге "Щербатов – Радищев" отмечается огромное влияние на Радищева начавшейся французской революции, "весны девяностых годов". Контраст новых идей и положения в России – вот, по Герцену, главная причина появления такого деятеля, как Радищев, и таких книг, как "Путешествие".

Герцен прав в широком, общеисторическом смысле, так как "Путешествие" задуманное и написанное в основном до 1789 г., перекликается с идеями Гельвеция, Дидро, Рейналя и других идейных предшественников революции.

На что надеялся Радищев и отчего сочинение его беспрепятственно вышло в свет? Во-первых, в сравнительно недавнем прошлом, до французской революции, вышел ряд сочинений, хотя и не доходивших, подобно Радищеву, до полного отрицания господствующей системы, но притом достаточно острых и обличительных (Фонвизин, Новиков, Княжнин и др.). Во-вторых, беспечность карательных, цензурных органов объяснялась, очевидно, отсутствием у самодержавия опыта политической борьбы с такого рода идеями (овер-полицмейстер, например, явно не прочитал рукописи, представленной на его цензуру Радищевым). "Новый курс" Екатерины II, выразившийся вскоре в репрессиях против Княжнина, Новикова, многообразных запретах, летом 1790 г. еще не проявился достаточно ясно.

* * *

Между запретом книги и вторым ее изданием в Вольной типографии Герцена "Путешествие" продолжало распространяться, проходя очень сложные, не всегда ясные этапы своей судьбы.

С конца XVIII в. пошли списки "Путешествия", которых сохранилось больше, чем печатных экземпляров: в 1935 г. было учтено 28 списков "Путешествия", к 1956 г. – 65, в начале 1970-х годов – 80, в настоящее время – около 100⁹¹.

Важным фактом в истории "Путешествия" являются довольно существенные различия между разными группами списков (так называемые списки А, Б, В, Г, Д, Е и Ж)⁹².

Особенности и происхождение ряда списков породили различные гипотезы.

Г.П. Шторм полагал, что Радищев, возвратившийся из ссылки, в 1799–1800 гг. продолжал работу над "Путешествием" и расширил текст произведения, откуда и явились списки особого состава (соединившие "последнюю волю" Радищева и определенную контaminaцию текста разными переписчиками)⁹³. Гипотезы Г.П. Шторма не были приняты специалистами, однако в связи с ними возникла полезная дискуссия о происхождении списков.

Д.С. Бабкин разницу списков целиком сводил к деятельности переписчиков,

⁹¹ Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев..., с. 19; Западов В.А. Пять загадок радищевской текстологии (работа А.Н. Радищева над "Путешествием"). – РЛ, 1981, № 2, с. 131–149.

⁹² Западов В.А. Пять загадок радищевской текстологии, с. 131–149.

⁹³ Шторм Г.П. Потаенный Радищев. 1-е изд. М., 1965; 2-е изд. М., 1968.

чи "глюссы и интерполяции [...] как бы срослись графически с радищевским печатным текстом"⁹⁴.

Наиболее обоснованной и плодотворной оказалась, однако, точка зрения В.А. Западова, поддержанная рядом других исследователей, о том, что разные списки отражают разные этапы работы писателя над своим сочинением⁹⁵. "... все увеличивающееся количество списков, сделанных с разных редакций, свидетельствует о том, что мужественный писатель-революционер, желая уберечь свой труд от уничтожения, своевременно принял меры для спасения имевшихся у него материалов — от самого раннего автографа начальной редакции до последних по времени протографа сводной редакции и корректурных листов. И этот замысел писателя-борца — сохранить свой труд для потомства — вполне удался"⁹⁶.

Изучение последнего десятилетия биографии Радищева и начального периода "потанной жизни" его запретной книги делает маловероятными гипотезы о продолжении революционной борьбы А.Н. Радищевым в конце 1790-х годов и о создании в ту пору новой авторской редакции "Путешествия". Д.С. Бабкин выдвинул гипотезу (поддержанную последующими изысканиями В.А. Западова) о намерении Радищева переиздать свое "Путешествие" в начале 1800-х годов⁹⁷.

Важнейшими, хотя и не бесспорными представляются наблюдения Ю.Ф. Карякина, Е.Г. Плимака о сложном кризисе, который испытал Радищев под впечатлением якобинского периода французской революции; о постепенном отрицании им крайних, кровавых путей как средства преобразования России⁹⁸.

Самоубийство Радищева, вероятно, было трагическим результатом духовного кризиса, когда первый революционер отходит от ряда прежних идей, но не может согласиться и с господствующими; когда он не принят "наверху", чужероден даже в либеральные первые годы царствования Александра I.

Последующие основные вехи в жизни главного радищевского труда таковы. 1802—1858 гг. — период замалчивания радищевского "Путешествия", максимальной изоляции русской освободительной мысли от радищевского истока. Тем не менее существовал определенный круг лиц, старавшихся передать, сохранить радищевские мысли: к этому кругу, кроме сыновей Радищева, стремившихся собрать материалы к биографии отца, надо отнести таких мыслителей, как И.П. Пнин, И.М. Борн и других, откликнувшихся на трагическую смерть Радищева⁹⁹.

⁹⁴ Бабкин Д.С. Проблемы радищевской текстологии. — РЛ, 1969, № 3, с. 95—97.

⁹⁵ Западов В.А. Работа А.Н. Радищева над "Путешествием" (еще раз о проблемах радищевской текстологии). — РЛ, 1970, № 2, с. 161—172; Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев..., с. 19—31; Татаринцев А.Г. Неизвестная редакция "Путешествия из Петербурга в Москву". — РЛ, 1970, № 4, с. 80—94.

⁹⁶ Западов В.А. Работа А.Н. Радищева над "Путешествием...", с. 172.

⁹⁷ Ср.: Бабкин Д.С. А.Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966, с. 266—283; Западов В.А. Пять загадок радищевской текстологии, с. 147.

⁹⁸ Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966.

⁹⁹ Орлов В.Н. Радищев и русская литература. Л., 1952.

В 1805 г. в журнале "Северный вестник", благодаря усилиям друга Радищева Августа Вицмана, перепечатывается (без имени автора и под заглавием "Отрывок из бумаг одного россиянина") глава "Клин" из радищевского "Путешествия"¹⁰⁰. Издатель журнала И.И. Мартынов (позже – один из основателей Царскосельского лицея) сопровождал публикацию примечанием: "Читатели найдут в сем сочинении не чистоту русского языка, но чувствительные места. Издатели смеют надеяться, что тени усопшего автора первое прощено будет для последнего".

В 1806–1811 гг. выходит собрание сочинений Радищева в шести томах с портретом автора; одним из организаторов издания был второй сын А.Н. Радищева – Николай Радищев; "Путешествие" (и ода "Вольность") должно было войти в собрание, однако этот план осуществить не удалось.

В 1815 г. С.С. Уваров напечатал в 17-м "Чтении в Беседе любителей русского слова" статью под названием "Ответ В.В. Капнисту на письмо его об экзаметре". В этой статье Уваров поместил большой отрывок рассуждений А.Н. Радищева о русском стихотворстве из главы "Тверь" ("Путешествие"). В.В. Капнист, споря с Уваровым по вопросу развития в русской поэзии гекзаметра, писал: "Читая строки сии, может быть, подумаете вы, что я без внимания пропустил приведенное в ответе вашем рассуждение почтенного г-на Р[адищева]; нет я не гордец-вельможа и не временщик: встреча с старым знакомцем всегда мне приятна. Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения..."¹⁰¹.

В 1816 г. В. Сопиков попытался упомянуть о "Путешествии" Радищева в своем известном библиографическом издании "Опыт российской библиографии". Книга характеризовалась там как "прередкая, ибо вышло в свет оной не более 500 экземпляров". Там же публиковалось посвящение А.М. Кутузову, открывающее "Путешествие"; однако в большинстве экземпляров "Опыта" эта страница была заменена чистой¹⁰².

В то же время, согласно сообщению саксонского дипломата и писателя Георга Гельбига, "конфискацией книги [в 1790 году] все-таки не помешали, тому чтоб она стала известна. В России появились списки с этой книги, и несколько экземпляров проникло даже за границу"¹⁰³. В 1793 г. был сделан немецкий перевод шести глав "Путешествия"¹⁰⁴.

В 1820-х годах продолжается интенсивное распространение списков "Путешествия". По данным В.А. Западова, из 79 обследованных им списков 17 изготовлены на бумаге 1790–1799 г.; 23 – на бумаге 1800–1810 гг.; 24 – 1811–1824 гг.

Отношение декабристов к радищевской книге отличалось известной проти-

¹⁰⁰ Северный вестник, 1805, янв., с. 61–67.

¹⁰¹ Цит. по: Бабкин Д.С. Первые биографы А.Н. Радищева, с. 8.

¹⁰² Сопиков В. Опыт российской библиографии. СПб., 1817–1821, ч. 1–5.

¹⁰³ Гельбиг Г. Русские избранные/Пер. и примеч. В.А. Бильбасова. Берлин, 1900, с. 492–493.

¹⁰⁴ Грасхоф Х., Хексельшнейдер Е., Циггенгейст Г. Первый немецкий перевод "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева. – Вопросы литературы, 1963, № 7, с. 138–144.

воречивостью. С одной стороны, чтение, ознакомление, интерес ряда дворянских революционеров: Ф.Н. Глинка читал список, принадлежавший его брату С.Н. Глинке; Радищева читают Николай Тургенев, Никита Муравьев; влияние Радищева признавали В.И. Штейнгель, П.А. Бестужев. Постоянен интерес к "Путешествию" и его автору и со стороны видных литераторов, близких в этот период к декабристскому кругу: в пушкинском "Послании цензору" (1822 г.) знаменательны строки "Радищев, рабства враг, цензуры избежал". Хорошо помнил о запретном Радищеве и П.А. Вяземский, который 7 января 1821 г. беспокоился о Н.И. Тургеневе: "Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее, как Радищеву"¹⁰⁵.

Несколько лет спустя, в конце 1820-х годов, по просьбе Вяземского, Н.А. Радищев составляет для него краткую биографию своего отца¹⁰⁶.

Среди людей, интересовавшихся прозой Радищева и собиравшихся писать о нем статью, был и К.Н. Батюшков¹⁰⁷.

В то же время в 1820-х годах уже давала себя знать и историческая дистанция, отделяющая эти годы от времени Радищева. В показаниях декабристов, где первыми уроками свободомыслия названы десятки сочинений русских и западных авторов, Радищев и его книга встречаются все же сравнительно редко. Вряд ли В.К. Кюхельбекер старался обмануть следствие, когда упомянул "Путешествие" Радищева, в котором "мало что понял"¹⁰⁸. Характерен и упрек Пушкина, сделанный в 1823 г. А.А. Бестужеву, который забыл упомянуть Радищева в своем обзоре прежней литературы: "... как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно..."¹⁰⁹ Само пушкинское письмо, конечно, говорит о сложном противоборстве традиции и "забывания". Однако полагаем, что Кюхельбекер и А. Бестужев не только старались обмануть власть, цензуру, но и в самом деле уже хуже понимали Радищева, чем их отцы. Во-первых, за треть века между выходом "Путешествия" и апогеем декабризма сильно переменялся литературный язык; многие приемлемые для конца XVIII столетия речевые обороты теперь представлялись архаическими. Во-вторых, что более важно, при всем интересе и сочувствии к Радищеву декабристы во многом иначе, чем он, представляли "средства" коренного переустройства жизни, опасались народной стихии, радищевского пафоса всеобщего восстания.

После подавления декабристского восстания имя Радищева в течение десяти лет не упоминалось в печати. За 1825—1829 гг. известны три новых списка (из 79 изученных В.А. Западным), в 1840-х годах — четыре. Многие мыслители 1830—1850-х годов, в частности круг Герцена, Белинского, очевидно, почти не знакомы с книгой, что объясняется как цензурными запретами, так и

¹⁰⁵ Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 2, с. 137.

¹⁰⁶ Н.А. Радищев умер в 1829 г.; его очерк "О жизни и сочинениях А.Н. Радищева" написан на бумаге с водяным знаком 1819 г. (*Бабкин Д.С. Первые биографы А.Н. Радищева*, с. 6—7).

¹⁰⁷ Сочинения К.Н. Батюшкова. СПб., 1885, т. 2, с. 288.

¹⁰⁸ Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. 2, с. 167.

¹⁰⁹ *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.* [М.; Л.], 1937, т. 13, с. 64.

известным скепсисом российской прогрессивной молодежи по отношению к идейному наследию XVIII столетия.

В то же время продолжалось, однако, и распространение радищевского труда: "... книга, по словам Пушкина, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, ныне типографическая редкость [...], случайно встречаемая на почетной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика"¹¹⁰.

Среди обладателей немногочисленных сохранившихся печатных экземпляров "Путешествия" были известные библиофилы, книжные торговцы, коллекционеры: владельцами купленных за огромные деньги экземпляров были А.С. Пушкин, П.П. Бекетов, М.В. Юзефович, Д.П. Трошинский и др.¹¹¹

Попытки сохранить наследие, память о Радищеве предпринимались небольшим кругом литераторов: в конце 20-х – начале 30-х годов кроме П.А. Вяземского искал биографические сведения о Радищеве Д.Н. Бантыш-Каменский для издаваемого им "Словаря достопамятных людей русской земли". Не найдя других материалов, он обратился к П.А. Вяземскому за рукописью Н.А. Радищева и использовал ее для биографической справки об А.Н. Радищеве, напечатанной в 1836 г. в ч. IV "Словаря достопамятных людей". В конце справки он указал: "Извлечено из биографии А.Н. Радищева, сочиненной сыном его и хранящейся у князя Петра Андреевича Вяземского"¹¹².

Важнейшим событием в посмертной биографии Радищева была продолжавшаяся борьба Пушкина за возвращение славного имени русской литературе. В 1830-х годах поэт вступает как бы в диалог с Радищевым и пишет "Путешествие из Москвы в Петербург" ("Мысли на дороге"), оставшееся незаконченным. В 1836 г. Пушкин завершает и пробует напечатать статью "Александр Радищев". В 1836 же году в черновике "Памятника" появилась знаменательная строка "Вослед Радищеву восславил я свободу".

Материалы, собранные Пушкиным о Радищеве и "Путешествии из Петербурга в Москву", были плодом немалых разысканий и доказательством серьезного интереса Пушкина к радищевскому наследию. Важнейшим источником пушкинских сведений был экземпляр первого издания "Путешествия", переплетенный в красный сафьян с золотым тиснением по краям и с золотым обрезом; на корешке надпись: "Путешествие в Москву", на оборотной стороне листа после переплетной доски рукой А.С. Пушкина: "Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачен двести рублей"¹¹³, а на следующем чистом листе: "А. Пушкин". В настоящее время установлено, что пушкинский экземпляр был в 1790 г. в руках Екатерины II (с него часть помет царицы была перенесена на другой экземпляр, фигурировавший на суде).

Усилия Пушкина напомнить о "Путешествии" оказались, однако, тщетными: предназначенная для т. III "Современника" статья "Александр Радищев" была запрещена; министр народного просвещения С.С. Уваров нашел "излишним

¹¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949, т. 11, с. 224.

¹¹¹ Материалы, с. 314–322.

¹¹² Цит по: Бабкин Д.С. Первые биографы А.Н. Радищева, с. 9.

¹¹³ Рукою Пушкина/ Подг. к печати М.А. Цявловского и др. М.; Л., 1935, с. 603.

возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения"¹¹⁴. При подготовке посмертного издания сочинений Пушкина С.С. Уваров вторично запретил статью "Александр Радищев", которая "по многим заключающимся в ней местам к напечатанию допущена быть не может". Тем не менее в составе посмертного пушкинского собрания были опубликованы шесть глав из статьи "Путешествие из Москвы в Петербург" ("Мысли на дороге")¹¹⁵: в эту работу Пушкин включил небольшие фрагменты из радищевского "Путешествия". Таким образом, проблематика пушкинских обращений к Радищеву достаточно сложна. В любом случае поэт сопоставляет свою судьбу с радищевской ("вослед Радищеву") и стремится вернуть писателя и его книгу русской литературе, общественной мысли. Однако еще более двух десятилетий после смерти Пушкина доступ передового русского общества к радищевскому труду оставался очень затрудненным.

После 1857—1858 гг. Выход пушкинской статьи "Александр Радищев" (1857 г.), и, наконец, переиздание "Путешествия" Вольной русской типографией (1858 г.) оживило радищевскую традицию как раз в период сильного общественного подъема накануне отмены крепостного права.

Радищев, безоговорочно отрицавший крепостничество, рассматривал в своей книге и другие проблемы, занимавшие главное место в борьбе революционных демократов 1850—1860-х годов. Таковы затронутые Радищевым проблемы крестьянского бунта, вопрос о замене самодержавия другими формами и др. Герцен, как отмечалось, в двух своих введениях почти не касается этих мотивов. Для него Радищев — почти исключительно враг крепостничества. Новые публикации и споры о Радищеве отныне становятся естественным элементом прогрессивной общественной мысли.

В приложении к анненковской публикации статьи "Александр Радищев" была перепечатана глава "Клин" из "Путешествия".

Близкими единомышленниками и вероятными отправителями Герцену радищевского текста были, как отмечалось, прогрессивные литераторы, связанные с журналом "Библиографические записки" (Е.И. Якушкин, А.Н. Афанасьев, В.И. Касаткин и др.). Все они сыграли немалую роль в пропаганде и популяризации радищевского наследия.

Перепечатавая, а также впервые публикуя фрагменты из неоконченной пушкинской работы "Мысли на дороге", Е.И. Якушкин в 1859 г. вкрапывает в публикацию тексты из "Путешествия" (отрывки из "Слова о Ломоносове", а также из глав "Черная грязь", "Городня", "Клин", "Тверь", "Медное", "Вышний Волочек")¹¹⁶. Правительство, несмотря на ослабление цензурного гнета после 1855 г., продолжало давнюю борьбу против "возвращения Радищева", а значение публикаций Вольной печати в этих условиях резко возросло.

9 августа 1860 г. сын А.Н. Радищева П.А. Радищев обратился к царю с просьбой об издании "Путешествия", ссылаясь на недавние публикации: «Книга его

¹¹⁴ Сочинения Пушкина/ Изд. АН СССР. Л., 1929, т. 9, ч. 2, с. 718 (коммент.).

¹¹⁵ Сочинения Пушкина. СПб., 1841, т. 11, с. 5—54; перепечатка П.В. Анненкова в шестом томе его пушкинского издания (СПб., 1855, с. 75—95).

¹¹⁶ Библиографические записки, 1859, № 6, с. 161—176.

"Путешествие из Петербурга в Москву", в 1790 году напечатанная и подвергшаяся запрещению, ныне напечатана за границей и с распространением русского языка пользуется европейской известностью, как произведение русского, предупредившего свой век, и которого главные идеи впоследствии осуществились. Многие из нее отрывки и целая глава "Клин" уже появились в России в разных повременных изданиях, но все это сочинение, высоко ценимое, до сих пор не имеет права гражданственности в отечестве автора)¹¹⁷.

9 ноября 1860 г. Главное управление цензуры отказало в напечатании "Путешествия". П.А. Радищев еще раз ходатайствовал перед министром народного просвещения Е.П. Ковалевским; "28 января 1861 г. Петербургский цензурный комитет определил: допустить "Путешествие" к печати нельзя, также и две книги о человеке, ввиду отзыва духовной цензуры; что же касается до прочих творений Радищева, то появление их в печати признать несвоевременным"¹¹⁸.

В 1865 г. П.А. Радищев в третий раз без удачи просил о разрешении издать "Путешествие". В 1868 г. в Петербурге в типографии Головина было отпечатано издание «Радищев и его книга "Путешествие из Петербурга в Москву"» (издатель купец-книготорговец Шигин), куда были включены фрагменты книги Радищева.

Новое издание было отмечено Герценом в письме к Огареву от 15 (3) мая 1868 г. (Герцен, XXIX, 340). Событие это, несмотря на его слабый общественный резонанс, занимало создателей Вольной печати как пример влияния, определенного отзвука их деятельности: ровно через 10 лет после их публикации Радищева появляется пусть урезанное, но второе издание книги в России. В № 9 французского "Kolokol" появляется статья Герцена "Наши великие покойники начинают возвращаться" (Герцен, XX, кн. 1, 319–320).

Издание Шигина в связи с новым законом о печати от 6 апреля 1865 г. было поводом к формальному снятию (30 марта 1868 г.) старого абсолютного запрета на "Путешествие". Однако книге суждено было еще пережить немало гонений.

В 1872 г. под редакцией П.А. Ефремова были напечатаны два тома сочинений Радищева, в том числе полный текст "Путешествия" с рядом документальных приложений. На издание, однако, тут же был наложен арест. В докладе цензора Смирнова при этом отмечалось, что «книга, сохранив почти в целости свой первоначальный характер, и в настоящем виде содержит множество мест, непозволительных по ныне действующим цензурным постановлениям. Так, например, не говоря уже об оде "Вольность", в которой находятся выходки против принципов монархического образа правления и сочувствие к республиканской вольности, автор как в "Путешествии", так и в других сочинениях, вошедших в состав 1-го тома, весьма часто находит случай сказать что-нибудь в укоризну и даже в глухую угрозу самодержавной монархии [...] кроме того, автор легкомысленно относится к глумлению над богослужением, порицает представителей власти в светском и духовном звании, относится с ненавистью и презрением к вельможам и особенно к служащим при дворе, старается подорвать принцип воинской дисциплины, возмущает крестьян против помещиков, слуг против

¹¹⁷ Материалы, с. 326.

¹¹⁸ Там же, с. 330.

господ, в цензуре видит величайшее злоупотребление со стороны верховной власти и духовенства к задержанию народа в невежестве для легчайшего властвования над ним [...] короче сказать, почти все произведения Радищева, вошедшие в I том, особенно же "Путешествие", носят характер памфлета на существовавший при Екатерине Великой порядок вещей и вообще на весь государственный строй в монархиях, — памфлет, пропитанный либеральными фантазиями конца XVIII столетия [...]

...Так как некоторые из принципов, порицаемых автором, еще и ныне составляют основу нашего государственного и социального быта, то я полагаю неудобным допустить эту книгу к обращению в публике в настоящем ее виде, частью потому, что она может возбуждать к своему содержанию сочувствие в легкомысленных людях, частью служить удобным прецедентом для горячих и неблагоприятных публицистов, которые не затрудняются провозгласить Радищева мучеником за его гуманные утопии, жертвою произвола и попытаются подражать ему)¹¹⁹.

Этот цензурный отзыв, как и другие документы по этому делу, свидетельствовал об огромной политической актуальности книги Радищева и во второй половине XIX в.

11 июня 1873 г. ефремовское издание в количестве 1960 экземпляров было уничтожено.

В 1876 г. в Лейпциге вышли две перепечатки герценовского издания 1858 г.¹²⁰

До революции 1905 г. было предпринято еще несколько попыток полностью или частично переиздать "Путешествие".

В 1888 г. А.С. Суворин воспроизвел издание 1790 г. "из строки в строку, из буквы в букву, приблизительно с таким же шрифтом, со всеми опечатками подлинника, всего в количестве 100 экземпляров"¹²¹; однако позднейшая попытка более массового (2900 экземпляров) издания была пресечена Главным управлением по делам печати: 26 июня 1903 г. тираж был арестован и уничтожен¹²².

Таким образом, до 1905 г. вольное издание 1858 г. было единственным полным сравнительно тиражным изданием книги (в 2,5 раза более первоначального радищевского тиража, в 15 раз больше суворинского).

В 1905 г. появилось первое научное и полное издание "Путешествия" под ред. Н.П. Павлова-Сильванского и П.Е. Щеголева.

После того в 1906 г. вышло сразу пять изданий "Путешествия", в 1907 г. — три издания. В этот период труд Радищева становится достоянием широкого круга передовых мыслителей и участников революционного движения.

В статье "О национальной гордости великороссов" (1914 г.) В.И. Ленин писал: "Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и изде-

¹¹⁹ Материалы, с. 337—338.

¹²⁰ Путешествие из С.-Петербурга в Москву А. Радищева. 1790/Изд. Э.Л. Каспровича. Лейпциг, 1876.

¹²¹ Материалы, с. 344—345.

¹²² Там же, с. 346.

вательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов..."¹²³.

В советское время "Путешествие из Петербурга в Москву" переиздается постоянно. Наиболее авторитетным, комментированным изданием является прежде всего двухтомное издание 1935 г. Первый том представляет собой фото-литографское воспроизведение "Путешествия" издания 1790 г. Во втором томе ("Материалы к изучению "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева"), помимо статей Я.Л. Барскова и М.В. Жижки, дано обстоятельное описание рукописей и печатных изданий "Путешествия", подробный комментарий к тексту, ода "Вольность" и песнословие "Творение мира" (автор описания и комментария Я.Л. Барсков).

В 1938 г. "Путешествие" напечатано в первом томе Полного собрания сочинений А.Н. Радищева, изданного Академией наук СССР, с примечаниями и вариантами по рукописям А и Б. В печатный текст 1790 г. внесены исправления по рукописям.

* * *

Текст герценовского издания "Путешествия", уточненный, откорректированный позднейшими изысканиями, остается важной исторической вехой на пути между уничтоженной книгой 1790 г. и массовым современным изданием.

Восходя не к печатному изданию, а к одному из списков, "Путешествие", опубликованное Герценом, имеет ряд разночтений с печатным текстом 1790 г. Отдельные примеры этих различий приведены Я.Л. Барсковым¹²⁴. "К сожалению, — замечает комментатор, — Герцен не указывает, по какому списку напечатано "Путешествие" и кому принадлежат многочисленные изменения в тексте".

Разночтения изданий 1858 и 1790 гг. не имеют значения для истории радищевского текста, но любопытны для истории языка, для анализа того, как литературная, освободительная мысль 1850-х годов старалась приблизить Радищева к современному читателю. Для этого производился во многих случаях своеобразный "перевод" текста архаического (по мнению неизвестного редактора рукописи) на язык середины XIX в. Подавляющее большинство поправок направлено к упрощению старинных фраз, замене некоторых слов и оборотов. Так, оборот "новый сей" (с. 204 издания 1790 г.) заменяется на "сей новый"; "обыкшему" (с. 210 издания 1790 г.) — на "обыкновенный". Особенно часты перестановки в порядке слов: например, вместо "смех сердечной" (с. 210) — "сердечный смех"; вместо оборота "загрубевшие хотя от зноя и холода, но прелестные" (с. 210) — "хотя от зноя и холода загрубевшие, но прелестные" (свод разночтений см. в Приложении II).

"Путешествие из Петербурга в Москву" к настоящему времени освещено в обширной литературе и подробно откомментировано в книге Л.И. Кулаковой и В.А. Западова («А.Н. Радищев. "Путешествие из Петербурга в Москву". Комментарий») (Л., Просвещение, 1974).

¹²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

¹²⁴ Материалы, с. 324–325.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СОЧИНЕНИЕ М.М. ЩЕРБАТОВА "О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ"* (ПОДЛИННЫЙ АВТОРСКИЙ ТЕКСТ)

Взирая на нынешнее состояние отечества моего с таковым оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами¹ в ослабление пришли, а довол [ь]ное испытание² подало потребное³ просвещение, дабы судить о вещах⁴, не могу я не удивит [ь] ся, в коль краткое время повредилиса повсюдно нравы в России. Воистину могу я сказать, что естли, вступа⁵ позже других⁶ народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалос [ь] более, как благоразумно последовать⁷ стезям прежде

* Публикуемый в Приложении подлинный авторский текст рукописи М. Щербатова "О повреждении нравов в России" написан скорописью второй половины XVIII в. Выносные буквы (чаще всего предлог и приставка *от*) встречаются редко, они вносятся в строку без оговорок. Сокращенные написания слов (*гсдрь—государь, гсдрни—государыни, гсдрство—государство, князь—князь* и др.) даются полностью. Сохранены авторское членение текста по абзацам и наиболее характерные правописания, во многом отражающие живой разговорный язык москвичей XVIII в. Пунктуация и написание слов *ана, асабливо, щитали, нещастный, обшество, тшание, тшетно, сообщники, ниский, уборщица, тяшкой* и др. даны по современным правилам. Прямая речь, выделенная в рукописи подчеркиванием, передается в кавычках и с большой буквы. Явные описки автора специально не оговариваются.

¹ *Далее зачеркнуто* ослабл[и?].

² *Далее зачеркнуто* довол[ь]ное.

³ *потребное написано на полях.*

⁴ *дабы судить о вещах написано на полях.*

⁵ *Первоначально в тексте было входя, затем зачеркнутое, над ним сверху вписано вошед, потом также зачеркнутое и замененное на полях словом вступа.*

⁶ *Далее зачеркнуто* в просве[щение?].

⁷ *Далее зачеркнуто* им.

просвещенных народов⁸; мы⁹ подлинно в людскости¹⁰ и в некоторых других вещах¹¹, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же¹² гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов¹³ и достигли даже¹⁴ до того, что вера и божественный [й] закон в сердцах наших истребились [ь], тайны божественные в презрение впали. Гражданские узаконения презираемы стали¹⁵. Судии¹⁶ во всяких делах нетоль стали¹⁷ старат [ь]ся¹⁸, объясня [я] дело, учинить свои заключения на основании узаконеней, как о том, чтобы¹⁹, лихоимственно продавая правосудие, получить себе приток или, угождая какому вел [ь] може, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараясь познавать узаконения, в суждениях своих²⁰, как безумные бредят, и²¹ ни жизнь, ни честь, ни имущества гражданского²² не суть безопасны от таковых неправосудей²³. Несть ни²⁴ почтения от чад к родителям, которые не стыдятся открыто их воли противоборствовать и осмеивать их старого века поступок. Несть ни родител [ь]ской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостью отдают воспитывать чуждым детей своих; часто жертвуют их своим прибытком, и многие учинились [ь] для честолюбия и пышности продавцами чести дочерей своих. Несть искренней любви между супругов, которые часто друг другу²⁵, хладно терпя взаимственные прелюбодеяния, или другия за малое что разрушают собою церковь заключенный брак, и не токмо стыдятся, но паче²⁶ яко хвалятся сим поступком. Несть род-

⁸ стезям прежде просвещенных народов написано на полях.

⁹ мы вписано над строкой вместо зачеркнутого и.

¹⁰ Далее зачеркнуто мы можно сказать удивительные?].

¹¹ Далее зачеркнуто мы.

¹² Далее зачеркнуто можно ск[азать?].

¹³ Далее зачеркнуто даже.

¹⁴ даже вписано над строкой.

¹⁵ стали вписано над строкой.

¹⁶ Перед Судии зачеркнуто суждении судей во всяких делах.

¹⁷ стали написано на полях.

¹⁸ Далее зачеркнуто изъ[ясняя?].

¹⁹ Далее зачеркнуто продавая.

²⁰ Далее зачеркнуто то.

²¹ Далее зачеркнуто гражданская.

²² ни имущества гражданского написано на полях.

²³ неправосудей вписано над строкой вместо зачеркнутого суд обоего рода судей.

²⁴ Далее зачеркнуто сыновне почтен [ия?].

²⁵ Далее зачеркнуто тер[пя?].

²⁶ Далее зачеркнуто хвас[таются?].

ственнические связи, ибо имя родов своих ни за что почитают, но каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пол [ь] зы своя²⁷; несть верности к государю, ибо главное стремление почти всех обманывать своего государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения; несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пол [ь] зы своей, нежели для пол [ь] зы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в²⁸ беззаконном и зловердном его намерении попротивит [ь] ся.

Толь совершенное истребление всех благих нравов, грозящее²⁹ падением государству, конечно должно какие основательные причины иметь, которые во первых я подшуса открыть, а потом показать и самую историю, как нравы час от часу повреждалис [ь], даже как дошли до настоящей развратности.

Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а однако главнее из сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовол [ь] ствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавшей себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои³⁰ охулительные страсти, мало уже помышляет о законе божии, а тем мен [ь] ше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадателен к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы [?] А как государя считает источником, от коего может получить такия награждения, которые могут дать ему способы исполнить свое сладострастие, то привязывается к нему, но не³¹ с тою верностию, каковую бы должен преданной к самодержцу своему иметь, но с тем стремлением, к чему ведет его страсть, то есть, чтобы угождать во всем государю, л [ь] стить его страстям и подвигнуть его награждать его. А таковые расположения не рожают твердости; ибо может ли тот быть тверд, которой всегда трепещет не достигнуть до своего предмету, и которого твердость явным образом от оногo удаляет [?] Юлий³² Цесарь, толь искусный в познании сердец человеческих, яко искусен в военных и³³ политических делах, который умел побеждать вооруженных противу его врагов и побежденных

²⁷ Далее зачеркнуто наконец.

²⁸ в вписано над зачеркнутым в чем законном.

²⁹ Первоначально было грозящих.

³⁰ Далее зачеркнуто бесты [жие?].

³¹ Далее зачеркнуто то.

³² Юлий написано на полях.

³³ Далее зачеркнуто гр [ражданских?].

сердца к себе обращать. Не иное что ко утверждению своєю похищенные власти употребил, как бол [ь] шия награждения, дабы, введши чрез сие сластолюбие, к нему якобы ко источнику раздаяней более людей привязывалис [ь]. Не токмо всем своим поступком изъясвлял такія свои мысли, но и самыми словами единожды их изъяснил. Случилос [ь], что ему доносили нечто на Антония и на Долабелу, якобы он их должен опасат [ь] ся. Отвечал, что он³⁴ сих в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовол [ь] ствии и роскошь, никогда³⁵ страшит [ь] ся причины иметь не может. Но сии люди³⁶, продолжал он, которые о великолепности ни о спокойствии одежд не радят, сии иже роскошь презирают³⁷, и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус и Кассий, ему опасны в рассуждении намереней его лишить вол [ь] ности римский народ. Не ошибся он в сем, ибо подлинно сии его тридцети тремя ударами издыхающей римской вол [ь] ности пожертвовали. И тако самый сей пример и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вол [ь] ность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности.

Отложа все суровости следствий непросвещения и скитающейся жизни диких народов, рассмотрим их внутренния и не истребленные³⁸, влиянные природою в сердце человеческое добродетели. Худы ли или хороши их законы, они им строго последуют; обязатель [ь] ствы их суть священы, и почти не слышно, чтобы когда кто супруге или ближнему изменил; твердость их есть не вероятна, они за честь себе считают не токмо без страху, но и с презрением мученей умереть; щедрость их похвал [ь] на, ибо все, что общество трудами своими приобретает, то все равно в обществе делится, и нигде я не нашел, чтоб дикия странствующия³⁹ и не просвещенные народы похитили у собратьей своих⁴⁰ плоды собственных своих трудов, дабы свое состояние лучше других сделать. А все сие происходит, что несть в них и не знают они сластолюбия, следственно⁴¹ и никакого желания, клонящегося в ущерб другому, а к пол [ь] зе себе, иметь не могут.

Довол [ь] но я уже показал, что источник повреждения есть сластолюбие; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло

³⁴ Далее зачеркнуто никогда не будет.

³⁵ никогда написано на полях.

³⁶ Далее зачеркнуто ответственвал о [и?] .

³⁷ Далее зачеркнуто и малым д [овольны?] .

³⁸ Далее зачеркнуто вро [жденные?] .

³⁹ Далее зачеркнуто народы.

⁴⁰ Далее зачеркнуто со [бственные?] .

⁴¹ Далее зачеркнуто и ж [елания?] .

оно⁴² толико повредить сердца моих одноземцов. Но, дабы говорить о сем, надлежит сперва показать состояние нравов россиян до царствования Петра Великого.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели вес [ь]-ма простую, дворцы их были не обширны, яко свидетельствуют оставшиеся древния здания. Сем [ь] или восем [ь]⁴³, а много десять комнат⁴⁴ составляли уже довол [ь]ное число для вмещения государя. Оные состояли: крестовая, она же была и аудиенц-камера, ибо тут приходили и ожидали государя бояре и другие сановники; столовая гораздо небол [ь]шая, ибо по разрядным книгам видим, что вес [ь]-ма⁴⁵ малое число⁴⁶ бояр удостаивалось иметь честь быть за столом у государя; а для каких великолепных торжеств была назначена Грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей передспал [ь]няя, но кажется по расположению старых дворцов, которые я запомню, ей быть надлежало⁴⁷. Спал [ь]ня⁴⁸ и оные были не розные с царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для девушек царицыных, и обыкновенно она была одна, и для малолетних детей царских, которые по два и по три в одной комнате живали; когда же возрастали, то давались им особливые покои, но и оные не бол [ь]ше состояли как из трех комнат, то есть, крестовой, спал [ь]ни и заспал [ь]-ной комнаты. Самые дворцы сии бол [ь]ших украшений не имели, ибо⁴⁹ стены были голые, и скамьи стояли покрыты кармазинным сукном, а изыскуемое было великолепие, когда дурною⁵⁰ резною работою⁵¹ вокруг дверей были сделаны украшения, стены⁵² и своды вымазаны иконописным пис [ь]мом, образами святых, или так цветы наподобия арабеска; и естли было нескол [ь]ко ореховых⁵³ стульев или кресел для царя и царицы, обитых⁵⁴ сукном или трипом, то сие уже⁵⁵ высшая степень великолепия была⁵⁶. Кроватей с занавеса-

⁴² Далее зачеркнуто толь.

⁴³ Далее зачеркнуто комнат.

⁴⁴ комнат написано на полях.

⁴⁵ Далее зачеркнуто малые.

⁴⁶ Далее зачеркнуто людей.

⁴⁷ Далее зачеркнуто пок [ой?].

⁴⁸ Далее зачеркнуто пер [едспальная?].

⁴⁹ Далее зачеркнуто голы [е].

⁵⁰ дурною написано на полях.

⁵¹ Далее зачеркнуто корниз.

⁵² Далее зачеркнуто и пот [олок?].

⁵³ ореховых написано на полях.

⁵⁴ Далее зачеркнуто тр [ипом?].

⁵⁵ Далее зачеркнуто последняя.

⁵⁶ то сие уже высшая степень великолепия была написано на полях.

ми не знали, но спали без занавесок. А уже в последние времена токмо, яко⁵⁷ знатное великолепие было, что обили в царском доме крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возле красного крыльца, я сам помню с почернелыми ея обоями.

Стол государев соответствовал сей простоте, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи⁵⁸ кушивали не на серебре, но потому, что в мастерской палате не вижу порядочного сервизу серебряного, заключаю, что тогда государи кушивали на олове⁵⁹; а серебряные блюда и сделанные горы наподобие Синайских, также и другие столовые украшения употреблялися токмо в торжественные дни.

Кушанье их сходственно с тем же было⁶⁰, хотя блюда были многочисленны, но они все состояли из простых вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индейския, утки, куры русския, тетеревы и поросята были довол [ь]ны для составления великолепнейшего стола, с прибавлением множества пирожного, не всегда из чистой крупичатой муки сделанного. Телятину мало употребляли, а поеных телят и каплунов и не знали⁶¹. Высочайшее же великолепие состояло, чтоб круг жареного и ветчины обернуть золотою бумагою, местами пироги раззолотить, и подобное. Потом не знали ни капорцов, ни оливков, ни других изготовленной для побуждения ап[п]етиту, но довол [ь] ствовалис [ь] огурцами солеными, сливами, и наконец⁶² за великолепие уже считалос [ь] подать студень с солеными лимонами.

Рыбный стол еще тощее мясного был. Садков купеческих было очень мало, и не имели искусства из дал [ь]ных⁶³ мест дорогую живую рыбу привозить, да к тому же государев двор был не на подъяде, но из волостей⁶⁴ своих всем довол [ь] ствовался. И тако в Москве, где мало состояло обил [ь] ства рыбы, довол [ь] ствовался токмо тою рыбою, которую в Москве-реке и в ближних реках ловили, а как происходил чу [в] ствительный недостаток в столе государеве, то сего ради как в самой Москве, так и по всем государевым селам, сделаны были пруды, из которых ловили рыбу про стол государев; впротчем же употребляли соленую, привозя из городов, из которых на многия⁶⁵, где есть рыбные ловли, и в дань оная была положена,

⁵⁷ Далее зачеркнуто великое.

⁵⁸ Далее зачеркнуто ед[али?].

⁵⁹ Далее зачеркнуто а сервиз сереб[ряный?].

⁶⁰ Далее зачеркнуто ако наибол[ее].

⁶¹ телятину [. . .] и каплунов и не знали написано на полях.

⁶² Далее зачеркнуто рыбной.

⁶³ Далее зачеркнуто рыб[у].

⁶⁴ Далее зачеркнуто вс[ем?].

⁶⁵ Далее зачеркнуто оная и в дань.

как мне случилось [ь] самому видеть в Ростове грамоты царския о сей дани. А зимою привозили и из дал [ь] ных мест рыбу мерзлую и засол [ь] ную, которая к столу государей употреблялася [ь].

Десерт их такой же простоты был, ибо изюм, коринка, винные ягоды⁶⁶, чернослив⁶⁷ и медовые постилы составляли оной, что касается до сухих вещей. Свежие же⁶⁸ летом и осенью были: яблоки, груши, горох, бобы и⁶⁹ огурцы. А думаю, что дынь и арбузов и не знали, разве когда нескол [ь] ко арбузов привезут из Астрахани. Привозили еще и виноград в патоке, а свежего и понятия не имели привозить, ибо оный уже на моей памяти в царствование императрицы Елисаветы Петровны, тшаниями Ивана Антоныча Черкасова, кабинет-министра, начал свежей привозиться.

Для толь малого числа покоев не много бы освещения надобно, но⁷⁰ и тут не токмо не употребляли, но и за грех считали употреблять восковые свечи, а освещены были комнаты сал [ь] ными свечами, да и тех не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, где четыре свечи на подсвешниках поставлялись.

Напитки состояли: квас, кислы [е] ци, пиво и⁷¹ разные меды⁷², из простого вина сделанная вотка. Вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское, под сим именем разумелся нетокмо рейнвейн, но также и всякое белое ординарное вино; романея, то есть греческая сладкая вина, и аликант. Которые чужестранные напитки с великою бережливостию употребляли. И погреба, где они содержалис [ь], называлис [ь] фряжския, потому что как первые оные, а паче греческия, получалис [ь] чрез франков, а другия знали, что из Франции идут, то общее имя им и дали фряжских вин.

Таков был стол государев в рассуждении кушанья и напитков; посмотрим, какия были их экипажи. Государи и все бояре летом⁷³ езжали всегда верхом, а зимою в открытых санях, но в чрезвычайных случаях, как находим по летописцам, что в случае болезни, когда государь в походе занеможет, то также сани употребляли и летом. И правда, что⁷⁴ в верховой езде государской великое было великолепие, яко видно по оставшимся конским уборам, хранящимся

⁶⁶ Далее зачеркнуто и.

⁶⁷ Далее зачеркнуто сос[тавляли?].

⁶⁸ Далее зачеркнуто особливо.

⁶⁹ и вписано над строкой.

⁷⁰ Далее зачеркнуто и в сем случае.

⁷¹ и вписано над строкой.

⁷² Далее зачеркнуто вина же. Над зачеркнутым стоит знак вставки, которого нет на полях.

⁷³ летом вписано над строкой.

⁷⁴ Далее зачеркнуто в сим случае нам.

в мастерской палате. Арчаги седл были с камнями, стремена золотые или с камнями, муштуки также драгоценными камнями были покрыты, подушки⁷⁵ бархатные, шитые или золотом, или серебром, или и низанные жемчугом, с запонами драгоценных камней, попоны тому же великолепию подобные, бархатные или аксаметные золотые, с шитьем или с низаньем и с камнями. Но сие азиатское великолепие неубытошно было, ибо, сделанные единожды, таковые уборы на многия столетия могли служить.

Царицы же езжали обыкновенно в колымагах, роде корет, сделанных снаружи на подобие фурманов, где не было ни места, чтоб сидеть, ни окошек, но клали внутрь пуховики для сиденья, а вместо нынешних драгоценных точеных стекол, опускающейся кожей окошки и двери закрывали. Не могли такая коляски удобны быть ни к какому украшению, ибо⁷⁶ снаружи они все обиты были кожей, а верх великолепия в делание оных состоял, чтоб наружную кожу, местами позолоченную⁷⁷ и тисненную, употребить. Корет же не токмо не знали, но и воображения о них не имели, ибо уже и⁷⁸ в царствовании Петра Великого ближний мой свойственник, боярин⁷⁹ к [нзя] Михайло Иванович Лыков, человек пребогатый, бывши воеводою у города Архангельского, выписал ореховую, украшенную рез [ь] бою карету с точеными стеклами, по смерти его сия корета досталась деду моему, и почиталас [ь] толь завидною и драгоценной вещию, хотя и снова тысячи рублей не стоила, что к [нзя] М[еншиков?] делал нападки на деда моего, чтобы ее получить, и за неотдание учинил, что дед мой лишился⁸⁰ всех недвижимых именей, которые бы надлежало ему наследовать после супруги к [нзя] Лыкова.

Возрим таперя на одежды царския. Они были великолепны. В торжественных их одеяниях злато, жемчуг и камень повсюдова блистали; но обыкновенные одежды, в коих более наблюдали спокойствие, нежели великолепие, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбия, а торжественные толь редко употреблялис [ь] и толь крепки были, что их на, носил [ь]ные одежды и почитать не должно, но были они яко какия коронныя сосуды, определенные для показания токмо великолепия монарша, и если не⁸¹ самые

⁷⁵ Далее зачеркнуто ш[итые?].

⁷⁶ Далее зачеркнуто сверху они все были.

⁷⁷ Далее зачеркнуто упо[требить?].

⁷⁸ и вписано над строкой.

⁷⁹ боярин написано на полях.

⁸⁰ Далее зачеркнуто не малой части.

⁸¹ Далее зачеркнуто самыя.

одежды, то по крайней мере украшения их⁸², быв⁸³ соделаны из⁸⁴ золотых блях, жемчугу и камней из рода в род переходили. Но общим образом сказать, не было никаких ни изыскуемых и тленных украшений, ни великого числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьев когда имел царь или⁸⁵ царица, то уже довол [ь]но считалос [ь], да и те нашивали до износу, разве из особливої милости кому плеча своего платья пожалуют.

Главней же роскош в царских обыкновенных платьях состоял в драгоценных мехах, которые они для подкладки и на опушку одеяней своих употребляли, но мехи сии не купленные и не из чуждых государств привезенные были, но дань, собираемая с сибирских народов. Впрочем⁸⁶ царицы имели обычаи носить длинные тонкия полотняные у сорочек рукава, которые на руку набирали, и сии были иногда толь длинны, что даже до двадцети аршин полотна в них⁸⁷ употреблялос [ь].

Се есть все, что я мог собрать о роде житья, выезде и одежды царской, а сие самое и показывает, коликая простота во всем оном находилас [ь]. Бояре⁸⁸ и прочие чиновники по мере их состояния подобную же жизнь вели, стараяся притом, из почтения к царскому сану, никогда и к простому сему великолепию не приближат [ь]ся. А более всего сохранило от сластолюбия, что ниже имели понятия о перемене мод, но, что деды нашивали, то и внучаты, не почитаяс [ь] староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояр златотканые⁸⁹, богатые одеяния, которые⁹⁰ просто золотами называли, и не инако надевали, когда для какого торжественного случая повелено им было в золотах ко двору собират [ь]ся; а посему сии одежды им надолго служили, и я заподлинно слышал, что не стыдились и сыновья по кончине родителей своих тоже платье носить. Однако несть никакого общества, куда бы великолепие и роскошь не вкрадывал [и] ся, то, колико кажется мне, главнее великолепия состояло у бояр иметь великое число служителей. Великолепие, может стат [ь]ся, до излишности доведенное, но в самом деле основанное на нужде, ибо бояре с люд [ь]ми своими хаживали на войну, и⁹¹ оные обще

⁸² их вписано над зачеркнутым их из рода в род переходили.

⁸³ Далее зачеркнуто золо[тые?].

⁸⁴ Далее зачеркнуто зла[тых?].

⁸⁵ царь или написано на полях.

⁸⁶ Далее зачеркнуто особливо.

⁸⁷ Далее зачеркнуто хаживало.

⁸⁸ Далее зачеркнуто не токмо.

⁸⁹ Далее зачеркнуто одеяния.

⁹⁰ Далее зачеркнуто они.

⁹¹ Далее зачеркнуто они.

и воинов государственных, и защитников в опасном случае своим господам были. Но в мирное время за честь себе бояре считали, когда едит по городу, чтобы ему предшествовали человек пятьдесят слуг пешками; слышал я, что и самые боярани не токмо куда в знатное посещение, но ниже к обедни к своему приходу стыдилис [ь] без предшествования дватцети или тритцети слуг⁹² ехать. Однако содержание сих слуг недорого стоило⁹³, давали им пищу и вес [ь] ма малое на сапоги жалованье, а в протчем они содержалис [ь] своим искус[с]твом, дома носили серые сермяжные кавтаны, а при выезде господина или госпожи, какой у кого полутче кавтан сыщется, ибо тогда ливреи не знали. И я сам запомню, что без гостей званых во всех домах⁹⁴ лакеи ливреи не надевали, а употребленные к должностям люди, которых бывало мало, носили такия кавтаны, какие слущитя.

Остается мне еще сказать, что не было тогда ни единого, кто бы имел открытой стол, но разве ближние самые родственники безозву куда обедать ездили, а посторонния инако не езжали, как токмо званые. И могли сидеть по утру до часа обеденного, а вечеру до ужина, не быв уняты⁹⁵ обедать или ужинать.

Таковыя⁹⁶ обычаи чинили, что почти всякой по состоянию своему без нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное, не простирая к лутчему своего желания, ибо лутче никто и не знал. А к тому же воспитание в набожии, хотя иногда делало иных суевверными, но влагало страх закона божия, которой утверждался в сердцах их ежедневною домашнею божественною службою. Не было разных для увеселения сочиненных книг, и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писание, и паче в вере утверждат [ь] ся. Правление деревень занимало большую часть время, а сие правление влекло за собою рассмотрение разных крепостей и заведенных разных приказных дел, которые понуждали вникнуть в узаконении государства, и за честь себе считали младые люди хаживать сами в суды, как я в роде своем имею примеры, что князь Дмитрий Федорович Щербатов хаживал не токмо по своим делам, но и по чужим, и толь учинилс благодарумием своим знаем боярину князь Федору Федоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатов, по причине разорения дому его, купно с убиением деда его князь

⁹² Далее зачеркнуто отъ[ехать?].

⁹³ Далее зачеркнуто ли[бо?].

⁹⁴ Далее зачеркнуто служители ливреи.

⁹⁵ Далее зачеркнуто уж[инать?].

⁹⁶ Перед таковыя зачеркнуто Таковая.

Савы⁹⁷ Щербатова⁹⁸, от самозванца Отрепьева⁹⁹, и в бедности находился, однако, сей боярин, человек вес [ь] ма богатый, дочь свою и наследницу своего имения за него отдал, и князь Иван Андреич Щербатов, который после был министром в Гишпани¹, Цареграде и Англии, а наконец действительным тайным советником, сенатором² и ордена святого Александра Невского кавалером³, по своим делам в молодости своей в суды хаживал.

Почтение к родам умножило еще твердость в сердцах наших предков, беспрестанные суды местничества, питали их гордость; пребывание⁴ в совокуплении умножало связь между родов и соделовало их безопасность, что твердое предприятие, а тогда же и налагало узду, кому что недостойное⁵ имени своего соделать; ибо бесчестие одного весь род того имени себе считал. А сие не токмо молодых людей, но и самых престарелых в их должности удерживало. Благородной гордости бояр мы многия знаки обретаем. Князь Симски⁶-Хабаров, быв принуждаем уступить место Малюте Скуратову, с твердостью отрекся, и когда царем Иоан [н] ом Васильевичем осужден был за сие на смерть, последнюю милость себе просил, чтоб прежде его два сына его были умерщвлены, яко быв люди молодые ради страха гонения и смерти чего недостойного роду своему не учинили. Князь Михайла Петрович Репнин лутче восхотел претерпеть гнев царя Иоан [н] а Васильевича и наконец убиение, нежели сообщником учинит [ь] ся распутных его забав. Соединение же родов толь твердо было, что ни строгой обычай царя Иоан [н] а Васильевича⁷, ни казни не могли возбранить, чтоб, совокупяс [ь] многими родами, не просили у сего государя пощады своим родственникам и свойственникам, осужденным на казнь⁸, и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидетельствуют сие многие сохраненные грамоты в архиве иностранной коллегии, где таковые поручные подписи есть. И дед мой князь Юрья Федорович Щербатово не утрашился

⁹⁷ Далее в рукописи небольшой пропуск, оставленный, видимо, для вписания отчества.

⁹⁸ Далее зачеркнуто и в бедно[сти?].

⁹⁹ Далее зачеркнуто хотя.

¹ Далее зачеркнуто Англии.

² сенатором написано на полях.

³ Далее зачеркнуто который.

⁴ Далее зачеркнуто в.

⁵ Первоначально было недостойного.

⁶ Первоначально было Сицки.

⁷ царя Иоан [н] а Васильевича написано на полях.

⁸ Далее зачеркнуто и давали.

у разгневанного государя Петра Великого по царевичеву делу за родственника своего, ведомого на казнь, прощения просить, прося, что естли⁹ не учинено будет милосердия, дабы его самого, в старых летах сущего, лишить жизни, да не увидят очи его бесчестия роду и имени своего. И¹⁰ пощаду родственнику своему испросил¹¹.

Такая тесная связь между родов обуздывала страсти юношей, которые¹², не токмо быв воспитываемы в совершенном почтении и беспрекословном повиновении к их родителям, обязаны были почитать всех старших своего рода, и в них обретали строгих надзирателей своих поступков, так как защитников во всяком случае. Самые¹³ еще хотя и мало остающиеся обычаи ныне сие свидетельствуют, которые, в младости моей помню, яко священные законы хранилис [ь], чтобы молодые люди каждый праздник проезжали по утрам к их старшим родственникам для изъявления почтения их. И чтоб ближния родственники и свойственники съезжалис [ь] загавливат [ь] ся и разгавливат [ь] ся к старшему¹⁴.

Самые самовластнейшие государи принуждены иногда бывают последовать умоначертанию своего народа, так наши государи и последовали утверждать сии обычаи, не токмо снисходя на проз [ь]-бы благородных, но также производя предпочител [ь] но пред другими¹⁵ из знатнейших родов, и мы находим, в роде князей Репниных, что многия из столников, миновав чин околничего, прямо в бояре были жалованы. Преимущество сие, часто и младым людям учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось в обиду другим, но сего не было, ибо не по одним чинам тогда благородных почитали, но и по рождениям их, и тако чины давали токмо должности, а рождение приобретало почтение.

В возмездие за такое снисхождение государей получали они¹⁶, что находили в благородных верных, усердных и твердых слуг. Почтуся я несколько мне известных примеров предложить. Афанасей Нагой, быв послом в Крыму и многое претерпевая от наглостей Крымских, хотя выбиваем был ханом из Крыму¹⁷, чувствуя нужду

⁹ Далее зачеркнуто яко вместе с тем.

¹⁰ Далее зачеркнуто просимое получил.

¹¹ пощаду родственнику своему испросил написано на полях.

¹² Далее зачеркнуто быв.

¹³ Далее зачеркнуто уже.

¹⁴ И чтоб ближния родственники [. . .] к старшему написано на полях.

¹⁵ Далее зачеркнуто знат[нейшими?].

¹⁶ Далее зачеркнуто в бла[городных?].

¹⁷ Далее зачеркнуто объявил.

его¹⁸ пребывания¹⁹ в сем полуострове²⁰, объявил²¹, что он разве связанной будет вывезен из Крыму, а без того не поедет, хотя бы ему смерть претерпеть. Князь Борис Алексе[ев]ич Голицын предпочел сохранение здоровья государева возвышению своего рода, спас Петра Великого во младенчестве, и винному родственнику своему пощаду живота испросил. Прозоровской, во время трудных обстоятел [ь]ств начала Швецкия войны, соблюл великое число казны и государственные вещи, повеленные²² государем изломать и перебить в монету, утаил, дав вместо их собственное свое серебро, и при благополучнейших обстоятел [ь]ствах, когда государь сам²³ сожалел о истреблении сих вещей, целые²⁴, не желая никакого возмездия, возвратил. Борис Петрович Шереметев суд царевичев не подписал, говоря, что "он рожден служить своему государю, а не²⁵ кровь его судить", и не устранился гневу государева, которой нескол [ь]-ко времени на него был, яко внутренне на²⁶ доброжелателя несчастного царевича. Князь Яков Федорович²⁷ Долгоруков многия дела, государем подписанные, останавливал, дая ему всегда справедливые советы, и гнев государской, за частое его противоборство воли его, на почтение обращал, а тем²⁸ открывал путь обще и к славе своего государя, и к блаженству народному. Си были остатки древнего воспитания и древнего правления.

Воз[з]рим же таперя, какия перемены учинила в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим, и как от оные пороки зачели вкрадыват [ь]ся в души наши, даже как царствования от царствования они час от часу, вместе с сластолюбием²⁹ возрастая³⁰, дошли до такой степени, как выше о них упомянул. Сие сочинит купно историю правленей и пороков.

Петр Великий, подражая³¹ чужестранным народам³², нетокмо тщился ввести познание наук, искусств и ремесл, военное порядоч-

¹⁸ Далее зачеркнуто в.

¹⁹ Первоначально было пребывании.

²⁰ Первоначально было острове, а затем полу *вписано над строкой*.

²¹ Объявил *вписано над строкой*.

²² Далее зачеркнуто из [ломать?].

²³ Далее зачеркнуто о.

²⁴ Далее зачеркнуто без в [озмездия?].

²⁵ не *вписано над строкой*.

²⁶ Далее зачеркнуто способни [ка?].

²⁷ Первоначально было Петрович.

²⁸ Далее зачеркнуто подавал.

²⁹ Далее зачеркнуто возвышаяс[ь] усиливаяс [ь].

³⁰ возрастная *вписано над строкой вместо зачеркнутого* усиливаяс [ь].

³¹ Далее зачеркнуто люцкости.

³² Первоначально было чужестранных народов.

ное устройство, торговлю и приличнейшия узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людцкость, сообщение и великолепие, в коем ему сперва Лефорт натвердил, а потом которое и сам он усмотрел. Среди нужных установленей законодательства, учреждения войск и арти [л] лерии, не мен [ь] ше он прилагал намерение являющиеся ему грубые древния нравы смягчить. Повелел он бороды брить, отменил старинные русские одеяния и вместо длинных платьев заставил мужчин немецкие кафтаны носить, а женщин вместо телогрей — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вместо подколков — фантанжами и корнетами голову украшать. Учредил разные собрания, где женщины³³, до сего отделенные от сообщения мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невол [ь] ницами в домах своих, пол [ь] зоват [ь] ся всеми удовол [ь] ствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и³⁴ оказующими их хороший стан; не малое же им удовольствие учинило; что могли прежде видеть, с кем на век должны совокупит [ь] ся, и что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А с другой стороны, приятно было молодым и незаматерелым³⁵ в древних обычаях людям вол [ь] ное обхождение с женским полом, и что могут наперед видеть и познать своих невест, на которых прежде, поверяя взору родителей их, женивались. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начела чу [в] ствительными серд [ц] ами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чу [в] ств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чу [в] ствующие свои красоты, начели силу ее познавать, стали старат [ь] ся умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чу [в] ствиями жен [!] Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна тол [ь] ко уборщица для волосов женских, и ежели к какому празднику когда должны были молодые женщины убират [ь] ся, тогда случалас [ь], что она за трои сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезду сидя спать, чтобы убору не испортить. Может быть, сему не поверят ныне, но я паки подтверждаю. что я сие от толь верных людей слышел, что всем сумневат [ь] ся не должно. Естли страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угод-

³³ Далее зачеркнуто до тех лет отд [а] ленные?] .

³⁴ Далее зачеркнуто пол .

³⁵ Первоначально было незаматерелым.

ным быть, то то же тщание украшенной³⁶, ту же роскошь рождало. И уже перестали довол [ь] ствovat [ь] ся одним или двумя длинными платьями, но многия с голунами, с шитьем и с пондеспанами делать начели.

Колико сам государь ни держался древней простоты нравов в своей одежде³⁷, так что, кроме простых кавтанов³⁸ и мундиров, никогда богатых не нашивал³⁹, и токмо для⁴⁰ коронации императрицы Екатерины Алексеевны, своей супруги, сделал голубой гродетуровой кавтан с серебряным шитьем, да сказывают еще у него был другой кавтан дикой с золотым шитьем, не знаю, для какого знатного же случая сделанной. Протчее все было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет. Как видно по оставшим его одеждам, которые хранят [ь] ся в Куншкамере при императорской академии наук. Манжет он не любил и не нашивал, яко свидетел [ь] ствуют его потреты; богатых экипажей не имел, но обыкновенно ездил в городах в одноколке, а в дал [ь] ном пути в качалке. Множества служителей и придворных у него не было, но были у него денщики, и даже караулу окроме как полковника гвардии не имел. Однако при такой собственно особы его простоте хотел он, чтобы подданные его некоторое великолепие имели⁴¹. Я думаю, что сей великий государь, которой ничего без дал [ь] новидности не делал, имел себе в предмет, чтоб великолепием и роскошию подданных побудить торговлю, фабрики и ремеслы, быв уверен⁴², что при жизни его⁴³ излишнее великолепие и сластолюбие не утвердит престола своего при царском дворе⁴⁴. И тако мы находим, что он побуждал некоторое великолепие в платьях, как видим мы, что во время торжественного входу⁴⁵, после взятия Азовского⁴⁶, генерал-адмирал Лефорт шел в красном кавтане с голунами по швам, и другие генералы также богатые кавтаны имели, ибо тогда генералы мундиров не нашивали. Богатые люди из первосановников его двора или которые благодеяниями его были

³⁶ Далее зачеркнуто тож[е].

³⁷ Далее зачеркнуто и кушанье о.

³⁸ Далее зачеркнуто никогда не нашивал.

³⁹ Далее зачеркнуто а т[окмо?].

⁴⁰ Далее зачеркнуто Ек[атерины?].

⁴¹ имели написано на полях.

⁴² Далее зачеркнуто ве[ликолепие?].

⁴³ что при жизни его написано дважды на полях одно под другим и первое написание зачеркнуто.

⁴⁴ Далее зачеркнуто до тех мест никогда оно в подданных до излишности не дойдет.

⁴⁵ Далее зачеркнуто Лефорт шел.

⁴⁶ Далее зачеркнуто Лефорт.

обогащены, как⁴⁷ Трубецкия, Шереметев и Меншиков⁴⁸; в торжественные дни⁴⁹ уже старалис [ь] богатые иметь платья. Парчи и голуны стали как у жен, так и у мужей во употреблении, и хотя не часто⁵⁰ таковые платья надевали⁵¹, моды хотя долго продолжалис [ь], однако они были, и по достатку своему оные уже их чаще, нежели при прежних обычаях делали. Вместо саней и верховой езды и вместо колымаг, не терпящих украшенной, поевилис [ь] уже кареты и коляски, начелис [ь] уже цуки, которых до того не знали, и приличные украшения к сим экипажам. Служители переодеты на немецкий манер, не в разноцветных платьях стали наряжат [ь] ся, но каждый по гербу своему или по изволению делал им ливреи, а офисьянты⁵², которых тогда еще вес [ь] ма мало было, еще в разноцветных платьях ходили⁵³.

Касател [ь] но до внутреннего житя, хотя сам государь довол [ь] ствовался самою простою пищею, однако⁵⁴ он ввел уже во употребление прежде неизвестные в России напитки, которые предпочител [ь] но другим пивал. То есть, вместо⁵⁵ вотки домашней, сиженой из простого вина, вотку го [л] лан [д]скую анисовую, которая приказной называлас [ь]. И вины ермитаж и венгерское, до того не знаемые в России.

Подражали сему его и вел [ь] можи⁵⁶, и те, которые близки были ко двору, да и в самом деле, надлежало им сие иметь, ибо государь охотно подданных своих посещал, то подданный чего для государя не сделает [?]. Правда, сие не токмо ему было угодно, но напротив того, он часто за сие гневался, и не токмо из простого вина подслащенную вотку, но и самое простое вино пивал, но и собственное желание удовольствия, до того ими не знакомого, превозмогло и самое запрещение государево, дабы последовать его вкусу. Уже в домах завелиса нетокмо анисовая приказная вотка, но и гданския. вины нетокмо старинные, о коих выше помянул, но также ермитаж, венгерское и некоторые другия. Правда, что еще их сначала вес [ь] -

⁴⁷ Далее зачеркнуто Менш[иков], Шереметев, Ме[ншиков].

⁴⁸ Далее зачеркнуто уже.

⁴⁹ дни вписано над строкой.

⁵⁰ Далее зачеркнуто их надевали.

⁵¹ Далее зачеркнуто они.

⁵² Первоначально было офисьянтов.

⁵³ Далее зачеркнуто тако вел [ь] можи начали вводить сластолюбие, благопристойность, степенствие грацкой жизни, и наконец сластолюбие и.

⁵⁴ Далее зачеркнуто и.

⁵⁵ Далее зачеркнуто простой.

⁵⁶ Далее зачеркнуто те.

ма бережливо подавали, и в посредственных домах никогда в обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздников и пиршеств, да и тут не стыдились [ь], принести четвертную или сулею запечатанную и⁵⁷, налив из нее по рюмки, опять запечатав, на погреб отослать.

Однако, хотя сам не любил, и не имел времени при дворе своем делать пиршества, то оставил сие любимцу своему князю Меншикову, который часто оные как в торжественные дни, так и для чужестранных министров с великим великолепием по тогдашнему времени чинил. Имел для сего великой дом, не токмо на то время, но и в нынешнее, ибо в оной после кадетской сухопутной корпус был помещен, и слышал я, что часто государь, видя из дворца своего торжество и пиршество в доме его любимца, чувствовал удовольствие. Говоря: "Вот как Данилич веселится". Равно ему подражая, так и быв обязаны самыми своими чинами, другия первосановники империи также имели открытые столы, как генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, канцлер граф Гаврила Иванович⁵⁸ Головкин и боярин Тихон Никитич Стрешнев, которому, поелику он оставался первым правителем империи во время отсутствия⁵⁹ в чужия края императора Петра Великого, на стол и деревни были даны.

Сим знатым людям и низшия подражая, уже во многих домах открытые столы завелися, и столы не такие, как были старинные, то есть, что токмо произведении домостройства употреблялись [ь], но уже старались [ь] чужестранными приправами придать вкус доброты мяс и рыб. И конечно в таком народе, в коем страннопримство сочиняло всегда отличную добродетель, не трудно было вестись в обычай таковых открытых столов употребление⁶⁰; что соединяясь и с собственным удовольствием общества, и с лутчим вкусом кушанья, противу старинного, самым удовол[ь]ствием утверждалось [ь].

Не неприятель был Петр Великой честному обществу, но хотел, чтобы оно безубыточно каждому было. Он учредил ас[с]амблеи⁶¹, на которые в назначенные дни множество собиравались [ь]. Но сим ас[с]амблеям предписал печатными листами правила, что должно на стол поставлять и как принимать приезжих. Сим упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высших себе принимать. Ибо общество

⁵⁷ и вписано над строкой.

⁵⁸ Далее зачеркнуто Головиня.

⁵⁹ Далее зачеркнуто его.

⁶⁰ употребление написано на полях.

⁶¹ Далее зачеркнуто куда в на[значенные?].

не в обжирании и опивании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равности. Сам часто государь присутствовал в сих ас [с] амблеях и строго наблюдал, дабы предписанное исполнялось [ь].

Но слабы были сии преграды, когда вкус, естественное сластолюбие и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и где неравность чинов и надежда получить что от вел [ь] мож истребляют равность. В присутствии государевом учиненные им предписания сохранялись [ь]⁶² в ас [с] амблеях, но в простом житье роскошь и унижение утверждали свои корни.

И подлинно мы видим, что тогда зачели уже многия дома упадать, и упадающие ожидать от милости государской и от защищения вел [ь] - мож своего подкрепления. Из первых знатных домов мне случалось [ь] слышать о упавшем доме князя Ивана Васильевича Одоевского, которого дом был на Тверской, тот самой, которой после сего⁶³ был Василья Федоровича Салтыкова, потом Строганова, а ныне за князь Алексеем Борисовичем Голицыным состоит, в приходе у Спаса. Сей князь Одоевской неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил себе некоторое число служителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни⁶⁴ его содержали. Воистину при древней⁶⁵ простоте нравов⁶⁶ музыканты не нашли бы⁶⁷ довол [ь] но в упражнении своем прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказал о сем князе Одоевском, яко о разорившемся человеке, но и многия другия, естли не в разорение от сей перемены жизни пришли, но по крайней мере чувствовали не малую нужду. Дабы умолчать о прочих, Борис Петрович Шереметев, фелтмаршал, именитый своими делами, обогащенный милостию монаршею, принужден однако был вперед государево жалованье забирать и с долгом сим скончался, яко свидетел [ь] ствует самая его духовная. И после смерти жена его подавала пис [ь] мо государю, что она от исков и других убытков пришла в разоренье.

Переменившейся таким образом род жизни, в начале первосановников государства, а в подражании им и других дворян, и расходы достигши до⁶⁸ такой степени, что стали доходы превозвышать;

⁶² Далее зачеркнуто но.

⁶³ Далее зачеркнуто смяча[ла?].

⁶⁴ Далее зачеркнуто к[нязя?].

⁶⁵ Далее зачеркнуто музу.

⁶⁶ Далее зачеркнуто никак бы.

⁶⁷ Первоначально было музыкант не нашел. Частица бы вписана над строкой.

⁶⁸ Далее зачеркнуто ст[пени?].

начели люди наиболее привязывают [ь]ся к государю и к вел [ь] можах, яко ко источникам богатства и награждений. Страшус [ь] я, чтобы кто не сказал, что^{6 9} по крайней мере сие добро произвело, что люди наиболее к государю стали привязывают [ь]ся. Несть, сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государской была, но к собственным своим пол [ь] зам; привязанность [ь] сия учинилас [ь] не привязанность верных подданных, любящих государя и его честь, и соображающих все с пол [ь] зою государства, но привязанность рабов наемщиков, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего государя.

Грубость нравов умен [ь]шилас [ь], но оставленное ею место лестию и самством наполнилос [ь]. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обол [ь]щение государя и прочия злы, которые днесь при дворе царствуют, и которые в домах вел [ь]можей вогнездилис [ь]. Не соскryлся сей порок от остроумного монарха, и сей государь, строг и справедлив до крайности, старался с [ь]кол [ь]ко можно лесть отгонять; яко случилос [ь]^{7 0}, как я слышал, что один из знаемых ему офицеров, быв с ним на ас [с] амблее, выхвалял свое усердие к государю, говоря, что он во всяком случае готов за него умереть. Услышел сие государь, ему говорил, что ни он не желает, ни должность его ему не повелевает, чтобы он хотел, не разбирая случая^{7 1}, для него умереть, но требует токмо того, чтобы в случае нужды или опасности его особы, что ни может быть не соединено^{7 2} с пол [ь] зою государственною, он расположен был пожертвовать своею жизнью. Офицер, хотя наиболее показать свое усердие, зачел паки утверждать, что он сие готов учинить всякой час, когда угодно будет государю. Остроумный монарх, ничего не отвечав, взяв его руку, палец его поднес к горячей свече и зачал его жечь; от боли офицер зачел силит [ь]ся выдернуть руку. Тогда, ее опустя, сказал ему государь, что когда он малой боли обожжения пал [ь]ца вытерпеть не мог, не по нужде, но по воле государя, то как^{7 3} он толь щедро обещает с радостию и все тело свое без нужды пожертвовать? Другой случай, слышанной же мною, доказует, коль любил государь истину. Захар Данилыч Мешуков, бывший порутчиком во флоте прежде^{7 4}, 1718 году, любимый государем яко первый русской, в котором он довол [ь]но знания в мореплавании нашел, и первой,

^{6 9} Далее зачеркнуто сие пр[о]извело ?).

^{7 0} Далее зачеркнуто что.

^{7 1} Далее зачеркнуто за него у[м]ереть?).

^{7 2} Далее зачеркнуто к по[л]ьзе?).

^{7 3} как выписано над зачеркнутым зачем.

^{7 4} Далее зачеркнуто ос[ь]мого на десять году.

которой⁷⁵ командовал уже фрегатом, быв на едином пиршестве с государем в Кронштате и напившись нескол[ь]ко пьян, стал размышлять о летах государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мешуков отвечал, что он размышлял, что место, где они сидят, град, столичный близ построенный, флот заведенный, множество русских, входящих в мореплаватели, самый он, служившей во флоте и окружающей его милости, суть деянии рук его⁷⁶, то взирая на сие и примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабеваает, не мог от слез не удержат[ь] ся, прилагая притом простую речь: "На кого ты нас оставишь". Ответствовал государь: "У меня есть наследник", — разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мешуков спяна и неосторожно сказал: "Ох [!] вить он глуп, все расстроит". При государе сказать так о наследнике, и сие не тайно, но пред⁷⁷ множеством председящих [!] Что сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довол[ь] ствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением: "Дурак, сего в беседе не говорят".

Но, невзирая на таковое любление истины, он ни на отвращение его ото л[е]сти, не мог государь вкрадывающей[ся] сей яд искоренить. Бол[ь]шая часть окружающих его ни в чем не смели ему противуречить, но паче л[ь]стили, хваля все соделанное им и не противуреча его изволениям, а иные и угождая страстям его. Хотя он знатным образом никогда обманут и не был, однако князь Яков Федорович Долгоруков никогда не нашел в супротивлениях своих государю в сенате себе помощников. И тщетно он суровыми и справедливыми своими предложениями два определения, подписанные государем, отменил, о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию, и о набрании посохи, на содержании народном, для делания⁷⁸ Ладожского канала, в обоих случаях, ни в других, никто соучастником его твердости и справедливости быть не хотел; единый сам государь терпел его грубые, но справедливые предложения, и, хотя с стиснением сердца, превозмогая себя, на оные соглашался. Я слышел от очевидных свидетелей, и Василей Никитич⁷⁹ Татищев в истории своей сие вместил, что бывши государь в Кроншта[д]те в едином пиршестве, окружающия его вел[ь] можи начели перевоз-

⁷⁵ Первоначально было которому.

⁷⁶ Далее зачеркнуто монарха, но что.

⁷⁷ пред вписано над зачеркнутым недописанным предда.

⁷⁸ Далее зачеркнуто на Ла[дожском?].

⁷⁹ Далее зачеркнуто в России.

носить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвал [ь]ных воплей единый князь Яков⁸⁰ Федорович Долгорукой в молчании пребывал. Приметя сие, государь требовал его мнения. Сей остроумный и твердый муж не мог вдруг ответить на такой вопрос, где состояло суждение между царствующего государя и его отца, обеих отличных их⁸¹ качествами. Взяв нескол[ь]ко времени подумать, сказал следующее. Исчислил он все подробно, что Петр Великий сделал для пол[ь]зы отечества, исчислил его труды и подвиги, и наконец сказал, коль велик он есть во владыках земных; но, продолжая, говорил, все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства, и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твой, говорил, при тишине нравов, начинал многое, но паче всего, что он сделал, уложение, которое ныне, по перемене обычаев, перемены требует, когда окончишь ты все свои подвиги⁸² благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что вес [ь]ма превзошел твоего отца. Государь восчувствовал всю справедливость его глаголов и согласился своим мнение его утвердил.

Чего же ради никто другой ни в беседах, ни в сенате, и нигде инде таковой правды не говорил⁸³, как сей бессмертия достойный князь Долгоруков? Того ради, что они более желали приобрести милость государскую, нежели, говоря правду, его почтение, желали чинов и имений. Ибо в самом деле не видно, чтобы⁸⁴ любимец его, князь Меншиков, когда ему строгою правду представлял, чтобы Гаврило Иванович Головкин, государственный канцлер, отвратил его от переписки с Гилембурхом⁸⁵, с Горцом и с английскими и шотландскими сообщниками претендента, ни Остерман, бывший тогда в малом чину и написавшей требуемое письмо, несовместимость сего поступку представил, чтобы Иван Мусин-Пушкин его от какого дела удержал; чтобы адмирал Апраксин, имеющий толикую уверенность, что вопреки сказал государю. Но все токмо согласие свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для свойственных своих прибытков; чему и сам государь и князь Яков Федорович Долгорукий противоборствовали. А с другой стороны, духовный чин, который его не любил, за отнятие своей власти, гремел во храмах божиих его панегириками. Между сими Прокопович, которой из

⁸⁰ Далее зачеркнуто Петров{ич}.

⁸¹ Далее зачеркнуто доб{ром?}.

⁸² Далее зачеркнуто сам.

⁸³ Первоначально было говорит.

⁸⁴ Не видно чтобы написано на полях.

⁸⁵ Далее зачеркнуто и.

духовенства, хотя нелюбви к государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием, яко в другия царствовании ясно оказал, выпранный сий глас⁸⁶ на хвалы государевы вознес. Достойн он был многих похвал; но желательно было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архи[е]рея, жертвующаго закон изволениям Бирона, сего иже не устыдился быть судьей тайной канцелярии, был архипастырем церкви божией, были лестны, яко свидетел[ь]-ствует его собственное сочинение: "Правда воли монаршей", — памятник лести и подобострастия монашеского изволения государскому⁸⁷.

Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести, но были еще и другия причины, происходящая от самых учрежденей, которые твердость и добронравие искореняли. Разрушенное местничество (вредное впрочем службе и государству) и не замененной никаким правом⁸⁸ знатым родам, истребило мысли благородной гордости во дворянах, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиват[ь]ся чинов, а не всякому удастса прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали старат[ь]ся выслуживат[ь]ся, всякими образами л[ь]стя и угождая государю и вел[ь]можам; а при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопами их писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первы[е] по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялися⁸⁹ начал[ь]никами господам своим⁹⁰ и бивали их палками. Роды дворянския стали разделены по службе так, что иной однородцов своих и век не увидит. То могла ли остат[ь]ся добродетель и твердость в тех, которые с юности своей от палки своих начал[ь]ников дрожали, которые инако, как подслугами, почтения не могли приобрести, и быв каждый без всякой опоры от своих однородцов, без соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного.

Похвал[ь]но есть, что Петр Великий хотел истребить суеверии в законе, ибо в самом деле, не почтение есть богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать⁹¹ богу неприличные ему деянии, сие есть богохулить. В России бороду образом божиим почитали,

⁸⁶ Далее зачеркнуто не токмо.

⁸⁷ А с другой стороны [...] изволения государскому написано на полях.

⁸⁸ Далее зачеркнуто родам.

⁸⁹ Далее зачеркнуто коман[дирами?].

⁹⁰ Первоначально было их.

⁹¹ Первоначально было приписать.

и за грех считали ее брить, а чрез сие впадали в ересь антро [по] морфитов. Чудеса, без нужды учиненные, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолie и делали доходы⁹² развратным священнослужителям. Все сие Петр Великий тщился отвратить; указами повелел брить бороды, а духовным регламентом⁹³ положил преграду ложным чудесам и явлениям, равно как и неблагопристойным сборам при поставленных на распутьях образах. Зная, что закон божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без⁹⁴ нужды, благословением⁹⁵ от синода и от вселенских патриархов учинил позволенно есть мясо в посты в нужде, а паче в морской службе, где и без рыбы довол [ь]но люди к скорбутике подвержены, повелевая самоохотно жертвующих жизнью своею таковым воздержанием, во время приключившихся им болезням, в воду кидать. Все сие очень хорошо, а кроме что последнее нескол [ь]ко сурово. Но когда он сие учинил, тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверии у непросвещенного народа, он самую веру к божественному закону отнимал⁹⁶. Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, которой у слабого дерева отрезывает водяные, пожирющие его сок, ветви. Естли бы оно было корнем сил [ь]но, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошия и плодовиые ветви, но как оно слабо и бол [ь]но, то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнею влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовиых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделалис [ь] душлы, грозящие погибелью древу. Так урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело, уменьшились суеверия, но умен [ь]шилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к богу и к святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Со всем почтением, которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю⁹⁷, со всем чу [в]-ствием моим, что самая пол [ь]за государственная требовала, чтобы он имел, кроме царевича Алексея Петровича, законных детей преемниками его престола. Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первой супругою, рожденной Лопухиной, и второй брак, по

⁹² Далее зачеркнуто свя [щеннослужителям?].

⁹³ Далее зачеркнуто прегра [ду?].

⁹⁴ без вписано над зачеркнутым по.

⁹⁵ Благословением вписано над зачеркнутым позволением.

⁹⁶ Далее зачеркнуто и можно сказать что.

⁹⁷ Далее зачеркнуто и с ко [торым?].

пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною, ибо пример сей нарушения таинства супружества^{9 8}, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать. Пусть монарх имел к тому сил [ь]ные причины, которых однако я не вижу, кроме склонности его к Монсовым и сопротивления жены его новым установлениям; но подражатели его имели ли государственные причины подобное делать. Павел Иванович Егузинской, постригши первую свою жену и женись на другой, рожденной Головкиной, имел ли государственные причины старат [ь]ся^{9 9} иметь себе потомство, в нарушение божественных законов [?] Многия и другия сему¹ подражали и не токмо из вел [ь]мож, но и из малочиновных людей, яко князь Борис Солнцев-Засекин сие учинил.

И тако, хотя² Россия чрез труды и попечения сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах, войски ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила³ давных своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов, приобрела знатные области⁴ и морские пристанищи. Науки и художества, и ремеслы в ней стали процветать⁵, торговля начала⁶ ее обогащать, и преобразовалис [ь] россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее, и позорищи благонравные известны им учинились⁷. Но тогда же⁸ искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость умен [ь]шилас [ь], уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места.

Таково есть состояние, в котором (не взирая на все преграды, которые собственной своей особою и своим примером полагал Петр Великий для⁹ отвращения¹⁰ от пороков) в рассуждении нравов осталася Россия по смерти сего великого государя. Воз [з] рим та-

^{9 8} Далее зачеркнуто показал, что можно.

^{9 9} Далее зачеркнуто сохра[нить?].

¹ Далее зачеркнуто последовали.

² Далее зачеркнуто в само[й?].

³ Далее зачеркнуто прежних св[ойх?].

⁴ Далее зачеркнуто и пор[ты?].

⁵ Далее зачеркнуто и.

⁶ Далее зачеркнуто обогаща[ться?].

⁷ учинились вписано над зачеркнутым стали.

⁸ Далее зачеркнуто исчезла.

⁹ для вписано над строкой.

¹⁰ Первоначально было и отвращения.

перь¹¹ колико при двух кратких царствованиях Екатерины¹² Первья и Петра¹³ II пороки сделали шегов, дабы наиболее утвердит [ь] ся в России.

Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели му [ж]ской, и тако видим мы, что императрица Екатерина Алексеевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великого, имела¹⁴ уже двор свой. Камергер у нее был Монс, которого излишняя роскошь были первые знаки, доведшая его до поносной смерти; камерюнкеры ее были Петр и Яков Федоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастьи его от двора были отогнаны. Любила она и тщиас [ь] украшат [ь] ся разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения¹⁵ носить, яко же убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону, запрещено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилос [ь] почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют. А такое тщание не показывает ли, что если лета зачели убавлять ее красоту, то уборами, отличными от других, тщиас [ь] оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сие мнение было, и прилично ли государю ежечасно подобно как в маскератном платье пред подданными своими быть, якобы не доставало ему других украшеней, могущих его отличить. По восшествии¹⁶ ея на престол, довол [ь] но чудным образом воспоследующим, ибо Петр Великий¹⁷ не с тем ея венчал царским венцом, чтоб¹⁸ ея наследницею своею учинить¹⁹, ниже когда того желал, но умирая, не назнача наследника, вел [ь] можи, а именно: князь Меншиков, зная слабость императрицы, Толстой, боясь мщенья от сына царевича Алексея Петровича, законного наследника, за привезение и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардии, надеется ли он на согласие гвардии полков, и получа утвердительный ответ, пред собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сия государыня на всерос-

¹¹ Далее зачеркнуто как при.

¹² Далее зачеркнуто второй.

¹³ Далее зачеркнуто вт[орого?].

¹⁴ Далее зачеркнуто более роскошу нежели.

¹⁵ Далее зачеркнуто наши[вать?].

¹⁶ Далее зачеркнуто сво[его?].

¹⁷ Далее зачеркнуто никогда не.

¹⁸ Далее зачеркнуто ей.

¹⁹ Далее зачеркнуто но уми[рая?].

сийский престол, действия недостатку основательных законов. И Петр Великий еще²⁰ не охладел мертвый, а уже не воля его²¹, не право наследственное и привязанность к крови, но самовол [ь]ное желание вел [ь]мож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Восшествие²² ее таким образом на престол следующие действия над нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вел [ь]можи были честолюбивы и жадны. А из сего произошло, упражняясь [ь] в²³ повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вел [ь]-можам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков. Пышность и сластолюбие у двора его умножились [ь], упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим, а место ее заступило раболепство к сему вел [ь]може, могущему все.

Краткое царствование сей императрицы впрочем бол [ь]ших перемен не могло учинить, окроме что вывоз разных драгоценных уборов и вин вес [ь]ма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить.

Какое тогда состояние было сына царевича²⁴ Алексея Петровича, по несчастию отца своего лишенного принадлежащего ему наследия [?] Он был в юных летах, о воспитании его не помышляли, наследником престола его не признавали, и ниже моления в церквах о здравии его было, яко бы надлежало о происшедшем от царского корня, и все его поступки надзираемы были.

Дабы наиболее надзирать его поступки и примечать его слова и движения, определен был к нему младый, умный и честолюбивый²⁵ человек, князь Иван Алексе [ев]ич Долгоруков. Сей, примечая жизнь императрицы Екатерины Алексеевны, и рассуждая, что не уповательно, чтобы две дщери Петра, Великая²⁶ герцогиня Анна и цесаревна Елисавета, яко до браку рожденные, могли на российский престол после матери своей взойти, вместо чтоб под видом служения²⁷ князь Петру Алексеевичу быть его предателем, рассудил сыскать его к себе

²⁰ Далее зачеркнуто не охладевшей в смерти.

²¹ Далее зачеркнуто по изволению.

²² В начале абзаца Взошедши таким образом на престол зачеркнуто.

²³ Далее зачеркнуто пирш[естввах?].

²⁴ Первоначально было царевичу.

²⁵ Далее зачеркнуто младой.

²⁶ Далее зачеркнуто принце [сса?]

²⁷ Далее зачеркнуто цар[ю].

милость и поверенность. В единый день, нашед его единого, пал пред ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет, и к его крови, изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему. Таковые изъяснения тронули сердце младого²⁸ чу [в] ствующего свое несчастье князя²⁹. Тотчас доверенность последовала подозрениям, а после и совершенная дружба, по крайней мере со стороны³⁰ князя Петра Алексе [ев] ича, сих молодых людей соединила.

Однако князь Меншиков, видя себя правителем государства и толь близко к престолу, не мог осмелит [ь] ся желать оный себе приобрести, зная, что никто из россиан не потерпит, чтоб, имея еще многих царского рода³¹, он мог, происшедшей из низких людей, похитить себе престол, обратил мысли свои, если не быть самому государем, то учинит [ь] ся его тестем. Князь Петр Алексеевич, оставленный от всех и непризнанный наследником престола, ему показался быть к сему удобным орудием. Но прежде он хотел обязанного ближним родством венского двора мысли о сем узнать, то есть³², чтобы и оный согласился оставить ему правление государства до возрасту императора и дочь свою за оного выдать. По бывшим переговорам с графом Вратиславом, послом цесарским, на все сие согласие получил, и цесарский двор прислал 40 тысяч рублей в подарок госпоже Крамер³³, камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексе [ев] ича. И тако в сем случае российский престол стал³⁴ покупат [ь] ся, и не близость крови, но избрание прежде бывшей пленницы, внука Петра Великого и правнука царя Алексея Михайловича на престол толь знатной империи возводило.

Вскоре по именовании своем наследником Российского престола князь Петр Алексеевич, под именем императора Петра II³⁵ лет, взошел по смерти императрицы Екатерины Алексеевны. Сила и могущество князя Меншикова умножилис [ь], государь был в юных летах, а сей вел [ь] можа, хотя не был именован регентом, но³⁶ действи-

²⁸ Далее зачеркнуто князя.

²⁹ Далее зачеркнуто в.

³⁰ Далее зачеркнуто Пет[ра?].

³¹ Далее зачеркнуто его из подлости происшедшего мо[г?] самодержцем своим приз[нать?].

³² Далее зачеркнуто и.

³³ Госпоже Крамер написано на полях.

³⁴ Далее зачеркнуто куплен.

³⁵ Далее в рукописи оставлено место, вероятно, для вписания числа лет.

³⁶ Далее зачеркнуто прямо был.

тельно таковым был. А сие самое уже докажет, колико упал дух благородных; при младенчестве царя Иоан [н] а Васильевича законной властью утвержденному совету для управления во время малолетства государева, боярам, выбранным из среды самих их, из среды знатнейших родов государства, повиноват [ь] ся не хотели. И когда в болезни своей царь Иоан [н] Васильевич хотел утвердить престол малолетнему сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присегать не хотели. Во время младенчества самого Петра Великого на случай Нарышкиных негодовали, а се ныне из подлости происшедшему мужу, без всякого законного утверждения его власти, бесспорно повиновалис [ь]. Да рассудит по сему, верность ли сие было к государю, или падение духу благородного.

Истинна заставила меня сие сказать, но я не могу, поелику мне известно, не похвалить поступок к [нзя] Меншикова. Он честолюбием на место сие был возведен, но управление его было хороше, а паче попечении его о воспитании и научении младого государя; часы были установлены для наук, для слушания дел, для разговоров и обласкания первосановников государства и, наконец, часы для веселия. И можно сказать, что князь Меншиков был купно правитель государства и дятка государев. Еще бы похвальнее его поступок был, естли бы он не имел собственных своих видов, а делал бы сие для пол [ь] зы отечества и в воздаяние за то, чем³⁷ он должен Петру Великому, деду царствующего государя. Но он не имел толь героической души, и все мысли его клонилис [ь], чтобы обручить дочь свою за младого государя, что наконец противу самой склонности государя исполнено им было.

Посем приумножил свои старания о воспитании и научении государя. Взял его жить в дом свой³⁸, неотлучно при нем пребывая, и дом князя Меншикова учинился дворец государев. Во время сие соделал он два дела, которые³⁹ присоединенные к противу склонности государевой обручения его⁴⁰ с княжною Меншиковою, приключили наконец падение сего вел [ь] можи. Первое, был при государе учитель, родом венгерец, именем Зейкин. Сей противен учинился владычествующему министру, и сего он в тайне от государя удалил. Хотя молчанию сие предал государь, но не оставил подозревать, от кого сей его наставник был удален, не смея и вопрошать⁴¹ о нем, дабы более ему несчастья не приключить. Второе, принесено было от купечества не-

³⁷ чем вписано над зачеркнутым что.

³⁸ Далее зачеркнуто и дом князя Менш[икова?].

³⁹ Далее зачеркнуто против.

⁴⁰ Далее зачеркнуто zde [сь?].

⁴¹ Далее зачеркнуто о сем.

скол [ь] ко тысяч червонных к государю, были благосклонно приняты, но тогда случившаяся тут сестра государева, принцес [с]а Наталья Алексеевна, сих денег к себе просила. Государь, который вес [ь] ма любил сестру свою, приказал их отнести еще тогда, как принесших их купцы в прихожей находилис [ь]. Встретился к [нязь] Меншиков с несомыми сими ден [ь]гами в комнату принцес [с]ы, их немедленно возвратил, и, пришед в комнату государеву, представлял ему, что таковой немедленно учиненный дар принесенных денег купцами показывает презрение к оным и может огорчить его подданных. Может быть, представил ему и правила бережливости, какие Петр Великий имел. Сие огорчило государя и сестру его, а подало случай наедине любимцу его, князь Ивану Алексеевичу Долгорукову, представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбие в сердцах прежде всего родится, а паче в сердцах монарших, и тако сие оскорбление, тем наивящее, что отгмстить за него не мог, на сердце младого монарха оставалос [ь].

Однако приличными весельями и удовол [ь] ствиями, частыми съездами ко двору старался князь Меншиков благопристойным образом в праздные часы веселить своего государя и зятя. А пример двора, разливаяс [ь] сперва на вел [ь] мож, а потом и на других граждан, чинил, что и они по мере достатку своего, а иногда и свыше⁴², старались сообществом веселит [ь] ся, и простота нравов исчезала.

Наконец приходило время падения князя Меншикова, и произошло оно от следующего случая⁴³. Сей вел [ь] можа, всячески стараяс [ь] утешить своего государя и укрепить движением и трудами его тело, повез его со псовою охотою. Гон [ь] ба, травля, и прочее, что веселит в сей охоте, вес [ь] ма полюбились младому государю. Часто князь Меншиков отъезжал в мызу свою Оранинбоум, и случилос [ь], что единожды в небытность его в Петербурге, в пасмурной и холодной день, государь поехал на поле. По возвращении своем, нашел он Меншикова вес [ь] ма раздраженны [м] сею ездою, которой с тою горячностью⁴⁴, каковая может произойти от желания сохранить его здоровье и от опасности потерю его лишит [ь] ся толь великого союза, ему представлял, коль нерас [с] удительно было в пасмурное и холодное время ездить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изьяснении, но они от усердия происходили, однако младый государь ощущал тол [ь] ко в них единую горячность и яко нарушение почтения к себе, однако скрыл и то в сердце своем: и к [нязь] Иван Алексеевич

⁴² А иногда и свыше написано на полях.

⁴³ Далее зачеркнуто всячески же.

⁴⁴ Далее зачеркнуто каковую может п [роизойти?].

Долгорукий, ищущий погибели Меншикова⁴⁵, дабы самому и род свой на ту степень возвести, не оставил, паче очернить все слова сего вел [ь] можи.

Помнится мне, в июле месяце поехал князь Меншиков в мызу свою Оранинбоум для освящения созданные им церкви⁴⁶. Сей ожидаемый⁴⁷ уже давно случай и был употреблен к погублению его. Государь, по совету к [нзя] Ивана Алексеевича Долгорукова, поехал в Петергоф окружен гвардией, и повелено было к [нзя] Меншикову сказать, чтобы он в Петергоф не ездил, а проехал бы прямо в Петербург, где тогда же⁴⁸ двору государеву велено было из дому к [нзя] Меншикова выбират [ь] ся. Тщетно ниспадавший сей министр просил единые милости, чтобы видеть государя и оправдании свои принести, тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невеста государева, писала к великой княжне Наталье Алексеевне, дабы она упростила у государя, своего брата, прощение родителю ее. Первое, понеже опасалис [ь], чтоб сохраняемая некая к [нзем] Меншиковым власть и сил [ь] ные его представления не тронули сердце государево, а ему отказано было; а нелюбимыя невесты, от коротой избавит [ь] ся хотел сам государь, прос [ь] бы также действия не возимели, и князь Меншиков по приезде своем в Петербург назавтрее был арестован и сослан в с [с]ылку. Тако ниспал сей пышный вел [ь] можа, пример перемены и непостоянства счастья: из низкого⁴⁹ состояния почти до трона дошедший, и паки в низость и несчастье свергнутый.

Посем⁵⁰ Петр Второй начел править сам государством, естли можно назвать правлением правление юноши государя. Князь Иван Алексеевич Долгоруков, друг и наперстник государев, толь ему любимый, что даже на одной постели с ним сыпал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер-камергеры, возложена на него была андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенского полку, гренадерской роты, и все родственники его были возвышены, правя по изволениям их всеми делами империи. Престали науки государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгналос [ь] от двора, и, пол [ь] зуясь склонностию государевой⁵¹ к охоте, она всех важных упражненной место заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устало Долгоруких, они

⁴⁵ Далее зачеркнуто не оставил.

⁴⁶ Далее зачеркнуто сне ожи [даемый?].

⁴⁷ Далее зачеркнуто сл [учай?].

⁴⁸ Далее зачеркнуто цар [скому?].

⁴⁹ Первоначально было низких чин [ов?];

⁵⁰ Первоначально было почел; далее зачеркнуто начел править.

⁵¹ Далее зачеркнуто юн [оши?].

употребляли старание, дабы им⁵² родственницу свою, княжну Екатерину Алексеевну, дочь князя Алексея Григорьевича, сестру же князя Ивана Алексеевича, за государя обручить. И в сем обручении нечто странное было, ибо⁵³ хотя обручение сие было в присутствии всех и всего двора, но во время обручение государь и его невеста были окружены Преображенского полку гренадерами, которые круг их, под начал [ь]ством своего капитана князь Ивана Алексе [ев]ича Долгорукова, батальон каре составляли.

Князь Иван Алексе [ев]ич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страст [ь]ми, к каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, были обладаем [ы] . Пьянство, роскошь, любодейние и насилии место прежде бывшего порядку заступили. В пример сему, ко стыду того века, скажу, что слюбился он, иль лутче сказать, взял на блудодеяние себе, и между прочими жену К.Н.Ю.⁵⁴ Т. рожденную Головкину и не токмо без всякой закрытности с нею жил, но при частых съездах у К.Т. с другими своими молодыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов, имеющего чин генерал-майора, и с терпением стыд свой от прелюбодейния своей жены сносящего⁵⁵. И мне самому случилось [ь] слышать, что единожды, быв в доме сего кн [язя] Труб [ецкого] по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец его выкинуть в окошко, и естли бы Степан Васильич Лопухин, свойственник государев по бабке его, Лопухиной, первой супруге Петра Великого, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев князя Долгорукова, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было. Но любострастие его одною или многими неудовол [ь]ствовалось, согласие женщины на любодейние уже часть его удовол [ь]ствия отнимало, и он иногда⁵⁶ приезжающих женщин из почтения к матери его затаскивал к себе и насиловал. Окружающие его однородцы и другие молодые люди, самым распутством дружбу его приобретающа, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде. Привычка есть и к преступлениям, а сей был первый шаг, которым жены выступали из скромности и тихого жития, которое от древних нравов они еще сохраняли.

Отец его, князь Алексей Григорьевич, человек посредственного

⁵² им вписано над строкой вместо зачеркнутого их.

⁵³ Далее зачеркнуто обручение.

⁵⁴ Далее зачеркнуто Тру [бецкого].

⁵⁵ Сносящего написано на полях.

⁵⁶ иногда вписано над зачеркнутым часто.

разума, и единственно страстен к охоте⁵⁷, для⁵⁸ коронации⁵⁹ государей всегда бывают в Москве, то после оной и⁶⁰ присоветовал⁶¹ ему⁶² там утвердить свое житие, оставя навсегда Петербурх. Приехал двор в Москву, но распутство не престало, по месяцу и по два отлучении государево для езды с собаками остановило течение дел; сила единого рода учинила, что токмо искатели в оном чины и милости получали, а другие уже и к грабежу народа приступали. Желании угодить роскошным Долгоруким юношам пиры со всею знаемою для них роскошью делали.

Воз [з] рим таперь, какие были сии езды государевы на охоту, и какия были там упражнении. Ибо пример двора великое действие над образом мысли и всех подданных имеет. Ездил государь в Боровском, Коломенском и других уездах иногда и по месяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холод, езда с собаками была от утра до вечера. Кроме, что охота государева, при которой и сокол [ь]ники находилис [ь]⁶³, и все придворные, которые поневоле должны были охотниками сделат [ь]ся, со всей России собранные⁶⁴ знаемеишия охотники-дворяне имели позволение быть при охоте государевой. То коль сие должно было составить великую толпу людей и коликое множество собак. Всякой из сего⁶⁵ себе представить может, пощажены ли были тогда поля с хлебом, надежда земледельца, стада скота, хотя и отгонялис [ь], но не могли ли иногда с сею толпою собак встретит [ь]ся. А окружающие государя вел [ь]жи, которые были тогда же и охотники, для удовольствия своего не представляли молодому и незнающему государю, колико таковые езды вред земледелию наносят. Иззявши возвращался государь вечеру на квартиру, тут встречала его невеста его княжна Долгорукова, со множеством жен и девиц, и бал начинался, которой иногда гораздо поздно в ночь был продолжен. Младые государевы лета от распутства его сохраняли, но подлинно есть, что он был веден, чтобы со временем в распутство впасть; а до тех мест любимец его, к [нязь] Иван Алексеевич Долгоруков, всем сам пол [ь] зовался, и утружденного охотою государя принуждал по неволе представляемые ему веселья вкушать.

⁵⁷ Далее зачеркнуто как для.

⁵⁸ для вписано над строкой.

⁵⁹ Далее зачеркнуто государя.

⁶⁰ Государей всегда бывают [...] оной и написано на полях.

⁶¹ Далее зачеркнуто ехать в Москву и.

⁶² ему вписано над строкой.

⁶³ Далее зачеркнуто и весь двор, который поневоле должен был.

⁶⁴ Далее зачеркнуто ох[отники?].

⁶⁵ Далее зачеркнуто пре[дставить?].

Наконец возвратился государь в Москву из Коломенского уезду, новые начелись веселья, ежедневно медвежья травля, сажание зайцов, кулашные бои, с весельями придворными все часы жизни его занимали, даже как, простудясь, занемог воспою, в девятый день скончался, и вся надежда Долгоруких, яко скудельный сосуд о твердый камень сокрушилас [ь]. Осталос [ь] токмо памяти сего царствования, что⁶⁶ неисправленная грубость с роскошью и с распутством соединилас [ь]. Вел [ь] можи и вышние впали в роскошь⁶⁷, жены стыд, толь украшающий их пол, стали оный забывать, а нижние граждане приобыкли л [ь] стить вел [ь] можам.

Однако по смерти Петра Второго никого не было назначенного к приятию российского престола. Первостепенные вел [ь] можи⁶⁸ собралис [ь] дабы учинить важное решение⁶⁹, кого⁷⁰ во владыки толь великой части света возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смели без взятия мнения от именитейших благородных сего решить. Разные мнѣнии были подаваны. Иные представляли, что как вторая супруга Петра Великого уже царствовала над Россиєю, то надлежит взять из монастыря первую супругу Петра Великого⁷¹ и оную на престол возвести. Другие представляли, что⁷² есть в живых две дочери Петра Великого, принцес [с] а Анна в супружестве за герцогом Голштинским и принцес [с] а Елисавета в девицах, и хотя они и прежде браку рождены, но как уже законными⁷³ признаны, то рождение их не препятствует взойти на российский престол... Третьи представляли принцес [с] у Екатерину⁷⁴, герцогиню Меклембур [г] скую, старшую дочь царя Иоанна Алексеевича, наконец четвертые принцес [с] у Анну⁷⁵ вдовствующую герцогиню Курлянд [д] скую.

Уже собиравшиися вел [ь] можи предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатом или парламентом ограничить. Но заседание в сенате токмо нескол [ь] ким родам предоставили, тако, умен [ь] шая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вел [ь] можам, со огорчением множества знатных родов, и вместо одного толпу государей сочиняли. Сии

⁶⁶ Далее зачеркнуто гру[бость?].

⁶⁷ Далее зачеркнуто а.

⁶⁸ Далее зачеркнуто собиравлис[ь].

⁶⁹ Далее зачеркнуто кому.

⁷⁰ Далее зачеркнуто на.

⁷¹ Далее в тексте небольшой пропуск.

⁷² Далее зачеркнуто остаются две дочери.

⁷³ Далее зачеркнуто приняты.

⁷⁴ Екатерину вписано над зачеркнутым Анну.

⁷⁵ Далее зачеркнуто герцо[гиню?].

вёл [ь] можи прияли в рассуждение разные выше предложенные мнения о наследстве престола. Были многие и дал [ь] новиднейшие, которые желали возвести царицу Евдокию Федоровну на российский престол, говоря, что как она вес [ь] ма слабым разумом одарена, то силе учрежденного совету сопротивлят [ь] ся не может⁷⁶, а чрез сие⁷⁷ даст время утвердит [ь] ся постановляемым узаконениям в дредь-осуждения власти монаршей. Но на сие чинены были следующие возражения. Что закон препятствует сан монашеский, хотя и по неволе возложенной, с нее снять, и что она, имевши множество родни Лопухиных, к коим вес [ь] ма была привязана, род сей усилится и может для счастья своего склонить ее разрушить предполагаемые постановления. Дочерей Петра Великого, яко незаконнорожденных, отрешили. Принцес [с] у Екатерину Иоан [н] овну, герцогиню Мекленбур [г] скую; отрешили ради беспокойного нрава ея супруга, и что Россия имеет нужду в покое, а не мешания в⁷⁸ дела сего герцога, по причине его несогласия с его дворянством. И наконец, думая, что толь знатное нечаянно предложенное наследство герцогини Анне Ивановне заставит искренно наблюдать полагаемые ими статьи. А паче всего склонил всех на избрание сие князь Василий Лукич Долгоруков, которой к ней особливую склонность имел и, может быть, мнил, отгнав Бирона, его место заступить. Все сии на сие согласились, и он сам послан был с пунктами призывать ее на престол российский, естли будет обещат [ь] ся и подпишет сии предустановляемые законы.

Герцогиня Анна не отреклася подписать умен [ь] шающий российский императора власть статьи, которые ее возводили из герцогинь Курляндских в российския императрицы, и, поехав из Митавы⁷⁹, недоехав до Москвы за сем [ь] верст, остановилас [ь] в селе Всесвяцком, принадлежащем царевичу Грузинскому, в его доме, во ожидании приуготовления⁸⁰ торжественного ея вшедствия в Москву. А тогда же было дано дозволение всем благородным приезжать в оное село для принесения своего поздравления государыне. Долгорукия знали, что множество благородных были вес [ь] ма недоволен [ь] ны учиненными ими статьями, которые в руки некоторых родов всю власть правительства вручали; и сего ради имели великую осторожность, дабы кто какой записки, подходя к руке, не подал, и сего ради всегда кто из Долгоруких стоял возле государыни, повелевая всем

⁷⁶ Далее зачеркнуто и да[ст?].

⁷⁷ Далее зачеркнуто время.

⁷⁸ Далее зачеркнуто его.

⁷⁹ Далее зачеркнуто приехал.

⁸⁰ Далее зачеркнуто публи[чного?].

подходящим к руки иметь руки назад, не принимая руку монаршу на свою, как сие обыкновенно есть.

И подлинно еще прежде приезда в Москву императрицы Анны, известно было Долгоруким и другим, что некоторым умен [ь] шение власти монаршей противно было; яко сие оказалось, что Павел Иванович Егузинской, генерал-прокурор, зять же канцлера Гаврила Ивановича Головкина, послал тайно от себя офицера, Петра Спиридоновича Сумарокова, с пис [ь] мом, увещающим герцогиню Курлянд [д] скую не подписывать посланные к ней с князь Василием Лукичем пункты. Сие пис [ь] мо было оным князем Долгоруковым поймано, и он посланного немилосерд [н] о сам бил, о таком писании сообщил в московской вел [ь] мож совет, которой и намерялся Павла Ивановича немедленно казнить, но предложении князь Григорья Алексеевича Долгорукова⁸¹, чтоб⁸² таковую счастливую перемену кровию подданного⁸³ не обогрять, и он впредь до решения посажен был под жестокую стражу.

Сказал я уже выше, что дух⁸⁴ благородной⁸⁵ гордости и твердости упал в сердцах знатно рожденных россиянех; и тако, хотя великая часть ощущала неудовол [ь] ствие, но никто ни к чему смелому приступити не дерзал. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлися такие, которые предпри [н] яли разрушить сие установление. Феофан Прокопович, архиепискуп Новгородский, муж исполненный честолюбия, хотел себе более силы и могущества приобрести. Василий Никитич Татищев, человек разумный и предпри [ь] ный, искал своего счастья. Князь Антиох Дмитр [и] евич, человек ученой, предпри [ь] тельной, но бедный по причине права перворождения брата своего, князь Дмитрия Дмитриевича, искал себе и почестей и богатства, которые⁸⁶ надеялся⁸⁷ чрез умысел свой противу установления получить, и тем достигнуть еще до желания его женит [ь] ся на княжне Варваре Алексеевне Черкасской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкасского, богатейшего из российских благородных. Сии три, связанные дружбою⁸⁸, разумом и своими видами, учинили свое расположение для разрушения сделанного Долгорукими узаконения. Они во первых

⁸¹ Далее зачеркнуто *превозмогл [о?]*.

⁸² Далее зачеркнуто *при таковой*.

⁸³ Подданного написано на полях.

⁸⁴ Далее зачеркнуто *и*.

⁸⁵ Благородной написано на полях.

⁸⁶ Далее зачеркнуто *и*.

⁸⁷ Далее зачеркнуто *сим*.

⁸⁸ Далее зачеркнуто *и*.

открылис [ь] в сем князь Алексею Михайловичу Черкасскому, человеку вес [ь]ма недовольному Долгорукими, а паче за причиненные ими оскорбления князь Никите Юрьевичу Трубецкому, его шурина. Сей человек молчаливый, тихи [й], коего разум никогда ни в великих чинах не блистал, но повсюду являл осторожность, не вошел точно сам в сей умысел, а довол [ь]ствовался токмо старат [ь]ся о мнениях подданных императрице сообщить. Сие он исполнял чрез свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Солтыкову, супругу Петра Семеновича, но Солтыковы нескол [ь]ко в свойстве с императрицею. Сия жена хитрая и нашла способ, быв при надзираемой императрице, наедине ей записку ⁸⁹ о начинающихся намерениях сообщить.

Однако воспоследовала коронация, и императрица Анна Иоан [н]овна, не яко самодержавная, но яко подчиненная неким установлениям, была коронована. Долгорукия и их сообщники ⁹⁰ несколько успокоилис [ь], мня, что сила клятвы, учиненной императрицею при коронации, воздержит ее сделать какую перемену. Тщетная надежда. Императрица после коронации своей не столь стала наблюдаема ⁹¹, а потому о продолжении умыслу возвратить ей самодержавство удобнее известия получала, а Прокопович и Кантемир, сочиня челобитную от всех граждан, наспех множеству недовол [ь]ных дали ее подписать, и наконец, вдруг в назначенный день, под предводител [ь]ством князя Черкасского представ на аудиенцию к императрице, подали ей челобитную, по прочтении которой, яко снисходя на желание народное подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилас [ь], а вскоре несчастье Долгоруких последовало.

Обстоятельства сии хотя казалис [ь] бы и несовместны с описанием состояния нравов, однако естли кто прилежно рассмотрит оные, то умоначертание народное и п [е]ремены мыслей ясно усмотрит; и так можно сказать, что бываемые п [е]ремены в государствах всегда суть соединены с нравами и умоначертанием народным. Воззрим же таперя, как при правлении сея императрицы, наивяще упала твердость в сердцах, и как роскош [ь] наиболее стала вкоренят [ь]ся. А ⁹² для показания сего надлежит рассмотреть, во-первых, обычаи самой сей императрицы, второе, обычаи ее любимца Бирона, после бывшего герцогом Курлянд [л]ским, и его могущество, и третие, состояние двора, и какия были сделаны при сей государыни учреждения в рассуждении великолепности оного.

⁸⁹ Далее зачеркнуто подать.

⁹⁰ Далее зачеркнуто успо [коились?].

⁹¹ Далее зачеркнуто Прокопович.

⁹² Далее зачеркнуто сие первое:

Императрица Анна не имела блистател [ь] ного разуму, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен⁹³; с природы нраву грубого, отчего и с родительницею своею в [с] соре находилась, и ею была проклета, как мне известно сие по находящемуся в архиве Петра Великого одному пис [ь] му от ее матери, ответственному на пис [ь] мо императрицы Екатерины Алексеевны, чрез которое она прощает дочь свою, сию императрицу Анну. Грубой ее природный обычай не смягчен был ни воспитание [м], ни обычаями того века; ибо родилас [ь] во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы, а сие учинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучител [ь] ную казнь без содрагания подписывала, а может статься и еще к тому была побуждаема и любимцем своим Бироном. Не имела жадности к славе, и потому новых⁹⁴ узаконеней и учрежденей мало вымышляла, но старалас [ь] старое учрежденное в порядке содержать⁹⁵. Довол [ь] но для женщины прилежна к делам и любител [ь] ница была порядку и благоустройства, ничего спешно и без⁹⁶ совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все ее узаконении суть ясны и основател [ь] ны. Любила приличное великолепие императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было с благоустройством государства. Не можно оправдать⁹⁷ ее в любострастии, ибо подлинно, что бывшей у нее гофмейстером Петр Михайлович Бестужев имел участие в ея милостях, а потом Бирон и явно любимцом ее был; но наконец при старости своих лет является, что она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника.

Сей любимец ея Бирон, возведенной ею в герцоги Курлян [д] ские, при российском же дворе имеющей чин обер-камергера, был человек, рожденный в низком состоянии в Курляндии⁹⁸, и сказывают, что он был берейтор, которая склонность его к лошадям до смерти его сохранялась. Впрочем был человек⁹⁹, одаренный здравым рассудком, но¹ без малейшего просвещения, горд, зол, кровожадуш, и не примирител [ь] ный злодей своим неприятелям. Однако касающе до России он никогда не старался² во время жизни императрицы Анны что

⁹³ Далее зачеркнуто рожденного.

⁹⁴ Далее зачеркнуто учреж[дений?].

⁹⁵ Далее зачеркнуто приле[жна?].

⁹⁶ Далее зачеркнуто здра[вого?].

⁹⁷ Далее зачеркнуто любимец ее Бирон, герцог.

⁹⁸ В Курляндии написано на полях.

⁹⁹ Далее зачеркнуто разу[мный?].

¹ Далее зачеркнуто без пр[освещения?].

² Далее зачеркнуто что.

либо в ней приобрести³, и хотя в рассуждении Курляндии снабжал ее сокровищами российскими, однако зная, что он там от гордого курляндя [д]ского дворянства ненавидим и что он инако как сил [ь]ным защищением России не может сего герцогства удержать, то и той пол [ь]зы пол [ь]зам России подчинял. Впрочем был груб, яко свидетел [ь] ствует единый его поступок, что ездив на малое время к границам Курляндии и нашед мосты худы, отчего и карета его испортилас [ь], призвав сенаторов, сказал, что он их вместо мостовин велит для исправления мостов положить. Сие первого правительства присутствующие, правител [ь]ство, к которому Петр Великий толикое почтение имел, принуждены были от любимца-чужестранца вытерпеть безмолственно. Толико уже упала твердость в сердцах россиян.

Правление императрицы Анны было строго, а иногда и тираническое. За самые малейшия дела сажали в тайную⁴ канцелярию, и⁵ в стене соделанные казармы петербур [г]ской крепости недовол [ь]ны были вместить сих несчастных. Казни были частые, яко Долгорукие, быв прежде за тщание их ограничить власть монаршу, были сосланы, а потом за ту же вину из Сибири привезены и переказнены в Шлюссембурхе, а бывшей и не сослан князь Григорей Федорович Долгоруков, назначенный уже в пол [ь]ское посол [ь]ство, за то что уведано было, что Долгоруковы князь Алексей Григорьевич с сыном и другие⁶ сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петр Второй признавал, что имел сообщение с княжною Екатериною Алексеевною и оставлял ее беременну, и сего ради оказывал свое желание возвести ее на престол, духовную сию переписывал, но тогда же силою своих представлений учинил⁷ сие безумное сочинение, бесчестующее⁸ княжну Долгорукову без всякия пол [ь]зы, уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпел; и учинен был указ, дабы Долгоруких не производить. Было гонение и на⁹ род Голицыных: князь Дмитрий Михайлович, человек разумнейши [й] того века, был сослан в ссылку, и напрасное его осуждение довол [ь]но видно по самому манифесту его сослания, дети его: князь Сергей Дмитриевич, дабы отдалить его от двора, послан был в Казань в губернаторы, а князь Алексей Дмитриевич, бывшей тогда уже штатским действительным советником, послан нижним офицером в Кизляр. Князь Петр

³ Далее зачеркнуто яко неучаствующий по собственным.

⁴ Далее зачеркнуто тогда.

⁵ Далее зачеркнуто крепо[сть?].

⁶ Далее зачеркнуто при смерти Петра Второго признавал, что имел.

⁷ Далее зачеркнуто оную.

⁸ Далее зачеркнуто и.

⁹ Далее зачеркнуто Го[лицыных?].

Михайлович Голицын, который и услуги Бирону показал, без всякого суда, из камергеров послан был в Нарым в управители; а наконец Артемий Петрович Вольнский, обер-егермейстер, по единой его ссоре и неприязни¹⁰ бироновой был с принуждением¹¹ им воли самой государыни¹² мучительными¹³ пытками пытан и потом казнен. Дело его толь мало доводило его до какого наказания, что мне случилось слышать от самой ныне царствующей императрицы, что она, прочетши его с прилежностию, запечатав, отдала в сенат с надписанием, дабы наследники ея прилежно прочитывали оное и остерегалис [ь] бы учинить такое неправосудное бесчеловечие. Но можно сказать с единым стихотворцом:

На пышные верхи гром чаще ударяет.

Хотя трепетал весь¹⁴ двор, хотя не было ни единого вел [ь] можи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавалис [ь] ясны, а исполнялис [ь]¹⁵ в точности, страшилиса вел [ь] можи подать какую причину к несчастью своему, а не быв ими защищаемы, страшилис [ь] и судьи что неправое сделать, или [м]здоимству коснут [ь] ся. Был уставлен кабинет, где без подчинения и без робости един другому каждый мысли свои изъяснял, и осмеливался самой государыне при докладах противуречить, ибо она не имела почти никогда пристрастия то или другое сделать, но искала правды. И так по крайней мере лезть в таковых случаях отогнана была, да можно сказать, и не имела она л [ь] стесов из вел [ь] можей, ибо¹⁶ просто последуя законам, дела надлежащим порядком шли. Леты же ее и болезни ей не оставляли время что другое предпринимать¹⁷; чины и милости все по совету или лучше сказать по изволению Бирона, герцога Курлянд [д]ского, истекали; имела она для своего удовол [ь] ствия нескол [ь] ко женщин, а именно: княгиню Аграфену Александровну Щербатову, к которой, как по веселому ее нраву, так и по другим причинам привязана была; Анну Федоровну Ешкову и Мелгариту Федоровну манахиню, которых еще императрица знала, когда¹⁸ в молодости своей, когда они были при дворе простыми девушками. Любила шутов и дураков, и были при ней князь Никита Федорович

¹⁰ Далее зачеркнуто Миних[а?].

¹¹ Далее зачеркнуто вол[и?].

¹² с принуждением им воли самой государыни написано на полях.

¹³ Перед мучительными зачеркнуто с.

¹⁴ Далее зачеркнуто даже.

¹⁵ Далее зачеркнуто стро[го?].

¹⁶ Далее зачеркнуто тол[ько?].

¹⁷ Далее зачеркнуто имела для удовол [ь] ствия своего некоторые.

¹⁸ Далее зачеркнуто о[ни?] были в млад[ости?].

Волконской, Балакирев и князь Михайло¹⁹ Голицын, которые иногда и с бол [ь]ными есть шутками ее веселили. Се²⁰ высший знак деспотичества, что благороднейших родов люди в толь подлую должность были определены. Но вместо ее все²¹ вел [ь] можи дрожали перед Бироном. Единый взгляд его благороднейших и именитейших людей в трепет приводил, но толь был груб и неприступен, что ниже и лести место давал. Однако были некоторые²² преданные, то есть граф Остерман, которого он другом почитал и уважал его по делам, принимая от него советы, и князь²³ Александр Борисович Куракин, обершталмейстер, угождал ему лошад [ь] ми, яко умной человек л [ь] стил ему словами, и яко веселой веселил иногда государыню своими шутками, и часто соделанные им в пьянстве продерзости, к чему он склонен был, ему прощались²⁴. Петр Федорович Балк шутками своими веселил государыню и л [ь] стил герцогу, но ни в какие дела впущен не был.

Сказал уже я выше, что императрица Анна Иоановна любила приличное своему сану великолепие и порядок, и тако двор, который еще никакого учреждения не имел, был учрежден, умножены стали придворные чины, с [е] ребро и злато на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская²⁵ серебром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярии, и экипажи придворные всемогущее блистание того времени возымели. Итальянская опера была выписана, и спектакли начелись, так как оркестр и камерная музыка. При дворе учинилис [ь] порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады.

А все вышеописанное и показывает²⁶, какие шаги обстоятел [ь] ствами правления и примерами двора злые нравы учинили. Жестокость правления отняла всю смелость подданных изъяснять свои мысли, и вельможи учинилис [ь] не советниками, но дакал [ь] щиками государевыми и его любимцов во всех таких делах, в которых имели причину опасат [ь] ся противуречием своим неудовольствие приключить; любовь к отечеству убавилас [ь], а самство и желание награжденней возрасло. Великолепие, введенное у двора, понудило вел [ь] мож, а подражая им и других умножить свое великолепие. Оно уже в

¹⁹ князь Михайло написано на полях.

²⁰ Далее зачеркнуто пуший знак.

²¹ Далее зачеркнуто др [ожали?].

²² Далее зачеркнуто ему более других пр [еданы?].

²³ Далее зачеркнуто Куракин.

²⁴ Далее зачеркнуто Пав [ел?].

²⁵ Далее зачеркнуто сши [ты?].

²⁶ Далее зачеркнуто как обстоятел [ьства?].

платях, столах и других украшениях начинало из меры выходить; так что самую императрицу Анною примечено было излишнее великолепие, и изданным указом запрещено было ношение золота и серебра на платье, а токмо позволено было старое доносить, которые платья и были запечатаваны. Но тщетное приказание, когда сам двор, а паче тогда по причине сыновей герцога Курляндского, людей молодых, в сей роскошь впал. Не токмо сей роскошь виден был на торжественных одеяниях придворных и других чинов людей, но даже²⁷ мундиры гвардии офицеров оной ощущали²⁸, а паче мундиры конной гвардии, которые тогда были синия с красными обшлагами, выкладенные петлями и по швам широким золотым галуном. Многия из знатных людей стали иметь открытые столы, яко фелтмаршал граф Миних, вице-канцлер граф Остерман, хотя впрочем вес [ь] ма умеренно жил; Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал, граф Николай Федорович Головин²⁹ и другие. Число³⁰ разных вин уже умножилось, и прежде незнаемые шемпанское, бургонское и канское стало привозит [ь] ся и употреблят [ь] ся на столы. Уже вместо сделанных из простого дерева мебели стали не иные употреблят [ь] ся как а [н] глиняския, сделанные из красного дерева мегатена, дома увеличились [ь], и вместо малого числа комнат уже по множеству стали иметь, яко свидетел [ь] ствуют сие того времени построенные здания, начели дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойным иметь комнату без обоев, зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и бол [ь] шия стали употреблять. Екипажи тоже великолепие восчу [в] ствовали и екипажи, богатые, позлащенные кареты, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахрамами³¹, лутчие и дорогие лошади, богатые тяжелые и позлащенные и пос [е] ребренные шоры, с кутасами шелковыми и с золотом или серебром, также богатые ливреи стали употреблят [ь] ся. А паче таковой роскошь был виден, ибо он по приказанию учинен, во время свад [ь] бы принцес [с] ы Анны Меклембур [г] ской, племянницы императрицыной, за принца Антона Ульриха Броуншвейского.

Всякой роскошь приключает удовол [ь] ствие и некоторое спокойствие, а потому и приемлется всеми с охотою, и по мере приятности своей распространяется. А отсега, от великих принимая малые, повсюдова он начел являт [ь] ся; вел [ь] можн, проживаяс [ь], привязывалис [ь] более ко двору, яко ко источнику милостей, а ниж-

²⁷ Далее зачеркнуто гвардейские.

²⁸ Далее зачеркнуто пехотная гвардия имела их.

²⁹ Генерал-адмирал, граф Николай Федорович Головин написана на полях.

³⁰ Далее зачеркнуто вин уж.

³¹ Далее зачеркнуто шеры же.

ния к вел [ь] мохам для той же причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умеренность³², родство, дружба, приятство, привязанность к божик и к гражданскому закону, и любовь к отечеству; а³³ места сии начинали занимать презрение божественных и человеческих должностей, заисть, честолюбие, сребролюбие, пышность, уклонность, раболепность и лесть, чем каждый мнил свое состояние сделать и удовольствоваться свои хотении.

Однако между множества людей оставалос [ь] еще великое число, которые, не быв толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравов; и правосудие, естли не по склонности, но по крайней мере по страху казней, исполняемое, еще в довол [ь] ном равновесии весы свои сохраняло. При таковых обстоятел [ь] ствах (по кратком правлении принцес [с] ы Анны, вместо сына ея, принца Иоанна Брауншвейского, именованного³⁴ наследником империи умирающей импе затрицею Анною) принцес [с] а Елисавета, дщерь Петра Великого и императрицы Екатерины, взошла на российский престол.

Умалчивая³⁵, каким образом было учинено возведение ее на все-российский престол гренадерскою ротою Преображенского полку, и многия другия обстоятел [ь] ства, приступаю к показанию ее ум начертания, яко служе [ще] му к показания [м] причин развратности нравов. Сия государыня из женского полу в младости своей была отменной красоты, набожна³⁶, милосерда³⁷, сострадательна и щедра³⁸, от природы одарена довол [ь] ным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков³⁹, бывшей конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселей, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшениями; ленива и недокучлива ко всякому требующему некоего прилежания делу, так что за леностию ея не токмо внутренние дела государственныя многия иногда леты без подписания ея лежали, но даже и внешния государственные дела, яко трактаты⁴⁰, по несколько месяцев за леностию ея подписать ее имя у нее лежали⁴¹; роскошна и любострастна, дающая

³² Далее зачеркнуто дружба.

³³ Далее зачеркнуто вме[сто?].

³⁴ Далее зачеркнуто имп[ерии?].

³⁵ Далее зачеркнуто каким образо[м?] с ка[ким?].

³⁶ набожна написано на полях.

³⁷ Далее зачеркнуто и.

³⁸ и щедра написано на полях.

³⁹ Далее зачеркнуто что о[на].

⁴⁰ Далее зачеркнуто и по.

⁴¹ Далее зачеркнуто по несколько месяцев.

многую уверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она, при шестивии своем. принять всероссийский престол, пред образом спаса нерукотворенного обещалас [ь], что естли взойдет на родител [ь]ской ей престол, то во все царствование свое повелением ея никто смертной казни предан не будет; однако⁴², приняв престол, многих из вел [ь]мож повелела судить, в чем? в том, что они к царствующим тогда государем были привязаны, и⁴³ что, не почитая ее наследницею престола, но опасаяс [ь] имя ея родителя и рождения ее, давали сходственные с пользою тех государей предосудительные ей советы, и оные были осуждены на смерть, приведены к ешофоту, и хотя⁴⁴ освобождению от казни получили, но были в [с]сылки разосланы. Таков был отличной своим разумом генерал-адмирал граф Остерман, который управлением своим министерских дел многия пол [ь]зы России приобрел; таков был фелтмаршал граф Миних, многажды победитель над турками и первый из европейских вождей, который укротил гордость сего вражеского христианем народа. Сии и некоторые другия были за усердие их к императрице Анне и принцу Иоанну сосланы в ссылку. Но одни ли они усердны к ним были и верно им служили [?] Вся Россия четырнадцать лет в том же преступлении была, а окружающие двор⁴⁵, последуя изволениям императрицы Анны, и вес [ь]ма малое уважение к принцессе Елисавете имели, следовательно и все справедливо должны были опасат [ь]ся ее мщения, хотя не казни, но ссылки. Сему единый пример приложу. При восшествии на престол, был дежурным генерал-адъютантом⁴⁶ граф Петр Семенович Солтыков. Родственник же его Василий Федорович Солтыков, человек злой и глупый, имел сведение о намерениях принцес [с]ы Елисаветы. И когда вышеименованный дежурный генерал-адъютант был арестованной приведен пред⁴⁷ вновь восшедшую императрицу и пал к ней на колени, тогда родственник сей Василий Федорович Солтыков ему сказал, что вот таперь ты стоишь на коленях перед нею, а вчерась и глядеть бы не хотел, и готов бы всякое ей зло сделать. Поражен такими словами, не мог граф Петр Семенович ничего ответить. Но милостивое снисхождение самой государыни, запретившей вратъ Василью Федоровичу, его ободрило.

В таком страхе находился весь двор, а где есть страх, тут нет твер-

⁴² Далее зачеркнуто пов[елела?].

⁴³ И вписано над строкой.

⁴⁴ Далее зачеркнуто прощ[ение?].

⁴⁵ Далее зачеркнуто в уважение государ[ьни?].

⁴⁶ Далее зачеркнуто Пе[тр?].

⁴⁷ Далее зачеркнуто императрицу.

дости. Первый бывший не вес[ь]ма любимым при дворе⁴⁸ принцес [с]ы Анны князь Никита Юрьевич Трубецкой вошел в силу. Человек умной, честолюбивый, пронырливый, злый и мстительный⁴⁹, быв пожалован в⁵⁰ генерал-прокуроры⁵¹, л [ь]стя новой Императрице⁵², и может быть, имея свои собственные виды, представлял о возобновлении всех законов Петра Великого. Почитающая память родителя своего императрица Елисавета на сие согласилас [ь], и все узаконения императрицы Анны, которые были учинены в противность указам Петра Великого, кроме о праве перворождения в наследстве, были уничтожены, между коими многие вес [ь]ма полезныя обреталис [ь]. Л [ь]стя государю, надлежало л [ь]стить и его любимцу, а сей был тогда Алексей Григорьевич Разумовской, после бывший графом. Сей человек из Черкас, из казаков, был ко двору принцес [с]ы Елисаветы привезен⁵³ в певчия, учинился ее любовником, был внутренно человек доброй, но недал [ь]ного рассудку, склонен, как и все черкасы, к пьянству, и так сей его страстию старалис [ь] ему угождать. Степан Федорович Апраксин, человек также благодетел [ь]ной и доброго расположения сердца, но мало знающ в вещах, пронырлив, роскошен и честолюбив, а к тому и хотя не был пьяница, но не отрекался иногда в излишность сию впадать, и привезенный из [с]сылки граф Алексей Петрович Бестужев, бывший при императрице Анне кабинет-министром и добрым приятелем Бирону, за которого он и в ссылку был сослан. Человек умной, чрез долгую привычку искусный⁵⁴ в политических делах⁵⁵, любитель государственной пол [ь]зы, но пронырлив, зол и мстителен, сластолюбив⁵⁶, роскошен и собственно имеющий страсть к пьянству. Сии двое⁵⁷, пив с ним вместе и угождая сей его страсти, сочинили партию при дворе, противную князь Никите Юрьевичу Трубецкому.

Были еще другие, носящие милость на себе монаршу, сии суть родственники императрицыны, по ее матери императрице Екатерине Алексеевне, и по бабки ее Натальи Кирил [л]овне, и оные первые были Ефимовския, Скавронския и Гендриковы, о которых о всех гене-

⁴⁸ Далее зачеркнуто и.

⁴⁹ Далее зачеркнуто начел.

⁵⁰ Далее зачеркнуто обер-прокуроры.

⁵¹ Далее зачеркнуто по собственным своим пол [ь]зам.

⁵² Далее зачеркнуто и пол [ь]зу.

⁵³ привезен вписано над строкой.

⁵⁴ Первоначально было искусен.

⁵⁵ Далее зачеркнуто но.

⁵⁶ Далее зачеркнуто и.

⁵⁷ Далее зачеркнуто прилепилис [ь] к Разумовскому.

рально можно⁵⁸ сказать, что они были люди глупые и распутные; поумнее⁵⁹ или, лучше сказать, поживея из них изо всех был, но и тот был недалек, Николай Наумович Чеглоков, за которого ближняя свойственница государынина Марья Симоновна Гендрикова была выдана; и Михайло Ларионович Воронцов, женатой на Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре императрицы⁶⁰, после пожалованной графом и⁶¹ бывший канцлером⁶², коего тихой обычай не позволял оказывать его разум, но по делам видно, что он его имел, а паче дух твердости и чес [т]ности в душе его обитал, яко самыми опытами он имел случай показать⁶³. Вторые были Нарышкины, и хотя род сей и довол [ь]но многочислен, но ближним родственником своим считала императрица Александра Львовича Нарышкина, к которому всегда отличное уважение показывала.

Потом были в особливом уважении у двора те, которые знали о намерениях императрицы взойти на престол, и сии были, кроме Михаила Ларионовича⁶⁴ Воронцова, князь Гессен-Гомбургской и его супруга кнегиня Катерина Ивановна, и Василий Федорович Солтыков с его женою⁶⁵.

Признательность императрицы простиралас [ь] и на тех, которые у двора ее с верностию ей служили, и сии были [:] два брата⁶⁶ Александр и Петр Ивановичи Шуваловы, которого второго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей последней чете буду иметь случай впредь упомянуть. Скворцов, Лялин, Возжинской и Чулков, из которых некоторые и из подлости были.

Все сии разные награждения получили, а недостаточные стали обогащены. И как не одно рождение, и по долголетним службам полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянии смешалис [ь], и что из подлости⁶⁷ или из незнатных дворян происшедшей, обогащенный по пышности делал, того⁶⁸ знатной, благородной или заслуженной, но не [на] гражденной человек за стыд почитал не делать.

⁵⁸ Далее зачеркнуто бы.

⁵⁹ Далее зачеркнуто из ни [х?].

⁶⁰ Женатой на Анне Карловне [...] императрицы написано на полях.

⁶¹ Далее зачеркнуто как.

⁶² и бывший канцлером написано на полях.

⁶³ Далее зачеркнуто вторые носящие милость государскую.

⁶⁴ Далее зачеркнуто Трубец[кого?].

⁶⁵ Далее зачеркнута строка Все сии разные от [... далее неразборчиво].

⁶⁶ Далее зачеркнуто Петр.

⁶⁷ Далее зачеркнуто происш[едший?].

⁶⁸ Далее зачеркнуто за стыд себе.

Когда⁶⁹ смешалис [ь] состояния, когда чины начели из почтения выходить, а достатки не стали равнят [ь] ся, единые, от монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другие, имея токмо рождение и службу и небольшой достаток, с ними восхотели равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбие сверху вниз стали переходить и раззорять нижних; а как сие сластолюбие никогда пределов излишностям своим не полагает и самые вел [ь] можи начели изыскивать умножить оное в домах своих. Двор, подражая или, лутче сказать, угождая императрице, в златотканная одежды облекался; вел [ь] можи изыскивали в одеянии все, что есть богатее, в столе все, что есть драгоценнее, в пище, что реже, в услуге⁷⁰ возобновя⁷¹ древнею многочисленность слугителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Екипажи возблистали златом, дорогия лошади, не стол [ь] ко для нужды удобные, как единственно для виду, учинилис [ь]⁷² нужные для вожения⁷³ позлащенных карет. Дома стали украшат [ь] ся позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими меблями, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самым хозяевам, вкус умножался, подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почителен по мере великолепности его житья и уборов.

Очевидный будучи свидетель роду жизни и сластолюбия тогдашнего времени, я некоторые примеры потщуся представить. Граф Алексей Петрович Бестужев имел толь великой погреб, что он знатной капитал составил, когда после смерти его был продан графом Орловым. Палатки, которые у него становливались на его загородном дворе на Каменном Острове, имели шелковые веревки. Степан Федорович Апраксин всегда имел великой стол, гардероб его из многих сот разных богатых кавтанов состоял; в походе, когда он командовал российской армиею противу прусского короля, все спокойствии, все удовольствии, какие возможно было иметь⁷⁴ в цветущем торговлеу граде, с самою роскошию при звуке оружей и беспокойстве маршей ему последовали. Полатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных богато убранных лошадей. Граф Петр Борисович Щереметев⁷⁵, сперва камергер, а потом генерал-аншеф и ге-

⁶⁹ В начале абзаца Смешавшись состоя[ния?] зачеркнуто.

⁷⁰ Далее зачеркнуто возобновилис[ь] много.

⁷¹ Далее зачеркнуто и.

⁷² Далее зачеркнуто благо.

⁷³ Далее зачеркнуто злат[ых?].

⁷⁴ Далее зачеркнуто во гра[де?].

⁷⁵ Щереметев написано на полях.

нерал-адъютант, богатейший тогда в России человек, как по родителе своем графе Борисе Петровиче Шереметеве, так и по супруге своей графини Варваре Алексеевне, рожденной княжне Черкасской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкасского, человека также вес [ь]ма богатого. Человек вес [ь]ма посредственной разумом своим, ленив, незнающ в делах, и, одним словом, таскающей, а не носящей свое имя, и гордящейся единым своим богатством⁷⁶, в угодность монархине⁷⁷ со всем возможным великолепием жил; одежды его наносили ему тягость от золота и серебра и блистанием ослепляли очи; экипажи его, к чему он и охоты не имеет, кроме что лутчего вкусу, были выписаны изо Франции, были наидрагоценнейшия, стол его великолепен, услуга многочисленна, и житье его, одним словом, было таково, что не одинажды случалос [ь], что нечаянно приехавшую к нему императрицу с немалым числом придворных, он в вечернем кушанье, якобы изготавляяс [ь], мог угощать. А сие ему достоинством служило, и он во всяком случае у двора, не взирая на разные перемены в рассуждении его особы, был особливо уважаем. Граф Иван Григорьевич Чернышев, сперва камер-юнкер, а потом камергер⁷⁸, человек не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словом, вмещающий в себе все нужные качества придворного, многия примеры во всяком роде сластолюбия подал. К несчастию России, он немалое время путешествовал в чужие краи, видел все, что сластолюбие и роскошь при других европейских дворах наиприятнейшего имеют, он все сие перенял, все сие привез в Россию, и всем сим отечество свое снабдить тщился. Одежнии его были особливого вкусу и богатства, и их толь много, что он единожды вдруг двенадцать кавтанов выписал, стол его, со вкусом и из дорогих вещей соделанной, обще вкус, обоняние и вид привлекал; экипажи его блистали золотом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вины у него были на столе наилутчия и наидражайшия. И подлинно он сим некоторое преимущество получал, яко человек имеющей вкус, особливо всегда был уважаем у двора⁷⁹, женился на богатой невесте Ефимовской, родне государыни и любимой ею, потом⁸⁰ учинился другом фавориту Ивану Ивановичу Шувалову, чрез него прежде других тогда вес [ь]ма в почтении находящуюся ленту пол [ь]скую белого орла получил, а сим же защищением⁸¹ чрез сенат за малую цену, то есть не

⁷⁶ Далее зачеркнуто все [м?].

⁷⁷ Далее зачеркнуто всевозможное.

⁷⁸ Далее зачеркнуто не малые примеры во всяком щего[льстве?].

⁷⁹ Далее зачеркнуто учинился.

⁸⁰ Далее зачеркнуто др[угом?].

⁸¹ Сим же защищением написано на полях.

более 90 000 рублей, получил медные заводы, где слишком на сто тысяч готовой меди было, и которые, чрез нескол [ь] ко лет приведенные им в разоренье, с великим иском на них, за 700 000 продал обратно короле.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и в такие состояния людей, которые бы по чинам и обстоятел [ь] ствам своим не имели нужду ее употреблять. Князь Борис Сергеевич Голицын, сперва отбегавшей от службы поручик или капитан, а потом отставной майор, оную в Москве⁸² колико возможно оказывал; богатые одеяния его и жены его, ливреи, экипажи, стол, вины, услуга и прочее, все было великолепно. Таковое роскошное житье привлекало ему некоторой род почтения, но изнуряло его состояние, так как и действител [ь] но он как от долгов приватным людям, так и от долгов казне разоренный умер, и жена его долгое время должна была страдать и претерпевать нужду⁸³ в платеже за безумие своего мужа, для оплаты нажитых долгов.

Тако сластолюбие повсюду вкоренялось, к разорению домов и к повреждению нравов. Но где оно наиболее оказало вредных своих действий? И где оно, соединяясь с пышностью и властолюбием, можно сказать, оказало свою победу над добрыми нравами? Сие было в особе графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа памятно в России не токмо всем вредом, который сам он причинил, но и примерами, которые он оставил к подражанию. Род Шуваловых у нас никогда в великих чинах не бывал, и отец сего Шувалова, Иван Максимыч, в младости своей у деда моего, брата родного моего деда князь Юрья Федоровича Щербатова, у князь Федора Федоровича был знакомцем. Вошед в службу, долговременным продолжением оная достиг наконец до генерал-майорского чину, был губернатором у города Архангельского⁸⁴ откуда отец мой его сменил, и оттуда был употреблен в губернаторы или в Ригу или в Ревель, где и умер. Он был человек умный и честной, имел двух сыновей Александра и Петра Ивановичей, которым дав приличное воспитание, определил их в службу ко двору цесаревны Елисаветы Петровны⁸⁵. В царствование императрицы⁸⁶ Анны Ивановны старалис [ь] наполнять двор сей цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имели, и тако сии достигли из пажей даже до камер-юнке

⁸² Далее зачеркнуто до ск[олько?].

⁸³ Далее зачеркнуто дабы.

⁸⁴ Далее зачеркнуто а после.

⁸⁵ Далее зачеркнуто обыкновен[но?].

⁸⁶ Далее зачеркнуто Ели[заветы?].

ров. Петр Иванович Шувалов⁸⁷ был человек умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, был женат на Мавре Егоровне Шепелевой, женщине исполненной многими пороками, а однако любимице императрицыной. Он, пользуясь напаметованием прежней своей службы, когда был при дворе ее, яко цесаревны, разделял ее утешения, и милостию императрицы к жене его, с самого начала приятия престола императрицы Елисаветы Петровны отличную стал иметь силу; вскоре был пожалован в камергеры, и разумом своим, удобным к делам и ко л[ь]сти, силу свою умножил, пожалован был в генерал-порутчики и присутствовать в сенат. Тут соединяя все, что хитрость придворная наитончайшего имеет, то есть, не токмо лесть, угождение монарху, подслуживанье любовнику Разумовскому, дарение всем подлым и развратным женщинам, которые были при императрице и которые единые⁸⁸ были сидельщицы у нее по ночам, иные гладили ее ноги, к пышному не многознающему красноречию. Проникнул он, что доходы государственные не имеют порядочного положения, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда сенат, не имея сведения о суммах, где какия находятся, всегда жаловался на недостаток денег, сей всегда говорил, что их довол [ь]но, и находил нужные суммы для удовольствия роскоши императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбие иметь довол [ь]но денег⁸⁹, тогда как другие, взирая на недостаток народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имея в виду свою пышность и собственные свои пол [ь]зы, увеличил тщаниями своими доходы с винных откупов, и для удовол [ь]ствия своего корыстолюбия сам участником оных учинился. Монополии старался вводить, и сам взял откуп табаку, рыбные ловли на Белом и Леденом море, и леса алоницкия, за все получая себе прибыль. При милосерднейшей государыне учредил род инквизиции, изыскающей корчемство, и обагрил российские области кровию пытаных и сеченных кнутом, а пустыни сибирские и рудники наполнил сосланными в ссылку и на каторги, так что считают до 15 000 человек, претерпевших такое наказание. Взирая на торговлю, умножил пошлины на товары без разбору, и тем приумножением убытку по цене оны, при умножении сластолюбия⁹⁰, принужденно многих в разорение повлек⁹¹. Умножил цену на соль, а сим

⁸⁷ Далее зачеркнуто был женат на Мавре Егоровне, рожден[ной?].

⁸⁸ Далее зачеркнуто по н[очам?].

⁸⁹ Далее зачеркнуто стал.

⁹⁰ Далее зачеркнуто подал наивыше способ к раз[орению?].

⁹¹ Далее зачеркнуто коснувшись до монеты, из пятикопеешников сделал медных, а медных из пятикопеешника[в?].

самым приключил⁹² недостаток и болезни в народе. Коснувшись до монеты, возвышал и умен [ь]шал ее цену, так что пятикопеешники медные привел ходить в грош, и бедные подданные на капитале медных денег, хотя не вдруг, но три пятых капиталу своего потеряли; по его предложению делана была монета⁹³ медная⁹⁴ по осми рублей из пуда, а потом опять переделавана по шестнатцати рублей из пуда. Хотя ни одно из сих действий не было учинено без тайных прибытков себе, но еще дошедши до чину генерал-фельдцейхмейстера, и быв подкрепляем родственником своим Иваном Ивановичем Шуваловым, которого ввел в любовники к любострастной императрице, тогда когда повсюдова в Европе умножали артил [л]ерию, и Россия, имея тысячи пушек, могла бы, токмо их перелив, снабдить армию и флот, он⁹⁵ множество старых пушек в медную монету переделал, приписуя себе в честь, что якобы неизвестное и погибшее сокровище в сокровище обращающееся обратил. Не могли скрыть свои желания корыстолюбия, силою и властию своей, и пол [ь]зуюся узаконением Петра Великого, чтобы заводы⁹⁶ рудокопные отдавать в private руки, испросил себе знатные заводы, и между прочими, лутчей в государстве, Гороблагодацкой, и сие с такою бессовестностию, что когда сей завод, могущей приносить прибыли многие сты тысяч рублей, был оценен в 90 тысяч рублей, то он не устыдился о дорогой оценке приносить жалобу сенату и получил его по новой переценке, где не справедливость и не пол [ь]за государская были наблюдаемы, но страх его могущества⁹⁷, не с большим за 40 тысяч рублей, завод⁹⁸, при котором было приписных до дватцети тысяч душ, завод, приносящий⁹⁹ после ему до двухсот тысяч рублей, и который после взят был обратно короною за его долги за бесценок, за 750 рублей. Откупы, монополии, [м]здоимствы¹, торговля, самим им заведенная², и грабительствы государственных имений не могли однако его жадность и сластолюбие удовлетворить; учредил банк, по-видимому могущей бы полезным быть подданным, и оной состоял в медной монете³, занимая из которого должно было

⁹² Далее зачеркнуто болезни.

⁹³ Далее зачеркнуто в ко [торую?] .

⁹⁴ Далее зачеркнуто в которую употреблялас [ь] на пуд меди.

⁹⁵ Далее зачеркнуто пушки в монету.

⁹⁶ Далее зачеркнуто отдавать.

⁹⁷ Далее зачеркнуто за 4.

⁹⁸ Далее зачеркнуто с кото [рым?] .

⁹⁹ Далее зачеркнуто ему.

¹ Далее зачеркнуто и.

² Далее зачеркнуто не могли одна [ко?] .

³ Далее зачеркнуто за котор [ую?] .

платить по два процента и чрез несколько лет внести капитал серебром. Но кто сим банком воспол[ь]зовался[?] Он сам, взяв мил[л]ион; Гот, взявший у него на откуп олонекские леса, и взятые деньги отдавший ему; армяне, взявшие в монополию астраханской торг и⁴ большую часть взятых денег отдавшие ему. Князь Борис Сергеевич Голицын, который толь мало взятъем сим пол[ь]зовался, что уверяют, якобы в единое время из 20 тысяч, им взятых, токмо 4 тысячи в пол[ь]зу себе употребил.

Властолюбие его, равно как⁵ и корыстолюбие, пределов не имело. Не довол[ь]ствуяс[ь], что он был генерал-фельдхеймстер⁶, генерал-адъютант и сенатор, восхотел опричную себе армию соделать. Представление его, так как и все чиненны им, было принято, и он сочинил армию, состоящую из тридцети тысяч пехоты, разделенную в шесть легионов или полков, каждый по пяти тысяч человек, которые ни от кого, кроме его, не зависели. Является, что в России рок таковых безнужных затей есть скоро родит[ь]ся и еще скорее упадать, армия сия, сочиненная из лутчих людей государства; пошла в поход противу прусских войск⁷, много потерпела, ничего не сделала, часть ее превращена была в⁸ состоящие под его же начал[ь]ством фузелерные полки, а потом и совсем исчезла.

Мало я не забыл, исчисляя⁹ честолюбивые затей сего чудовища, помянуть о изобретенных им, иль лутче сказать, в подражание старинных и отброшенных голбиц, которые Шуваловскими назывались, и коих коническая камера чинила, что¹⁰ вес[ь]ма далеко отдавали, а эллипсической калибер, что разметисто наблизко картечами стреляли, и единорогов, которые и ныне есть в употреблении, ради легости их. Он, выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сих новых орудиях изображал, гнал всех тех, которые дерзали о¹¹ неудобности их, ныне доказанной, говорить, яко между прочими содержал под арестом князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшего по приезде своем из армии, что их действие вес[ь]ма близко, не может быть инако действител[ь]но, как на совершенно гладком месте; что отдача назад голбиц может самим действующим им войскам вред нанести и¹² расстроить их порядок, а что тягость их не удобна ни к воже-

⁴ Далее зачеркнуто взяты[е?] ден[ь]ги.

⁵ Далее зачеркнуто и к.

⁶ Далее зачеркнуто генерал-аншеф.

⁷ Далее зачеркнуто много по.

⁸ Далее зачеркнуто под ко[мандой?].

⁹ Далее зачеркнуто его.

¹⁰ Далее зачеркнуто си[и?].

¹¹ о вписано над зачеркнутым на.

¹² и вписано над строкой.

нию, ни к поставлению после выстрела на прежнее место, и наконец, что достойно смеху то, что их толь секретными почитают, и с особливою присягою к ним люди употреблены, которые даже от главных¹³ начал [ь]ников сокрывают сей мнимый секрет с обидою оных, коим вверено начал-[ь]ство армии, а не могут они знать ни секрета, ни действия употребляемых в ней орудей¹⁴, а самое сие расстраивает всю дисциплину в войске, что введенные в сие таинство, якобы отличные люди от других¹⁵, не по достоинству, но по опричности своей, излишние чины¹⁶ получают и более других им всемогущим начал [ь]ником уважаемы суть.

Между многих таковых развратных его¹⁷ предприятий¹⁸ начеты однако были два по его предложению, то есть генеральное межевание и сочинения нового уложения. Но¹⁹ за неоспоримую истину должно сие принять, что развратное сердце влечет за собою развратный разум, который во всех делах того чувствителен²⁰ бывает. Хотя не можно сказать, чтобы намерения генерал [ь]ного межеванья не полезно было государству и чтобы межевая инструкция не содержала в себе много хороших узаконеней, но многия в ней находились и такие, которые не сходственно со справедливостию, но по дал [ь]-новидности его ли самого или его окружающих были для собственных их пол [ь]з учинены. А исполнение еще хуже было. Порочногo сердца человек выбирал порочных людей для исправления разных должностей, те, не на пол [ь]зу общественную, но на свои прибыли смотря, также порочных людей одобряли, отчего множество тогда же произошло злоупотребления; и не пол [ь]зою обществу сие межевание учинилось, но учинилось верным способом к нажитку²¹ определенных и к грабежу народа. Сочинение уложения не лутчей успех имело, ибо были²² к сему толь полезному делу государства определены люди не те, которые²³ глубокою наукою состояние государства и древних прав, сообщенных с наукою логики и моральной философии, а равно и с долговременным исполнением беспорочно своих должностей, могли удостоит [ь]ся имени законодателей и

¹³ Далее зачеркнуто командиров.

¹⁴ Далее зачеркнуто и что сие в.

¹⁵ Далее зачеркнуто но.

¹⁶ Далее зачеркнуто и уваж[ение?].

¹⁷ Далее зачеркнуто на.

¹⁸ Далее зачеркнуто им.

¹⁹ Далее зачеркнуто истинно.

²⁰ Далее зачеркнуто ест [ь].

²¹ Далее зачеркнуто и грабе[жу?].

²² Далее зачеркнуто в сию знатную ко [миссию?].

²³ Далее зачеркнуто долговрем[енно?].

благотворителей своего отечества. Но Емме, человек-ученый, но груб и бесчеловечен с природы; Дивов, глупый, наметливый на законы человек, но мало смыслящий их разум, а к тому же корыстолюбивый; Ешков, добрый и не [м]здоимщик и знающей по крайней мере российский законы человек, но ленивой, праздною и²⁴ не твердый судья; Казлов, умной и знающий законы человек, но токмо пред тем вышел из-под следствия по мздоимствам и воровствам; Глебов, угодник графу Шувалову, умной по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел. Такие люди, таково и сочинение. Наполнили они сочиненное свое уложение множество пристрастными статьями, по которым каждый хотел или свои дела решить, или, начавши новые, воспол [ь]-зоват [ь]ся разорением других. Наполнили его неслыханными жестокостями пыток и наказаний, так что, когда по сочинении оное было без чтения сенатом и других государственных чинов поднесено к подписанию государыни, и уже готова была сия добросердечная государыня не читая подписать, перебирая листы, вдруг попала на главу пыток, взглянула на нее, ужаснулася [ь] тиранству и, не подписав, велела переделывать. Тако чудесным образом избавилась Россия от сего бесчеловечного законодатель [ь]ства.

Но я слишком отделился от моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжил для показания умоначертания сего именитого мужа, а развратность вел [ь] можи влекла примером своим развратность и на нижних людей. И подлинно, до²⁵ его правления хотя были взятки, были неправосудии и был разврат, но все с опасением строгости законов, и народ, хотя малое что и давая, не мог справедливо жаловат [ь]ся, что разорен есть от судей. Но с возвышением его²⁶ неправосудие чинилос [ь] с наглостию, законы стали презират [ь]ся, и [м]здоимствы стали явные. Ибо довол [ь]но было быть любиму и защищаему им, графом Шуваловым, иль его метрсами, иль его любимцами Глебовым и Яковлевым, чтобы не страшаса ничего, всякия неправосудии делать и народ взятками разорять²⁷. Самый сенат, трепетав его власти, принужден был хотениям его повиноваться, и он первый, иже правосудии и из сего высшего правительства изгнал. Чрез искание Анны Борисовны графини Апраксиной²⁸, дочери князь Бориса Васильевича Голицына, при княгине Алене Степановне Куракиной, решено было дело между

²⁴ Далее зачеркнуто трусли[вый?].

²⁵ Далее зачеркнуто сег[о?].

²⁶ Далее зачеркнуто правосудии у.

²⁷ Далее зачеркнуто и в пример сему можно при[вести?].

²⁸ Далее зачеркнуто при.

князь Голицына и кне[г]ини Елены Васильевны Урусовой в беглых крестьянах, и хотя она была права, но²⁹ решением сената³⁰ была приведена в разоренье. Защищал он³¹, сообщаса с графом Александром Борисовичем Бутурлиным, князей Долгоруких, по делу о деревнях Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитого князь Якова Федоровича Долгорукова, чтобы лишить не право принадлежащей части князь Якова Александровича и сестру его княжну Марью Александровну Долгоруких, и тесть мой, на сие голос подал, то сказано ему было от вышеименованного графа Бутурлина, что естли он от сего дела не отступит, они найдут способ толико его обнести у государьни, что может быть он свое упрямство и ссылкою заплатит.

Не могу я упустить, чтобы не помянуть об едином узаконении сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненном для собственно его прибытку и разрушающем супружественную связь, которая до сего у нас свято еохранялас[ь]. Между прочими вещами, связующими супругов, и, сходственно с божиим законом, подчиняющих жен мужьям своим, было узаконение, что жена без воли мужа своего недвижимого своего имени продать и заложить не могла, и муж всегда должен был позволение свое в крепости подпискою означить. Графу Петру Ивановичу Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головиной, живущей особливо от мужа своего, и посему и не могущей его согласия иметь. Предложил, чтобы сей знак покорства жен уничтожить; по предложению его, яко всесил[ь]ного мужа в государстве, был учинен указ, он деревню купил, а сим подал повод по своенравиям своим женам от мужей отходить, разорять их детей, а отшедшим разорят[ь] ся.

Довольно думаю³² описал я разные клонящиеся к своим собственным прибыткам предприятия графа Шувалова, наводящая тогда же мне огорчения не токмо по самому злу, чинившемуся тогда, но и по даваемому примеру, о котором я пророчествовал, что он множество подражателей себе найдет. Яко и действител[ь]но воспоследовало. К[нязь] В[яземский?] показанием, что он умножает доходы, хотя то часто со стенанием народа, в такую силу вошел, что владычествует над законами и сенатом. К[нязь] П[отемкин?] не токмо всю армию по военной коллегии под властью своей имеет, но и особливую опричную себе дивизию из большей части армии сочинил, а нерегулярные все войска в опричину себе прибрал, стараяс[ь] во всех делах толико превзойтить графа Шувалова, колико он других превосходил.

²⁹ Далее зачеркнуто сим.

³⁰ Далее зачеркнуто именной.

³¹ Далее зачеркнуто Глебовым.

³² Далее зачеркнуто предложил я.

Мне должно теперь помянуть о его нравах и роскоши. Беспре­станно в замыслах и беспре­станно в делах не мог он иметь открытого дому и роскошь свою великолепным житьем показывать. Но был сластолюбив и роскошен в приватном своем житье. Дом его был убран колико возможно лутче по тогдашнему состоянию, стол его малин [ь] кой наполнен был всем тем, что есть драгоценнейшее и вкуснейшее; десерт его был по тогдашнему наивеликолепнейший, ибо тогда как многия, изживши век, вкусу ананасов не знали, а о банане и не слыхивали, он их в обил [ь] стве имел и первый из приватных завел ананасовую³³ бол [ь] шую аранжерею. Вины, употребляемые им, не токмо были лутчие, но, не довол [ь] ствуяса теми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, делал дома вино ананасовое. Екипаж его был блистающ златом, и он первый цук аглинских, тогда вес [ь] ма дорогих лошадей имел; платье его соответствовало также пышности: злото³⁴, серебро, кружевы, шитье на нем блистали, и он первый по графе Алексее Григорьевиче Разумовском имел бри [л] лиантовые пуговицы, звезду³⁵, ордены и еполет, стою токмо разностию, что его брил [я] иантовые уборы богатея были. Во удовольствие своего любострастия всегда имел многих метрес, которым не желея деньги сыпал, а дабы и тело его могло согласоваться с такой роскошью, принимал ежедневно горячие лекарства, которые и смерть его приключили. Одним словом, хотя он тогда имел более 400³⁶ тысяч рублей доходу, но на его роскошь, любострастие и дары окружающих императрицу недоставало, и он умер, имея более миллиона на себе казенного долгу.

Примеры таковые не могли³⁷ не разлит [ь] ся на весь народ, и повсюдова роскошь и сластолюбие умножились [ь]³⁸. Дома стали великолепно убират [ь] ся и стыдились [ь] не а [н] глинский мебели иметь; столы учинились [ь] великолепны, и повары, которые сперва не за первого человека в доме считались [ь], стали великие ден [ь] ги в жалованье получать. Так что Фукс, бывшей повар императрицын, и служившей ей в цесаревнах, хотя имел брегадирской чин, но жалованье получал по 800 рублей в год, а уже тогда и приватные стали давать рублей по пятисот, кроме содержания. Лимоны и померанцы не могли быть дороги в Петербурге, куда они кораблями привозятся, но в Москве они были толь редки, что разве для бол [ь] ного

³³ Далее зачеркнуто оранжерею.

³⁴ Далее зачеркнуто кру [жева?].

³⁵ Далее зачеркнуто епольет.

³⁶ Далее зачеркнуто ру [блей?].

³⁷ Далее зачеркнуто не проникнуть в.

³⁸ Далее зачеркнуто дабы.

или для особливо великого стола их покупали, учинились [ь] и в Москве в изобил [ь] стве, Вины дорогия и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли во употребление, но даже и низкие люди их употреблять начели, и за щегол [ь] ство считалос [ь] их разных сортов на стол подавать, даже, что многие под тарелки в званые столы клали записки разным винам, дабы каждый мог попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсем не бывшее во употреблении, но введенное во употребление графиней Анной Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо в знатных столах ежедневно употреблят [ь] ся, но даже подлые люди, оставя употребление рускава пива, оным стали опиват [ь] ся. Свечи, которые до сего по бол [ь] шей части употреблялися сал [ь] ные, а где в знатных домах, и то перед господами, употребляли вощеные, но и те из желтого воску, стали везде да и во множестве употреблят [ь] ся белые восковые. Роскошь в одеждах все пределы превзошел: парчевые, бархатные³⁹, с золотом и серебром, платья шитые золотом, серебром и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали⁴⁰, и те в толиком множестве, что часто гардероб составлял почти равной капитал с прочим достатком какого придворного или щеголя, а и у умеренных людей оного всегда великое число было. Да можно ли было сему инако быть, когда сам государь⁴¹ прилогал все свои тщании ко украшению своей особы, когда он⁴² за правило себе имел каждый день новое платье надевать, а иногда по два и по три на день, и стьжус [ь] сказать число, но уверяют, что нескол [ь] ко десятков тысяч разных платей после нее осталос [ь]. Мундиров тогда, кто имел токмо достаток, кроме должности своей не нашивали, и даже запрещено было в оных танцовать при дворе. Екипажи были умеренного с прочим великолепия, уже русского дела корета в презрении была, а надлежало иметь, с заплатою нескол [ь] ких тысяч рублей, французскую и с точеными стеклами, чтоб шоры и лошади оной соответствовали и прочее. Однако при всем сем еще очень мало было сервизов серебряных, да и те бол [ь] шая часть жалованных государем; Степан Федорович Апраксин, человек пышной и роскошной⁴³, помнится мне⁴⁴, до конца жизни своей на фаянсе едал, довол [ь] ствуяся иметь чаши серебряные, и я слышал от Ивана Лукьяновича Талызина, что он первый из собственных своих денег сделал себе сервиз серебряной.

³⁹ Далее зачеркнуто и с.

⁴⁰ ибо уже галуны за подлое почитали написано на полях.

⁴¹ Далее зачеркнуто не токмо к.

⁴² Далее зачеркнуто каж [дый?] .

⁴³ Человек пышной и роскошной написано на полях.

⁴⁴ Перед помнится зачеркнуто думаю до конца.

При сластолюбивом и роскошном государе не удивительно, что роскошь имел такие успехи, но достойно удивлению, что при набожной государыни, касател[ь]но до нравов, во многом божественному закону противуборствию были учинены. Сие есть в рассуждении хранения святости брака тайнства по исповеданию нашей веры. Толь есть истинно, что единый порок и единый проступок влечет за собою другие. Мы можем положить сие время началом, в которое жены начели покидать своих мужей. Не знаю я обстоятельств первого странного разводу, но в самом деле он был таков. Иван Бутурлин, а чей сын не знаю, имел жену Анну Семеновну; с ней слюбился Степан Федорович Ушаков, и она, отошед от мужа своего, вышла за своего любовника⁴⁵, публично содеяв любодейственный и противный церкви сий брак⁴⁶, жили⁴⁷. Потом Анна Борисовна графиня Апраксина рожденная княжна Голицына, бывшая же в супружестве за графом Петром Алексеевичем Апраксиным, от него отошла. Я не вхожу в причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно был человек распутного жития. Но знаю, что развод сей не церковным, но гражданским порядком был сужен. Муж ее, якобы за намерение учинить ей какую обиду в немецком позорище, был посажен под стражу и долго содержался, и наконец велено ей было дать ее указную часть из мужня имения при живом муже, а именоват[ь]ся ей попрежнему княжною Голицыною. И тако, отложя имя мужа своего, приведши его до посаждения под стражу, наследница части его имения учинилас[ь], по тому токмо праву, что отец ее, князь Борис Васильевич, имел некоторой случай у двора, а потом, по разводе своем, она сделалас[ь] другом кне [г]ини Елене Степановне Куракиной, любовнице графа Шувалова.

Пример таких разводов вскоре многими другими женами был последуем, и я токмо двух в царствовании императрицы Елисаветы Петровны именовал, а ныне их можно сотнями считать.

Еще Петр Великий, видя, что закон наш запрещает князь Никите Ивановичу Репнину вступить в четвертый брак, позволил ему иметь метрессу, и детей его, под именем Репнинских, благородными признал. Так же князь Иван Юрьевич Трубецкой, быв пленен шведами, имел любовницу, сказывают, единую благородную женщину, в Стокгол[ь]ме, которую он уверил, что он был вдов, и от нее имел сына, которого именовали Бецким, и сей еще при Петре Великом почтен был благородным и уже был в⁴⁸ офицерских чинах. Такому

⁴⁵ Далее зачеркнуто а муж ее женился на Мавре Афанасьевне и оба.

⁴⁶ Далее зачеркнуто публично.

⁴⁷ Далее зачеркнуто и дети их за.

⁴⁸ Далее зачеркнуто чина [х?].

примеру последуя, при царствовании императрицы Елисаветы, выbleд-док князь Василья Владимировича Долгорукова Рукин наравне с дворянами был производим. Алексей Данилович Татищев, не скрыва-вая, холопку свою, отнявшую у мужа жену, в метресах содержал, и дети его дворянство получили. А сему подражая, ныне толико сих выbleдков дворян умножилось, что повсюдова толпами их видно. Лицыны, Ранцовы и прочие, которые или дворянство получают⁴⁹, либо по случаю или за ден [ь] ги до знатных чинов доходят, что кажет-ся хотят истребить и честь законного рождения, и, не закрытно содер-жа метрес, являются знатные люди насмежат [ь] ся и святостию закона, и моральным правилам, и благопристойности. И тако можно ска-зать, что и сии злы, толь обыкновенные в нынешнее время, отрыгну-ли корень свой в сие царствование⁵⁰.

Такое было расположение нравов при конце сей императрицы, и она, скончавшис [ь], оставила престол свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогом Голстинским, Петру Федоровичу, государю, одаренному добрым сердцем, если может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов, ибо, впрочем, он не токмо имел разум вес [ь] ма слабый, но яко и помешанной, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие. Сей, взошедший на всероссийский престол, к поврежденным нравам быв сам с излихвою поврежден, равно по природному своему расположению, так что и во все время царствования императрицы Елисаветы старались наиболее его нра-вы испортить, не мог исправления им сделать.

Сей государь имел при себе главного своего любимца Л [ь] ва Алек-сандровича Нарышкина, человека довол [ь] но умного, но такого ума, который ни к какому⁵¹ делу стремления не имел, труслив, жаден к честям и корысти, удобен ко всякому роскошу, шутлив, и, словом, по обращениям своим и по охоте шутить более удобен быть придворным шутом, нежели вел [ь] можею. Сей был помощник всех его страстей.

Взошедши сей государь на всероссийский престол без основа-тел [ь] ного разуму и без знания во всяких⁵² делах⁵³, восхотел под-нять вол [ь] ным обхождением воинский чин. Все офицеры его голстинския, которых он малой корпус имел, и офицеры гвардии

⁴⁹ Далее зачеркнуто *ибо*.

⁵⁰ Далее зачеркнуто *строка* Таперя при.

⁵¹ Далее зачеркнуто *доброму*.

⁵² Далее зачеркнуто *местах*.

⁵³ Далее зачеркнуто *первы [й?]*.

часто имели честь быть при его столе⁵⁴, куда всегда и дамы приглашались [ь]. Какие сии были столы [?] Тут вздорные разговоры, смешенные с неумеренным питьем, были смешены, тут после стола поставленный пунш и положенные трубки, продолжения пьянства и дым от курения табаку представлял более какой трактир, нежели дом государский; коротко одетой и громко кричащей офицер выигрывал над прямо знающим свою должность. Похвала прус [с] кому королю, тогда токмо преставшему быть нашим неприятелем, и унижение храбрости российских войск составляли достоинство приобрести любление государево; и граф Захар Григорьевич Чернышев, при бывшей пробы российской и прусской взятой в плен арти [л] лерии, за то, что старался доказать, и доказал, что роейская арти [л] лерия лучше услужена, не получил за сие андреевской ленты, которые тогда щедро были раздаваемы.

Имел государь любовницу, дурную и глупую⁵⁵, графиню Елисавету Романовну Воронцову, но ею, взошед на престол, он доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Уверяют, что Александра Иванович Глебов, тогда бывший генерал-прокурор, и им пожалованной купно и в генерал-крикс-комисары, подвел падчерицу свою⁵⁶ Чеглокову, бывшую после в супружестве за Александр Николаичем Загряским, и уже помянутая⁵⁷ мною выше кнегиня Елена Степановна Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что, когда по ночевании ночи он ее отвозил домой по утру рано⁵⁸ и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилос [ь] известно сие графине Елисавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала.

Примечател [ь] на дня России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывшей его⁵⁹ секретарем. Петр Третий, дабы сокрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселит [ь] ся с новопривозной, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселит [ь] ся с княгинею Куракиною,

⁵⁴ Далее зачеркнуто но какие сии столы были.

⁵⁵ Далее зачеркнуто Елисавету.

⁵⁶ Далее в тексте небольшой пропуск.

⁵⁷ Далее зачеркнуто нами вы [ше?].

⁵⁸ по утру рано написано на полях.

⁵⁹ Далее зачеркнуто и конф [еренц?].

сказав Волкову, чтобы он к завтраю какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливой, то вспомнил нередкия вытвержения государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вол[ь]ности дворянства, седши, написал манифест о сем. По утру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован.

Не токмо государь, угождая своему любострастию, тако благородных женщин для удовольствия себе употреблял, но и весь двор⁶⁰ в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу⁶¹, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни родсвенников, любовников себе искали. Исчислю ли я к стыду тех жен, которые не стыдились впадать в такия любострастия, с презрением стыда и благопристойности, иже сочиняет единую из главнейших добродетелей жен[?] Нет, да сокроются от потомства имена их, и роды их да не обещуются напаятованием преступлений их матерей и бабок; и тако, довол[ь]ствуясь описать, какой был разврат⁶², подробно о любострастиях⁶³ их ни о именах их не помяну. Ибо в самом деле, с угрызением сердца моего принуждаю себя и тут, где необходимо должно⁶⁴ поминать, именуя таковых, по причине сочинения сего, определенного сокрыт[ь]ся в моей фамилии меня принуждает.

И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякого роду роскошь и пьянство составляло отличные умоначертания двора, и оттуда они уже некоторые разлились и на другия состояния людей в царствование императрицы Елисаветы Петровны⁶⁵, а другия разливат[ь]ся начинали, когда супруга сего Петра Третьего, рожденная принцесса Ангаль-Цербская, Екатерина Алексеевна, взошла⁶⁶ с низвержением его на российский престол. Не рожденная от крови наших государей, жена, свергнувшая своего мужа возмущением и вооруженною рукою, в награду за толь добродетельное дело корону и скип[е]тр российский получила, купно и с именованьем благочестивые государыни, яко в церквах о наших государях⁶⁷ моление производится.

⁶⁰ Далее зачеркнуто на.

⁶¹ Далее зачеркнуто не скрыва[я?].

⁶² Далее зачеркнуто сокрою.

⁶³ Далее зачеркнуто их.

⁶⁴ Далее зачеркнуто обещен[н]ые и бес чест [и?].

⁶⁵ Далее зачеркнуто Перв[ого?].

⁶⁶ Далее зачеркнуто на р[оссийский?].

⁶⁷ Первоначально было о нашей государ[ыни?], затем зачеркнуто ей государ.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой империей, естли женщина возможет поднять сие иго, и естли одних качеств довол [ь] о для сего вышнего сану. Одарена довольной красотой, умна, обходительна⁶⁸, великодушна⁶⁹ и со-страдательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолюбию, бережлива⁷⁰, предприятельна, некое чтение имеющая. Впрочем мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона божия, и потому, как на колеблющихся свецских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена⁷¹. Напротив же того, ее пороки суть: любострадна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива⁷², что редко и один месяц одинакая⁷³ у ней система в рассуждении правления бываёт.

Совсем тем, вошедши на престол и не учиня жестокого мщениа всем тем, которые до того ей досаждали, имела при себе любимца своего⁷⁴, который и вспомошествовал ей взойтить на престол, человека⁷⁵, взрослого в трактирах и в неблагопристойных домах, ничего неучившегося и ведущего до того развратную младого человека жизнь, но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнюю степень⁷⁶, до какой подданной может достигнуть, среди кулашных боев, борьбы, игры в карты, охоты и других шумных забав, почерпнул⁷⁷ и утвердил в сердце своем некоторые полезные для государства правила, равно как и братья его. Оные состояли[:] никому не мстить, отгонять л [ь] стцов, оставить каждому месту и человеку⁷⁸ непрерывное исполнение их должностей, не л [ь] стить государю, выискивать людей достойных, и не производить как токмо по заслугам, и наконец отбегать от роскоши, — которые правила сей Григорей Григорьевич, после бывшей графом, а наконец князем, до смерти своей сохранил. Находя, что карташная азартная игра может привести дру-

⁶⁸ Далее зачеркнуто ще [дра?] бережлива по.

⁶⁹ Далее зачеркнуто по систе [ме?].

⁷⁰ Далее зачеркнуто и предприятельна.

⁷¹ Далее зачеркнуто впр [о чем?].

⁷² Далее зачеркнуто и.

⁷³ Далее зачеркнуто ее сис [тема?]

⁷⁴ Далее зачеркнуто Григо [рия?].

⁷⁵ Далее зачеркнуто воспитанного.

⁷⁶ Далее зачеркнуто на.

⁷⁷ Далее зачеркнуто некоторые полезные.

⁷⁸ И человеку написано на полях.

гих в разоренье, играть в нее перестал. Хотя его явные были неприятели графы Никита и Петр Ивановичи Панины, никогда ни малейшего им зла не сделал, а напротив того, во многих случаях им делал благодеяния, и защищал их от гневу государыни. Изрубившему изменническим образом брата его, Алексея Григорьевича⁷⁹, не токмо простил, но и милости сделал, множество л[ь]стецов, которые тщились л[ь] обуздать его самолюбие, никогда успеху не имели, и напротив того, более грубостию можно было снискать его любовь, нежели лестью; никогда в управление непринадлежащего ему места не входил, а если бы и случилось л[ь] ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему в том отказывали; никогда не л[ь]стил своей государыне, к которой не ложное усердие имел, и говорил ей с некоторою грубостию все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце, чему и сам я многожды самовидцем бывал; старался и любил выискивать людей достойных, поелику понятие его могло постигать, но не токмо таких, которых по единому их достоинству благодетел[ь] ствовал, но ниже ближних своих любимцов не любил иначе производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить отечеству и в опаснейших местах употреблять, яко учинил с Севолодом Алексеевичем Севоложским, которого в пущую в Москве язву с собой взял и там употребил его к делу. Хотя с молодости развратен и роскошен был, но после никакой роскоши в доме его не видно было, а именно, дом его отличного в убранстве ничего не имел, стол его не равнялся с столами, какия сластолюбы имеют, экипажи его, хотя был и охотник до лошадей и до бегунов, ничего чрезвычайного не имели⁸⁰, и наконец, как сначала, так и до конца никогда ни с золотом, ни с серебром платья не нашивал. Но все его хорошия качества были затмены его любострастием: он презрел, что должно ему к своему государю и ко двору государскому, учинил из двора государева дом распутия; не было почти ни одной фре[й]лины у двора, которая не подвергнута бы была к его исканиям, и коль много было довола[ь]но слабым, чтобы на оные преклонит[ь]ся, и сие тершию было государыней, а наконец тринадцатилетнюю двоюродную⁸¹ сестру свою, Катерину Николаевну Зиновьеву, иссил[ь]ничал, и, хотя после на ней женился, но не прикрыл тем порок свой, ибо уже всенародно оказал свое деяние, и в самой женитьбе нарушил все священные и гражданские законы.

⁷⁹ Далее в тексте небольшой пропуск, оставленный, видимо, для какой-то вставки.

⁸⁰ Первоначально было не имел.

⁸¹ двоюродную написано на полях.

Однако во время его случая⁸² дела довол [ь]но порядочно шли, и государь, подражая простоте своего любимца, снисходил к своим подданным, не было многих раздаяней, но было исполнения должностей, и приятство государево вместо награжденной служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбие государево истинными любимца укрощаемо часто было.

Однако⁸³, понеже добродетели не толь есть удобны к подражанию, сколь пороки, мало последовали достойным похвалы его поступкам, но женщины, видя его и братьей его любострастие, гордились [ь] и старались [ь] их любовницами учинит [ь]ся и разрушенную уже приличную стыдливость при Петре Третьем долгою привычкою, во время случая Орловых, совсем ее погасили, тем наипаче, что сей был способ получить и милость⁸⁴ от государыни.

Не падение, но отлучение его от места любовника подало случай другим его место для любострастных императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые мил[л]ионы одолжил Россию (окроме Васил [ь]чикова, который ни худа, ни добра не сделал). Зорич ввел в обычай непомерно великую игру. Потемкин — властолюбие, пышность, подбострастие ко всем своим хотениям⁸⁵, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен и преисполняет⁸⁶ окружающих его, и тако дале в империи. Завадовский ввел в чины подлых малороссиян, Корсаков приумножил бесстыдство любострастия в женах; Ланской жестокосердие поставил быть в чести, Ермолов⁸⁷ не успел сделать ничего, а⁸⁸ Мамонов вводит деспотичество в раздаянии чинов и пристрастие к своим родственникам.

Сама императрица, яко самолюбивая женщина⁸⁹, не токмо примерами своими, но и самым ободрением пороков является, желает их силу умножить. Она славолюбива и пышна, то любит лесть и подбострастие. Из окружающих ее Бецкой, человек малого разума, но довол [ь]но пронырлив, чтобы ее обмануть, зная ее склонность к славолубию, многие⁹⁰ учреждении сделал, яко сиропитател [ь]ные до-

⁸² Далее зачеркнуто вес[ь]ма [?].

⁸³ Далее зачеркнуто добродетели не.

⁸⁴ Далее зачеркнуто государыни.

⁸⁵ Далее зачеркнуто неумер[енность?].

⁸⁶ Первоначально было преисполнял.

⁸⁷ Далее зачеркнуто трусость, которую а.

⁸⁸ а вписано над зачеркнутым окр[омя?].

⁸⁹ Далее зачеркнуто пр[имерами?].

⁹⁰ Далее зачеркнуто установлении.

мы, девичей монастырь, на новом основании кадетской сухопутной корпус и академию художеств, ссудную и сиротскую казну⁹¹, поступающая в том яко александрийский архитектор, построивший фару⁹², на коем здании на алебастре имя Птолемея царя изобразил, давшего ден [ь]ги на строение, а⁹³ под алебастром на мраморе свое изваял, дабы, когда от долготы времен алебастр отпадет, единое его имя видно было. Так и Бецкой, хотя показывал вид, что все для славы императрицыной делает, но не токмо во всех проектах его, на разных языках напечатанных, имя его, яко первого основателя является, но ниже оставил монархине и той власти, чтобы избрать правителей сих мест, а сам повсюду начал [ь]ником и деспотом был до падения его кредиту. Дабы закрыть сие, все способы были им употреблены ей л [ь]стить: повсюду похвалы гремели ей; в речах, в сочинениях, и даже в представляемых балетах на театре, так что я сам единожды слышал при представлении в кадетском корпусе балета Чесменского боя, что она сказала мне: *il me loue tant, qu'enfin il me gâtera*. Счастлива бы была, естли бы движения душевные последовали сим речам, но несть, когда сие изрекала, душа ее пышною и лестию упивалась. Не мен [ь]ше Иван Перфильевич Елагин употреблял стараний приватно⁹⁴ и всенародно ей л [ь]стить⁹⁵. Быв директор театру, разные сочинения в честь ее слагаемы были, балеты танцами возвещали ее дела, иногда слава возвещала пришествие российского флота в Морею, иногда бой Чесменской был похваляем, иногда воспа с Россиюю плясали. Также к [нязь] А.А. Вяземской, генерал-прокурор, человек неблестательного ума, но глубокого рассуждения, бывши генерал-прокурором и имевши в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для льщения употребил. Притворился быть глупым, представлял ей совершенное благоустройство государства под властью ее и, говоря, что он, быв глуп, все⁹⁶ едиными ее наставлениями и, быв побужден духом ее, делает, и по силе⁹⁷, премудрость ее не токмо равнял, но и превозвышал над божией⁹⁸, а сим самым учинился властитель над нею. Безбородко, ее секретарь, ныне уже граф, член иностранной коллегии, гофмейстер, генерал-почтдиректор,

⁹¹ ссудную и сиротскую казну *написано на полях*.

⁹² *Далее зачеркнуто* где им [я?].

⁹³ *Далее зачеркнуто* внизу.

⁹⁴ *Первоначально* было приватном.

⁹⁵ *Далее зачеркнуто* как.

⁹⁶ *Далее зачеркнуто* на.

⁹⁷ *Далее зачеркнуто* бож [ия?].

⁹⁸ Премудрость ее [...] над божией *написано на полях*.

и все в рассуждении правител [ь]ства за правило имеет никогда про-
тиву ее не говорить, но похваляя исполнять все ее веления⁹⁹. и за
сие¹ непомерныя награждения получил.

Дошедшая до такой степени лесть при дворе, и от людей в дела
употребленных, начели другими образами л [ь]стит. Построит ли
кто дом, на данные от нее отчасти ден [ь]ги, или на наворованные,
зовет ея на новоселье, где на люменации пишет: "Твоя от твоих тебе
приносимая"; или подписывает на доме: "Щедротами великия Ека-
терины", забывая приполнить, но разорением России; или, давая
праздники ей, делают сады, нечаенные представления, декорации,
везде лесть и подобострастия изъясляющия.

К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости при-
мер ея множества имения любовников, един другому часто наследую-
щих, и равно почетных и корыстными снабженных, обнародовая
чрез сие причину их счастья, подал другим женщинам. Видя храм
сему пороку, сооруженный в сердце императрицы, едва ли за порок
себе считают ей подражать, но паче мною, почитает каждая себе в до-
бродетель, что еще стол [ь]ко любовников не переменяла [!]

Хотя при поздних летах ея возрасту, хотя седины уже покрыва-
ют ея голову, и время нерушимыми чертами означило старость на
челе ея, но еще не умен [ь]шается в ней любострастие. Уже чувствует
она, что тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники ее
в ней находить не могут, и что ни награждения, ни сила, ни корысть,
не может заменить в них того действия, которое младость может
над любовником произвести. Стараяс [ь] закривать ущерб, летами
приключенной, от простоты своего одеяния отстала, и хотя в мо-
лодости и не любила златотканых одеяней, хотя осуждала императ-
рицу Елисавет [у] Петровну, что довол [ь]но великий оставила гар-
дероб, чтоб целое воинство одеть, сама стала ко изобретению прилич-
ных платьев и к богатому их украшению страсть свою оказывать,
а сим, не токмо женам, но и мужчинам подала случай к таковому
же роскошу. Я помню, что, вошед ко двору в 1768 году, один был
у всего двора шитой золотом² красной суконной кавтан — у Ва-
силья Ильича Бибикова; в 1769 году в апреле месяце императрица
разгневалас [ь] на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что он
в день рождения ея в шитом кавтане в Сарское³ село приехал, а
в 1777 году, когда я отстал от двора, то уже все и в простые дни

⁹⁹ Далее зачеркнуто получая за си [е?].

¹ Далее зачеркнуто награждения.

² золотом вписано над строкой.

³ Сарское вписано над зачеркнутым Царское.

златотканные с шитьем одеяния носили и почти уже стыдились по одному борту иметь шитье.

Не можно сказать, чтобы императрица была прихотлива в кушанье, но можно сказать, что еще слишком умеренна, но бывшей ее любовник, а оставшис [ь] всемогущим ее другом, князь Григорей Александрович Потемкин не токмо прихотлив в еде, но даже и обжорлив; неосторожность обер-гофмаршала князь Николая Михайловича Голицына, приготовить ему какого-то любимого блюда подвергла его подлому ругател [ь] ству от Потемкина и принудила итти в отставку; то после сего каждой да рассудит, наследники князя Голицына, Григорей Никитич Орлов и князь Федор Сергееч Борятинской не употребляют ли таперя все свое тщание, дабы удовол [ь] ствовать сего всемогущего в государстве обжору. И подлинно стол государев гораздо великолепней и лутче ныне стал. А также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали старат [ь] ся умножать великолепие в столах (хотя и до него оно довольно было) и от вышних до нижних болезнь сея роскоши и желание лутчими вещами насытит [ь] ся распространилось.

Общим образом сказать, что жены более имеют склонности к самовластию, нежели мужчины, о сей же со справедливостию можно уверить, что она наипаче в сем случае есть из жен жена. Ничто ей не может быть досаднее, как то, когда, докладывая ей по каким делам, в сопротивление воли ея законы поставляют, и тотчас ответ от нее вылетает, разве я не могу, не взирая на законы, сего учинить[?] Но не нашла никого, кто бы осмелился ответствовать ей, что может яко деспот, но с повреждением своей славы и поверенности народной. Дела многия свидетел [ь] ствуют ея самовластие. 1) Возвращение Марьи Павловне Нарышкиной от Талызина деревень, утвержденных купчими и самым владением. 2) Дело детей князь Бориса Васильевича Голицына⁴ о прадеда их Стрешневских деревнях, незаконно отписанных. Сенатом сие беззаконие признано, и докладом испрашивано было позволение их законным наследникам возвратить, и подпись на докладе: "быть по сему", — являлся сделать⁵ справедливое удовлетворение оным; но после из комнаты было истолковано, что "быть по сему" знаменовало: быть в описи. Аким Иванович Апухтин докладывал ей по военной коллегии о⁶ отставке одного генерал-майора, получил повеление отставить без чина, но, как он зачел представлять, что законы [то]чно повелевают ге-

⁴ Далее зачеркнуто о деде их.

⁵ Далее зачеркнуто удов [летворение?].

⁶ Далее зачеркнуто отпуске одно [го?].

нерал-майорам давать чины при отставке, получил в ответ, что она превыше законов и дать ему не хочет сего награждения. Таковые примеры, видимые в самом государе, не побуждают ли и вел [ь] мож к подобному же самовластию и к несправедливостям, и стениящая от таковых наглостей Россия ежедневные знаки представляет, коль есть заразителен пример государской.

Такое⁷ расположение мыслей, а паче в особе, преданной своим любимцам, естественно влечет за собою пристрастие и неправосудие, многие мог бы я примеры представить одному и другому, но довольно, ежели я скажу, что, не любя Сахарова, яко человека дурных нравов (который однако долгое время был камердинером ее, пол [ь] зовался ея доверенностию, хотя не лутче был), дело его без рассмотрение было отдано в архив, якобы дурные нравы должно было делом по деревням наказать, в каковом случае и развратной человек может иметь справедливость, и тут не нравы и расположение судятся, но что кому принадлежит, исключител [ь] но до всего другого. И дело Вахмейстера о незаконно отписанных у деда его лифлянских имениях, признанное справедливым⁸ всеми департаментами Сеңата, решение получило, что оные таки отданы генералу Броуну, за которым и остатся⁹. Граф Роман Ларионович Воронцов, во все время своей жизни признанной [м] здоимцем, был определен в наместники во Владимир и не престававал обыкновенные свои [м] здоимствы производить; но сокрыты оные были от государя, который токмо двоезнаменующем знаком: присылкою большого кошелька его укорил. Но как он уже умер, и разоренье народа дошло до крайности, тогда повелено следовать его и губернаторской поступок, но хотя и семь лет разоренье народное продолжалось, а следствие повелено учинить токмо за два года. Таковые примеры, часто случаяющиеся, не подают ли подданным побуждения подобным поступкам для пол [ь] з своих подражать [?] Случилось мне читать в одной книги ясный пример¹⁰, что тщетно будешь старат [ь] ся начертить верный круг, когда центр неверен и колеблющ, никогда черта круга точно несойдется; и слова священного писания, ясно же означающие должность начальников: учителю, исправься сам [!]

Можно ли подумать, чтобы государь, чинящий великия раздаянии, государь, к коему стекаются бол [ь] шей частию сокровищи всего государства, мог быть корыстолюбив? Однако сие есть, ибо

⁷ В начале абзаца Располож[ение?] зачеркнуто.

⁸ Далее зачеркнуто целым.

⁹ Далее зачеркнуто пример такой обнаруженный в государе не подаст ли подданным приме[р?] поводу.

¹⁰ ясный пример написано на полях.

иначе я не могу назвать введение она толь всеми политическими писателями охуляемого обычаю чины за деньги продавать. А сему есть множество примеров. Развратный нравами и корыстолюбивый откупщик Лукин, дав восемь тысяч двору из наворованных денег и, подаря его в народное училище, чин капитанской получил; и Прокофей Демидов, привоженный под виселицу за пашквили¹¹, бывший под следствием за битье¹² в доме своем секретаря юстиц-коллегии, делавшей беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что, с обидою детей своих, давал ден [ь]ти в сиропитател [ь]ный дом, чин генерал-маеорской получил, а за дание пяти тысяч в пол [ь]зу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение. Якобы государь не мог полезных учрежденей завести, без принятия денег от развратных людей, и якобы ден [ь]гами могли искупит [ь]ся развратные нравы [!] Пример сей еще других заразительнее учинился. Чины стали все продажны, должности не достойнейшим стали дават [ь]ся, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали сие вымещать. Купцы, воровством короны обогатившиеся, бол [ь]шие чины получили, яко Логинов, бывший откупщик, и не токмо вор по откупам, но и приличившейся в воровстве комисариатской суммы, чины штапския получил. Фалеев, в подрядах с государем¹³ взимая везде тройную цену, не токмо сам штапския чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штап-офицеры и в офицеры произвел. Торговля впала в презрение, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность¹⁴ ободрена, а все под очами и знанием государя, то можно ли после сего правосудия и бескорыстности от нижних судей требовать [?]

Все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ея славолюбию.

Множество учиненных ею заведений, являющихся для пол [ь]зы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ея славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довол [ь]ствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко основател [ь]ница оных вечно будет почитат [ь]ся, о успехе не радила и, видя злоупотреблению, их не пресекала. Свидетел [ь]ствует сие заведение сиропитательного дому, девичьева монастыря для

¹¹ Далее зачеркнуто побывшей и.

¹² Далее зачеркнуто секрет[аря?].

¹³ с государем написано на полях.

¹⁴ Первоначально было разврат побужден, затем зачеркнуто.

воспитания благородных девиц, переправление кадетского корпуса и проч [ее?] ¹⁵, из которых в первом множество малолетних померло, а и поньне, чрез дватцать слишком лет, мало или почти никого ремесленников не вышло; во втором ни ученых, ни благонаравных девиц не вышло, как толико, поелику природа их сим снабдила, и воспитание более состояло играть комедии, нежели сер [д]це и нравы ¹⁶ и разум исправлять ¹⁷; из третьего вышли с малым знанием, и с совершенным отвращением всякого повиновения. Зачетые войны еще сие свидетел [ь] ствуют. По пристрастию возвели на пол [ь] ский престол Понятовского, хотели ему противу вол [ь] ностей пол [ь] ских прибавить самовластия; взяли в защищение десидентов ¹⁸. И вместо чтобы старат [ь] ся сих утесненных за закон в Россию к единоверным своим призывать, ослабить тем Пол [ь] шу и усилить Россию ¹⁹, чрез сие подали причину к турецкой войне, счастливой в действиях, поболее России стоящей, нежели какая прежде бывшая война; послали флот во Грецию, которой божеским защищением победу одержал, но мысль в сей посылки была единое славолубие ²⁰. Разделили Пол [ь] шу, а тем усилили ²¹ и аувстрийский и бранде [н] бур [г] ския дома и потеряли у России сил [ь] ное действие ея над Пол [ь] шею. Приобрели или, лутче сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам. Составили учреждения, которые не стыдятся законами называть, и соделанные наместничества наполня без разбору людьми, с разрушением всего первого ко вреду общества, ко умножению ябеды и разоренья народного, да и за теми надзиракия не имеют, исправляют ли точно по данным наставлениям. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые более лишение, нежели дание прав в себе вмещают и всеобщее делают отягощение народу. Такоево необузданное славолубие также побуждает стремит [ь] ся к созидаию неисчетного числа и повсюду великия зданей; земледел [ь] цы многуо работою стали от их земли корыстию отвлекаемы; доходы государственные едва ли достают на такия строения, которые и построившись в тягость оным своим содержанием будут; и приватные, подражая сей охоте, основанной на славолубии, чтоб чрез многия веки пребывающия здания имя свое сохранить, безумно кину-

¹⁵ и проч [ее?] написано на полях.

¹⁶ Далее зачеркнуто исп [равлять?].

¹⁷ Далее зачеркнуто в третьем вы [шли?].

¹⁸ Далее зачеркнуто вместо чтобы.

¹⁹ Далее зачеркнуто раздели [ли?].

²⁰ Далее зачеркнуто приобрели.

²¹ Далее зачеркнуто импера [тора?].

лис [ь] в такие строения и украшения их. Единый от избытка многия тысячи для спокойствия и удовол[ь]ствия своего в созидание домов, огородов, беседок, многия тысени полагает, другой из пышности, а третьей наконец, последуя вредному примеру, то же сверх достатку своего делает, и чтоб не отстать от других; а все обще, находя себе спокойствие и удовольствия, мало помалу в разоренье сей роскошью приходят, тяготят себя и государство, и часто недостаток своих доходов лихоимством и другими охулитель[ь]ными способами наполняют.

Совість моя свидетел[ь]ствует мне, что все коль ни есть черны мои повестии, но они суть не пристрастны, и единая истина, и разврат, в которой впали все отечества моего подданные, от коего оно стонет, принудил меня оные на бумагу преложить. И тако по довол[ь]ному описанию нравов сея императрицы довол[ь]но можно расположения души и сердца ее видеть. Дружба²² чистая никогда не вселялась в сердце ея, и она готова лутчего своего друга и слугу предать в угодность любовника своего. Не имеет она материнских чу[в]ств к сыну своему и обо всех за правило себе имеет ласкать безмерно и уважать человека, пока в нем нужда состоит, а потом, по пословице своей, выжетой лимон кидать. Примеры сему суть: Анна Алексеевна Матюшкина, всегда и во время гонения ее бывшая к ней привязана, наконец отброшена стала²³, граф Алексей Петрович Бестужев, спомоществующей ей, когда она была великою княгинею, во всех ея намерениях и претерпевшей²⁴ за нее несчастье, при конце жизни своей всей ее поверенности лишился, и после смерти его она его бранила²⁵. Граф Никита Иванович Панин, спомоществующей взойти ей на престол, при старости отъятие всех должностей своих видел и, может быть, сие кончину его приключило. Николай Иванович Чечерин, служившей ей со всем²⁶ возможным усердием²⁷ и носившей ее милость²⁸, толико наконец от нее гнан был, что безвременно живот свой окончил. Князь Александр Михайлович Голицын, фелтмаршал, безмолвный исполнитель всех ея велений, без сожаления от нее умер; ибо²⁹ хотя³⁰ и известно еще по утру было о его смерти, но тот день весела на концерт вышла, и дав время своему веселию, отходя, спросила любовника своего Ланского, каков князь Александр Михайлович[?]

²² Далее зачеркнуто ни.

²³ Далее зачеркнуто кнегиня.

²⁴ Далее зачеркнуто от нее несч[астие?].

²⁵ граф Алексей Петрович Бестужев [...] его бранила написано на полях.

²⁶ Далее зачеркнуто усердием.

²⁷ Далее зачеркнуто что но[сил?].

²⁸ Далее зачеркнуто не такого.

²⁹ Далее зачеркнуто во время тяжкой его бо[лезни?].

³⁰ Далее зачеркнуто и доволь[но?].

и, получа известие о смерти его, сделала вид тогда заплакать; а сие и покажет, колико фальшивое при том имеет сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея любимица и друг, наконец была от двора отогнана и с печали умерла. По сему да судит каждый, могут ли чистые чувствования дружбы вогнездит [ь]ся по таким примерам в подданных.

Представив сию печал [ь] ную картину, кажется, что уже не настоят нужды сказывать, имеет ли она веру к закону³¹ божию, ибо естли бы сие имела³², то бы самый закон божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но несть упоено безразмыслител [ь] ным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довол [ь] но набожной быть притворяется, ни за что почитает), коль ни скрывает своих мыслей, но они многажды в беседах ее открываются, а деяния иначе³³ доказуют; многия книги вольтеровы, разрушающия закон, по ея велению были переведены, яко Кандид³⁴, принцес [с] а Вавилонская, и прочия, и Белизер Мармонтелев, не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не токмо обществом, по ее велению, был переведен, — но и сама участницею перевода оного была³⁵. А³⁶ терпение, или лутче сказать, позволения прогивным закону бракам, яко князей Орлова и Голицына на двоюродных их сестрах и генерала Боура на его падчерице, наиболее сие доказует, и тако можно сказать, что в царствование ее, и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала.

Такими степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каковом при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить бога, чтоб лутчим царствованием³⁷ сие зло истреблено было. А до сего дойти иначе не можно, как тогда, когда мы будем иметь государя, искренно привязанного к закону божию, строгого наблюдателя правосудия, начавших с себя, умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей³⁸, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующего пример собою своим домашним согласием с своей супругою и го-

³¹ Далее зачеркнуто в закон божий.

³² Далее зачеркнуто чт[о?].

³³ иначе можно прочитати и как ипаче.

³⁴ Далее зачеркнуто ниже.

³⁵ Далее зачеркнуто позволении или.

³⁶ А вписано над строкой.

³⁷ Далее зачеркнуто и си[е?].

³⁸ Далее зачеркнуто мягкосер[дого?].

нящего любострастии — щедра без расточимости для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и заслуги без всякого пристрастия³⁹, умеющего разделить труды, что принадлежит каким учрежденным правител[ь]ствам, и что государю на себя взять, и наконец, могущего иметь довол[ь]но великодушия и любви к отечеству⁴⁰, чтобы составить и предать основател[ь]ные права государству, и довол[ь]но тверда, чтобы их исполнять.

Тогда изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой, правосудие не покривит свои вески ни для мзды, ни для сил[ь]ного; [м]здоимство и робость от вел[ь]мож изгонятся, любовь отечества во [з]гнездится в сердца гражданские, и будут не пышностию житья и не богатством хвалиться, но беспристрастием, заслугами и бескорыс[т]ностию. Не будут помьшлять, кто при дворе велик, и кто упадает, но, имея в предмете законы и добродетель, будут почитать их яко компасом, могущих их довести и до чинов, и до достатка. Дворяне будут в разных должностях служить с приличною ревностию званию их, купцы престанут желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится в свое состоянием, и торговля умен[ь]шением ввозу сластолюбие побуждающих⁴¹ чужестранных товаров, а отвозов российских произведеней процветет; искусства и ремеслы умножатся, дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей.

³⁹ Далее зачеркнуто и наконец.

⁴⁰ и любви к отечеству написано на полях.

⁴¹ Далее зачеркнуто а отвозом в.

**II. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ
ПЕРВОГО ПРИЖИЗНЕННОГО ИЗДАНИЯ
"ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ" А.Н. РАДИЩЕВА
И ИЗДАНИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ***

**Издание Вольной русской
типографии 1858 г.**

**Авторское издание
1790 г.**

с. 107
страданиями человеческими
блажен будещи
с. 109
Ямщик . . . был уже за городом.
с. 110
Приподняв голову, вижу у извозчика

там же
Погруженный в размышление

с. 111
Комиссар** поворотился
там же

добрым гражданином
с. 112

Посмотри на Рускаго
там же

в нем
там же
обвив человека

с. 113
кто он таков?

там же
с погодою
там же

был регистратором
с. 115

древней породы
там же

отделяясь душою
с. 116

праздник имсешь
с. 117

зимою не пускает в извоз

там же
другаго

с. 1
страданиями человечества
блажен буду
там же
Я был уже за городом.
с. 3
Приподнял я голову. Вижу у повоз-
щика

с. 4
Погруженный в размышлениях

с. 5
Г. комиссар** отворотился
с. 6

доброй гражданин
с. 7

Посмотри на рускаго человека
там же

в них
с. 8

объяв человека
с. 9

кто он был?
там же

дорогою
с. 10

был регистратором
с. 13

древния породы
с. 14

отделяясь душевно
с. 16

праздник имеешь свободным
с. 17

зимою не пускает в извоз, ни в
работу в город; все работай на
него

там же
дурнаго

*При сравнении двух изданий не учитывались разночтения типа; так – столь, естыли – буде, никогда – николи, герой – ирой, знать – ведать, увидеть – узреть, теперь – днесь, ибо – зане, как будто – яко, вспомни – воспоминаи, голос – глас, перемена – премена, и т.п., а также частые инверсии.

** *Далее везде в издании 1858 г. Комиссар, в издании 1790 г. Г. Комиссар.*

там же
 мрак
 с. 118
 на ниве
 там же
 в таком положении
 с. 118–119
 какой бы у моего приятеля
 провел
 с. 119.
 план новаго Кронштата
 особливую
 еще хотя раз
 Сестербек [далее везде так]
 там же
 токмо зрение
 с конца весел
 с. 120
 взирал на величественную природу

устрашало
 там же
 влажные
 распростирала
 поражая слух
 там же
 волнами
 неподвижно
 сдвинуть
 стараясь свесть
 с. 121
 не было возможности
 в сравнении с моим чувством
 там же
 достаточно описать
 слабо еще было бы сие описание
 раздались
 там же
 сколько
 столько
 наполнилось
 там же
 более других
 в разных сражениях
 с. 122
 часто и отдыхая на камне

то не удастся
 с. 123
 в разстоянии
 мало по малу

с. 19
 мраз
 с. 19
 на ниве своей
 с. 20
 в таком положении
 с. 21
 как то был мой приятель
 препроводил
 с. 22
 новаго Кронштату плана
 особую
 еще один хотя раз
 С.
 с. 23
 томное зрение
 с вершины весел
 там же
 соглядал величественные черты
 природы
 устрашать начинало
 с. 24
 мокрые
 не распростирала
 слух тревожа
 с. 25
 валами
 недвижимо
 совратить
 упражняясь в сведении
 там же
 не было ни каких сил
 в отношении моего чувства
 с. 25–26
 достаточные дать черты
 слабы еще были бы оне
 возникали
 с. 26
 колико
 толико
 накопилося
 с. 27
 более нежели все другие
 в разных морских сражениях
 с. 28
 почасту и сядя на камень для
 отдохновения
 в том будет неудача
 с. 30
 в разстоянии от нас каком то было
 казалось, помалу

- там же
прекратилось
с. 124
по некотором
достижении
там же
восторга
о спасении вашей и своей жизни
встал
с. 124
нигде не лъзя
в передней
с. 125
когда я
чувство
с. 126
Набаба
из глубины души
там же
жизнь
там же
[фаза пропущена]
с. 127
отличия
там же
Все участвовали в моей опасности.
с. 127
никогда
с. 128
не спросясь у меня
с. 129
как ни вертись
там же
в продолжении
с. 131
извощики
там же
чрезвычайно
с. 132
светское обращение
позвольте
с. 133
но вместо должного
с. 134
жизни
чтоб
там же
без чувств
в спальню
- с. 31
превратилось
с. 31
по нескольком
настижении
с. 32
восторга спасения
в вашем спасении и моей жизни
вспрянув
с. 33
нигде неможно
в передней комнате
с. 35
что я
чувствие
с. 36
Субаба
во глубине души
с. 37
живот
с. 38
Тут я задрожал в ярости челове-
чества.
там же
отличности
с. 39
Все сочувствовали мою опасность.
там же
николи
с. 42
неспросясь со мною
с. 44
куда ни вертись
там же
в распоряжении
с. 48
повозчики
с. 49
чрезмерно
с. 50
обращение света
прикажете
с. 53
но вместо того, чтобы сделать
должное
с. 54
жития
дабы
с. 55
безчувственна
в спальную комнату

не знаю	неведаю
<i>с. 135</i>	<i>с. 56</i>
причинило	сделали
возлюбленной	любезной
так	свосем
<i>там же</i>	<i>с. 57</i>
когда	сколь скоро
таким	только
<i>с. 136</i>	<i>с. 59</i>
изобразю	употреблю
<i>там же</i>	<i>с. 60</i>
к нам	для них
<i>с. 137</i>	<i>там же</i>
так	только
безчисленные	нечетные
<i>там же</i>	<i>с. 61</i>
столы	столы
<i>там же</i>	<i>с. 62</i>
одной	единой
<i>с. 138</i>	<i>там же</i>
изваянных	изсеченных
от онаго	от престола моего
<i>там же</i>	<i>с. 63</i>
выражали	изъявляли
царствовало	присудствовало
<i>с. 139</i>	<i>с. 64</i>
предтечи	колющие предтечи
скорыми	скорыми в сердца всех
громко	звонко
<i>там же</i>	<i>с. 65</i>
жара	жаркости
царствовавший	присудствовавший
непроницаемый	непроницательный
разсеялся	разеялся
вида	какого вида
листья дерев	листья дерев
<i>там же</i>	<i>с. 66</i>
распространил	разширил
<i>с. 140</i>	<i>там же</i>
избавя их	избавя их до конца еще
говорило	рекло
<i>там же</i>	<i>там же</i>
законы	доходы
<i>там же</i>	<i>там же</i>
слушателем	служителем
<i>там же</i>	<i>с. 67</i>
свободу	вольность
<i>с. 141</i>	<i>с. 68</i>
как сладко возвестить	бегу возвестить
<i>с. 142</i>	<i>с. 70</i>
носящий	носяй

там же

возгласил

с. 142

слеп совершенно

с. 143

[фраза пропущена]

теперь

там же

готовы всегда поразить тебя, естли

оно станет мстить

осевшая

там же

досягать

осязание твое встретит всегда

ладкость

с. 144

с таковом

там же

общественной тишины

на слабого

с. 145

при сем зрелище

с. 145

Уже она не волновалась тщеславием

и надутым высокомерием.

Тишина царствовала в ней.

видны были

там же

ненужной и безвременной

всего ополчения

доставались не храбрости

одного

по словам Начальника

с. 146

войск ожидал я

там же

изражались

там же

деки

и в веселии его окончив

от превратного толкования и медли-

тельного исполнения.

с. 147

Во внутреннем и внешнем их располо-

жении не было ни малейшего вкуса.

там же

струй

погибающего от несчастий

с. 71

возлагал

с. 72

слеп и слеп в совершенно

там же

Я сие исполнил.

днесь

с. 73

готовы всегда на твое поражение,

если оно отмстит

обсевшая

с. 74

досязать

осязанию твоему подлежать

будет всегда гладкость

там же

за таковое

с. 76

общия тишины

на внутренность слабого

там же

при взоре таковом

с. 77

Уже нечувствовал я в ней зыбей

тщеславия и надутости высоко-

мерия.

Я ощущал в ней тишину.

господствовали

с. 78

ненужных и безвременных

всеполчения

не храбрости были уделом

единого

по словесам военачальника

там же

воинов я ждал

с. 79

изражались

с. 80

дски

и в веселиях его скончая

превратным онаго толкованием и

медлительным исполнением.

с. 81

Я зрел расположение их внутрен-

нее и внешнее без малейшего

вкуса.

с. 82

струев

погибающего противным случаем

с. 148

картины

там же

воскипел

в обросшей

там же

свое усыпление

моего долга

в сердце своем

сильное

с. 150

покорно

за ничто почитаю

там же

знание

там же

Кутейкина

почастию познакомился

с. 151

розница

там же

продолжил он свою речь

с. 152

сверток

там же

вещей

перемен, превратностей

с. 153

неутомимый

на прежнее

тени

уклонилось

там же

до границ возможности легкомыслия

до последних пределов

с. 154

открой

там же

ход

предразсуждений

искать

стал терять

погружаться

остановит

там же

просветивший

с. 155

Равви и Иозуа

Бек и Тазас

с. 83

представления

с. 84

возревел

под заросшею

с. 85

мой сан

моея обязанности

во внутренности моей

жестокое

с. 87

усердно

ни вочто нечту

с. 88

сведение

с. 89

Кутейника

почастию моему знаком стал

с. 89

разница

с. 89–90

прервав он свою речь продолжил

с. 91

пук

с. 92

веществ

перемен, превращений, превратностей.

с. 94

неутолимой

на прежнюю степень

имена

устранилось

с. 95

до краев возможности, вольномыслие

до последнего края

там же

разверни

с. 96

шествие

предубеждений

преследовать

растлевать начал

низпускаться

заградит

с. 97

мог просветить

с. 98

Равви Иозуа

Бен Газас

- там же
слава ваша
с. 156
невидимая
там же
полуденного
ничтожна
там же
Ганзейском
с. 157
о праве народном
кто пал мертв
непрерывно
с. 158
неужели сие служит основанием
праву народному?
там же
делах
с. 159
Царь Иван Васильевич и колокол
[пропущены слова]
там же
приложил
там же
прервем
с. 160
будь доволен
Лаватер
смола
чарочке
с. 162
законам
с. 163
пренесенна
вещай, безумный!
там же
слабость
прелесть
нащастие
с. 164
[пропущено слово]
сердечную мольбу
там же
[пропущено слово]
там же
[пропущено слово]
с. 165
возвzшался
запрещает верить
жаждет
все зримое
- с. 99
слава имени вашего
там же
нетленная
с. 100
средиенного
ползуща
с. 101
Гайзейском
с. 102
о праве народов
кто пал мертв или обезружен
непрерывно
с. 104
неужели се основание права народ-
ного!
с. 105
вещах
с. 105
Царь Иван письмо и колокол
размышлял я
с. 106
приладил
с. 107
прервем речь
там же
доволен буду
Лаватер
смоль
полчарочки
с. 112
векселям
с. 113
преселеннаго
вещай: безумный!
с. 114
сладость долговременным ожиданием
прелестность
гибель
с. 115
вещают
мольбу сердца
с. 116
казался
с. 117
Возвед потом очи мои
там же
гордыя возносил свои стены
претит имети веру
жаждуш
все, что зрим

- добродетель
 там же
 живали
 с. 166
 услаждая
 с. 167
 [пропущена фраза]
- там же
 причин оных
 с. 168
 приезжает
 для показания
 с. 170
 не могли
 [пропущено слово]
 переспал
 с. 172
 заступились за него
 с. 173
 телесной
 там же
 на дороге
 нарушающего
 с. 174
 нищете
 затлятся
 там же
 старались
 с. 175
 убийц
 с. 176
 хилым
 ласкал себя надеждою
 для сего
 с. 177
 его не может
 с. 178
 накажет
 взоры
 с. 180
 милостыни
 там же
 скучному
 оставила
 с. 181
 [пропущено слово]
 там же
 барин
- нечно
 с. 119
 бывали
 с. 121
 услаждающую
 с. 122
 Видел я решения мои осмеянными
 в том самом, что их изящными
 делало
 с. 123
 причин оныя производивших
 с. 125
 предпочитает
 на распространение
 с. 130
 немощны были
 стремления
 переспал на кануне твоя свадьба
 с. 133
 его заступили
 там же
 торговой
 с. 135
 идушу
 тревожущаго
 с. 137
 скаредной нищете
 затмятся
 с. 138
 тщилися
 с. 139
 убийение
 с. 141
 хвилым
 ласкал себя
 для сего намерения
 с. 144
 [пропущены слова]
 с. 146
 ненакажет
 очи
 с. 149
 надменной милостыни
 с. 150
 скучливому
 изъяслась
 там же
 солгано
 с. 151
 барон

с. 182

воротится

с. 183

дворян

вступит

там же

каждому

там же

баринном

с. 184

показывали душевное

кроткого

прелестными

раскрытые

там же

[пропущено слово]

с. 185

питаться

там же

волнение

там же

родителем

с. 186

[пропущена фраза]

предпринимаемое

с. 186

не думайте

основан будет

забудете

будет терзать

там же

не почувствует

забудем

там же

Не даждь, Всещедрый! узреть мне

сего, пусть прежде отыду в недра
земныя!

там же

родились

знает

щастлив

сокрытое

с. 187

красотой

там же

чувствительный

болезнь и рождение

там же

[пропущены слова]

с. 153

неворотится

с. 154

дворянчиков

войдет

с. 155

какому

с. 156

боярином

с. 157

знаменовали души

безмятежнаго

прельщающими

развержение

с. 158

незыбки

с. 159

скитатися

с. 160

зыбление

там же

рачителем

с. 160–161

Вождаем собственныя корысти по-
буждением

предприемлемое

с. 161

изжените из мыслей

оснуется

в забвении оставите

поженет

с. 161

без ощущения пребудет

забвени будем

с. 161–162

Даждь вщещедрый, сего да не узрю,
отошед в недра твоя сие предва-
рятья!

с. 162

родитися имели

известен

блажен

помаваемое

там же

лепостью

с. 163

чувственный

болезнь рождения

с. 164

не должность, или рабское повинове-
ние

- с. 188
руку
преследовало
там же
не прилежали
терзался
сделался
с. 189
остянусь в памяти
причину
там же
неизвестна была
отдыхали
с. 190
походки
там же
душу
с. 191
открытой
там же
руководствуетесь
там же
твердость
с. 192
упражняться в науках
- гнушается
жизни
там же
волнение
сердце
с. 193
отсутствии от меня
там же
праздность
с. 194
поднимается
там же
истребить
с. 195
подвергается
упасть
с. 196
прав
там же
[пропущены слова]
там же
[пропущена фраза]
- там же
- с. 165
десницу.
не преследовало
с. 166
чужды были
сострадавший был
[пропущено слово]
с. 167
поживу на памяти
вину
с. 168
неприсудствовала
возлежали на отдохновение
с. 169
возшествов
с. 170
внутренность
с. 171
отверстой
с. 172
вождается
с. 173
упругость
там же
направлять стопы ваши в стезях
науки
мерзит
сложения
с. 174
зыбь
внутренности
с. 175
отриновенны моего присутствия
с. 176
излечение
с. 178
воздымется
с. 179
сокрушить
с. 180
вдается
ввергнуться
с. 182
нравов
с. 183
столь святых в обществе вещи
с. 184
Исполняя предписание закона, можем
приобрести, название честного чело-
века.
с. 185

- твердость
с. 198
потеряешь
с. 199
прокладывали
там же
укрепитесь
исторгнут
смотря
там же
[пропущены слова]
- с. 200
прекраснейшими
там же
человечество
с. 201
душею мой образ
там же
неизъяснимым удовольствием по-
текли
- с. 202
опытность их
надежных
польза
- с. 203
природа
там же
беги
- с. 204
знайте
которого
там же
изобразилось
- с. 205
действию
- с. 206
уменьшая
там же
усыпляемых
недивлюсь словам
- с. 206
по любному
- с. 207
уменьшилась
- с. 208
мраком
совлекши одежду
там же
к своей любезной
- твердь
там же
нарушишь
с. 187
снискивали
с. 188
отвердеете
восхитят
соглядатая
с. 189
или же чрезмерно бережливы, щего-
леваты
там же
наикраснейшими
с. 191
величество
там же
душевно моему видению
- с. 192
сверхъестественным веществом про-
никли
- с. 194
неопытность совершенство
нежных
благо
- с. 196
естество
- с. 197
воздержись
- с. 198
ведайте
его же мертва
- с. 199
ознаменовался
- с. 201
созжению
- с. 202
пожиная
- с. 203
засыпляемых
неудивляюсь глаголам
- с. 204
в разсуждении любовнаго
- с. 206
сократилась
- с. 207
черным покровом
совлекая свои ризы
- с. 208
на зрение своей любезной

- с. 209
напрягал
решился
там же
[пропущено слово]
с. 210
обыкновенному
с. 211
не выходил
Генерала
с. 213
[пропущено слово]
веселиям
справедлива
с. 215
щастлива
не разрушит
с. 216
городской
там же
не слушал
с. 218
почтенныя
не охнет
колеснице
плут, каналья, бестия и пр.
- с. 219
матушка
не удерживай его сладостию твоего
разговора
[пропущены слова]
одаренного
красоты
там же
[пропущены слова]
заносчив
с. 220
обещаются
с. 221
дряхлость
веселить господина
наследуют их
с. 222
истребляют
с. 223
[пропущены слова]
прежних
там же
[пропущены слова]
[пропущены слова]
- там же*
утомлялся напрягая
вознамерился
с. 210
над водою
там же
обыкшему
с. 212
невыхаживал
старика Генерала
с. 217
дворян
велениям
нелжива
с. 221
блаженна
неразвратит
с. 223
господской
с. 224
не внимал
с. 227
почетныя
нейохнет
карете
мошеник, плут кан . . . бес . . . ипр.
ипр.
с. 229
Анютушка
нетися воспретить его шествию, ус-
лаждением твоего разговора
гладко затверделаго порока
облеченнаго
лепоты
с. 230
обидащ, уязвляющ
[пропущено слово]
с. 231
обещаются
с. 233
древность лет
веление господа
наследят в них
с. 237
отъемлют корень
с. 238
на всегдашнюю нам укоризну
тяжких
с. 239
обычай диким народам приличный
ко стыду прошедших веков

- времени
 познав
 с. 224
 сил своих
 [пропущены слова]
 там же
 поставляем
 с. 225
 возросшаму в свободе
 первоначальном
 с. 226
 вкоренились в вас младенчества
 там же
 в удел
 с. 227
 без успеха
 возвышаются
 с. 228
 где
 с. 228
 [пропущены слова]
 с. 229
 скажут
 там же
 гордых
 жажда
 с. 230
 сделанные
 скважинами
 яснейшаго
 с. 231
 должен истребить
 там же
 не думай
 принуждены
 рабские
 носить
 к тебе
 [пропущены слова]
 там же
 чужая
 с. 232
 [пропущены слова]
 там же
 окончив
 прекращает
 взирание
 с. 233
 истребляется
 прекратить
- разумнаго времяточия
 дознав
 с. 240
 сил екипетра своего
 сожнимающих узы
 с. 242
 вменяем
 там же
 под покровом свободы
 первоначальном
 с. 244
 изсосали вы с млеком матерним
 с. 245
 жребий на удел
 с. 247
 неуспешно
 воздымаются
 с. 248
 аможе
 с. 250
 в нивы плодоносныя, и покрываються
 с. 251
 не скажут
 с. 252
 надменных
 жада
 с. 253
 сложенные
 скважинами
 ярстнейшаго
 с. 254–255
 изкоренить долженствуешь
 с. 255
 немни убо
 нудяться
 робкие
 восприяти
 к подавляющей твоей победе
 нельсти себе
 с. 256
 чуждая
 с. 257
 и были бы живы на насыщение гражд-
 дан
 с. 258
 преидет
 скончаеает
 возрение
 с. 259
 изсякает
 скончатъ

свободными
 кажется
 вижу
 ополчаемся
там же
 находимся
 поступок, остановленный
 зрелости
 не может
 наградою
с. 234
 не нашли
 приближается
 над главами
 удобного часа
 рожденный для
там же
 не ужели будем мы еще отлагать по-
 беждение наших предразсуждений

признав
 облобызать
с. 235
 не пожелает
 они были его недостойны.
там же
 [пропущена фраза]

с. 236
 видел
 пременение
 распрях
 в судьи
с. 237
 судоходною
 от естественных
с. 238
 виден
 исчезло
с. 239
 снедаемый
там же
 не нужно
с. 241
 ты не достоин
там же
 [пропущена фраза]

И есть

свободствуют
 мнится
 зрети
 пополнилися
с. 260
 вращаемся
 поток загражденный
 разлитии
 невозможно
 будет посул
с. 261
 неумыслили
 возносится горе
 вращается над главами
 часа удобства
 возникши на
с. 262
 не уже ли небудем мы толико му-
 жественны в побеждении наших
 предразсуждений
 дознав
 да лобзаем
с. 263
 непожнет
 они были.
с. 264
 Он у нас забыл связку бумаг, кото-
 рую я теперь за ним в след посы-
 лаю.
с. 265
 обретал
 претворение
 расправах
 в кои
с. 266
 рукодельную
 от естественных и нравственных
с. 269
 явен
 увяло
с. 271
 алкаемый
с. 272
 не имеем нужды
с. 275
 недостойн ты носить
с. 276
 что бы один благословлял прави-
 тельство, а не тысячи?
 И суть

с. 242

ложной мысли

с. 243

комнатные мои прислужники, мой
брадобрей, волосочесатель

там же

притупленного

с. 244

на краю

можем

там же

лесть

с. 245

тяготившее

[пропущены слова]

там же

Манкоко раку

захочет

с. 246

поколеблется

там же

пары

возмущения, могущаго произойти от
нашей пышности?

с. 247

[пропущены слова]

там же

[пропущены слова]

там же

давать

там же

должен ходить

с. 248

дозволение свободы в мыслях

там же

[пропущено слово]

с. 250

Естеству, Религии

там же

поколеблет

с. 251

твердую

с. 252

имеет начало

там же

несправедливости

гонит

вольности

с. 279

блуждания мысли

с. 280

горничные мои прислужники, тот
кто меня бреет, тот кто чешет власы
главы моей

с. 281

оцепенелаго

с. 282

при возкрайи

возмогаем

с. 283

лесть и ласкательство

с. 284

теснившее

вещают вам

с. 285

Манко Капаку

восхощет

с. 286

позыбнется

с. 287

чары

возмущения благонамерений на-
ших?

с. 287—288

надежны не в разврате со вне

с. 289

на скитании прошения. Сие состоя-
ло в снискании дозволения

с. 289

поступаться

с. 290

ходить будет

там же

дозволение, свобода в помышле-
ниях

с. 291

светлее

с. 295

естественной религии

с. 296

позыбнет

с. 298

незыбкуу

с. 299

почило

с. 300

жадности

ломит

невинности

с. 253
прекратится
являют
разжигая
с. 254
дурных мыслей
невозбранно
там же
управлять
с. 256
находим ужасные
видим
возстающую
с. 257
облегчения
с. 258
запрещение
судейские книги
с. 259
[пропущены слова]

там же
выражение
с. 260
[пропущены слова]
уничтожение
оковало бы умы
с. 261
Матфей
общественной
там же
издании
[пропущено слово]
с. 263
для сего
Поелику сие искусство
с. 266
оковы
открытию
путей
почитается
там же
хотите
с. 267
кукол
там же
истребить
с. 268
тридцатилетней
с. 269
[пропущено слово]

с. 302
заклеплется
зияют
разпламеняя
с. 304
дряни мыслей
безпрекословно
с. 305
употреблять
с. 306
обретаем терзающие
зрим
возникающую
с. 307
обуздание
с. 310
мучительство
книги Иудейские
с. 312
недавно почитали ее знаком недоверия к тому, что защищали
с. 313
изречение
с. 314
своего труда и о издании
уничтожение
поклонилось непринужденно
с. 316
Морфей
общей
с. 317
неиздании
и Курфирст
с. 320
для сего намерения
Понеже начало сего искусства
с. 326
путы
отвертые
безпреткновенных путей
приемлется
с. 327
стяжаете
с. 328
кулол
с. 329
предварить
с. 331
тридесатилетней
с. 332
учредила

- ценсора
ужасны
там же
Парламент
с. 270
в 31 статье
с. 271
необязанность
с. 272
ходишь
с. 274
[пропущены слова]
[пропущено слово]
там же
позорище
с. 275
жизнию
с. 275
сообщником
там же
брюха
с. 276
тусклый
вы имели душу
продаже
с. 277
жажду
посрамления
с. 278
за обедом в трактире
там же
кроме
с. 279
красноречию
с. 279
[пропущено слово]
с. 284
налагающего
[пропущены слова]
с. 285
жизнию
с. 287
безсильными
с. 288
великий
един ты
там же
сокрушает
опиывается
разрывают
- освободителя
нечетны
с. 333
Долгой Парламент
с. 335
в 23 статье
с. 337
необузданность
там же
хочдаешь
с. 341
где бы ты ни был
в несостоянии
с. 343
торжище
с. 344
животом
с. 344
спутника
с. 345
обмана
с. 347
тупой
мы имели вашу душу
поносной продаже
с. 348
жажду вкушати
затмения
с. 350
трактирного обеда
с. 351
опричь
с. 353
красловию
с. 353
Тассо
с. 360
влекущее
во броню его облекшее
с. 362
властную
с. 365
безгласными
с. 366
великий муж
един ты, в свет
с. 367
сотрясает
заключается описание
раздирают

- с. 289
[пропущены слова]
с. 290
[пропущены слова]

[пропущены слова]

там же
поражен
вышед
отправляемые
с. 293
хотите
с. 293
[пропущены слова]
с. 294
малым
там же
жестокое сердце
с. 295
отведены
с. 296
не лишил
[пропущены слова]
с. 298
закljučаются
с. 299
права
уничтожили
с. 300
сказанное
просиявшую
с. 301
греблом
там же
отстал
с. 302
[пропущены слова]
с. 303
выразительна
там же
гренадера
с. 304
[сноска отсутствует]
[пропущены слова]
с. 305
раба
там же
нежные изречения
- с. 368
приставит стражу к слову
с. 369
Тогда всех сил сложенне, тогда
тяжелая власть
Мрачная твердь позыбнулась, и
вольность возсияла.
с. 370
ударяем
встав
отправляемые на отдачу
с. 375
непоскучаете
с. 376
сопутником, а не слугою
с. 377
тесным
с. 378
сердце жестокое и суровое
с. 380
уготованы
с. 381
неотъял
томные остатки
с. 386
[пропущено слово]
с. 387
права угнетения
утщетили
с. 389
указное
распростершуюся
с. 392
гребнем
с. 393
удалился
с. 395
на сделанной ему позыв
там же
выражения исполнена
с. 396
властноветельнаго гранодера.
с. 399
[имеется сноска к слову неудалоя]
предательство, татьство
там же
раб
с. 401
нежностью изречения сопровож-
даемый

- с. 306
ежеминутно
там же
утешительнее
пути
[пропущены слова]
- с. 307
стараясь
- с. 308
[пропущены слова]
- с. 311
[пропущены слова]
- с. 312
вы оставляете?
там же
воли
там же
[пропущены слова]
- с. 313
страх
строгаму
- с. 314
[пропущены слова]
- с. 315
небе
[сноски отсутствуют]
отворены
ненарушимаго
там же
свирепствующие
слышимо будет
[пропущены слова]
- с. 316
[пропущена фраза]
- с. 317
предмету
круг
насытить
там же
острым
- с. 318
откроются
преодолев
мыслей
- с. 318
изображения
рождения
[пропущены слова]
- с. 402
ежемгновенно
- с. 403
усладительнее
пути и желания
да и всегда сие мечтаю
- с. 404
ища
- с. 406
в силе своей
- с. 412
смеркающийся в полдень
- с. 413
мы оставляем
- с. 414
вола
- с. 415
нет на тебя суда
там же
страж
неукротимаму
- с. 418
истребляя поносительное челове-
честву насилие
- с. 419
своде
[имеются две сноски]
отверзсты
незыблемаго
- с. 420
свирепствуя сложно
ударять будет слух
жив будешь
- с. 422
И се природа твое торжество.
- с. 423
предлогу
округа
усладить
- с. 424
строгим
- с. 425
неоткроются
превзошед
воображений
- с. 426
изобретения и мысли
чрева матерня
чувствовать изящности природы; с
ними научался познавать

с. 319
 знаменитаго
 с. 320
 жизнь свою
 там же
 ступил
 с. 321
 украшения
 там же
 изобразались
 с. 322
 глаз
 являло
 с. 323
 соображая
 с. 324
 принимают изменения
 там же
 сделала
 там же
 красот
 с. 325
 [пропущены слова]
 с. 326
 на каждой речи
 страшный
 там же
 толпы
 руководствуясь
 с. 328
 [пропущен абзац]

с. 428
 славнаго
 с. 430
 пределы своей жизни на половину
 с. 431
 исполнил
 там же
 ухищрения
 с. 432
 возрождалися
 с. 433
 зрака
 представляло
 с. 436
 сообразуя
 с. 437
 имеют в себе отмены
 с. 438
 соорудила
 с. 439
 красот изречения
 с. 440
 что можно начертать правила остроумию и воображению, думали,
 с. 441
 на каждом препинании
 стройной
 с. 442
 толпы
 вождася
 с. 446-447
 Но если действие стихов Ломоносова, могло размашистой сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современником, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы собранные им в Афинах и в Риме, и столь удачно в словах его пресаженные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цициреново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? он же пресытившись обильным велеречьем похвальных твоих слов, возремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие, или близко, блудящий взор скитаяся в неизвестности грядущаго, не находит под-

с. 329

то душа Платона изображается о
о всех его получениях.

с. 330

Бакон

там же

драматического

с. 331

Скройся, толпа завистливая! вот
нелицемерный суд о нем потомства.

ножия остановиться. Но если мы
непосредственного от витийства
Ломоносова не находим отродия,
действие его благогласия и звон-
каго препинания безстопной речи,
было однако же всеобщее. Если
не было ему последователя в ви-
тийстве гражданском, но на об-
щий образ письма оно распростра-
нилось. Сравни то, что писано
до Ломоносова и то, что писано
после его, действие его прозы
будет в сем внятно.

с. 448

В Платоне душа Платона, и да
восхитит и увидит нас, тому
учило его сердце.

с. 451

Бакон Веруламский

с. 452

позорищнаго

с. 453

Беги толпа завистливая, се потом-
ство о нем судит, оно нелице-
мерно.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеляр (Абелард) Пьер (1079–1142), франц. философ, поэт, проф. богословия Парижского ун-та. Его рационалистическое учение, вызвавшее протест ортодоксальных церковных кругов, было осуждено Суассонским (1121) и Санским (1140) соборами, а также папой Иннокентием II Ф. 260
- Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н.э. – 14 н.э.), рим. имп. с 27 г. до н.э. Ф. 256–258, 289
- Авенариус Эдуард (1809–1875), лейпцигский книгоиздатель 5
- Авраам (библ.) Ф. 164
- Аврелий Марк (121–180), рим. имп. с 161 г., писатель, философ Ф. 164
- Аддисон (Еддесон) Джозеф (1672–1719), англ. писатель Ф. 165
- Акиба бен Иосиф, еврейский равин I–II вв., писатель, ученый. Казнен за участие в мятеже Бар-Кохты (131–135) Ф. 155
- Александр Арчилович, грузинский царевич (ум. 1711), имеретинский царевич, сподвижник Петра Великого, первый ген.-фельдцейхмейстер 40, 92; Ф. 44
- Александр Великий (Македонский) (356–323 до н.э.), царь с 336 до н.э. Ф. 230
- Александр I (1777–1825), имп. с 1801 г. 51; Ф. VII, 105
- Александр VI, в миру Родриго Борджа (1431–1503), папа римский с 1492 г. Ф. 267, 268
- Алексей Михайлович (1629–1676), царь с 1645 г. 36, 85; Ф. 34, 206
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I 7, 13, 22, 28, 34, 36, 37, 78, 81, 83, 84; Ф. 24, 29, 31, 32
- Амвросий-Оперт (ум. 778), бенедиктинец, аббат монастыря св. Викентия Ф. 259, 260
- А.М.К. см. Кутузов А.М.
- Ангальт, Ангаль-Цербская см. Екатерина II

* В указателе цифры, следующие после буквы Ф., соответствуют факсимильной части издания. Имена литературных героев не включены.

Принятые сокращения: австр. – австрийский, амер. – американский, англ. – английский, библ. – библейский, вел. кн. – великая княгиня, великий князь, Верх. тайн. совет – Верховный тайный совет, воен. – военный, ген. – генерал, гос. – государственный, гр. – граф, графиня, др.-греч. – древнегреческий, др.-кит. – древнекитайский, имп. – император, императрица, итал. – итальянский, кн. – князь, княгиня, княжна, л.-гв. – лейб-гвардия, миф. – мифологическое, нар. – народный, об-во – общество, нем. – немецкий, политич. – политический, польск. – польский, през. – президент, проф. – профессор, рим. – римский, рус. – русский, сев.-ам. – североамериканский, сов. – советский, ун-т – университет, урожд. – урожденная, франц. – французский, швед. – шведский, шотл. – шотландский.

- Анна, герцогиня Голштинская см. Анна Петровна
- Анна Ивановна (1693–1740), герцогиня Курляндская, имп. с 1730 г. 25, 33, 39, 40, 91–96, 98–102, 106; Ф. IX, 42–44, 46–48, 51, 52, 54–57, 62
- Анна Леопольдовна, Анна Мекленбургская (в тексте Меклембургская) (1718–1746), правительница России в 1740–1741 гг. при малолетнем имп. Иване VI Антоновиче 26, 99, 100; Ф. 53, 54
- Анна Петровна, герцогиня Голштинская (1708–1723), дочь Петра I, герцогиня Голштейн-Готторпская, мать имп. Петра III 84, 91, 116; Ф. 33, 42, 75
- Анненков Павел Васильевич (1812 или 1813–1887), критик, мемуарист, пушкинист 9, 10, 17, 21, 44, 46, 55
- Антиох IV Епифан, сирийский царь 175–164 гг. до н.э. Ф. 258
- Антон Ульрих (1714–1774), принц Брауншвейгский, генералиссимус, муж Анны Леопольдовны 99; Ф. 53
- Антий Марк (ок. 83–30 до н.э.), рим. политич. деятель и полководец 35, 62; Ф. 4
- Апраксин Петр Алексеевич (1728–1757), гр., поручик л.-гв. Семеновского полка 115; Ф. 74
- Апраксин Степан Федорович (1702–1758), гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 41, 102, 104, 114; Ф. 57, 59, 73
- Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728), гр., гос. и воен. деятель, сподвижник Петра I, ген.-адмирал, первый през. Адмиралтейств-коллегии, с 1726 г. – член Верх. тайн. совета 75, 79; Ф. 20, 26
- Апраксина Анна Борисовна (урожд. кн. Голицына) (1730–1811), гр., жена П.А. Апраксина 111, 115; Ф. 69, 74
- Алухтин Аким Иванович (ум. 1804), гос. и воен. деятель, ген.-лейтенант, в 1764 г. – оберстер-кригскомиссар, 1768 г. – ген.-майор при Главном комиссариате, 1773 г. – член Военной коллегии 124; Ф. 88
- Аргус (миф.) Ф. 271
- Арий (ум. 336), александрийский священник. Его учение, отрицавшее догмат о тричности божества, было объявлено "ересью" и осуждено на Никейском соборе в 325 г. и на соборе 381 г. Ф. 259
- Арий Монтан (1527–1598), исп. ученый и богослов Ф. 257
- Ариман (миф.) Ф. 246
- Аристотель (384–322 до н.э.), др.-греч. философ и ученый Ф. 150
- Арнобий Старший, христианский писатель III–IV вв. Ф. 258
- Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871), историк, литературовед, фольклорист 10, 30, 46, 55
- Афферика Джоан, совр. амер. историк 24
- Бабкин Дмитрий Семенович, сов. литературовед 44, 46, 47, 50–54
- Бакон см. Бэкон Ф.
- Балакирев Иван Александрович (1699–1763), придворный шут Анны Ивановны 98; Ф. 51
- Балк Петр Федорович (1690–1743), племянник В. Монса, ген.-поручик, в 1717–1724 гг. – на службе при дворе, в 1717 г. – камергер, в 1724 г. переведен в чине капитана в армию, участвовал в Персидском походе, впоследствии тайный советник, камергер 38, 83, 98; Ф. 31, 51
- Балк Яков Федорович (1712–1762), племянник В. Монса, ген.-поручик, в 1724 г. из пажей Екатерины I был отправлен сержантом в персидскую армию, впоследствии возвращен ко двору 38, 83; Ф. 31
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788–1850), гос. деятель, историк 54

- Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818), кн., ген.-фельдмаршал 12
Барков Иван Семенович (ок. 1732–1768), поэт и переводчик Ф. IX
Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк 11, 58
Барятинский (Борятинский) Федор Сергеевич (1742–1814), кн., обер-гофмаршал, участник дворцового переворота 1762 г. 124; Ф. 87
Батурлин А.Б. см. Бутурлин А.Б.
Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт 53
Баур (Бауер, Боур) Фридрих Вильгельм (1731–1783), ген.-инженер. На рус. службе с 1769 г. 129; Ф. 94
Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), светлейший кн., гос. деятель и дипломат. С 1775 г. – секретарь Екатерины II, с 1780 г. – член Коллегии иностранных дел, с 1783 г. фактически стоял во главе внешней политики России, с 1797 г. – канцлер 122; Ф. 85
Бек Газас (Бен Газас) 136; Ф. 155
Бекетов Платон Петрович (1761–1836), историк, писатель, издатель, bibliограф 54
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) 19, 53
Бель (Бейль) Пьер (1647–1706), франц. философ и публицист, издатель "Исторического и критического словаря" Ф. 155
Беранже Пьер Жан (1780–1857), франц. поэт, 11, 20
Берков Павел Наумович (1896–1969), сов. литературовед 25, 32, 49
Бертольд Геннеберг фон (Berthold von Henneberg) (1441 или 1442 – 1504), курфюрст и архиепископ г. Майнца Ф. 261, 264
Бестужев Александр Александрович (литературный псевдоним Мардинский) (1797–1837), писатель, критик, декабрист 53
Бестужев Петр Александрович (1808–1840), декабрист 53
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766), гр., гос. деятель и дипломат, ген.-фельдмаршал, в 1740–1741 гг. – кабинет-министр, 1744–1758 гг. – канцлер 102, 104, 128; Ф. 57, 59, 93
Бестужев-Рюмин Петр Михайлович (1664–1743), гр., гос. деятель, обер-гофмейстер вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны 95; Ф. 47
Бецкий (Бецкой) Иван Иванович (1704–1795), гос. и обществ. деятель, ген.-поручик, в 1764–1794 гг. – през. Академии художеств, 1762–1793 гг. – директор Канцелярии от строений 115, 121, 122; Ф. 75, 83, 84
Бибиков Василий Ильич (1740–1787), цензор, писатель, в 1779–1782 гг. заведовал русской группой в Петербурге 123; Ф. 86
Бильбасов Василий Алексеевич (1837–1904), историк и публицист 41, 52
Бирон Эрнст Иоган (1690–1772), герцог Курляндский с 1737 г., фаворит Анны Ивановны 34, 40, 80, 92, 94, 95, 97–99, 102; Ф. 27, 43, 46–52, 57
Блекстон Уильям (1723–1780), англ. ученый-юрист, политич. деятель, автор книги "Истолкование английских законов", появившейся в России в начале 80-х гг. XVIII в. Ф. 151
Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), гр., гос. деятель, один из учредителей и членов литературного кружка "Арзамас", в 1855–1864 гг. – през. Петербургской АН 28
Бова (миф.) Ф. 129
Бодянский Осип Максимович (1808–1877), филолог, историк-славист, проф. Московского ун-та, секретарь Московского общества истории и древностей российских 27
Болотников Иван Исаевич (ум. 1608), предводитель крестьянской войны в России в 1606–1607 гг. 36

- Борн Иван Мартынович (ум. 1851), писатель, один из учредителей, а в 1803–1805 гг. – през. Вольного общества любителей словестности, наук и художеств в Петербурге 51
- Борятинский Ф.С. см. Брятинский Ф.С.
- Боур см. Баур Ф.-В.
- Брама (миф.) Ф. 164
- Браун (Броун) Юрий Юрьевич фон (1704–1792), ген.-аншеф, ген-губернатор Лифляндии 125; Ф. 88
- Бриарий (миф.) Ф. 271
- Брикнер Александр Густавович (1834–1896), историк 32
- Броун см. Браун Ю.Ю.
- Брут Марк Юний (85–42 до н.э.), рим. политич. деятель, в 44 г. до н.э. вместе с Кассием возглавил заговор против Цезаря 35, 62; Ф. 4, 281
- Брюс Прасковья Александровна (1729–1786), гр., статс-дама 43, 129; Ф. 93
- Бурбоны, здесь королевская династия во Франции (1589–1792, 1814–1815, 1815–1830) 18; Ф. VI
- Бурк см. Бэрк Э.
- Бутурлин (Батурлин) Александр Борисович (1694–1767), гр., ген.-фельдмаршал, главнокомандующий рус. армией в последние годы Семилетней войны 112; Ф. 69
- Бутурлин Иван 115; Ф. 74
- Бутурлина Анна Семеновна 115; Ф. 74
- Бэкон (Бакон) Френсис (1561–1626), англ. философ-материалист, гос. деятель 151; Ф. 330
- Бэрк (Бурк) Эдмунд (1729–1797), англ. гос. деятель и парламентский оратор Ф.325
- Васильчиков Александр Семенович, камергер, в 1773–1776 гг. – фаворит имп. Екатерины II 121; Ф. 83
- Вахтмейстер (Вахмейстер) 125; Ф. 88
- Векерлин (Вехерлин) Вильгельм Людвиг (1739–1792), нем. издатель и публицист, в 1784–1787 гг. издавал журнал "Седое чудовище" Ф.272
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы, критик и библиограф 46
- Вергилий (Виргилий) Марон Публий (70–19 до н.э.), рим. поэт Ф. 150, 278, 279, 303, 322
- Верне (Вернет) Клод Жозеф (1714–1789), франц. живописец-маринист Ф. 120
- Вехерлин см. Векерлин В.-К.
- Виргилий см. Вергилий
- Вицман Август, педагог, писатель, издатель, в 1776 г. содержал пансион в Петербурге, во время учения А.Н. Радищева в Лейпциге находился при русских студентах 52
- Владимир Мономах (1053–1125), вел. кн. киевский с 1113 г. Ф. X, 113
- Воейков Александр Федорович (1778–1839), литератор 14
- Возжинский Никита Андреевич (1696–1764), придворный конюх, в царствование Елизаветы Петровны стал камергером 103; Ф. 58
- Волков Дмитрий Васильевич (1718–1785), гос. деятель, конференц-секретарь в последний год царствования Елизаветы Петровны, секретарь Петра III 29, 41, 100, 117, 118; Ф. 54, 77, 78
- Волконский Никита Федорович, кн., придворный шут имп. Анны Ивановны 97, 98; Ф. 51

- Волконский Федор Федорович (ум. в 1665), кн., боярин. Отличился во время Смоленской войны, был членом комиссии по составлению Соборного уложения 1649 г. 35, 68; Ф. 12
- Володин Александр Иванович, сов. философ 35
- Вольнский Артемий Петрович (1689–1740), гос. деятель и дипломат, с 1738 г. – кабинет-министр имп. Анны Ивановны, противник "бироновщины", был обвинен в измене и казнен 39, 97; Ф. 49
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778) 18, 43; Ф. IX, 94, 153, 270, 279
- Вольф Христиан (1679–1754), нем. философ Ф.319
- Воронцов Александр Романович (1741–1805), гр., гос. деятель, дипломат, писатель, в 1802–1804 гг. – гос. канцлер 44, 49; Ф. 104
- Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767), гр., гос. деятель и дипломат, участник дворцового переворота 1741 г.; в 1758–1762 гг. – канцлер 103; Ф. 57, 58
- Воронцов Роман Илларионович (1707–1783), гр., гос. деятель, ген.-аншеф, при Екатерине II был наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. За взяточничество получил у современников прозвище "Роман – большой карман" 118, 125; Ф. 78, 88
- Воронцова Анна Карловна (урожд. Скавронская) (1722–1775), гр., двоюродная сестра Елизаветы Петровны, статс-дама, с 1760 г. – обер-гофмейстерина, жена М.И. Воронцова 25, 103, 114; Ф. 57, 72
- Воронцова Елизавета Романовна, гр., фаворитка Петра III 41, 117; Ф. 77
- Вратислав, гр., австрийский посланник 85; Ф. 34
- Врублевский В., издатель 21, 30
- Всеволожский Всеволод Алексеевич (Севоложский Севолод Алексеевич) (1752–1796), сенатор, участник дворцового переворота 1762 г. 120; Ф. 82
- Вяземский (Вяземской) Александр Алексеевич (1727–1793), кн., гос. деятель, в 1764–1792 гг. – ген.-прокурор 112, 122; Ф. 70, 84
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), кн., поэт и критик, в 1855–1858 гг. – товарищ министра нар. просвещения 47, 53, 54
- Габриелли Катарина (1730–1796), итал. певица Ф. 306
- Галембурх см. Гилленбург К.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) 27
- Гельбиг Георг Адольф Вильгельм фон, в 1787–1795 гг. – секретарь саксонского посольства в Петербурге, писатель 52
- Гельвеций Клод Адриан (1715–1771), франц. философ-материалист 50; Ф. 104
- Гендрикова Марья Симоновна (1723–1756), двоюродная сестра Елизаветы Петровны, ее фрейлина, с 1742 г. – статс-дама 103; Ф. 57
- Гендриковы, графский род 102; Ф. 57
- Герардо (Жирардо) Матвей (Матфей, Морфей) (ум. 1492), венецианский кардинал 146; Ф. 261
- Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), нем. философ и писатель-просветитель Ф. 248
- Герц, Горц Георг Генрих фон (1668–1719), барон, гофмаршал в Голштинии, затем на службе в Швеции, с 1714 г. – министр финансов, потом первый министр, после смерти Карла XII был незаслуженно обвинен в измене и растрате денег и казнен 37, 79; Ф. 26
- Герцен Александр Иванович, Искандер (1812–1870) 3–14, 17–21, 28, 31, 33, 37, 38, 40–45, 47, 48, 50, 53, 55, 56, 58; Ф. XIV, 106

- Гессен-Гомбургская (Гессен-Готбургская) Анастасия Ивановна (в тексте ошибочно Екатерина) (1705–1755), активный участник дворцового переворота 1741 г., статс-дама 103; Ф. 58
- Гессен-Гомбургский (Гессен-Готбургский) Людвиг Груно Вильгельм (1705–1745), принц, ген.-фельдмаршал, ген.-фельдцейхмейстер. На рус. службе с 1723 г., участник дворцового переворота 1741 г. 103; Ф. 58
- Гиленбург (Галембурх, Гилембурх) Карл (1679–1749), гр., шведский гос. деятель, участник войн Карла XII, в 1718–1719 гг., в качестве гос. секретаря вел переговоры о мире с Россией 37, 79; Ф. 26
- Глебов Александр Иванович (1722–1790), гос. деятель, ген.-аншеф, с 1755 г. – обер-прокурор Сената, ген.-прокурор в правление Петра III и Екатерины II (до 1764 г.) 111, 117; Ф. 68, 69, 77
- Глинка Сергей Николаевич (1775 или 1776–1847), писатель, журналист 53
- Глинка Федор Николаевич (1786–1880), поэт, публицист, воен. писатель и историк, декабрист 53
- Гогард см. Хогарт У.
- Голиков Иван Иванович (1735–1801), историк 36
- Голицын Александр Михайлович (1718–1783), кн., гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал, участник Семилетней войны, командующий 1-й рус. армией во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. 128; Ф. 93
- Голицын Алексей Борисович, кн. 76; Ф. 22
- Голицын Алексей Дмитриевич (1697–1768), кн., гос. и воен. деятель, в 1738 г., во время опалы рода Голицыных, находясь в чине действ. статского советника, был сослан в Кизляр “нижним офицером” с лишением чинов и дворянства, в 1741 г. – сенатор, судья московского судного приказа, в 1757 г. – действ. тайный советник 96; Ф. 49
- Голицын Борис Алексеевич (1654–1714), кн., боярин, гос. деятель, сподвижник Петра I 36, 71; Ф. 15
- Голицын Борис Васильевич (1705–1768), кн., воен. деятель, адмирал 111, 115, 124; Ф. 69, 74, 87
- Голицын Борис Сергеевич, Старший (1715–1761), кн., майор 106, 109; Ф. 61, 65
- Голицын Василий Васильевич (1643–1714), кн., боярин, гос. деятель, фаворит правительницы Софьи 36
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737), кн., гос. деятель, дипломат. Глава “верховников”, в 1736 г. осужден по обвинению в заговоре, умер в Шлиссельбурге 40, 96; Ф. 49
- Голицын Михаил Алексеевич (1697–1775), кн., придворный шут имп. Анны Ивановны 98; Ф. 51
- Голицын Николай Михайлович (1727–1786), кн., обер-гофмаршал, тайн. советник 124; Ф. 86, 87
- Голицын Петр Михайлович (1702–1760), камергер в штате вел. кн. Натальи Алексеевны, в 1738 г., во время опалы рода Голицыных, сослан управлять Нарымским острогом в Енисейской губ., в 1752 г. – ген.-поручик 96, 97; Ф. 49
- Голицын Сергей Дмитриевич (1696–1738), кн., гос. деятель, дипломат, писатель 96; Ф. 49
- Голицына А.Б. см. Апраксина А.Б.
- Голицыны, княжеский род 96; Ф. 49
- Головин, владелец типографии 56
- Головин Николай Федорович (1695–1745), гр., гос. деятель и дипломат, ген.-адмирал 99; Ф. 52

- Головкин Гаврила (Гавриил) Иванович (1660—1734), гр., гос. деятель, один из воспитателей и сподвижников Петра I, с 1709 г. — гос. канцлер, с 1718 г. — през. Коллегии иностранных дел, в 1726—1730 гг. — член Верх. тайн. совета 37, 75, 79, 93, 99; Ф. 20, 26, 44, 52
- Головкина (Головина), гр. 112; Ф. 70
- Головкина Анастасия Гавриловна (ум. 1735), кн., жена Н.Ю. Грубецкого 39, 89; Ф. 39
- Головкина Анна Гавриловна (ум. 1749), гр., статс-дама, вторая жена П.И. Ягужинского 38, 82; Ф. 30
- Гомер, легендарный др.-греч. поэт Ф. 278, 279
- Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 до н.э. — 8 н.э.), рим. поэт Ф. 150, 322
- Горц см. Герц Г.
- Гот, откупщик 109; Ф. 65
- Грамен см. Grimm Ф.
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк, обществ. деятель, проф. Московского ун-та 19
- Грасхоф Хельмут, совр. нем. историк 52
- Гремуций Корд см. Кремуций Корд
- Греч Николай Иванович (1787—1867), журналист, писатель, филолог 14
- Гримм (Грамен) Фридрих Мельхиор (1723—1807), барон, нем. дипломат, критик, корреспондент Екатерины II Ф. 103
- Гроций Гуго (1583—1645), голландский юрист, социолог, гос. деятель, один из основателей науки международного права Ф. 151
- Грузинский царевич см. Александр Арчилович
- Гуден, издатель Ф. 261
- Даниил (библ.) Ф. VI
- Дарья Арчилова (ум. 1747), имеретинская царица 40
- Дашкова Екатерина Романовна (1744—1810), кн., участница дворцового переворота 1762 г., директор Петербургской АН и през. Российской академии 3, 7, 8, 14, 40, 44
- Декарт Рене (1596—1650), франц. философ, математик, физик и физиолог Ф. 259
- Демидов Прокопий Акинфиевич (1710—1786), заводчик-миллионер, действ. тайн. сов. 126; Ф. 89
- Демосфен (ок. 384—322 до н.э.), афинский оратор и политич. деятель 150; Ф. 325, 326
- Державин Гаврила Романович (1743—1816), гос. деятель, поэт 49; Ф. X
- Дивов Иван Иванович (1707—1775), гос. и воен. деятель, в 1766—1767 гг. — през. Юстиц-коллегии 111; Ф. 68
- Дидро, Дидрот Дени (1713—1784), франц. философ-материалист, писатель, идеолог революционной франц. буржуазии XVIII в. 18, 50
- Диккинсон Джон (1732—1808), сев.-ам. гос. деятель, участник борьбы за освобождение Америки, автор анонимно вышедшей в 1767 г. книги "Письма пенсильванского фермера", в 1728 г. — губернатор Пенсильвании Ф. 253
- Диоклетиан (Диоклетиан) Гай Аврелий Галерий (243 — между 313 и 316), рим. имп. в 284—305 гг. Ф. 258
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), гос. деятель, поэт 18
- Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758—1803), гр., ген.-адъютант, фаворит Екатерины II 21, 22, 121; Ф. 83
- Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (1680—1730), воен. деятель, ген.-аншеф, сенатор, морганатический супруг царицы Прасковьи Ивановны 38, 83; Ф. 32

- Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) 27, 45
- Долабелла Гай, участник междоусобных войн последней эпохи Римской республики, сначала противник Цезаря, затем его сторонник 35, 62; Ф 4
- Долгоруков (Долгорукий) Алексей Григорьевич (ум. 1734), кн., гос. деятель, второй, после Остермана, гофмейстер Петра II, член Верх. тайн. совета 89, 96; Ф. 39, 40, 49
- Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), кн., гос. деятель, с 1853 г. военный министр, в 1856–1866 гг. – шеф жандармов и главный начальник III отделения 37
- Долгоруков Василий Владимирович (1667–1746), кн., ген.-фельдмаршал, член Верх. тайн. совета, в 1731 г. – арестован, в 1739 г. – заточен в Соловецкий монастырь, затем возвращен из ссылки, с 1741 г. – през. Военной коллегии 116; Ф. 75
- Долгоруков (Долгорукий) Василий Лукич (ок. 1670–1739), кн., дипломат, член. Верх. тайн. совета, активный участник "заговора верховников", в 1730 г. – сослан в Соловецкий монастырь, в 1739 г. – казнен в Новгороде в результате поворотного политического процесса по делу Долгоруких 92, 93; Ф. 43, 44
- Долгоруков Григорий Алексеевич, кн. 93; Ф 44
- Долгоруков Г.Ф. см. Долгоруков С.Г.
- Долгоруков (Долгорукий) Иван Алексеевич (1708–1739), кн., ген.-майор, фаворит Петра II, в 1730 г. сослан, в 1739 г. – казнен в Новгороде 34, 84, 87–90, 96; Ф. 33, 36–41
- Долгоруков (Долгорукий) Сергей Григорьевич (в рукописи Щербатова – Григорей Федорович) (ум. 1739), кн., дипломат, в 1730 г. попал в опалу по делу Долгоруких, в 1739 г. казнен в Новгороде как составитель подложного завещания от имени Петра II 96; Ф. 49
- Долгоруков Яков Александрович, кн. 112; Ф. 69
- Долгоруков (Долгорукий) Яков Федорович (1639–1720), кн., гос. деятель, сподвижник Петра I 36, 37, 71, 78, 79, 112; Ф. 15, 25, 26, 69
- Долгорукова Екатерина Алексеевна (1712–1745), кн., невеста Петра II 89, 90, 96; Ф. 39, 41, 49
- Долгорукова Мария Александровна, кн. 112; Ф. 69
- Долгоруковы (Долгорукие), княжеский род 34, 40, 88, 90–94, 96, 112; Ф. 39, 40, 41, 44–46, 48, 49, 69
- Дудрих (Дидрих), юрист в Майнце Ф. 264
- Дюмурье (1739–1823), франц. ген. и политич. деятель, в 1792 г. – командующий центральной армией и воен. министр революционной Франции, вел тайные переговоры с герцогом Брауншвейтским о спасении короля и разгроме республики, с 1793 г. – эмигрант 20
- Евтихий (род в 378 г.), архимандрит монастыря-возле Константинополя, основоположник еретического учения, последователей которого стали называть монофизитами. Осужден вселенским собором в Халкидоне в 451 г. Ф. 259
- Егерия см. Эгерия
- Егова (библ.) Ф. 164
- Егузинский см. Ягузинский П.И.
- Еддесон см. Аддисон Д.
- Екатерина I Алексеевна (1684–1727), имп. с 1725 г. 22, 26, 34, 38–40, 73, 82–85, 95, 100, 102; 18, 29–31, 33, 34, 47, 54, 57

- Екатерина II Алексеевна (1729–1796), принцесса София Анхальт-Цербстская, рос. имп. с 1762 г. 3, 7, 8, 10, 14, 17, 20–26, 29, 31, 40–44, 48–50, 54, 57, 118, 123; Ф. V, VI, X, XI; I; 79, 85, 103, 105
- Екатерина Ивановна (1691–1723), герцогиня Мекленбургская, дочь царя Ивана Алексеевича, мать Анны Леопольдовны 25, 91, 92; Ф. 42, 43
- Елагин Иван Перфильевич (1725–1794), гос. деятель, писатель, кабинет-секретарь Екатерины II, в 1766–1779 гг. – директор придворного театра 122; Ф. 84
- Елизавета (Елисавета) Петровна (1709–1761), имп. с 1741 г. 34, 40, 41, 65, 84, 91, 100–102, 106, 107, 115, 116, 118, 123; Ф. 8, 33, 42, 54–57, 62, 63, 74–76, 79, 86, 327
- Эллер А. см. Эллер А.
- Емельянов Юрий Николаевич, сов. историк 9
- Эмме 111; Ф. 68
- Ермолов Александр Петрович (1754–1836), ген.-поручик, фаворит Екатерины II 22, 121; Ф. 83
- Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), воен. и гос. деятель 14
- Ефимовские, графский род 102; Ф. 57
- Ефремов Петр Александрович (1830–1907), библиограф, литературовед 56
- Ешевский Степан Васильевич 1829–1865, историк, проф. Московского ун-та 27, 31, 32
- Ешков см. Юшков И.И.
- Ешкова А.Ф. см. Юшкова А.Ф.
- Желвакова Ирина Александровна, сов. историк 24
- Жижка Михаил Васильевич, сов. историк 58
- Жирардо см. Герардо М.
- Забелин Иван Егорович (1820–1908/09), историк 35
- Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфенович (1808–1881/82), гос. деятель, экономист 28
- Заблоцкий-Десятковский Михаил Парфенович (ум. 1858), статистик, писатель, историк 27–30, 42
- Завадовский (Заводовский) Петр Васильевич (1739–1812), гр., гос. деятель, фаворит Екатерины II, в 1802–1810 гг. – министр нар. просвещения 44; Ф. 83, 106
- Загряжский (Загряский) Николай Александрович (1746–1821), действ. тайн. сов., первый раз был женат на двоюродной племяннице Елизаветы Петровны Е.Н. Чоглоковой 117; Ф. 77
- Загряжский Александр Николаевич см. Загряжский Николай Александрович
- Западов Владимир Алесандрович, сов. литературовед 49–53, 58
- Зейкин (Зеннин) Иван Алексеевич, воспитатель Петра II 39, 86; Ф. 36
- Зиновьева Екатерина (Катерина) Николаевна (1758–1782), фрейлина, а затем статс-дама, жена Г.Г. Орлова 120; Ф. 82.
- Зорич Семен Гаврилович (1745–1799), ген.-лейтенант, ген.-адъютант, основатель кадетских корпусов в Шклове и Москве, фаворит Екатерины II 121; Ф. 83
- Зороастр (миф.) Ф. 164
- Зотов Г.С., купец 49
- Иаков I см. Яков I
- Иоанн Бертрам см. Наумбург

- Иоанн Брауншвейский см. Иван VI Антонович
Иван III Васильевич (1440–1505), вел. кн. с 1462 г. Ф. 157, 159
Иван IV Васильевич, Грозный (1530–1584), вел. кн. с 1533, первый рус. царь с 1547 г. 36, 69, 86, 137; Ф. 13, 34, 35, 157
Иван V Алексеевич (1666–1696), царь с 1682 г. совместно с Петром I 25, 26, 91; Ф. 42
Иван VI Антонович, Иоанн Брауншвейгский (1740–1764), имп. в 1740–1741 гг. 26, 100, 101; Ф. 54, 55
Иисус (Иозуа) см. Христос
Иов (библ.) Ф. 278
Иосиф II (1741–1790), австр. эрцгерцог с 1780 г.; имп. "Священной Рим. империи" с 1765 г. Ф. 273
Искандер см. Герцен А.И.
Иустиниан см. Юстиниан
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк, юрист, обществ. деятель, публицист 14, 19
Казлов см. Козлов И.Ф.
Кант Иммануил (1724–1804) Ф. VI
Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744), кн., гос. и политич. деятель, дипломат, поэт 93, 94; Ф. 45, 46
Кантемир Дмитрий Дмитриевич, кн., брат А.Д. Кантемира 93; Ф. 45
Капнист Василий Васильевич (1758–1823), драматург и поэт 52
Каразин Василий Назарович (1773–1842), общественный деятель, просветитель, ученый 14
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) 18, 37
Карл I (1600–1649), англ. король с 1625 г. Ф. 269, 288
Карл II (1630–1685), англ. король с 1660 г. Ф. VII, 269
Карл Фридрих (1700–1739), герцог Голштейн-Готторпский, муж цесаревны Анны Петровны, отец Петра III 91, 116; 42, 75
Карякин Юрий Федорович, сов. философ 51
Касаткин Виктор Иванович (1831–1867), журналист, революционер, член "Земли и воли", корреспондент Вольной рус. типографии, с 1862 г. – эмигрант 10, 55
Касий Лонгин Гай (ум. 42 до н.э.), рим. воен. и политич. деятель, республиканец, один из организаторов убийства Гая Юлия Цезаря 35, 62; Ф. 4
Каспрович Э.Л., лейпцигский издатель 20, 57
Кассий Север (ум. 32 г.), рим. оратор и писатель, резко выступавший против знати, решением Сената был приговорен к изгнанию, а его сочинения уничтожены Ф. 257, 258
Катон Марк Порций Младший (95–46 до н.э.), рим. политич. деятель Ф. 200
Кеплер Иоган (1571–1630), нем. астроном Ф. 260
Кетчер Николай Христофорович (1809–1886), писатель, переводчик, врач, член кружка А.И. Герцена и Н.П. Огарева 19
Кижтон см. Кэкстон У.
Киреевский Петр Васильевич (1808–1856), фольклорист, археограф, публицист, славянофил 12
Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, академик 41
Княжнин Яков Борисович (1742 (40?)–1791), поэт, драматург 50
Ковалевский Евграф Петрович (1790–1866), гос. деятель, в 1858–1861 гг. министр нар. просвещения 56

- Козлов (Казлов) Иван Федорович (1680—1752), ген.-майор, член Военной коллегии при Елизавете Петровне 111; Ф. 68
- Колумб Христофор (1451—1506) Ф. 260
- Константин I Великий (ок. 285—337), рим. имп. с 306 г. Ф. 259
- Конфуций (ок. 551—479 до н.э.), др.-кит. мыслитель, основатель конфуцианства Ф. 164
- Коперник Николай (1473—1543) Ф. 260
- Корнелий Сулла, Луций (138—78 до н.э.), рим. воен. и политич. деятель Ф. 289
- Корсаков Дмитрий Александрович (1843—1919), историк 39
- Корсаков И.Н. см. Римский-Корсаков И.Н.
- Корш Евгений Федорович (1810—1897), журналист и переводчик, член кружка Герцена-Огарева 19
- Корш Мария Федоровна (1808—1883), друг семьи А.И. Герцена 5
- Костров Ермил Иванович (середина 1750-х—1796), поэт и переводчик Ф. 279
- Крамер Анна Ивановна (1694—1770), камер-фрау Екатерины I, затем гоф-фрейлиня и гофмейстерица царевны Натальи Алексеевны 85; Ф. 34
- Кремуций Корд (I в. до н.э. — нач. I в. н.э.), рим. историк, республиканец; осужден сенатом при имп. Тиберии Ф. 258
- Кромвель Оливер (1599—1658), видный деятель англ. буржуазной революции XVII в., с 1649 г. фактический правитель Англии Ф. 288
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) 18
- Крузе Николай Федорович фон (1823—1901), в 1855—1858 гг. — цензор при московском цензурном комитете 47
- Кук Джеймс (1728—1779), англ. путешественник Ф. 146
- Кулакова Любовь Ивановна, сов. литературовед 49—51, 58
- Куракин Александр Борисович (1697—1749), кн., гос. деятель и дипломат 98; Ф. 51
- Куракина Елена (Алена) Степановна (1735—1769), кн., фаворитка Петра III 111, 115, 117; Ф. 69, 74, 77, 78
- Курбский Андрей Михайлович (1528—1583), кн., боярин, воевода, писатель 36
- Курций Марк (миф.) Ф. 198
- Кутузов Алексей Михайлович (1749—1797), писатель и переводчик, близкий друг А.Н. Радищева 49, 52; Ф. 104, 107
- Кэпстон (Кижтон) Уильям (1422—1491), англ. переводчик, книгоиздатель Ф. 269
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, критик, декабрист 53
- Лабиний Тит (ум. ок. 12 г.), рим. историк и оратор, республиканец Ф. 257, 258
- Лаватер И.-К. см. Лафатер И.-К.
- Лада (миф.) Ф. 207
- Лажечников Иван Иванович (1792—1869), писатель 39
- Ланской Александр Дмитриевич (1754—1784), ген.-поручик, фаворит Екатерины II 121, 128; Ф. X, 83, 93
- Лафайет Мари Жозеф (1757—1834), маркиз, франц. политич. деятель, участник войны за независимость Сев. Америки Ф. 272
- Лафатер (Лаватер) Иоганн Каспар (1741—1801), швец. писатель и ученый, автор книги "Физиогномические фрагменты" 137; Ф. 160, 168
- Леандр (миф.) Ф. 208
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 9, 57, 58
- Лентин А., совр. англ. историк 30
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 7

- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель 32
- Лефорт Франц Яковлевич (1655/56–1699), рус. воен. деятель, на рус. службе с 1678 г., сподвижник Петра I, командовал флотом в Азовских походах, с 1695 г. – адмирал 72, 73; Ф. 16, 18
- Ливий Тит, Тит Ливий (59 до н.э. – 17 н.э.), рим. историк Ф. 150, 256
- Ликург (*миф.*) Ф. 156
- Лицины, дворянский род 116; Ф. 75
- Логинов, откупщик 126; Ф. 90
- Ломоносов Михаил Иванович (1711–1765) 150, 151; Ф. 278, 279, 315–318, 320, 322–331
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823–1875), гос. деятель, библиограф, историк литературы 47
- Лопухин Иван Владимирович (1756–1816), гос. деятель, писатель, мемуарист 3, 7, 14
- Лопухин Степан Васильевич (ум. 1748), гос. и воен. деятель, ген-лейт. 89; Ф. 39
- Лопухина Евдокия Федоровна (1669–1731), первая жена Петра I, мать царевича Алексея 13, 81, 89, 92; Ф. 29, 40, 43
- Лопухины, княжеский и дворянский род 92; Ф. 43
- Лукиан (ок. 123–ок. 190), др.-греч. писатель-сатирик 42
- Лукин, откупщик 126; Ф. 89
- Лунин Михаил Сергеевич (1787–1845), декабрист 40
- Лыков Михаил Иванович (1640–1701), кн., боярин 66; Ф. 9
- Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935), сов. историк 32
- Лютер Мартин (1483–1546), видный деятель Реформации в Германии Ф. 153, 259, 268
- Лялин Пимен Васильевич, паж Елизаветы Петровны, после ее воцарения стал камергером 103; Ф. 58
- Маврин Семен Афанасьевич, в 1721–1727 гг. – воспитатель Петра II 39
- Магомет *см.* Муххамед
- Малюта Скуратов *см.* Скуратов-Бельский Г.Л.
- Мамонов *см.* Дмитриев-Мамонов А.М.
- Мамонов И.И. *см.* Дмитриев-Мамонов И.И.
- Манахина (Манахиня) Мелгарита Федоровна 97; Ф. 50
- Манко Капак (Манкокорак) (*миф.*) 145; Ф. 245
- Марграф *см.* Маркграф А.
- Марий Гай (ок. 157–86 до н.э.), рим. полководец и политич. деятель Ф. 289
- Мария Терезия (1717–1780), австр. эрцгерцогиня с 1740 г. Ф. 273
- Марк Аврелий *см.* Аврелий Марк
- Маркграф (Марграф) Андрей Сигизмунд (1709–1782), нем. химик Ф. 329
- Маркези Лунджи (1755–1829), итал. певица Ф. 306
- Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799), франц. писатель 43; 129; Ф. 94
- Мартынов Иван Иванович (1771–1833), гос. деятель, педагог, переводчик, издатель 52
- Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682), гос. деятель, боярин, приближенный царя Алексея Михайловича, убит в 1682 г. во время стрельцкого бунта 26
- Матюшкина Анна Алексеевна (1722–1804), гр., статс-дама 128; Ф. 93
- Мельгунов Николай Александрович (1804–1867), публицист, критик 14
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), гос. и воен. деятель, генералиссимус, ближайший сподвижник Петра I, светлейший кн. с 1707 г. 34, 39, 66, 74, 75, 83–88; Ф. 9, 18, 20, 26, 31–39

- Меншикова Мария Александровна (в тексте Катерина) (1711–1729), кн., невеста Петра II 86, 88; Ф. 36, 38
- Мешуков см. Мишуков З.Д.
- Мешед Феодорик де, врач в Майнце Ф. 264
- Миллер Герард Фридрих (1705–1783), историк, издатель, в России с 1725 г. 22
- Мильтон Джон (1608–1674), англ. политич. деятель, поэт Ф. 279
- Миних Бурхард Крестов (1683–1767), гр., воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал, на рус. службе с 1721 г. В 1742 г. был сослан Елизаветой Петровной, в 1762 г. – возвращен из ссылки Петром III 99, 101; Ф.52, 55, 274
- Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749–1791), гр., деятель Великой франц. революции Ф.325
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848), ген.-лейт., воен. историк 8, 24, 42
- Мишуков (Мешуков) Захар Данилович (1684–1762), адмирал с 1757 г. 77, 78; Ф.24
- Моисеева Галина Николаевна, сов. литературовед 49
- Моисей (библ.) Ф.122, 164, 245
- Монс Анна Ивановна (ум. 1714), фаворитка Петра I 82; Ф. 29
- Монс Виллим Иванович (1688–1724), камергер, фаворит Екатерины I, в 1724 г. казнен 38, 83; Ф. 31
- Монтескье Шарль Луи (1689–1755), франц. просветитель, правовед, философ Ф.151
- Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), гр., гос. и обществ. деятель, адмирал 14, 41
- Морфей (миф.) Ф.109
- Муравьев Никита Михайлович (1796–1843), декабрист 40, 53
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, гр., гос. и воен. деятель, участник Северной войны 79; Ф.26
- Мухаммед, Магомет (ок. 570–632), основатель ислама Ф. 154, 245
- Мухомин Венедикт Александрович (1876–1937), историк, публицист 32
- Нагой Афанасий (Афанасей) Федорович (ум. после 1591), дипломат, думный дворянин, в 1563–1574 гг. – посол в Крыму 36,70; Ф.15
- Надеждин Николай Иванович (1804–1856), критик, журналист, издатель Ф.Х
- Нарышкин Александр Львович (1694–1746), гос. деятель, двоюродный брат Петра I, в 1741 г. – член следственной комиссии над Минихом, Остерманом, Головкиным и др. Пользовался большим почетом при дворе Елизаветы Петровны 103; Ф.58
- Нарышкин Лев Александрович (1733–1799), обер-штальмейстер, фаворит Петра III 116, 117; Ф.76, 77
- Нарышкина Мария Павловна (1728–1793) 124; Ф.87
- Нарышкины, дворянский род 86, 103; Ф.35, 58
- Наталья Алексеевна (1714–1728), вел. кн., сестра Петра II 87, 88; Ф.36,38
- Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина) (1651–1694), вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I 102; Ф.57
- Наумбург Иоанн Бертам (Вертам) де, богослов в Майнце Ф.264
- Невтон см. Ньютон И.
- Неплюев Николай Иванович (1731–1784), гос. деятель, с 1763 г. – вице-президент Коммерц-коллегии, с 1777 г. – сенатор 26
- Несторий (ум. ок. 451), константинопольский патриарх в 428–431 гг., основатель религиозного течения, получившего название несторианство, осужденного как ересь на Эфесском соборе в 431 г. Ф.259

- Никифоров Леонид Алексеевич, сов. историк 38
Николай I (1796–1855), имп. с 1825 г. 10
Никон (в миру Минов Никита) (1605–1681), патриарх с 1652 г. Ф.208
Новиков Николай Иванович (1744–1818), просветитель, писатель, журналист, издатель 18, 45, 47, 49, 50
Нума Помпилий, согласно античной традиции второй царь Древнего Рима в 715–673/672 г. до н.э. Ф.245, 256
Ньютон (Невтон) Исаак (1643–1727) Ф.260
- Огарев Николай Платонович (1813–1877) 3, 4, 6–9, 14, 19, 21, 56.
Одоевский Иван Васильевич (ум. 1764), кн., гос. деятель 76; Ф. 22
Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807/08), гр., ген.-аншеф, ген.-адмирал, один из активнейших участников дворцового переворота 1762 г., в 1770 г. получил титул гр. Чесменского 10, 11, 120; Ф. XI, 80, 81
Орлов Владимир Николаевич, сов. литературовед 51
Орлов Григорий (Григорей) Григорьевич (1734–1783), гр., ген.-фельдцейхмейстер, первый през. Вольного экономического об-ва, активнейший участник дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II 10, 119, 129; Ф. XI, 80, 94
Орлов Григорий (Григорей) Никитич (ум. 1803), камергер, гофмаршал 124; Ф. 87
Орлов Федор Григорьевич (1741–1796), гр., ген.-аншеф, сенатор Ф. 80, 81
Орловы, дворянский и графский род 121; Ф. X, 80, 81
Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (1686–1747), гр., гос. деятель и дипломат. На рус. службе с 1703 г., в 1727–1730 гг. воспитатель Петра II, с 1731 г. – фактически стоял во главе внешней и внутренней политики России. После дворцового переворота 1741 г. был предан суду, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Березов, где и умер 37, 79, 98, 99, 101; Ф. 26, 51, 52, 55
Отрепьев Григорий Богданович (ум. 1606), самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, сына Ивана IV, царь в 1605–1606 гг. 36, 69; Ф. 12
- Павел I (1754–1801), имп. с 1796 г. 8, 20; Ф. 105
Павленко Николай Иванович, сов. историк 39
Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908), историк 57
Панин Никита Иванович (1718–1783), гр., гос. деятель и дипломат, воспитатель Павла I, активный участник дворцового переворота 1762 г., ближайший советник Екатерины II по внешнеполитическим делам, в 1763–1781 гг. – стоял во главе Коллегии иностранных дел, принадлежал к оппозиционной партии крупной аристократии, стремившейся к некоторому ограничению самодержавной власти 14, 35, 120, 128; Ф. X, 80, 93
Панин Петр Иванович (1721–1789), гр., воен. деятель, ген.-аншеф, брат Н.И. Панина, участник Семилетней и рус.-турецкой войны 1768–1774 гг., в 1770 г. – в отставке, один из членов оппозиционной правительству партии крупной аристократии. В июле 1774 г. был назначен командующим карательными войсками, действовавшими против Пугачева 35, 120; 80
Панины см. Панин Н.И. и Панин П.И.
Перун (миф.) Ф. 164
Петр I Великий (1672–1725), царь с 1682 г., с 1721 г. – имп. 8, 22, 24, 26, 29, 33, 34, 36–40, 63, 66, 70, 75, 79–87, 89, 91, 92, 95, 96, 100, 102, 108, 115; Ф. V, 5, 9, 14–16, 20, 21, 25, 27–36, 40, 42, 43, 47, 48, 54, 56, 64, 74, 75, 114, 328

- Петр II Алексеевич (1715–1730), имп. с 1727 г. 26, 34, 39, 83–85, 88, 91, 96; Ф. 30, 33, 34, 38, 42, 49
- Петр III Федорович (1728–1762), имп. с 1761 г. 34, 41, 42, 116–118, 121; Ф. 75, 77, 79, 83
- Петрунина Нина Николаевна, сов. литературовед 40
- Пештич Сергей Леонидович, сов. историк 22, 32
- Пиндар (ок. 518–442 или 438 до н.э.), др.-греч. поэт Ф. 326
- Питт Уильям Старший (1708–1778), англ. гос. и политич. деятель, лидер группировки вигов, сторонников колониальной экспансии Ф. 325
- Платон (428/27–348/47 до н.э.), др.-греч. философ 151; Ф. 329
- Плимак Евгений Григорьевич, сов. философ 51
- Плутарх (ок. 45–ок. 127), др.-греч. писатель и историк 35
- Пнин Иван Петрович (1773–1805), просветитель, поэт, публицист 51
- Полежаев Александр Иванович (1804–1838), поэт 7
- Полкан (*миф.*) Ф. 129, 303
- Полоцкий Симеон см. Симеон Полоцкий
- Понятовский Станислав Август (1732–1798), последний польский король в 1764–1795 гг., избранный при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II 42, 43, 127; Ф. 91
- Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), светлейший кн. Таврический, гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал, активнейший участник дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II 112, 121, 124; Ф. X, XI, 70, 83, 86, 87
- Прасковья Александровна см. Брюс П.А.
- Прасковья (Парасковья) Клементьевна, нянька А.Н. Радищева Ф. 149
- Прозоровский Александр Александрович (1732–1809), кн., гос. и воен. деятель, с 1790 г. – главнокомандующий в Москве, в 1797 г. – в отставке 24
- Прозоровский Петр Иванович (ум. 1718), кн., боярин, гос. деятель времен Петра I 36, 71; Ф. 15
- Прокопович Феофан (1681–1736), церковный и политич. деятель, писатель, историк 38, 79, 80, 93, 94; Ф. 27, 45, 46
- Протагор (ок. 480–ок. 410 до н.э.), др.-греч. философ, основатель школы софистов Ф. 256
- Птоломей (Птоломей) II Филадельф, царь еллинистического Египта в 285–246 гг. до н.э. 42, 122; Ф. 84
- Пугачев Емельян Иванович (1740/1742–1775), предводитель Крестьянской войны в России в 1773–1775 гг. 8, 48; Ф. 80, 105, 213
- Пуле Михаил Федорович (1822–1885), педагог, писатель 46
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 7, 9–11, 17–19, 24, 25, 36, 37, 39, 40, 42, 44–48, 53–55; Ф. VII, 103, 105, 106
- Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), историк, литературовед, академик 32
- Радигер см. Ридигер А.
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802) 3–12, 17–21, 24, 31, 33, 43–58, 131; Ф. V, VI, XIV, 103–106
- Радищев Николай Александрович (1778–1829), сын А.Н. Радищева 49, 52, 53, 54
- Радищев Павел Александрович (1783–1866), сын А.Н. Радищева 47, 49, 55, 56
- Разумовский (Разумовской) Алексей Григорьевич (1709–1771), гр., гос. и воен. деятель, фаворит, а с 1742 г. – муж Елизаветы Петровны, после дворцового переворота 1741 г. – камергер и ген.-поручик, с 1756 г. – фельдмаршал, с 1762 г. – в отставке 102, 107, 113; Ф. 56, 63, 71

- Ранцовы (Рапцовы), рус. дворянский род 116; Ф.75
Расин Жан (1639–1699), франц. драматург Ф.279
Рахманинов Иван Герасимович (ок. 1755–1807), издатель, переводчик 43
Рейналь (Реналь) Гийом Томас Франсуа (1713–1796), франц. историк и социолог, остро критиковавший феодально-абсолютистские порядки, католическую церковь и колониализм 18, 50; Ф.126, 329
Рейхель Мария Каспаровна (1823–1916), близкий друг семьи Герцена 5
Репнин Михаил (Михайла) Петрович (ум. 1564), кн., боярин, воевода 36, 69; Ф. 13
Репнин Никита (Аникита) Иванович (1668–1726), кн., воен. и гос. деятель времен Петра I, ген.-фельдмаршал 115; Ф.75
Репнины (Репнинские), рус. дворянский род 70, 115; Ф. 75
Риверс, лорд, переводчик Ф.269
Ридигер (Радигер) Андрей (1673–1731), нем. философ Ф. 329
Римский-Корсаков Иван Николаевич (1754–1831), ген.-майор, флигель-адъютант 121; Ф.83
Робертсон (Роберт) Уильям (1721–1793), англ. историк Ф. 329
Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640–1717), кн., гос. деятель, сподвижник Петра I 37
Ростовцев Яков Иванович (1803/04–1860), гр., гос. деятель, ген.-адъютант, деятель крестьянской реформы 1861 г. 37
Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), гр., гос. деятель, в 1812 г. – московский ген.-губернатор 14
Рубинштейн Николай Леонидович (1879–1963), сов. историк 32
Рукин, сын кн. Долгорукова Василия Владимировича 116; Ф.75
Румянцев Александр Иванович (1679/1680–1749), гр., гос. деятель и дипломат, сподвижник Петра I, отец П.А. Румянцева-Задунайского 26
Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796), гр., гос. деятель, полководец, ген.-фельдмаршал 26
Румянцева Мария Андреевна (1698–1788), гр., статс-дама, мать П.А. Румянцева-Задунайского 26
Руссо Жан Жак (1712–1778), франц. философ и писатель 18
Рустам-Заде Экмфира Пашевна, сов. литературовед 23, 31–33
Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), поэт, декабрист 7, 18, 19, 36; Ф. VII
Рюрик, согласно летописной традиции, кн. новгородский с 862 г., родоначальник рус. княжеской династии Рюриковичей 22; Ф.113
Сакулин Павел Никитич (1868–1930), сов. литературовед 46
Салтыков (Солтыков) Василий (Василей) Федорович (1675–1755), гр., гос. деятель, при Анне Ивановне ген.-адъютант и ген.-полицеймейстер в Петербурге 76, 101, 103; Ф.22, 56, 58
Салтыков (Солтыков) Петр Семенович (1696–1772/73), гр., ген.-фельдмаршал, в 1764–1771 гг. ген.-губернатор Москвы 94, 101; Ф. 45, 56
Салтыкова (Солтыкова) Прасковья Юрьевна (урожд. Трубецкая), гр., статс-дама Анны Ивановны и Елизаветы Петровны 94; Ф.45
Салтыковы, рус. дворянский и графский род 94; 45
Самойлов Николай Борисович (ум. 1791), гр., гос. деятель 26
Самсон (Сапсон) (библ.) Ф.288
Сахаров, камердинер Екатерины II 125; Ф.88
Сведенборг (Шведенборг) Эммануил (1688–1772), швед. философ, писатель, поэт-мистик Ф.152

- Свентославский Зено (род. 1811), участник польск. национально-освободительного движения, эмигрировал в Англию, издатель, публицист 5
- Светоний Гай Транквилл (ок. 70—ок. 140), рим. историк и писатель Ф. 256
- Севоложский С.А. см. Всеволожский В.А.
- Семевский Василий Иванович (1848/49—1916), историк, редактор журнала "Голос минувшего" 32
- Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк, журналист, издатель журнала "Русская старина", корреспондент Вольной рус. типографии 21; 29, 31, 32
- Семенников Владимир Петрович, сов. историк и литературовед 46
- Сенека Луций Анней (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.), рим. политич. деятель, философ, писатель Ф. 257
- Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629—1680), церковный и обществ. деятель, писатель, поэт, драматург, воспитатель детей Алексея Михайловича Ф. 322
- Симский (Сицкий)-Хабаров, кн. 69; Ф. 13
- Скавронская А.К. см. Воронцова А.К.
- Скавронские, графский род с 1727 г. 102; Ф. 57
- Скворцов Ермолай Иванович, сын кучера, служил при малом дворе цесаревны Елизаветы Петровны, после ее воцарения стал камергером 103; Ф. 58
- Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (ум. 1573), гос., воен. и политич. деятель времен Ивана Грозного, думный дворянин с 1570 г. 69; Ф. 13
- Слепцов Александр Александрович (1836—1906), революционер, один из организаторов и руководителей "Земли и воли" 1860-х гг., с 1868 г. — педагог и журналист 47
- Смирнов, цензор 56
- Сократ (470 или 469—399 до н.э.), др.-греч. философ Ф. 164, 197, 256
- Солнцев Засекин Борис Петрович, кн., окольничий 82; Ф. 30
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, академик 39, 41
- Солодкий Б.С., сов. философ 35
- Солон (между 640 и 635—ок. 559 до н.э.), политич. деятель и социальный реформатор Афин Ф. 156
- Солтыков В.Ф. см. Салтыков В.Ф.
- Солтыков П.С. см. Салтыков П.С.
- Солтыкова П.Ю. см. Салтыкова П.Ю.
- Сопник Василий Степанович (1765—1818), библиограф 52
- Софья Алексеевна (1657—1704), царевна, в 1682—1689 гг. правительница государства при двух малолетних братьях-царях: Иване V и Петре I 36
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), гр., гос. деятель 14
- Спиридов Михаил Матвеевич (1796—1854), декабрист, внук М.М. Щербатова 27
- Станкевич Александр Владимирович (1821—1912), писатель 46
- Станкевич Елена Константиновна (1825—1904), жена А.В. Станкевича 5
- Стединг см. Штединг К.-Л.
- Стенник Юрий Владимирович, сов. литературовед 49
- Степанов Владимир Петрович, сов. литературовед 49
- Стефан III (IV), папа римский в 768—772 гг. Ф. 260
- Страффорд Томас Энтворт (1593—1641), гр., англ. гос. и политич. деятель, ближайший советник Карла I, казнен в 1641 г. Ф. 269
- Стрешнев Тихон Никитич (1649—1719), боярин, сенатор, с 1689 г. пользовался особенным доверием Петра I 37, 75; Ф. 20

- Строганов (Строгонов) 76; Ф. 22
Стюарты, королевская династия в Шотландии (1371–1741) и в Англии (1603–1649, 1660–1714) 38
Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), издатель, журналист 57
Суворов Александр Васильевич (1729/30–1800) Ф. XII
Сулла см. Корнелий Сулла
Сумароков Александр Петрович (1717–1777), писатель, поэт, драматург, первый директор рус театра Ф. 278, 279, 328
Сумароков Петр Спиридонович (1709–1780), воен. деятель, ген.-аншеф 93; Ф. 44
Талызин Иван Лукьянович (1700–1777), адмирал, участник дворцового переворота 1762 г. 114, 124; Ф. 73, 87
Тараканова Елизавета (ок. 1745–1775), выдавая себя за дочь Елизаветы Петровны, претендовала на рус. престол, в 1775 г. заключена в Петропавловскую крепость Ф. XI
Татаринцев Александр Григорьевич, сов. литературовед 51
Татищев Алексей Данилович (1699–1760), ген.-аншеф, ген.-полицеймейстер Петербурга 116; Ф. 75
Татищев Василий Никитич (1686–1750), гос. деятель, историк 37, 78, 93; Ф. 25, 45
Тацит Публий Корнелий (ок. 58–ок. 117), рим. историк, писатель Ф. XI, 150, 258, 329
Тель Вильгельм, герой швейц. нар. легенды Ф. 281
Теплов Григорий Николаевич (1711–1779), гос. деятель, участник дворцового переворота 1762 г., в 1762–1763 гг. – секретарь Екатерины II Ф. 103
Тиберий (42 до н.э.–37 н.э.), рим. имп. с 14 г. Ф. 258
Тит Ливий см. Ливий Тит
Тоди Мария Франциска Лючия (1748–1793), итал. певица Ф. 306
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) 32
Толстой Петр Андреевич (1645–1729), гр., гос. деятель, дипломат 83; Ф. 31
Третьяковский (Тредьяковский, Третьяковский) Василий Кириллович (1703–1768), писатель, поэт, переводчик Ф. 279
Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1754–1829), гос. деятель, в 1793 г. – статс-секретарь Екатерины II, в 1802–1807 гг. – министр уделов, в 1814–1817 гг. – министр юстиции 54
Трубецкой Иван Юрьевич (1667–1750), кн., боярин, фельдмаршал 115; Ф. 75
Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1767), кн., гос. деятель, ген.-фельдмаршал, в 1740–1760 гг. – ген.-прокурор 39, 89, 94, 102; Ф. 39, 45, 56, 57
Трубецкие, рус. княжеский род 74; Ф. 18
Трюбнер Николай (1817–1884), англ. издатель и книготорговец 5, 6
Тургенев Александр Иванович (1784–1845), обществ. деятель, писатель, историк 20
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) 19
Тургенев Николай Иванович (1789–1871), декабрист 53
Уваров Сергей Семенович (1786–1855), гр., гос. деятель, в 1818–1855 гг. през. АН, в 1833–1849 гг. – министр нар. просвещения 52, 54, 55
Урусова Елена Васильевна, кн. 112; Ф. 69
Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), историк 37
Ушаков Степан Федорович (р. 1705), писатель, гос. деятель 115; Ф. 74

- Ушаков Федор Васильевич, секретарь Г.П. Теплова, друг А.Н. Радищева
Ф. 103, 104
- Фалеев, купец 126; Ф. 90
- Федор Алексеевич (1661–1682), царь с 1676 г. Ф. 114
- Федосов Иван Антонович, сов. историк 32, 35
- Феодосий II (ок. 401–450), имп. Византии с 408 г., в 431 г. созвал Эфесский собор, на котором было осуждено несторианство Ф. 259
- Филарет (в миру Федор Никитич Романов) (ок. 1554/55–1633), церковный и политич. деятель, патриарх в 1608–1610 гг. и с 1619 г. 14
- Фокс Чарльз Джеймс (1749–1806), англ. политич. деятель, лидер радикального крыла вигов, осуждал войны против сев.-ам. колоний и революционной Франции Ф. 325
- Фонвизин Денис Иванович (1744/45–1792), писатель, драматург 8, 9, 18, 32, 35, 50
- Франклин Бенджамин (Вениамин) (1706–1790), амер. гос. деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США 1776 г. и конституции 1787 г. Ф. 105, 330
- Фридлиндер Георгий Михайлович, сов. литературовед 40
- Фридрих Вильгельм II (1744–1797), прус. король с 1786 г. Ф. 153, 272
- Фукс, повар Елизаветы Петровны 113; Ф. 72
- Фурсенко В.В., историк 32
- Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), писатель, драматург Ф. 278
- Хитрово А.Ф. см. Ягужинская А.Ф.
- Хогарт (Гогарт) Уильям (1697–1764), англ. художник Ф. 168
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), философ, публицист, поэт, славянофил 12
- Храповицкий Александр Васильевич (1749–1801), гос. деятель, в 1783–1793 г. – один из статс-секретарей Екатерины II Ф. 105
- Христос (Июзуа, Иисус) (библ.) 136; Ф. 155, 277
- Хекельшнейдер Е., совр. нем. историк 52
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н.э.), рим. гос. и политич. деятель, полководец, писатель 35, 61; Ф. 3, 199
- Цигенгейст Герхард, совр. нем. историк 52
- Цицерон Марк Тулий (106–43 до н.э.), рим. политич. деятель, оратор, писатель, 150; Ф. 257, 325, 326
- Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947), литературовед 54
- Ч. см. Челищев П.И.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) 27, 30
- Чеглоков см. Чоглоков Н.Н.
- Чеглокова см. Чоглокова Е.Н.
- Челищев Петр Иванович (1745–1811), университетский товарищ А.Н. Радищева Ф. 118
- Черкасов Иван Антонович (1692–1752), барон, гос. деятель, кабинет-секретарь Петра I 65; Ф. 8
- Черкасская В.А. см. Шереметева В.А.
- Черкаский Алексей Михайлович (1680–1742), кн., гос. деятель, в 1730 г. стоял во главе дворянской оппозиции "верховникам", с 1731 г. – кабинет-министр, в 1740–1741 гг. – канцлер, президент Коллегии иностранных дел 34, 93, 94, 105; Ф. 45, 46, 60

- Черкасский Андрей Михайлович см. Черкасский Алексей Михайлович
Черных Вадим Алексеевич, сов. историк 6
Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784), гр., гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 117; Ф. 77
Чернышев Иван Григорьевич (1726–1797), гр., гос. и воен. деятель, дипломат, брат З.Г. Чернышева 105, 123; Ф. 60, 86
Чернышева (урожд. (Ефимовская), гр., жена И.Г. Чернышева 105; Ф. 61
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) 27, 45
Чечерин Н.И. см. Чичерин Н.И.
Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927), историк 25, 32
Чистович Илларион Алексеевич (1828–1893), писатель, историк 38
Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, историк, философ 14
Чичерин (Чечерин) Николай Иванович (ум. 1782), ген.-аншеф, ген.-полицей-мейстер Петербурга 43, 128; Ф. 93
Чоглоков (Чеглоков) Николай Наумович (1718–1754), камергер 103; Ф. 57
Чоглокова (Чеглокова) Елизавета Николаевна, двоюродная племянница Елизаветы Петровны 117; Ф. 77
Чулков Василий Васильевич, придворный истопник цесаревны Елизаветы Петровны, после ее воцарения стал камергером, в 1762 г. – уволен в отставку в чине генерала 103; Ф. 58
Шаховская Наталья Дмитриевна, кн., жена декабриста Ф.П. Шаховского, внучка М.М. Щербатова 27, 30
Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), кн., литературовед, внук декабриста Ф.П. Шаховского, праправнук М.М. Щербатова 19, 24, 31, 32, 35
Шаховской Федор Петрович (1796–1829), кн., декабрист 27
Шаховские, княжеский род 27
Шванвич Александр Мартынович (1726/1727–1792), майор, комендант Кронштадта, отец М.А. Шванвича 10, 11; Ф. 80, 81
Шванвич Михаил Александрович (1749–1802), подпоручик, попав в плен к Пугачеву, перешел на его сторону, по приговору Сената, как сподвижник Пугачева, был лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь, где и умер Ф. 81
Шведенборг см. Сведенборг
Шекспир Уильям (1564–1616) Ф. IX, 279
Шепелева М.Е. см. Шувалова М.Е.
Шереметев Борис Петрович (1652–1719), гр., ген.-фельдмаршал, сподвижник Петра I 36, 71, 74–76, 105; Ф. 15, 18, 20, 22, 60
Шереметев Петр Борисович (1713–1788), ген.-аншеф, ген.-адъютант, сын Б.П. Шереметева 22, 104; Ф. 60
Шереметева Анна Яковлевна, гр. 112; Ф. 69
Шереметева Варвара Алексеевна (урожд. Черкасская) (1711–1767), гр., статс-дама 93, 105; Ф. 45, 60
Шешковский (Шишковский) Степан Иванович (1719/20–1794), гос. деятель, в 1757–1762 гг. – секретарь Тайной канцелярии с 1767 (фактически с 1762 г.) – обер-секретарь Тайной экспедиции Ф. 105
Шигин Н.А., издатель и книготорговец 56
Штединг (Стединг) Курт Людвиг Божислав Кристов, барон, швед. дипломат, в 1792–1811 гг. – посол в России 20
Штейнгель Владимир Иванович (1783–1862), барон, декабрист 53
Штурм Георгий Петрович, сов. писатель 50

- Шувалов Александр Иванович (1710–1771), гр., ген.-фельдмаршал, участник дворцового переворота 1741 г., в 1746–1763 гг. – начальник Тайной канцелярии; брат П.И. Шувалова 103, 106; Ф. 58, 62
- Шувалов Иван Иванович (1727–1797), гос. деятель, ген.-адъютант, фаворит Елизаветы Петровны, первый куратор Московского ун-та, през. Академии художеств 105, 108; Ф. 61, 64
- Шувалов Иван Максимович Старший (ум. 1736), гос. деятель, ген.-майор, отец А.И. и П.И. Шуваловых 106; Ф. 62
- Шувалов Петр Иванович (1710–1762), гр., гос. деятель, ген.-фельдмаршал, ген.-фельдцейхмейстер, участник дворцового переворота 1741 г., при Елизавете Петровне фактически стоял во главе правительства 25, 34, 41, 103, 106, 107, 111, 112; Ф. 58, 62, 68–70, 74
- Шувалова Мавра Егоровна (урожд. Шепелева) (1708–1759), фрейлина, а затем статс-дама, жена П.И. Шувалова 103; Ф. 58, 62
- Шуваловы, рус. дворянский и графский род 103, 106; Ф. 58, 62
- Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), литературовед, историк, издатель 57
- Щербатов Борис Сергеевич, кн., издатель сочинений М.М. Щербатова в 1896–1898 гг. 29
- Щербатов Дмитрий Федорович (Нефедьевич), кн., окольныйничий, воевода 35, 36, 68; Ф. 12
- Щербатов Иван Андреевич (1696–1761), кн., гос. деятель и дипломат 69; Ф. 12
- Щербатов Иван Дмитриевич (ум. 1829), кн., участник Отечественной войны 1812 г., внук М.М. Щербатова 27
- Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), кн., историк и публицист 3–13, 17, 19–44, 50, 59; Ф. V–IX, XI, XII, XIV, I–II
- Щербатов Михаил Юрьевич (1678–1738), кн., гос. деятель, ген.-майор, отец М.М. Щербатова 22
- Щербатов Павел Николаевич, кн. 109; Ф. 66
- Щербатов Савва Дмитриевич (ум. 1707), кн., воевода 35–36, 69; Ф. 12
- Щербатов Федор Федорович, кн. 106
- Щербатов Юрий (Юрья) Федорович (1629–1737), кн., окольныйничий, бригадир, дед М.М. Щербатова 69, 106; Ф. 13, 62
- Щербатова Аграфена Александровна, приближенная Анны Ивановны 97; Ф. 50
- Щербатова Елизавета Дмитриевна, кн., внучка М.М. Щербатова 27, 30, 31
- Щербатовы, княжеский род 24
- Щербина Николай Федорович (1821–1869), поэт, в 1854 г. – чиновник особых поручений при товарище министра нар. просвещения П.А. Вяземском 47
- Эгерия (Егерия) (миф.) Ф. 245
- Эйдельман Натан Яковлевич, сов. историк 6, 7, 9, 10, 13, 17
- Эллер (Елдер) Андрей, магистр словесности в г. Майнце Ф. 264
- Энгельгардт Лев Николаевич (1766–1836), ген.-майор, мемуарист 45
- Эдуард IV (1442–1483), англ. король с 1461 г. Ф. 269
- Эол (миф.) Ф. 303
- Юзефович Михаил Владимирович, 1802–1889, публицист, мемуарист 54
- Юпитер (миф.) Ф. 164
- Юстиниан I (482/483–565), визант. имп. с 527 г. Ф. 259
- Юшков (Ешков) Иван Иванович (ум. 1781), гос. деятель, с 1753 г. – главный

- судья судного приказа, с 1760 г. през. камер-коллегии, ген.-полицмейстер Петербурга, московский гражданский губернатор 111, Ф. 68
- Юшкова (Ешкова) Анна Федоровна, камер-фрау Анны Ивановны 97; Ф. 50
- Ягужинская Анна Федоровна (урожд. Хитрово), первая жена П.И. Ягужинского 38
- Ягужинский (Егузинский) Павел Иванович (1683–1736), гр., гос. деятель и дипломат, сподвижник Петра I, первый ген.-прокурор Сената 34, 38, 82, 93; Ф. 30, 44
- Яков I (1566–1625), англ. король с 1603 г., шотл. король (Яков VI) с 1567 г. Ф. 269
- Яковлев 111; Ф. 69
- Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912), историк, публицист, обществ. деятель, сын Е.И. Якушкина, внук декабриста И.Д. Якушкина 46
- Якушкин Евгений Иванович (1826–1905), юрист, этнограф, библиограф, сын декабриста И.Д. Якушкина, корреспондент А.И. Герцена 10, 11, 21, 45, 55
- Янус (*миф.*) Ф. V
- Ярослав Ярославич (1230–1271), вел. кн. с 1263 г. Ф. 158
- Corberon, франц. дипломат XVIII в. Ф. V

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ — Государственный исторический музей
ИС — "Исторический сборник Вольной русской типографии"
ЛОИИ СССР — Отдел рукописей Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
ЛН — "Литературное наследство"
ГПБ, ОР — Государственная публичная библиотека СССР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей
ИРЛИ, ОР — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Отдел рукописей
ПЗ — "Полярная звезда"
РЛ — "Русская литература"
РС — "Русская старина"
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЧОИДР — "Чтения в Обществе истории и древностей российских"

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	3
ОБ ИЗДАНИИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ "О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА И ПУТЕШЕСТВИЕ А. РАДИЩЕВА С ПРЕДИСЛОВИЕМ ИСКАНДЕРА"	5
"О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА И ПУТЕШЕСТВИЕ А. РАДИЩЕВА С ПРЕДИСЛОВИЕМ ИСКАНДЕРА". <i>Факсимильное воспроизведение</i>	I—XIV, I—II, 1—342
КОММЕНТАРИИ	
I. Введение Искандера [к книге "О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера"]	17
II. "Из письма, при котором мы получили рукопись М.М. Щербатова"	21
III. "О повреждении нравов в России" М. Щербатова	21
IV. Введение Искандера [к публикации "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева]	43
V. "Путешествие из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева	48
ПРИЛОЖЕНИЯ	
I. Сочинение М.М. Щербатова "О повреждении нравов в России" (под- линный авторский текст)	59
II. Текстологические разночтения первого прижизненного издания "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева и издания Вольной русской типографии	131
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	174

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ
В РОССИИ
КНЯЗЯ
М. ЩЕРБАТОВА
И ПУТЕШЕСТВИЕ
А. РАДИЩЕВА

Факсимильное издание

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р.И. Коробейникова*
Художник *Г.В. Дмитриев*
Художественный редактор *Н.Н. Власик*
Технический редактор *Г.П. Каренина*
Корректор *З.Д. Алексеева*

ИБ № 26869

Подписано к печати 19. 05. 83
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,2
Усл. кр.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 35,7
Тираж 15000 экз. Тип. зак. 640
Цена 4р. 40к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, •
Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90
4-я типография издательства "Наука"
630077, Новосибирск, 77
ул. Станиславского, 25

